

9171
И 45

А. И О Ф Ф Е

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
в 1917 г.

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1958

А. Е. И О Ф Ф Е

РУССКО-
ФРАНЦУЗСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ

В 1917 г.

(февраль — октябрь)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1958

ВВЕДЕНИЕ

Время от февраля до октября 1917 г. полно событий решающего исторического значения. «Своеобразие текущего момента в России,— сказано в знаменитых Апрельских тезисах В. И. Ленина,— состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»¹. Сложный путь, завершившийся победой Великой Октябрьской социалистической революции, был пройден большевистской партией и страной в невиданно короткий срок. В руках историков этой эпохи имеются бесценные источники — работы В. И. Ленина и материалы съездов и конференций Коммунистической партии. Владимир Ильич, руководивший подготовкой и проведением социалистической революции, в своих замечательных книгах, статьях для партийной печати, в докладах и выступлениях на съездах, конференциях, собраниях и митингах подверг всестороннему анализу все основные вопросы внутреннего и внешнего положения России.

В. И. Ленин глубоко изучил империалистическую стадию развития капиталистического способа производства, когда создаются все необходимые материальные предпосылки для социалистической революции и на повестку дня ставится вопрос о прорыве фронта империализма в его слабых звеньях.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 4.

Он создал теорию о возможности победы социализма в нескольких странах или в одной, отдельно взятой стране.

Ленин, большевистская партия доказали, что такой страной, где был возможен прорыв фронта империализма, была Россия, что наша страна была «узловым пунктом» империалистических противоречий.

Военно-феодалный империализм в России концентрировал в себе различные формы угнетения народа: и капиталистические, и феодальные, и колониальные. Несмотря на наличие в стране значительных пережитков феодализма, в России имелся развитой монополистический капитализм, который начал перерастать в капитализм государственно-монополистический. Концентрация производства была здесь большей, чем, например, тогда в США, а в промышленности решающую роль играли крупные монополистические объединения (Продамет, Продуголь и др.). Россия была объективно готова к социалистической революции. Эта мысль, конкретизировавшая учение о возможности победы социализма в одной стране, проходит красной нитью через выступления — печатные и устные — В. И. Ленина и его соратников.

Мировая война, в условиях которой был подготовлен и осуществлен прорыв фронта империализма в нашей стране, поставила — и это было неизбежно — проблемы внешней политики в центр внимания государств. Многие вопросы государственной политики в обстановке всемирной войны были связаны с внешнеполитической деятельностью. Экономические вопросы военного времени, сложность которых росла с каждым месяцем войны, заставляли правительства воевавших стран вести оживленные сношения со своими союзниками и с нейтральными государствами. Еще большее внимание вопросам внешней политики приходилось уделять воевавшим странам в связи с военными действиями. Дипломатическая деятельность правительств сражавшихся стран в военные годы включала в себя, кроме необходимых переговоров между союзниками по каждодневно возникавшим вопросам, непосредственно связанным с ведением войны, еще также сделки о «целях», «задачах» империалистической войны, об условиях будущего империалистического мира. Ленин указывал, говоря о послефевральской России, что внешняя политика страны «теперь в силу объективных

условий выдвинута на первый план...»¹ Диалектическая связь и взаимозависимость внешней и внутренней политики является столь же непреложным законом для периодов мировых войн, как и для других этапов истории. Однако для периода мировых войн характерно большое влияние внешней политики на внутреннее положение и внутривнутриполитическую деятельность правительства участвующей в войне страны. Так было и в период пребывания у власти Временного правительства.

Его империалистическая политика преследовала цель продолжения войны как в интересах английских, французских, американских империалистов, так и для осуществления агрессивных планов самой русской буржуазии. Министры Временного правительства рассчитывали использовать свержение царизма для активизации военных действий, дабы приблизить время дележа империалистической добычи.

Эту политику русских империалистов поддерживали меньшевики и эсеры. Они также рассчитывали использовать революцию в целях энергичного продолжения войны.

Своим личным активным участием в созданном 15 (2) мая 1917 г. коалиционном правительстве лидеры мелкобуржуазных партий завершили свой переход в лагерь контрреволюции. Противником империалистической политики правительства выступила одна только Коммунистическая партия. В характере войны со стороны России ничего не изменилось после прихода буржуазии к власти. Одна из задач, поставленных перед партией Апрельскими тезисами В. И. Ленина, состояла в том, чтобы «разъяснить неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильственным, миром *нельзя* без свержения капитала»². Такой мир мог быть результатом превращения войны империалистической в войну гражданскую. Он не мог прийти от простого втыкания штыка в землю.

Большевистская партия раскрывала трудящимся империалистический характер внешней политики Временного правительства, буржуазную, антинародную сущность этого правительства, разоблачала политику правящих классов перед массами. Партия не только показывала народу контрреволюционные цели внешней и внутренней политики бур-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 38.

² Там же, стр. 4.

жуазных министров, но и отвоевывала массы у Временного правительства и меньшевистско-эсеровских прихвостней. В борьбе за массы, за политическую армию революции, в деле собирания вокруг партии широких слоев трудового населения большевики использовали такой «уязвимый пункт» в деятельности противника, как продолжение ненавистной народу войны.

Одна из проблем внешней политики России в феврале—октябре 1917 г.—отношения между Россией и Францией в исторически кратковременный период пребывания у власти русской буржуазии — является темой настоящей работы.

И Россия и Франция входили в состав Антанты, одного из тех агрессивных блоков, который подготовил первую мировую войну.

Объединяясь для борьбы против конкурирующей группы держав, участники Антанты старались преодолеть внутренние конфликты. В 1891—1893 гг. был оформлен русско-французский союз, явившийся ответом на австро-германское соглашение.

Английская буржуазия, которая, как известно, никогда не любила воевать своими руками, долгое время маневрировала в поисках таких союзников, которых можно было бы использовать для осуществления агрессивных целей британского империализма.

В борьбе за сохранение первенствующего места в мире, в своих судорожных попытках предотвратить начавшееся в конце XIX в. ослабление британских колониальных и внешнеторговых позиций Англия особенно часто сталкивалась с молодым германским хищником. Англо-германские противоречия сыграли важнейшую роль в возникновении мировой войны. Антанта (тройственное согласие между Англией, Францией и Россией), как известно, сложилась окончательно в 1907 г., в противовес союзу между Германией и Австро-Венгрией¹.

В этой войне Россия нужна была английскому и французскому империализму прежде всего как поставщик пушечного мяса в вооруженной борьбе против конкурентов.

Наличие общих противников, равно как и союзных соглашений, не могло устранить противоречий между членами Антанты. Царизм в годы войны сталкивался не только с

---

¹ Примкнувшая вначале к этому объединению Италия (в силу чего оно называлось «Тройственным союзом») вскоре после начала войны вышла из союза, а затем присоединилась к странам Антанты.

противником, но и с империалистическими устремлениями своих союзников. Кроме большой войны на полях сражений, шла дипломатическая борьба за кулисами этой войны. Само царское правительство в ходе борьбы рассчитывало захватить Галицию, Турецкую Армению, Константинополь, выйти из войны усилившимся. Но этим захватнические аппетиты русских империалистов не ограничивались. Они надеялись после разгрома германо-австрийских войск отвоевать у Англии Персию и Персидский залив с выходом в открытый океан. «...При помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, — писал В. И. Ленин об агрессивных планах царского правительства, — чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.»¹

Однако условия для осуществления захватнических планов царизма становились все менее благоприятными.

Если в первые годы существования русско-французского военно-политического союза руководящая роль в нем принадлежала России, то с начала XX в. положение стало решительно меняться в пользу Франции; внутри союза обнаружилось неравноправие сторон. Глубокой подосновой и решающей причиной этого изменения было экономическое отставание России от партнеров, ее зависимость в финансово-экономическом отношении от Франции и Англии. Франции принадлежала значительная роль в эксплуатации русского рынка; французские империалисты вместе с английскими хозяйничали в решающих отраслях промышленности своего союзника: металлургической, каменноугольной, нефтяной и других. Царское правительство заключало за границей многочисленные займы, главным образом в Париже и Лондоне. Французская и английская буржуазия извлекала большие прибыли из эксплуатации народного хозяйства России. Вторжение в русскую экономику французского и английского капитала имело своим неизбежным следствием политическую и экономическую зависимость царской России от Франции и Англии.

Империалистическая война резко усилила эту зависимость России от западных партнеров, события войны убедительно показали, что ни царское, ни Временное правитель-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 115—116.

ство не было равноправным партнером в составе Антанты. Позиции этих правительств, царского и буржуазного, в борьбе империалистических интересов внутри Антанты постепенно слабели в силу военных поражений на фронтах, роста экономической разрухи в тылу, обострения классовой борьбы в России.

Внутри блока Антанты в военное время были споры и конфликты; операции на фронтах плохо согласовывались, что не могло не иметь своим результатом затягивание войны; не были устранены империалистические противоречия по ближневосточным вопросам. Однако там, где речь шла о давлении на Россию, о требованиях все новых и новых дивизий и полков и особенно о борьбе против русского революционного народа, французские и английские империалисты действовали, как правило, в полном контакте друг с другом.

Английская дипломатия была, несомненно, активнее французской. В системе Антанты Англия занимала ведущее место. Однако это обстоятельство несколько не исключает важности изучения отношений между Россией и другим членом Антанты — Францией.

Большая роль французского империализма в экономическом вторжении в Россию, его активное участие в нажиме на царское и Временное правительства по военным вопросам, в использовании русских материальных и людских ресурсов для своих захватнических целей и главное — борьба французских эксплуататорских классов против русской революции характеризуют тему, которой посвящена предлагаемая работа.

При рассмотрении конкретной истории взаимоотношений России и Франции в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую должны быть, конечно, учтены и большая политическая роль Англии в системе Антанты и быстро возрастающая роль американского империализма, претендента на мировое господство и, в частности, на руководство борьбой против революции в России, на захват решающих отраслей русского народного хозяйства.

Несмотря на то, что открытое вступление США в империалистическую войну состоялось лишь в апреле 1917 г., их роль в международных событиях 1914—1917 гг. была велика, независимо от формального «нейтралитета» в войне.

Невмешательство американской буржуазии в развертывавшуюся кровавую драму было лишь ширмой; США рас-

считывали основательно ослабить обе стороны, оказаться самым сильным государством к исходу войны, выдвинуться на решающие позиции среди империалистических государств. Американские монополисты преследовали в военные годы также и другую, более конкретную цель: при помощи поставок военных материалов в страны Антанты сделать отличный бизнес, стать кредитором ослабленной Европы.

Военные поставки из США, без которых французские и английские войска не могли успешно сражаться, имели не только военное и экономическое значение; поток изделий из-за океана ставил политику европейских хищников в растущую зависимость от планов и практических шагов той страны, которая оказывалась самой сильной.

Исследователю необходимо изучить взаимоотношения России и Франции по всем основным линиям: общеполитической, дипломатической, военной, экономической. Было бы ошибкой ограничиться рассмотрением только дипломатии, которая при всей ее важности служила лишь «техническим» средством для осуществления внешнеполитических империалистических мероприятий. В условиях продолжающейся войны взаимоотношения с Антантой по военным вопросам являлись важной частью внешней политики Временного правительства. Только некоторые из военных вопросов решались дипломатическими средствами. Анализ экономических взаимоотношений позволяет найти те важнейшие причины, которые объясняют в конечном счете зависимость политики русской буржуазии от Антанты. В русско-французских отношениях дипломатия занимает важное, но не единственное место.

Вопросы войны были органически связаны для империалистов Антанты с борьбой против революции. Ведь Россия поставляла на фронты империалистической войны многие миллионы солдат. Участие этой страны в вооруженной борьбе против конкурентов было чрезвычайно важно для союзников.

Империалисты Франции, Англии, США были кровно заинтересованы в получении из России прибылей для западных монополистических объединений и использовании ее вооруженной силы в войне против германских конкурентов.

Интересы эксплуататорских классов России теснейшим образом были связаны с интересами правящих клик Антанты. Все они находились в одном империалистическом

блоке. Выпадение России из этого блока принесло бы громадный ущерб англо-франко-американским империалистам. Но в 1917 г. их ожидала еще более страшная опасность.

Развитие революционных событий в нашей стране грозило уничтожить эксплуататорский строй на одной шестой части земного шара, прорвать цепь империализма. Пример русского народа оказывал революционизирующее влияние на трудящихся других стран, в том числе и Франции, и Англии, и США. Классовые интересы западных империалистов диктовали необходимость сохранения буржуазной власти в России. Ради достижения этой цели, превращавшейся в главную цель для империалистических правительств по мере роста сил революции, они вмешались во внутренние дела России.

Большевики готовили рабочий класс и трудовое крестьянство к борьбе за захват власти и ликвидацию эксплуататорского строя.

Политика партии опиралась на глубокое изучение объективных законов развития общества и была направлена к максимально полному использованию этих законов в интересах освобождения народных масс от ярма эксплуатации. Именно поэтому планы партии претворялись в жизнь, воплощались в реальные дела, ее политика соответствовала интересам широких народных масс и обладала величайшей действенной силой.

Наша страна оказалась слабым звеном в цепи империализма. На территории России и произошла грандиозная битва «низов» против «верхов», закончившаяся победой социалистической революции, имевшей огромное всемирно-историческое значение.

Характерное для изучаемых восьми месяцев сложное переплетение противоречивых интересов, острая классовая борьба внутри страны были predetermined уже ходом и исходом Февральской революции. Свержение царизма с точки зрения русских и англо-французских капиталистов должно было стать не более чем «малой революцией», нужной для того, чтобы предотвратить заключение сепаратного мира и активизировать военные усилия России, чтобы создать здесь «надежное» империалистическое правительство, способное подавить народные выступления.

Пролетариат же вместе с солдатами, с трудящимся крестьянством добивался коренного изменения внешней и внут-

ренной политики России, полной победы революции и прекращения несправедливой войны. И после Февральской революции продолжалась борьба двух клик империалистов, но главным в деятельности «верхов» постепенно становилась та борьба, которую развертывал мировой империализм против русского революционного народа. Русские капиталисты, продолжая воевать дальше на стороне Антанты, основного своего врага увидели не в германском империализме, а в пролетариате и его большевистской партии. Руководители Антанты, считая разгром русской революции своим «кровным» делом, помогали Временному правительству в его безуспешной борьбе против революции.

В России в феврале — октябре 1917 г. были два лагеря, две политики. «Верхи», державшие пока в своих руках государственный аппарат, а следовательно, и внешние сношения, желали, опираясь на помощь, прямую и косвенную, империалистических правительств США, Франции, Англии, удушить революцию.

Политика Коммунистической партии основывалась на учении Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и о возможности победы социализма в одной стране. В обстановке непрерывавшейся войны развертывалась борьба двух классовых сил по коренному вопросу революции — вопросу о власти, о дальнейших путях развития России.

В этой борьбе на стороне народов России находились прогрессивные силы Франции, политически активная часть рабочего класса, солдат, передовая группа интеллигенции. Французский народ приветствовал победу буржуазно-демократической революции в России, горячо сочувствовал справедливой борьбе рабочих и крестьян нашей страны под руководством большевиков за победу социалистической революции. Под влиянием русского примера передовые люди Франции активизировали свою антивоенную революционную борьбу. Изучение этой крепнувшей дружбы народов составляет одну из важных целей данной работы.

Классовому союзу империалистов противостояла солидарность трудящихся масс.

Борьба шла между двумя лагерями, а не тремя, как это пытались изобразить меньшевистско-эсеровские лидеры, претендовавшие на роль никогда не существовавшей «третьей силы».

Одной из задач, поставленных в работе, является анализ предательской роли правосоциалистических лидеров обеих стран в русско-французских отношениях.

При этом нельзя не учитывать, что значительная часть источников по избранной теме вышла из-под пера деятелей империалистического лагеря. Действительные цели и настроения, реальные мероприятия правительств России и Франции прикрывались демагогическими заявлениями, «цветами невинного красноречия». Дипломатические тексты, составлявшиеся министрами и послами, стали не столько выражать действительные мысли авторов, сколько служить средством сокрытия истины. Нужно снять всю словесную шелуху с тех документов, которые принадлежат правительственному лагерю. Это даст возможность вскрыть порочность, полную историческую несостоятельность позиции многих французских мемуаристов и историков, находивших, будто союз с Францией был «благодетельным» только для России. Факты показывают, сколь много дала Россия Франции в рассматриваемое время, сколь важен вклад русского солдата в достижение победы блоком Антанты.

Изучение русско-французских отношений в органической связи с внутренней политикой Временного правительства, с классовой борьбой в России и Франции, с поставленной империалистами США, Англии и Франции задачей удушения русской революции, анализ действительной роли классов и партий, сыгранной ими в истории этого времени, — все это раскрывает основной смысл внешней политики Временного правительства. Убедительный пример отношений между Россией и Францией воочию показывает всю глубину предательства русских государственных и национальных интересов со стороны буржуазии и помещиков, неспособность русской буржуазии вести самостоятельную политику, ее капитуляцию перед иностранными империалистами, поставившую нашу страну на грань катастрофы. Этот пример разоблачает национальную измену эксплуататорских классов России; вскрывает планы раздела «русской добычи», занимавшие умы руководителей США, Франции и Англии осенью 1917 г., стремившихся задушить русскую революцию и превратить нашу Родину в свою колонию. События 1917 г. с большой полнотой и убедительностью раскрывают величайшую освободительную и спасительную роль Великой Октябрьской социалистической революции,

роль истинных патриотов своего отечества — большевиков, ликвидировавших страшную опасность, нависшую над народами России в 1917 г.

* * *

Среди значительного количества книг, статей, документальных публикаций, посвященных историческому 1917 г., лишь немногие освещают вопросы международного положения России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, внешнюю политику Временного правительства. Слабо еще изучены отношения России с основными партнерами по Антанте — Францией и Англией.

Автор, разрабатывая историю русско-французских отношений в 1917 г., поставил перед собой задачу в меру возможностей выйти за рамки дипломатической истории, исследовать и экономические и военно-политические взаимоотношения между Россией и Францией при Временном правительстве. Первая глава не претендует на исчерпывающее освещение поставленных в ней вопросов, ибо носит вводный к основной теме исследования характер. Предметом изучения явились отношения не только между правительствами, но и между народами; в истории дружбы русских и французских трудящихся 1917 год является очень важной вехой.

ГЛАВА I

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (до февраля 1917 г.)

К тому времени, когда русская буржуазия дорвалась до власти, Россия находилась в состоянии большой экономической и политической зависимости от государств Антанты. Первая мировая война вскрыла наиболее тяжкие и унижительные формы этой зависимости, события самой войны только увеличивали подчиненность действий русского правительства интересам империалистических кругов Англии, Франции и США. Из Лондона и Парижа диктовали планы военных операций русских войск; в то время как поставки вооружения России не выполнялись, поставки «пушечного мяса» Россией перевыполнялись: сверх предусмотренного соглашениями и конвенциями количества войск царское правительство оказалось вынужденным в результате сильного нажима антантовских правительств послать войска во Францию и в Македонию.

Подобное положение России, равно как и резкое усиление зависимости от Антанты в 1914 и последующих годах, коренилось в экономической несамостоятельности русского империализма. Характеризуя зависимость его от французской и английской буржуазии, следует прежде всего отметить ту важную роль, которую играл иностранный капитал в народном хозяйстве Российской империи.

В России рассматриваемого времени было инвестировано значительное количество иностранных капиталов. Все заграничные вложения в русское народное хозяйство и банки делились на две большие группы: деньги, вложенные в основной капитал, и облигации, принадлежавшие ино-

странным владельцам¹. Общая сумма всех видов иностранных капиталовложений в России в 1917 г. исчислялась в 2 242 974,6 тыс. руб.; из них 88,6% (1 986 772 тыс. руб.) составляли вложения в основной капитал и 11,4% (256 202,6 тыс. руб.) — в облигации². Франция занимала первое место среди иностранных государств, имевших в России свои капиталы, — на ее долю приходилось 731 746,6 тыс. руб. в абсолютных цифрах и 32,6% всех заграничных инвестиций. Англия занимала второе место (507 479,8 тыс. руб., 22,6%).

Третье место занимали капиталы германского происхождения, замороженные во время войны, четвертое — бельгийские вложения. Американские капиталы находились на пятом месте (117 750 тыс. руб., 5,2%). Американские капиталисты стремились, особенно в период существования Временного правительства, потеснить своих конкурентов. 75% всех капиталов приходилось на долю стран Антанты, 20% — государств, воевавших против России, и 5% — нейтральных стран. Зависимое положение России было результатом еще и того, что крайне велик был удельный вес заграничных капиталов в решающих отраслях тяжелой промышленности страны. 54,7% всех вложений приходилось на предприятия горной промышленности и металлообрабатывающие (1 227 030,2 тыс. руб.). 259 430,9 тыс. руб. были вложены в строительные предприятия и городское недвижимое имущество, 237 200 тыс. — в кредитные учреждения, 192 494 тыс. руб. приходилось на текстильные фабрики, 83 593,2 тыс. — на химическую промышленность³. Французский империализм проник в важнейшие сферы русского народного хозяйства. Из принадлежавших ему 731,7 млн. руб. 644 075,1 тыс. составляли вложения в основной капитал промышленных предприятий и кредитных уч-

¹ Для характеристики роли иностранных капиталов в России использовано исследование П. В. Оля «Иностранные капиталы в России», П. 1922. Его выводы относятся к январю — февралю 1917 г. Отметим, что подсчеты Оля далеко не безупречны. Автор имеет тенденцию к преувеличению размеров участия иностранных капиталов в русской промышленности. Критический анализ подсчетов П. В. Оля дан И. Гиндиным («Русские коммерческие банки», М. 1948, стр. 395—403).

² П. Лященко («История народного хозяйства СССР», т. II, изд. 4, М. 1956, стр. 378), присоединяясь к цифрам П. Оля, считал, что общее количество акционерных капиталов в России к 1917 г. исчислялось в 5 млрд. долл., из которых около 34% приходилось на долю иностранного капитала.

³ П. В. Оля, Указ. соч., стр. 6—9.

реждений. В горную промышленность России буржуазия Франции поместила 317 099,1 тыс. руб. всех видов капиталовложений. Ее деньги оказались в 55 важных промышленных объектах. Наибольшие суммы были помещены в металлургические предприятия с доменными печами. На 16 предприятиях разместилось 139 184,3 тыс. руб. французских денег, 43,8% всех сумм, вложенных в горнозаводскую промышленность. Французские империалисты хозяйничали на юге страны, особенно в Донбассе. Им принадлежало 69,2% иностранных капиталов, действовавших в угольной промышленности Донецкого бассейна¹.

Предприятия, в которых участвовали французские капиталы, в 1913 г. выплавляли 172 млн. пудов чугуна из 283 млн. пудов, выплавленных всего в России за этот год (60,7%). Продамет, ведавший сбытом продукции металлургических предприятий, находился в значительной степени во французских руках.

Добыча угля каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, работавших при активном участии французского капитала, составляла в 1915 г. 669 682,1 тыс. пудов из 1 316,5 млн. пудов всего добытого угля, т. е. 50,9%. В Продугле (обществе для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна), концентрировавшем в своих руках 75% всей продукции Донбасса, решающее слово принадлежало французским империалистам, ибо они были здесь главными пайщиками. Их агенты занимали важные посты в директорате донбасских предприятий. Так, главным директором рудников «Русский провиданс» был француз Феррье². Правление синдиката Продуголь находилось в Париже, и даже устав его был написан на французском языке³.

¹ П. В. Оль, Указ. соч., стр. 10—11; Г. Д. Бакулев, Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна, Госполитиздат, 1955, стр. 150.

² Когда в 1914—1915 гг. об этом обществе много писали газеты в связи с тем, что его махинации и злоупотребления привлекли внимание харьковской прокуратуры, то посол Франции в Петрограде Палеолог обратился официально в министерство иностранных дел с требованием прекратить вмешательство в деятельность Продугля «блюстителей закона». Сазонов послушно исполнил требование французского дипломата, добился от председателя совета министров Горемыкина приказа харьковским судебным органам прекратить дело против Продугля. См. «Красный архив», т. 5 (XVIII), М.—Л. 1926, стр. 131—148.

³ См. Г. Д. Бакулев, Указ. соч., стр. 174. В Донбассе было также много иностранных инженеров и техников. См. М. А. Павлов, Воспоминания металлурга, М. 1945, стр. 282—287.

На третьем месте по сумме французских вложений в горнозаводскую промышленность России стояли нефтяные предприятия. Здесь было помещено 51 115,1 тыс. руб., почти исключительно в предприятия бакинского нефтяного района. Нефтяная промышленность в целом находилась в значительной зависимости от иностранных капиталистов, которым принадлежала $\frac{1}{2}$ всего акционерного капитала¹.

Следующая группа объектов русской промышленности, куда вкладывали свои капиталы французские империалисты, были предприятия по обработке металлов и машиностроению. В 36 заводах было помещено 158 427,7 тыс. руб., из них почти 41 млн. руб. — в 9 машиностроительных предприятиях².

Представители французского капитала стремились активно участвовать в деятельности русских военных предприятий. Значительная часть акций русского общества для изготовления снарядов и военных припасов «Парвийнен» принадлежала французам. Глава известного французского монополистического объединения Шнейдер пытался овладеть Путиловскими заводами. В 1911 г. между дирекцией «Общества Путиловских заводов» и Шнейдером было достигнуто соглашение о «техническом сотрудничестве». Шнейдер и Путилов составили обширный план расширения и реорганизации заводов для приспособления их к выполнению военных заказов царского правительства. Тот же Шнейдер добивался заказа от царских властей на коренное переоборудование Пермских казенных пушечных заводов и добился положительного решения совета министров царского правительства по этому вопросу³.

В начале первой мировой войны в министерстве торговли и промышленности был составлен список иностранных акционерных компаний, образованных по законам союзных и нейтральных государств и допущенных к производству операций в России. Из 197 компаний 50 были французские⁴.

¹ А. Ф. Яковлев, Экономические кризисы в России, М. 1955, стр. 241.

² П. В. Оль, Указ. соч., стр. 23—24.

³ См. об этом В. С. Зив, Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности, П. 1917, стр. 4. В. И. Бовыкин, Русско-французские отношения накануне первой мировой войны (1912—1914 гг.), рукопись кандидатской диссертации, стр. 277, 285, 317.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 584, лл. 19—25. Только в июле 1914 г. министерство торговли и промышленности высказалось за разрешение производить операции в России французским акционерным обществам: анонимное о-во заводов земледельческих машин и орудий в Рязани (Рос-

В управлении большинством металлургических предприятий царской России активно участвовали три крупнейших французских банка: «Banque de Paris et des Pays-Bas», «Societe generale» и «Banque de l'Union Parisienne». Эти же банки имели большое влияние в ряде других отраслей народного хозяйства России.

Банки были важными сферами приложения французских капиталов в России. Основной капитал коммерческих банков России на 1 января 1917 г. составлял 679,7 млн. руб., из которых 237,2 млн. принадлежали иностранному капиталу (34,9% всех вложений).

Французские финансовые корпорации занимали первое место среди иностранных монополий — им принадлежало 113,3 млн. руб. из числа основных капиталов коммерческих банков России, что составляло 47,6% всех иностранных вложений¹. Министерство финансов царского правительства занимало покровительственную позицию по отношению к большим финансовым вложениям западных империалистов в русские кредитные учреждения, фактически (а иногда и официально) гарантируя неприкосновенность их капиталов в России. Иностранные капиталы, помещенные в русские банки, сосредоточивались преимущественно в десяти самых крупных коммерческих банках, имевших к 1 января 1917 г. 420 млн. руб. акционерного капитала. Здесь западноевропейским империалистам принадлежало 45,2% всего основного капитала — 189,7 млн. руб. из 420 млн. Французские империалисты держали в своих руках 95,8 млн. руб. из 189,7 млн. иностранных вложений².

«Участие», а вернее господство заграничных банков в крупнейших банках Петрограда накануне войны распределялось следующим образом: французские банки 55%, английские — 10%, немецкие — 35%³.

Таким образом, значительная часть народного хозяйства России и прежде всего ведущих отраслей промышленности и банковского капитала находилась в руках иностранных империалистов. Наибольшие вложения падали на долю французской буржуазии. Среди парижских финансовых кругов, главным образом связанных с эксплуатацией колоний), анонимное о-во маслособойных заводов Рубэ в Одессе, анонимное о-во александровских заводов земледельческих машин и орудий (Россия). ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 13, д. 7, лл. 59, 63; д. 13, л. 69.

¹ П. В. Оль, Указ. соч., стр. 292.

² И. Ф. Гиндин, Русские коммерческие банки, стр. 372.

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 220.

ний, возникали проекты еще более широкого проникновения в народное хозяйство России. Осуществление этих планов привело бы к дальнейшему увеличению роли французских капиталов в России. Еще в марте 1915 г. в Париже под председательством сенатора Мелина была создана комиссия депутатов парламента и представителей промышленных кругов по разработке мероприятий, «направленных к развитию взаимных между Францией и Россией торговых отношений»¹. Предложения комиссии не основывались на принципе взаимной выгоды сторон; члены комиссии были озабочены только интересами французской буржуазии, они искали средства усилить проникновение французских капиталов на русский рынок.

Члены комиссии ратовали за широкий ввоз в Россию французских машин, электрического оборудования, сельскохозяйственных орудий, за вывоз во Францию сельскохозяйственного сырья. Будущие займы, по мнению французских предпринимателей, должны были выдаваться при соблюдении русским партнером жестких условий: 50% работ, намеченных в городах России, просивших заем, должны представляться французским фирмам и все оборудование, заказываемое за границей на производство работ, финансируемых с помощью Франции, нужно ввозить только из той же Франции. Предлагалось учредить в России французские коммерческие школы, в главнейших русских портах посадить французских экспертов для проверки качества вывозимых во Францию товаров, на русской территории создать ряд частных складов французских товаров. Все эти мероприятия должны были носить односторонний характер: русские торгово-промышленные деятели не получали взаимных прав. Россия также в одностороннем порядке должна была установить льготный таможенный тариф для союзных стран, а образцы товаров разрешить им ввозить вообще без всяких пошлин. Железнодорожные тарифы для перевозки французских товаров должны были быть понижены. Кроме того, в России, согласно предложениям комиссии, могли свободно действовать французские акционерные об-

---

¹ После создания комиссии при ней был образован совещательный комитет, всесторонне рассматривавший вопросы русско-французских деловых отношений. 7 мая 1915 г. на совместном заседании совещательного комитета и комиссии была обсуждена и одобрена обширная программа дальнейшего внедрения французских капиталов в русское народное хозяйство.

щества, вкладывать капиталы, приобретать предприятия без обязательства преобразовывать эти капиталы в русские. Все, что шло в Россию для предприятий, учрежденных на французские капиталы, должно было пропускаться без пошлин или в крайнем случае с пониженными пошлинами и опять-таки без взаимных прав для русской буржуазии, ибо если «когда-либо русское общество найдет во Франции капиталы, необходимые для своего предприятия, то французские промышленники получают не менее половины заказов». На какие-либо таможенные льготы для русских товаров, ввозимых во Францию, не было даже намека ¹.

Предложения комиссии Мелина были официально переданы царскому правительству, среди членов которого они встретили благосклонное отношение.

В связи с подготовкой материалов для экономической конференции союзников, состоявшейся в 1916 г. в Париже, французские предложения были изучены в министерстве торговли и промышленности и министерстве иностранных дел и признаны приемлемыми ².

Совещание по финансово-экономическим вопросам, организованное при совете министров, решило, что в основе инструкции русской делегации на конференции должно лежать положение «о желательности привлечения в русскую промышленность иностранного капитала и необходимости, в связи с этим, внесения соответствующих изменений в законодательство, а также в административную практику» ³.

Русские делегаты получили от царского правительства обстоятельную инструкцию, при составлении которой были широко использованы французские предложения.

«Одна из главных задач» русских делегатов на конференции заключалась в том, чтобы внушить союзникам, что «им

---

¹ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 572, лл. 11—12; АВПР, ф. II Департамент, I—5, «Война», д. 555, лл. 141—150.

² Министр иностранных дел Сазонов, формулируя свое мнение об инструкции для русских представителей на конференции, высказался за «наиболее широкий и обильный приток в страну» иностранных капиталов. АВПР, ф. II Департамент, I—5, «Война», д. 555, л. 93.

Сами русские империалисты так же стояли за привлечение в страну новых, значительных иностранных капиталов, как и их представители в царском правительстве. Об этом 3 марта 1916 г. писал в министерство финансов, по поводу программы экономических переговоров с Францией, А. Вышнеградский, выступая от имени русских банков. Там же, д. 192, лл. 30—31.

³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 189, л. 190.

надлежит оказывать России всемерную помощь, главным образом в виде прилива к нам иностранного капитала». Внимание союзников должно было быть обращено на «природные богатства России в виде леса, металлов, различных ископаемых, а также громадные запасы хлеба, хлопка, рыбы и проч., которые не могут быть использованы в полной мере собственными средствами».

В инструкции содержался пространный список тех отраслей народного хозяйства, куда «приглашались» западные империалисты. Здесь были химическая и электротехническая промышленность, горная промышленность и банковый кредит, орошение и осушение необрабатываемых земель и машиностроение. Были указаны и районы, «в кои особенно желателен прилив иностранных капиталов», — Сибирь, Туркестан, степные области, Кавказ.

Английские и французские представители на конференции должны были познакомиться и с многочисленными льготами, предоставляемыми иностранным капиталистам в целях стимулирования их вложений в русскую промышленность. Предполагалось уравнивать подданных союзных держав в правах с русскими подданными в деле участия в предприятиях и приобретении недвижимой собственности, а также облегчить создание новых акционерных обществ¹.

В подобном духе, хотя и в общей форме, принимались решения на самой конференции. Без конкретизации взаимных обязательств в них говорилось об обеспечении союзниками друг другу рынков сбыта, о предоставлении союзникам («по преимуществу перед другими») естественных богатств². В июне 1916 г. в Париже был образован комитет для организации банка, целью которого было руководить кооперацией промышленности России и Франции³. Создатели комитета, мотивируя свои действия, указывали на то, что эта идея «кооперации», т. е. в тогдашних условиях подчинения русской промышленности французской, как обладающей большими капиталами, большей организованностью и поддержкой со стороны правительства, того подчинения, которое для

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 190, лл. 38—40.

Предложенные районы, особенно Сибирь и Туркестан, вполне «устраивали» французских империалистов, ибо здесь они видели «обширное поле, открывающееся для деятельности капиталистов». Об этом говорилось на заседаниях комиссии Мелина. АВПР, ф. II Департамент, I—5, «Война», д. 555, лл. 149—150.

² См. «Правительственный вестник», 10 июня 1916 г.

³ См. «Красный архив», т. 3 (XVI), М.—Л. 1926, стр. 214.

маскировки подлинной цели формулировалось в таком невинном слове, как «кооперация», — эта идея «встретила серьезное сочувствие в промышленной и политической среде Парижа»¹.

Председателем комитета был избран Ноэль, директор общества морских перевозок. Членами его стали: главный директор компании Конго-Убанги Вебер, главный директор земледельческого общества для Африки Вивье де Стреель, промышленник Кларик де Вивье, плантатор и импортер африканского хлопка Гейзмар и др.² В комитет, таким образом, попали люди, занимавшиеся ограблением колоний и надеявшиеся округлить свои капиталы за счет народов России.

Программа деятельности комитета устанавливала первоначальный капитал банка в 25 млн. франков с задачей последующего увеличения до 100 млн. Цели нового учреждения свидетельствуют о попытке его создателей объединить в руках банка, как руководящего органа, деятельность французских империалистов в русской промышленности. Программа комитета включала такие пункты, как образование в Париже собрания уполномоченных русских и французских промышленников, как посредничество в закупке сырья, в операциях с другими банками и в валютных операциях, как принятие новым банком на себя ведения всех биржевых операций «кооперативов», которые комитет хотел создать, и монопольное право банка на участие во всех делах кооперантов, желающих увеличить свои капиталы, соединить их или образовать новые предприятия³.

Некоторые практические шаги в осуществлении своей программы комитет «кооперации промышленности Франции и России» предпринял во время пребывания русской делегации на экономической союзной конференции в 1916 г. Члены комитета беседовали с товарищем министра торговли и промышленности Прилежаевым, который (как указывалось в письме комитета совету съездов представителей торговли и промышленности от 1 июля 1916 г.) «одобрил программу комитета, советовал продолжать работу и войти в связь с советом съездов». Член русской делегации на конференции Рачковский, которого также посетили члены ко-

---

¹ См. «Красный архив», т. 3 (XVI), стр. 216.

² См. там же.

³ См. там же, стр. 215.

митета, обещал им содействие Шингарева ¹. После этого совету съездов представителей торговли и промышленности было предложено послать своих представителей в Париж для участия в выработке уставов будущего банка и намеченных к созданию франко-русских промышленных кооперативов и для распределения подписки на акции ². Совет съездов в своем ответе согласился с тем, что Россия должна быть поставщиком сырья для французской промышленности, он положительно оценил стремление французской буржуазии «помочь своими капиталами развитию естественных богатств России» и предложил выяснить характер и размер спроса на сырье, «... который мог бы быть предъявлен к нам Францией по окончании войны». Выдвигаемая членами совета съездов представителей торговли и промышленности программа должна была увековечить экономическую зависимость России от Франции, превратить русское государство в аграрно-сырьевой придаток индустриальной Франции. Представители империалистической Франции хотели хозяйничать и на транспорте: для расширения сети железных дорог, утверждали авторы, «предстоит сделать чрезвычайно много, и привлечение французских капиталов к железнодорожному строительству являлось бы крайне желательным» ³. Текст письма свидетельствует о неспособности и нежелании русской буржуазии бороться за независимость России от иностранного империализма.

Не обладая достаточно развитой тяжелой промышленностью (несмотря на большие капиталовложения иностранных империалистов), тогдашняя Россия не могла удовлетворить потребности страны в машинах и промышленном сырье внутренним производством. По данным, относящимся к 1912 г. (а в военные годы положение не улучшилось), Россия удовлетворялась собственным производством: паровых машин — на 12%, с.-х. машиностроения — на 46%, двигателей внутреннего сгорания — на 48%, электрических машин и принадлежностей к ним — на 65% ⁴.

Это был естественный результат общей экономической отсталости царской России. Хотя она занимала более 15%

---

¹ См. «Красный архив», т. 3 (XVI), стр. 212. Шингарев был в то время министром торговли и промышленности.

² См. там же, стр. 212—213.

³ Там же, стр. 217—218; ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 573, лл. 12—13.

⁴ Л. Эвентов, Иностранные капиталы в русской промышленности, М. — Л. 1931, стр. 70

всей площади земной суши и в России проживало тогда более 10% всего населения, на ее долю приходилось только 2,74% мировой добычи каменного угля, 6,19% выплавлявшегося чугуна, 4,4% производившейся меди ¹.

Работа русской промышленности находилась в прямой зависимости от иностранного ввоза, тем более что западные страны всячески препятствовали развитию в России машиностроения, этой материально-технической основы независимости страны ².

В характере внешней торговли России тоже видна была ее экономическая зависимость от западноевропейских империалистических государств. Беря сведения о внешней торговле за последний год существования царизма — 1916, необходимо отметить прежде всего сильное превышение ввоза (2 682,5 млн. руб.) над вывозом (579,3 млн. руб.). Пассивность торгового баланса выражалась внушительной цифрой в 2 103,2 млн. руб. против 751,1 млн. в 1915 г. Это можно объяснить последствиями войны и оккупации части территории Российской империи. Зависимое положение России обнаруживается при анализе статей ввоза. За 1916 г. в страну было привезено на 127,5 млн. руб. жизненных припасов, на 581,8 млн. руб. промышленного сырья и полуфабрикатов и на 1 006,6 млн. руб. готовых промышленных изделий. Франция по ввозу в Россию товаров в 1916 г. стояла на третьем месте — ею привезено товаров на сумму в 170,2 млн. руб. (Англией — на 616,2 млн. руб., США — на 422,4 млн. руб.)³

Лишь очень немногие представители правительства, без сомнения выражавшие интересы определенных кругов русской буржуазии, делали крайне робкие попытки увеличить промышленный потенциал страны без помощи иностранного капитала. Но и они действовали очень нерешительно.

---

¹ В. Э. Ден, Положение России в мировом хозяйстве, Пг. 1922, стр. 27.

² «Те машиностроительные предприятия, которые принадлежали иностранцам или находились под их контролем, носили по преимуществу сборочный характер и зависели от привоза частей из-за границы». Очерки истории СССР, 1907 — март 1917, под ред. проф. А. Л. Сидорова, М. 1954, стр. 51.

³ См. «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 15, 1917 г., стр. 13, 17. Поставки вооружения в приведенные цифры не включены. По французским данным, в 1916 г. вывоз из Франции в Россию составил по стоимости 889 млн. франков. «Statistique Générale de la France. Annuaire Statistique, 1933», Paris 1934, p. 132.

тельно и непоследовательно. Определенное недовольство сложившимся положением вещей мы видим в проекте министра торговли и промышленности князя Шаховского, с которым он обратился в совет министров 3 декабря 1916 г. Шаховской предложил представить в Государственную думу на утверждение решение «о мерах содействия казны в деле развития горной и горнозаводской промышленности»¹.

Цифровые данные, приводимые Шаховским, показывают, что собственная металлургическая база России была слаба. На ввоз металла, особенно цветного, из-за границы тратились огромные валютные средства. В 1913 г. в Россию ввезли 1912 тыс. пудов чугуна (в самой России выплавляли 283 млн. пудов), 4817 тыс. пудов железа и стали (246,6 млн. пудов произведено внутри страны), меди импортировано 374 тыс. пудов (2048 тыс. пудов получено в России), свинца (в 1914 г.) — 3603 тыс. пудов (в России выплавляли лишь 66 тыс.) и цинка (тоже в 1914 г.) — 1390 тыс. пудов (397 тыс. пудов)². И это при колоссальных естественных богатствах необъятной территории Российской империи.

В военные годы положение не изменилось к лучшему. За 1916 г. в Россию ввезли 1501 тыс. пудов чугуна, 4847 тыс. пудов железа и стали, 57 930 тыс. пудов каменного угля, на 5382 тыс. пудов всех видов машин и аппаратов³.

Представитель русской империалистической буржуазии Шаховской хотел несколько усилить конкурентную способность империалистов России в отношениях с западными странами, увеличить роль русских капиталов в промышленности страны.

Его скромные проекты не шли далеко в конкуренции с западным капиталом и не могли существенно изменить сложившееся положение вещей. Шаховской предложил, в небольших размерах (упомянуты лишь некоторые отрасли тяжелой промышленности и намечаемые ссуды невелики), принять меры по усилению жизнедеятельности русской металлургии при поддержке не иностранных финансов, а русского правительства. Но и в таком виде предложение Шаховского было похоронено, не встретив поддержки. Прежде чем поставить обсуждение проекта на заседании совета министров, его передали на отзыв государственному контролеру Феодосьеву. Тот отнесся к идее кредитования

¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 13, д. 258 б, лл. 32—34, 50—51.

² Там же, л. 45.

³ Там же, л. 50.

металлургических предприятий отрицательно и только в качестве уступки соглашался на небольшие кредиты (сумма в 100 млн. руб., предложенная Шаховским, ему показалась крайне «преувеличенной») на период войны ¹. Этого отзыва оказалось достаточно, чтобы снять с повестки дня рассмотрение проекта в совете министров. Его и не обсуждали и тем более не пытались реализовать.

В сильно выросшей за время войны степени финансовой зависимости от французского империализма оказались не только русские монополисты, но и само русское правительство. Суммы денег, которые Россия получила до и во время войны в виде займов от Франции и Англии, были очень велики. Уже к началу 1914 г. из 13,2 млрд. руб. довоенного долга 6215 млн. составляли внешние долги в виде займов царского правительства у иностранных государств ². 63,8% суммы иностранных займов — 3966 млн. руб. из 6215 млн. руб. — составляли займы французские (английские — 10,3%, немецкие — 8,1%, США — тогда только 0,3% ³. Огромные проценты по займам ложились на плечи трудового народа: царизм, выступая в качестве агентуры западного империализма, оплачивал эти проценты при помощи выколачивания огромных налогов с трудящихся. Только за годы с 1881 по 1913 царское правительство выплатило иностранным империалистам в виде процентов по займам и дивидендов 7900 млн. руб. Эта сумма в два раза превышала стоимость основных фондов всей крупной акционерной промышленности страны.

За последнее пятилетие перед первой мировой войной платежи составляли в среднем ежегодно 350 млн. руб. ⁴

Известно, что во Франции процесс концентрации банковского капитала шел быстрее промышленного. Финансовые

¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 13, д. 258 б, лл. 35—36.

² Здесь приведена цифра, представляющая наиболее точной из всех, называемых в литературе. Эти данные принадлежат Н. Н. Любимову («Баланс взаимных требований Союза ССР и держав согласия», М.—П. 1924). К этой цифре присоединяется также А. Швецов, автор опубликованной в 1948 г. работы «Аннулирование Советской властью займов царского и Временного правительств России». Названная работа опубликована в «Ученых записках Саратовской областной партийной школы», вып. 1, Саратов 1948, стр. 7—8.

³ А. Швецов, Указ. соч., стр. 8.

⁴ См. А. Д. Гусаков, Очерки по денежному обращению России накануне и в период Октябрьской социалистической революции, М. 1946, стр. 14. Очерки истории СССР, 1907—март 1917, под ред. проф. А. Л. Сидорова, М. 1954, стр. 52.

магнаты страны, фактически руководившие ее политической и экономической жизнью, лишь некоторую часть своих денег вкладывали в национальную французскую экономику, вывозя значительные суммы за границу в форме займов, т. е. ссудного, а не производственного капитала.

Начиная с 1888 г., когда в Париже был выпущен первый заем царского правительства, последовала целая серия русских государственных займов во Франции — всего до начала войны их было реализовано 16 на сумму 13 231 млн. франков. К этой цифре нужно присоединить ряд железнодорожных и городских займов; общий размер всех русских займов, реализованных на французской бирже, составлял в 1913 г. 17 млрд. франков ¹.

Из всех французских капиталов, вывезенных Францией в Россию накануне войны, на государственные займы падало 90% ². За годы войны как царским, так затем и Временным правительством всего было заключено иностранных займов на сумму 8070 млн. руб., из которых 7035 млн. приходилось на царское правительство ³. Главная сумма военного займа падает на Англию (68,4%), на втором месте находились французские займы (19,9%). США были на третьем месте (7% выданных почти исключительно в течение 1917 г.)⁴.

Финансовая зависимость превращалась в финансовую кабалу. Только по французским займам, а также краткосрочным обязательствам царское правительство заплатило Франции в 1916 г. 256 млн. руб. ⁵ В народное хозяйство поступали от займов все меньшие суммы. Кроме оплаты купонов, деньги шли и на подкуп французских газет, а также политических и общественных деятелей союзных стран ⁶.

---

¹ См. *André Tardieu*, *La France et les alliances*. Paris 1909, p. 11. *G. Michon*, *L'alliance franco-russe, 1891—1917*, Paris 1927, p. 127.

² См. *А. И. Шнейерсон*, *Финансовый капитал во Франции*, М. 1947, стр. 20.

³ Мы берем цифры Г. Деметьева, бывшего в 1917 г. директором департамента Государственного казначейства и потому заслуживающего доверия в данном случае. Г. Фиск называет сумму 7767 млн. руб. К нему присоединяется А. Швецов (см. *А. Швецов*, цит. соч., стр. 15). Стоимость мировой империалистической войны для России определяется в 193 млрд. руб. Следовательно, иностранный кредит не сыграл значительной роли в финансировании военных расходов (см. «Вестник финансов», № 5—6, 1926, стр. 133).

⁴ *А. Швецов*, *Указ. соч.*, стр. 15. Остальные 4,7% приходятся на Италию и Японию.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 197, лл. 1—39.

⁶ См. *А. А. Игнатъев*, 50 лет в строю, кн. 4, М. 1944, стр. 91.

Уже к началу войны за границей имелись большие запасы русского золота на сумму 666,3 млн. руб. Из всей этой суммы 463 млн. лежало в подвалах французских банков, 110,9 млн. — в германских, 80,9 млн. руб. находилось в Англии¹. Затруднения русского правительства во время войны усилились еще оттого, что банки союзных стран, игнорируя интересы ревностного защитника империалистов Антанты, объявили мораторий и заморозили золотой запас России, тем самым вынуждая царское правительство добиваться новых займов под новое золотое обеспечение. Царское правительство неоднократно просило освободить от действия моратория принадлежавшие России суммы во французских банках и предоставить золото для «беспрепятственного распоряжения», с правом перевода в другие страны («в особенности в Америку») для расчетов по военным заказам. Некоторого результата (часть банков стала производить выплату) удалось добиться только осенью 1916 г.² «Banque de France» открыл кредит для учета выпущенных царским правительством краткосрочных обязательств в сумме 500 млн. франков, но только в счет покрытия старых долгов банков и торгово-промышленных предприятий, образовавшихся еще до войны³.

Затем 5 февраля 1915 г. было подписано русско-французское соглашение об открытии французского кредита России в сумме 625 млн. франков, предназначенного для оплаты заказов во Франции и платежей по займам. Кроме того, французское правительство начиная с осени 1915 г. (по соглашению от 4 октября) стало выдавать русскому союзнику ежемесячные авансы на сумму примерно 125 млн. франков, с условием использования этих денег только для обеспечения платежей во Франции (процентов по займам и взносам в счет военных заказов)⁴.

Приехавший в начале июня 1916 г. в Париж министр финансов царского правительства Барк попытался добиться увеличения открытых России кредитов до 150 млн. франков

---

¹ П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, изд. 4, М. 1956, стр. 642.

² АВГР, ф. II Департамент, I—5, «Война», д. 192, л. 12; д. 193, л. 10.

³ По мнению министерства финансов, этих 500 млн. франков для удовлетворения денежных обязательств перед Францией было мало и кредит следовало бы увеличить до 800 млн., см. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1356, лл. 17—18. Однако этого увеличения не последовало.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1305, лл. 22, 23.

(вместо 125 млн.), договориться о форме погашения русских долгов «Banque de France» и о предоставлении царскому правительству некоторой наличной суммы — в виде займа — для приступа к постройке железных дорог. Барк поставил также вопрос «о будущем крупном займе для осуществления нашей железнодорожной строительной программы после войны».

Просьбы русского союзника были встречены весьма холодно. «С первых же шагов, — сообщал из Парижа посол царского правительства во Франции Извольский Сазонову, — Барк натолкнулся на крайне узкое и эгоистическое отношение к вышесказанным вопросам со стороны французского министра финансов».

Согласие на некоторое увеличение кредитов французское правительство обуславливало погашением русской задолженности «Banque de France» путем предоставления Франции на эту сумму русских экспортных товаров — хлеба, леса и других. Это совершенно не соответствовало финансово-экономическим интересам русских империалистов ¹.

Переговоры в Париже носили резкий характер и не дали существенных для царского правительства результатов. Было только продлено до конца войны соглашение о предоставлении ежемесячных кредитов в прежней сумме 125 млн. франков — без зачета в счет этого кредита вывозимых во Францию продуктов. По всем остальным вопросам соглашение не было достигнуто ². Положение России в финансовых взаимоотношениях с Францией продолжало ухудшаться.

За один только год с октября 1915 г. по октябрь 1916 г. царское правительство переслало во Францию на 1 082 214 тыс. франков валюты в счет французского кредита ³. Израсходован же был этот кредит в 1915 г. на сумму в 625 млн. франков, в 1916 г. — еще на 1500 млн. франков ⁴.

---

¹ Извольский называл французское предложение унижительным для России и не без основания считал, что такая запродажа будущего вывоза «самым гнетущим образом отразилась бы на нашем денежном обращении и помешала бы восстановлению нашего курса». АВВР, ф II Департамент, 1—5, «Война», д. 193, лл. 175—177.

² Там же, л. 177.

³ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 7, л. 14.

⁴ Из справки, приготовленной в министерстве финансов царского правительства к Петроградской конференции союзников. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1403, ч. I, л. 105.

Оказавшись в большой зависимости от Антанты, царское правительство не смогло добиться выполнения союзниками их обязательств по поставкам России обещанного вооружения. Отношение Франции к этим поставкам является еще одним весьма красноречивым свидетельством тяжелой зависимости России от западных союзников.

Подписывая 3 декабря 1915 г. конвенцию о французских поставках России, французские империалисты обещали «удовлетворять в самом широком смысле потребности русского правительства» и «обеспечить поставку названных предметов и материалов в кратчайший срок и при лучших экономических условиях, уговариваясь, что, как верная союзница, Франция будет считать интересы русского правительства, как свои собственные»¹. Несмотря на торжественные клятвы и заверения, выполнялись обязательства плохо. Жертвы русского народа были бы меньшими, если бы обещанное Францией и Англией, оформленное официальными заказами царского правительства, вооружение попало в нужные сроки и нужном количестве. Это относится ко всем крупным операциям русского фронта, особенно 1915 г.² Серьезный недостаток оружия у русских армий ощущался повсеместно. «Во Франции,— указывает проф. А. Л. Сидоров, автор специального исследования об иностранных поставках русской армии во время войны,— было заказано около одной трети всех снарядов и большое количество артиллерии (около 30% всех доставленных в Россию орудий); кроме того, Франция являлась главным поставщиком моторов и самолетов. Так же, как и Англия, Франция поставила России лишь меньше половины заказа и значительно меньше того, что могла бы дать для снабжения русской ар-

¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1250, л. 64.

² «Невыполнение русских заказов,— считал Ллойд Джордж,— было главной причиной тех поражений, которые выпали на долю русских армий в кампанию 1914—15 гг.». Давид Ллсйд Джсрдж, Военные мемуары, т. I—II, М. 1934, стр. 118.

Такого же мнения придерживались руководители царской армии. Начальник штаба верховного главнокомандующего Янушкевич полагал, что Россия выиграла бы кампанию 1915 г., если бы получила от союзников все необходимые оружие и боеприпасы. См. «Международные отношения в эпоху империализма», т. 8, ч. 1, М.—Л. 1935, стр. 344—345.

Не следует, конечно, сводить объяснение военных событий на русском фронте только к проблеме вооружения, игнорировать политические и экономические факторы. Но то, что неудовлетворительное выполнение союзниками их обязательств по поставкам военных материалов сыграло очень большую роль в поражениях русских войск, бесспорно.

мии»¹. Правительства союзников «предпочитали в первую очередь обеспечить себя огромными запасами и отдавали России лишь жалкие остатки своей военной продукции... Напряжение союзников в деле боевого снабжения России было минимальным...»².

Несмотря на то, что некоторые районы Франции стали зоной боевых действий, военно-промышленный потенциал этой страны в годы войны возрос: к июлю 1916 г. производство железа и стали составило во Франции 135% от уровня июля 1914 г.; в январе 1917 г. — уже 159%, в июле 1917 г. — 167%³.

Французская военная промышленность значительно расширила выпуск продукции в эти годы. Так, если за первое полугодие 1915 г. было выпущено 624 75-миллиметровых орудия, то во второй половине 1916 г. — уже 4291; 75-миллиметровых снарядов было произведено в августе 1914 г. 790 тыс., а в тот же месяц 1916 г. — уже 5205 тыс. шт.

Возрастало и производство тяжелой артиллерии, пушек и гаубиц (190 в 1915 г. против 60 во второй половине 1914 г. и 590 в 1916 г.)⁴.

Интенсивно рос также выпуск других видов вооружения. И тем не менее в 1915 г. французское правительство не выполнило полностью и в срок ни одного русского военного заказа; оно стремилось обеспечить себя военно-экономическими ресурсами не только на военное время, но и на период переговоров об империалистическом мире, о дележе завоеванной добычи.

В 1916 г. поставки из Франции были для царской России еще более важны: русские армии продолжали вести длительные кровопролитные бои, не имея достаточного вооружения. В течение этого года только по заказам Главного артиллерийского управления из Франции должно было прибыть военных материалов на сумму 820 799 211,96 франка; Военно-технического управления — 116 517 689,20; Генерального штаба — 3 917 214; Главного управления кораб-

---

¹ А. Л. Сидоров, Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914—1917. См. «Исторические записки», т. XV, 1945, стр. 144.

² Там же, стр. 145.

³ См. Dr. R. Ungarn-Sternberg, Grundzüge des französischen Volkswirtschaft, 1913—1927, Cilelia, S. 77.

⁴ Ребуль, Военные производства во Франции в 1914—1918 гг., Промиздат, 1926, стр. 18, 25, 32.

лестроения — 28 760 288,94 франка и т. д.¹ Всего с начала войны по конец 1915 г. во Франции было помещено русских военных заказов на сумму 987 млн. франков; в течение 1916 г.— еще на 1111 млн. франков². Между Петроградом и Парижем шла оживленная переписка, сопровождавшаяся взаимными обещаниями, упреками, объяснениями. «В ответ на каждое предложение снабдить Россию снарядами,— вспоминал Ллойд Джордж,— французские и английские генералы заявляли в 1914, 1915 и 1916 гг., что им нечего дать и что уже посланное дано в ущерб себе»³.

Особенно плохо Франция снабжала Россию самолетами. Ставка настаивала в сентябре 1916 г. на «немедленной высылке» обещанных аэропланов и моторов: «в случае промедления положение будет критическое»⁴.

Но «промедление» не было ликвидировано. Из 592 аэропланов, заказанных во Франции, к 1 сентября 1916 г. было отправлено всего 56, из числа 4194 заказанных авиационных моторов к этому сроку было послано в Россию лишь 612⁵.

Между тем возможности для аккуратного и добросовестного выполнения русских авиационных заказов у Франции были. Количество самолетов, находившихся в строю, здесь возросло с 540 в конце 1914 г. до 4370 в 1915 г. и 7550 в 1916 г., а число годных к употреблению авиационных моторов увеличилось с 1350 во второй половине 1914 г. до 13 600 — во втором полугодии 1915 г. и 19 500 — в то же время 1916 г.⁶

Авиационная же промышленность царской России накануне войны была представлена только четырьмя небольшими заводами и двумя мастерскими⁷, а в военные годы сколько-нибудь существенных успехов не достигла.

Французские правящие круги плохо выполняли свои обязательства не только в количественном, но и в качественном отношении. В «Справке о состоянии моторов и аэропла-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 199, лл. 31, 44, 47, 53.

² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6239, л. 5 об.

³ Д. Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. I—II, стр. 324.

⁴ ЦГВИА, ф. 418/с, оп. 1, д. 59, л. 5 об.

⁵ ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 8, д. 66, лл. 2—3.

⁶ Ребуль, Указ. соч., стр. 57, 64—65.

⁷ Г. И. Шигалин, Военная экономика в первую мировую войну, М. 1956, стр. 178. К началу войны на вооружении русской армии имелось всего 202 самолета. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, изд. 4, стр. 620.

нов, получаемых из-за границы», составленной Главным управлением военного воздушного флота царского правительства, указывалось, что «в значительном числе случаев эти предметы приходят в неисправном виде» и главным образом потому, что «заграничные заводы высылают в Россию уже бывшие в употреблении аппараты и двигатели». Из 1076 моторов фирмы Сальмсон, полученных из Франции в 1915—1916 гг., 124 были покрыты ржавчиной, а в 37 были поломаны или неисправны отдельные части.

Из 103 моторов Рено 45 пришли с ржавчиной, в 21 моторе обнаружилось неисправности или поломки частей, в двух моторах — недостаток частей, 5 моторов оказались уже бывшими в употреблении, 9 комплектов запасных частей были получены не в полном составе.

Из числа 250 аэропланов Вуазен, полученных во Франции по русским заказам, 55 имели заржавленные металлические части, а еще 49 — покрытые ржавчиной моторы. 38 машин были ранее в употреблении ¹. Кроме того, поставщики нередко плохо упаковывали самолеты, из-за чего последние часто ломались в пути ².

Много поступало и неисправных пистолетов из Франции — с чересчур короткими ударниками или сломанными пружинами, без мушек или заржавленных из-за плохой смазки ³.

Не только аэропланы и пистолеты, но и артиллерийские орудия, автомашины, прибывавшие от союзников, часто выходили из строя из-за незначительных поломок, вследствие отсутствия или недостаточности запасных частей ⁴. 90-миллиметровые орудия, посланные французским правительством в Россию, были устаревших образцов, а запас снарядов к ним был дан недостаточный ⁵. Большие трудности испытывало царское правительство в перевозке вооружения.

Хотя часть заказанных самолетов и деталей к ним была все же получена, перевозить их оказалось не на чем. Военный атташе Игнатьев предлагал обратиться в Лондон к королю и правительству с просьбой о предоставлении дополнительных пароходов, добавляя в телеграмме, что, кроме

---

¹ ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 8, д. 66, л. 63. Из 93 самолетов другой конструкции 68 были присланы с заржавленными металлическими частями.

² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6098, л. 245.

³ Там же, л. 165 об.

⁴ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1429, л. 216.

⁵ Там же, ф. 369/с, оп. 1, д. 86, л. 46.

аэропланов, «есть много и другого весьма срочного груза»¹ Такие просьбы, как правило, не удовлетворялись.

Таким образом, французские заказы опаздывали и не выполнялись полностью, а часть вооружений, как видно из приведенных примеров, оказывалась еще и низкокачественной.

Даже то вооружение, которое удавалось перевезти в Россию, далеко не все попадало своевременно по назначению. Царские власти не справлялись с перевозками внутри страны и не могли затормозить прогрессирующую транспортную разруху. В одном Архангельске скопилось в 1916 г., к началу навигации, около 6 млн. пудов важных военных грузов; 1 января 1917 г. этих грузов еще оставалось почти 4,5 млн. пудов².

Общие итоги англо-французских поставок русской армии за время с 19 июля 1914 г. по 1 ноября 1916 г., приведенные в работе проф. А. Л. Сидорова³ и составленные на основании справки, подготовленной начальником артиллерийского управления при Ставке верховного главнокомандующего, показывают, что иностранные поставки артиллерии составили только 10% всех поступивших в армию орудий (1118 из 10 401) и около 90% было поставлено русскими заводами⁴. Винтовок и пулеметов из-за границы было доставлено около 50%, а винтовочных патронов около 25% из всех поступивших на вооружение русской армии. При этом часть присланных винтовок была устарелых образцов. Огромную нехватку вооружения в русской армии союзные поставки восполнили лишь в незначительных размерах.

В результате невыполнения союзниками их обязательств русские войска были вооружены хуже не только союзников⁵, но и противников. На русско-румынском фронте,

---

¹ ЦГВИА, ф. 418/с, оп. 1, д. 59, л. 6 об.

² ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 1, д. 579, лл. 33, 50.

³ См. А. Л. Сидоров, Указ. соч., «Исторические записки», т. XV, стр. 167—168.

⁴ Следует оговориться, что ряд крупных русских военных предприятий, таких, как «Русское общество для производства артиллерийских снарядов и военных припасов», «Русское общество артиллерийских заводов» и другие, находился в большой финансовой и производственно-технической зависимости от иностранного капитала.

⁵ Согласно данным, представленным конференции союзников в Шантильи (ноябрь 1916 г.), французские и английские войска на западном фронте располагали на 700 км фронта почти 15,5 тыс. орудий (из них 6,3 тыс. тяжелых), а русская армия на 1500 км фронта имела только

например, в 1916 г. царская Россия имела на 100 батальонов 191 легкое орудие, 84 тяжелых орудия, 472 пулемета, немецкие же части соответственно — 300, 360 и 570, австрийские — 340, 140 и 430¹.

Тем не менее французское правительство потребовало в ноябре 1915 г. послать из России во Францию рабочих («для производства орудий и снарядов»), обуславливая отправкой рабочих рук помощь оружием «в полной мере». Даже царские министры сочли такое требование неправомерным². Через месяц Палеолог вторично предложил послать во Францию русских рабочих и опять получил отрицательный ответ. Несмотря на это, французское правительство опять потребовало отправки рабочих в феврале 1916 г. и вновь получило отказ (хотя и в «мягкой форме»). В апреле 1916 г. домогательство было повторено в четвертый раз. И царское правительство, ссылаясь на острый недостаток рабочих рук в самой России, отказалось опять от отправки во Францию партии русских рабочих³. В июле 1916 г. французское посольство в Петрограде вновь поставило этот вопрос, на этот раз предлагая послать рабочих из числа военнопленных. Требование это было рассмотрено на заседании совета министров царского правительства и отклонено по той же причине («ввиду наблюдаемого повсеместно в империи острого недостатка рабочих рук»)⁴.

Не давая России необходимого для материального обеспечения военных операций вооружения, руководители Антанты одновременно возлагали на русскую армию огромную долю военных тягот. Между оказываемой помощью и требуемыми жертвами была вопиющая диспропорция, все губительные последствия которой легли на плечи народных масс. Рабочие и крестьяне миллионами жизней своих сыновей

7405 (тяжелых около 2000) орудий без сколько-нибудь значительного запаса снарядов. Самолетов соответственно — 1897 и 596. ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 519, лл. 17—18.

¹ ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. 2, д. 109, л. 17.

² АВПр, ф. Канцелярия министерства иностранных дел (в дальнейшем — Канцелярия МИД), д. 60, т. 1, лл. 200—201; ф. Посольство в Париже, д. 3045, лл. 5—6. Военное министерство считало, что «удовлетворение этой просьбы поставило бы военное ведомство в смысле удовлетворения нужд армии в крайне тяжелое положение». Там же, ф. II Департамент, I—5, «Война», д. 1606, л. 5.

³ Там же, ф. Посольство в Париже, д. 3045, лл. 7, 9; ф. II Департамент, I—5, «Война», 1916 г., д. 1606, л. 10.

⁴ АВПр, ф. II Департамент, I—5, «Война», д. 1606, л. 30.

расплачивались за унижительную зависимость от союзников, в которой находились правящие классы России. Предательская по отношению к народам нашей Родины антинациональная политика русских помещиков и капиталистов имела своим результатом подчиненную роль России в системе военного блока Антанты.

И русско-французская военная конвенция, согласно которой русские войска должны были перейти границу не позже четырнадцатого дня после начала военных действий, и навязанный России мобилизационный план, требовавший обязательного наступления русских войск на Восточную Пруссию, независимо от событий на фронтах и от положения русской территории, — вся сумма обязательств, принятых на себя царским правительством перед Антантой, не соответствовали интересам даже русских империалистов. Последние, как известно, имели в войне свои захватнические цели.

Уже в 1914 г. стало ясно, как много дает русско-французский союз более сильным французским империалистам и как мало получает от него более слабая русская буржуазия.

Непрекращающееся давление Франции на русское военное командование и правительство, принимавшее все более резкие формы, началось в первые же дни войны. Уже 4 августа 1914 г., когда до 14 дней не хватало десяти, Палеолог заявлял Николаю II: «Французской армии придется выдержать ужасающий натиск двадцати пяти германских корпусов. Поэтому я умоляю ваше величество предписать вашим войскам перейти в немедленное наступление...» В тот же вечер великому князю Николаю Николаевичу французский посол поставил вопрос в упор: «Через сколько дней, ваше высочество, вы перейдете в наступление?»¹ В то же время сама Франция не выполнила своих обязательств по военной конвенции: французское правительство не выставило на десятый день войны полуторамиллионную армию и не начало наступление против Германии.

Вторжение в Восточную Пруссию состоялось, русские войска спасли Париж. Русская армия, признал Фош, один из руководителей французских вооруженных сил, «своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил противника и тем позволила нам одержать победу

---

¹ М. Палеолог, Царская Россия во время мировой войны, М.—Пг., Госиздат, 1923, стр. 80—81.

на Марне»¹. Это была большая реальная помощь Франции со стороны России. Русские войска сыграли решающую роль в предотвращении разгрома Франции. Они сорвали германские стратегические планы молниеносной войны. Россия заставила германских милитаристов вести затяжную войну на два фронта. Через 25 лет после драматических событий четырнадцатого года, в 1939 г., Ллойд Джордж, выступая в палате общин, заявил: «Если бы не было жертв со стороны России в 1914 году, то немецкие войска не только захватили бы Париж, но их гарнизоны и по сие время находились бы в Бельгии и Франции»².

В 1915 г. русские войска спасали от разгрома Сербию и Италию, но союзники отказались поддержать русскую армию активными наступательными операциями на западном фронте и, как уже указывалось, не поставили значительную часть обещанных военных материалов. Своими операциями в кампанию 1915 г. русские войска вывели из строя более 2300 тыс. германо-австрийских солдат, предоставили союзникам почти полуторагодовую передышку для мобилизации их промышленности и усиления военно-технического оснащения войск. С начала войны по август 1915 г., по данным французского генштаба, с западного фронта на русский было переброшено 29 пехотных и 9 кавалерийских дивизий противника³. Между тем французские представители в России предъявляли все новые требования царским властям. «Я доказываю цифрами,— пишет Палеолог в своих мемуарах об очередном нажиме — на этот раз на крайнего реакционера, тогдашнего премьера Штюрмера, — что Россия могла бы сделать для войны втрое или вчетверо больше; Франция, между тем, истекает кровью»⁴. А о жертвах России, принесенных к тому же почти исключительно в интересах союзников, ни слова. План кампании 1916 г., выработанный русским командованием, был отвергнут союзниками: этот план предусматривал нанесение главного удара русскими дивизиями на Балканах. Отвергнут прежде всего по политическим причинам, потому, что успешные опера-

---

¹ Ф. Фош, Воспоминания (война 1914—1918 гг.), М. 1939, стр. 186.

² «Правда», 5 апреля 1939 г.

³ См. В. А. Емец, Русско-французские отношения по военным вопросам в период первой мировой войны (1914— февраль 1917 г.), М. 1954, стр. 156; 200 (рукопись кандидатской диссертации).

⁴ М. Палеолог, Царская Россия накануне революции, Госиздат, М.—Пг, 1923, стр. 93.

ции русских войск на Балканском полуострове усилили бы влияние царизма на Балканах, укрепили бы его позиции в борьбе за империалистический передел мира. Командованию царской армии приходилось фактически приравнивать военные операции к нуждам западного фронта.

Когда же французский фронт вновь попал в тяжелое положение, спасителем Франции опять оказался русский солдат. Мартовское наступление 1916 г. русских войск у озера Нарочь сковало значительные немецкие силы и заставило германское командование в самый напряженный момент своего наступления на западном фронте остановить атаку на Верден и перебросить часть сил на Восток¹.

В самый разгар верденского сражения французское военное командование требовало от царского правительства скорейшего перехода в наступление «всеми свободными силами»². Требование было выполнено. Русское наступление в Галиции состоялось даже ранее намеченного срока, хотя армии не были достаточно к нему подготовлены и ряд царских генералов (Жилинский, Янушкевич) считали, что наступление обречено на неудачу³.

Прорыв русскими войсками австро-германского фронта в июне 1916 г. явился наиболее крупной и результативной операцией союзников за 1914—1917 гг. Еще ни одна из армий воевавших государств не одерживала таких значительных побед в короткий срок. Противник избежал катастрофы лишь потому, что западные союзники России не предприняли тогда совместных наступательных операций крупного масштаба. Блестящее летнее наступление русских войск на юго-западном фронте дало возможность французским дивизиям получить передышку и перейти в контратаку у Вердена. Что касается австро-венгерской армии, то она после сокрушительного удара русских войск не могла уже опра-

---

¹ См. Э. Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. I, М. 1923, стр. 169—170.

Когда представитель командования царских войск во Франции Жилинский, сообщая французскому главнокомандующему Жоффу о предстоящем наступлении русских войск, спросил: «Какое содействие может оказать ему французская армия», то получил в ответ весьма определенное «никакого». Об этом Жилинский писал начальнику штаба верховного главнокомандующего Алексею 31 декабря 1915 г. «Международные отношения в эпоху империализма», серия III, т. IX, стр. 705.

² См. «Наступление юго-западного фронта в мае — июне 1916 г.», Сборник документов, М. 1940, стр. 46.

³ См. М. Палеолог, Царская Россия накануне революции, стр. 120.

еиться до конца войны. Эта армия потеряла за период русского наступления не менее 1,5 млн. человек. С июня 1916 г. до конца этого года Германия перебросила с западного фронта на восточный до 25 дивизий¹.

Значительные русские силы сражались на кавказском фронте, против турецких войск, что облегчало выполнение захватнических планов английских и французских империалистов на Ближнем Востоке. Несмотря на это, требования Франции к русскому союзнику непрерывно росли. Союзники настаивали также на отправке огромной армии в 150—200 тыс. человек в Румынию, хотя по русско-румынской конвенции августа 1916 г. обязательства царского правительства ограничивались посылкой в Добруджу двух пехотных и одной кавалерийской дивизии. Еще в мае 1916 г. в Петроград со специальной целью выжать новое пушечное мясо из России в пользу Антанты приезжал Тома, представитель тех кругов правых французских социалистов, которые наиболее рьяно и упорно защищали интересы своей империалистической буржуазии, вместе с бывшим социалистом Вивиани. В результате визита французских министров два корпуса русских войск были отправлены в Молдавию, а в ноябре того же 1916 г. началась отправка третьего. К 1917 г. в Румынии оказалось 23% пехотных и 37% кавалерийских дивизий из числа бывших на фронте русских войск. Выступление Румынии помогло Вердену, но возложило дополнительные тяготы на Россию. Кроме того, были посланы две бригады во Францию и две в Македонию, шла подготовка к отправке еще нескольких бригад. А до удовлетворения захватнических аппетитов империалистов самой России и в Европе и в Азии было очень далеко. В 1916 г. Россия, следовательно, продолжала, подобно тому как это было в 1914—1915 гг., оказывать огромную помощь Франции. Русско-французский союз стал выгодным только одной из сторон.

Планы важнейших военных операций, от выполнения которых ожидали победного исхода войны, были связаны также с использованием русских армий. При этом министры царского правительства, представители Ставки имели даже не столько решающий, сколько совещательный голос на военных конференциях союзников.

---

¹ См. В. А. Емец, Указ. соч., стр. 344—345.

Когда в начале ноября 1916 г. во Франции в Шантильи состоялась очередная такая конференция, то материалы к ней, включая и резолюции, были заранее подготовлены представителями Англии и Франции. «Все возражения и поправки,— сообщал русский представитель в Шантильи Дессино,— принимались Жоффром (он был председателем конференции.— А. И.) крайне неохотно, и он тотчас переходил к следующим вопросам. Мое впечатление, что постановление конференции диктовалось с одобрения Англии и Франции, а не обсуждалось конференцией союзников».

Предложения русского делегата не только не были учтены, но их даже не поставили на обсуждение. Весьма убедительно звучит вывод этого делегата о том, что «...англичане и французы ведут свою отдельную линию, направленную на оборону своих государств с наименьшей потерей войск и наибольшим комфортом, стараясь все остальное свалить на наши плечи и считая, что наши войска могут драться даже без всего необходимого. Они для нас не жертвуют ничем, а для себя требуют наших жертв и притом считают себя хозяевами положения»¹. Конференция эта, подобно ряду других военных совещаний Антанты, таким образом, фактически использовалась не столько для координации действий союзных войск, сколько для очередного диктата русскому союзнику.

На конференции было решено, что союзники, и прежде всего Россия, должны начать решительное наступление не позднее 5 февраля 1917 г. с применением максимально возможных сил².

Французское командование рассчитывало и в данном случае подчинить действия русских войск своим стратегическим планам и политико-дипломатическим интересам.

В Шантильи союзники решили считать англо-французский фронт главным, а задачу военно-технического усиления армий этого фронта — первоочередной. Русские же армии должны были продолжать истощать противника и этим создавать англо-французской буржуазии благоприятную

---

¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1165, лл. 553—554.

² Там же л. 549; «Memoires du maréchal Joffre», 1910—1917, v. II, Paris 1932, p. 356. На конференции министров иностранных дел стран Антанты, имевшей место в Париже тоже в ноябре 1916 г., также было решено подготовиться «к новому общему решительному наступлению не позже начала февраля месяца 17-го года». АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 664, л. 14.

обстановку для победы на западном фронте ¹. Французские представители в Шантильи выдвинули план совместных ударов по Болгарии, однако союзники не сконцентрировали сколько-нибудь значительных военных контингентов в этом районе, считая, что основной силой при нанесении этих ударов должны быть русские дивизии.

Намеченные сроки не были выдержаны.

Петроградская конференция союзников (январь—февраль) 1917 г. была следующим, очередным этапом нажима правительств Англии и Франции на Россию в условиях подготовки военной кампании семнадцатого года, того самого года, на который многие из военных и политических деятелей Антанты уповали, как на последний год войны. Но и победа должна была прийти ценой прежде всего русской крови. Приезду в Петроград представителей союзных правительств предшествовала конференция Англии, Франции и Италии в Риме, созванная по инициативе Ллойд Джорджа, считавшего, что до петроградской конференции союзников три державы должны обсудить планы на 1917 г. между собой. Тот же английский премьер предложил принять решение об увеличении поставок на русский фронт — в обмен на отpravку на фронты большого количества новых дивизий ².

Казалось, конференция в Риме дала определенные директивы союзным делегациям в Петроград.

Члены этих делегаций получили и специальные инструкции — чего им требовать от царского правительства в Петрограде. Военный министр Франции Лиотэ предписывал генералу де Кастельно вмешаться в работу конференции таким образом, чтобы план операций русских войск «отвечал потребностям наших действий» и «предполагал как можно раньше наступление, развиваемое с максимумом средств». Русские войска, однако, должны были в 1917 г. также играть вспомогательную роль, как и в предшествующее время. Решающего успеха в войне предполагалось достигнуть на западном фронте, там сосредоточить наибольшую массу вооружения. Россия же должна была создать благоприятные условия для победы на Западе, истощая силы противника ³.

---

¹ См. ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 519, лл. 6—14.

² См. *Ллойд Джордж*, Военные мемуары, т. III, М. 1935, стр. 269.

³ «Les armées françaises dans la grande guerre», t. V, vol. I, annexes, I vol., pp. 797—798.

Командование царской армией, со своей стороны, отнюдь не противившееся в то время большим военным планам на 1917 г., считало, что петроградская союзная конференция должна обеспечить успешное снабжение России вооружением, сырьем, оборудованием и станками, необходимыми для осуществления больших планов и надежд на семнадцатый год.

Под ружьем в России к декабрю 1916 г. находилось не менее 7450 тыс. человек, из них 5500 тыс. — в строевых частях и 1950 тыс. — в тыловых. 1500 тыс. человек сверх этого находились в запасных частях внутренних округов ¹.

Много крови сынов народов России проливалось на фронтах империалистической войны. Потери русской армии были чрезвычайно велики: она лишилась с начала войны до 1 февраля 1917 г. убитыми, ранеными, контуженными и отравленными газами, а также пропавшими без вести, по официальной статистике, 63 074 офицеров и 5 975 341 нижних чинов ². На русском фронте находилось 127 дивизий германского империализма и его союзников и большое количество военной техники. Потери союзников были меньшими. На западном фронте они имели в феврале 1917 г. перевес, численный и материальный, над противником. Против 2251 батальона всех союзных войск на западном фронте стояло 1333 вражеских батальона. 17 213 орудий имели союзники, 9900 — противники. Самолетов у Антанты было в это время 1877, у Германии и ее союзников — 760 ³.

Царское правительство рассчитывало, что конференция учтет большие трудности того члена Антанты, на которого возлагались наибольшие военные тяготы, и решит положительно вопросы военных поставок и новых кредитов России. Министр финансов Барк предлагал договориться с союзниками об открытии кредитов на 1917 г. и вообще добиться «более широкой» финансовой поддержки со стороны Франции. Барк, видимо, рассчитывал, что успех будет более вероятным, если одновременно «использовать предстоящие переговоры также в видах обеспечения притока иностранного капитала в настоящее время в наши промышленные предприятия, работающие в особенности на нужды обороны»,

¹ См. «Красный архив», т. 1 (XX), М.—Л. 1927, стр. 39.

² См. там же.

³ См. А. М. Зайончковский, Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., ч. VII. Кампания 1917 г., М. 1923 (в дальнейшем—«Кампания 1917 г.»), стр. 32.

и обсудить вопрос о поставках союзникам леса, льна и пшеницы ¹.

В середине января 1917 г. петроградские и московские буржуазные и меньшевистско-эсеровские газеты с большой торжественностью, тщательно перечисляя все подробности, возвестили о прибытии делегатов союзной конференции. Но газетная шумиха продолжалась всего несколько дней. Весьма общие декларации глав делегаций да описания приемов в честь прибывших гостей — вот вся пища, которая досталась на этот раз газетным репортерам. Когда начались рабочие будни, дверь перед журналистами была наглухо закрыта. Вся работа шла в глубокой тайне от общественного мнения, у союзных делегаций были веские причины не предавать гласности те переговоры, которые велись.

Характер конференции мало напоминал встречу равноправных партнеров. Россию к таковым не причисляли. А безнадежное положение, в котором к январю 1917 г. оказалось правительство Николая II, было в общих чертах известно руководителям правительства Антанты, хотя бы по донесениям Бьюкенена и Палеолога. Поэтому общественность не должна была ничего знать о вопросах, занявших внимание конференции, и особенно о том тоне, в каком эти вопросы обсуждались ².

Конференция работала с 19 января до 7 февраля (по старому стилю). Много времени ушло на «общие» разговоры, не имевшие никакого практического результата ³. Среди «деловых» вопросов на первом месте, конечно, был вопрос об уточнении планов военных операций на 1917 г.

Генерал Гурко, взывая к разуму союзных делегатов, доказывал, что без сформирования, снаряжения и обучения по крайней мере шестидесяти новых дивизий русская армия не в состоянии будет осуществить большие наступательные операции. Раньше чем 15 мая 1917 г. представитель русского командования не считал возможным заставлять наступать

---

¹ АВГР, ф. Секретный архив министра, д. 679, лл. 26—27.

² Царский министр иностранных дел потребовал, чтобы весь материал о конференции, помещаемый в газетах, «подвергался самой внимательной, предварительно напечатания, оценке со стороны министерства иностранных дел». На эту работу был посажен специальный чиновник. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, ед. хр. 1403, ч. I, л. 3.

³ Даже Палеолог должен был признать большие затраты времени для «длинного обмена многословными фразами, пустоту которых каждый чувствует». *М. Палеолог*, Царская Россия накануне революции, стр. 310.

русские войска ¹. В результате работ военного совещания, выделенного конференцией, принятое решение гласило: «Кампания 1917 года должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения»².

Атаковать неприятеля предполагалось на главных фронтах, исключив балканский из числа таковых. Русские армии, по словам Гурко, могли бы начать крупное наступление 1 мая, а до этого осуществлять второстепенные операции ³. Не позже 1 мая, если климатические условия не создадут непреодолимых «препятствий», хотели начать общее наступление на всех фронтах ⁴.

Военные руководители делегаций вновь торжественно повторили решение предыдущих встреч о «взаимной вырубке» («если одна из держав атакуется, другие приходят ей на помощь всеми имеющимися у них средствами») ⁵. На практике, как известно, западные страны поступали иначе в отношении России. Таковы были планы, записанные на бумаге. Мы не касаемся пока внутреннего положения России, ибо союзные делегаты, не обладавшие даром объективного анализа или научного предвидения, во многом здесь просчитались, а в разговорах на конференции просто пытались игнорировать русский народ. Совершенно очевидно, что одним из главных условий выполнения военных замыслов со стороны России было бы быстрое и эффективное снабжение русского фронта всем необходимым.

Как же решили вопросы снабжения? Эти вопросы требовали срочного выяснения, ибо на ноябрьской конференции в Шантильи, где были представлены заявки России, просившей поставить ей 763 тяжелых орудия, 1590 тыс. винтовок и другое вооружение, союзники не дали положительного ответа ни по одному пункту ⁶. На конференции

---

¹ М. Палеолог, Царская Россия накануне революции, стр. 314—319.

² Из протокола заседания военного совещания 1 февраля 1917 г. Опубликовано в «Красном архиве», т. 1 (XX), М.—Л. 1927, стр. 42.

³ См. «Красный архив», т. XX, 1927, стр. 50.

⁴ См. там же, стр. 53.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 466, л. 20.

⁶ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1165, лл. 603—604. Представитель царского правительства полковник Война-Пащенко считал даже ненужными «конференции в таком виде», сообщая в Петроград про «оскорбитель-

в Петрограде вопрос был поставлен вновь. Общая потребность России в заграничных поставках (по тоннажу) была определена русским правительством в 10,5 млн. *т*. Но конференция установила ввоз на 1917 г. лишь в количестве 3,4 млн. *т*, т. е. почти равном 1916 г., несмотря на грандиозность военных планов, принятых на год семнадцатый! Из всего объема поставок только 320 тыс. *т* брала на себя Франция. Она обещала поставить 3 млн. pistolетных патронов, 1 млн. взрывателей, 470 тяжелых орудий и траншейных мортир с некоторым количеством снарядов ¹.

России даже не обещали ни нужного вооружения, ни машин, ни сырья-металла, в отношении которых царское правительство зависело от иностранного ввоза.

Царские министры рассчитывали сделать очень крупные заказы в союзных странах. Министерство торговли и промышленности требовало ввоза иностранных товаров для нужд своих предприятий на сумму 606 140 373 руб.; в длинный список заграничных заказов, представленный министерством земледелия, были включены земледельческие машины различных видов, семена, удобрения, грузовики, паровозы. На конференции русские делегаты сделали заявку на ввоз 110 тыс. *т* меди, 80 тыс. *т* свинца, 44 тыс. *т* цинка, значительного количества олова, сурьмы, никеля, алюминия ².

Но все это было безрезультатно. На перевозку машин и сырья союзники не пожелали выделить ни одного парохода.

Управление казенными горными заводами предложило участникам конференции рассмотреть схему потребностей России в заводском оборудовании, но при распределении тоннажа на 1917 г. союзники не отпустили на отправку этого оборудования никаких перевозочных средств, в связи с чем было приостановлено исполнение даже ранее сделанных заказов ³.

ность положения, занятого в международном положении Россией, которой если и говорят сладкие слова, то больше воду». Там же, л. 605.

¹ См. А. Л. Сидоров, Указ. соч., «Исторические записки», т. XV, стр. 177. Цифра в 3,4 млн. *т* была увеличена до 4,25 млн. *т* с учетом возможной гибели части материалов в дороге.

² ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 20, д. 9, л. 15; оп. 1, д. 422, л. 20.

³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 1, д. 434, л. 23; см. также «Исторический архив» № 3, 1955, стр. 154.

Английские и французские представители предлагали делегатам царского правительства преодолевать трудности самим, за счет кабального труда русских рабочих. Полковник Нокс рекомендовал ввести в России трудовую повинность, а генерал Жанен настаивал на милитаризации рабочих и новом увеличении продолжительности рабочего дня¹. Царское правительство не добилось также и новых займов, кредитов или других видов финансовой помощи со стороны союзников. На единственном заседании выделенной на конференции экономической комиссии Барк охарактеризовал «почти катастрофическое» состояние русских финансов, в ответ на что «английский и французский делегаты ограничились обещанием побудить свои правительства принять большее участие в деле оказания помощи России». Барк продолжал переговоры в форме личных бесед с главами делегаций, но безрезультатно: никаких соглашений достигнуто не было².

Намерения союзного совещания как в больших, так и в малых вопросах сводились к тому, чтобы заставить нести жертвы прежде всего и больше всего Россию. Основная задача Антанты на конференции заключалась, таким образом, в том, чтобы, требуя много и давая мало, усилить участие в войне слабевшей и отнюдь не внушавшей чувств спокойной уверенности союзницы.

Еще с осени 1916 г. Палеолог и Бьюкенен высказывали сомнения в прочности царизма и его способности продолжать войну. Провожая Думерга обратно в Париж, французский посол просил передать президенту и премьеру Франции, что «...время больше не работает на нас, по крайней мере в России», и «мы должны уже теперь предвидеть банкротство нашей союзницы и сделать из этого все необходимые выводы»³. Но представители Антанты рассчитывали на то, что к власти придет Дума, которая в качестве наследства примет на себя все обязательства старого правительства. Официальные дипломатические представители Англии и Франции, к которым присоединился новый посол США Френсис, бесцеремонно вмешиваясь во внутренние дела

---

¹ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 120, л. 86 об.

² См. Л. Альдрованди Марескотти, *Дипломатическая война*, Л. 1944, стр. 79.

³ М. Палеолог, *Царская Россия накануне революции*, стр. 325—326.

страны, в которой они были аккредитованы, пытались помочь русской буржуазии сформировать правительство.

Исходя из той предпосылки, что, пока русский царь у власти, его нужно покрепче привязать к Антанте, а если он будет убран, то русская буржуазия будет расплачиваться по всем его векселям, глава делегации Французской республики в те же дни, когда заседала союзная конференция, в глубокой тайне даже от своих английского и итальянского коллег вел переговоры с Николаем II о подписании еще новых тайных договоров относительно удовлетворения захватнических appetитов сторон. Царское правительство рассчитывало, что такой договор будет вполне взаимным и что России будет предоставлена свобода действий в определении ее западных границ, а тем самым облегчится возможность удовлетворения захватнических appetитов русских империалистов¹. В записке, врученной Палеологом Покровскому через 2 дня после беседы Думерга с императором 1(14) февраля 1917 г., французские планы в Европе были сформулированы достаточно определенно. Речь шла о включении в состав Франции не только Эльзас-Лотарингии, но и Саарской области, а остальные зарейнские территории Германии должны быть объединены в «...автономное и нейтрализованное государство, которое должно пребывать под оккупацией французскими войсками до тех пор, пока вражеские страны не удовлетворят полностью всех условий и гарантий, включенных в текст мирного договора»². Покровский поспешил в тот же самый день уверить Палеолога в поддержке русским правительством этих французских замыслов³. Приехавший из России Думерг сумел убедить премьер-министра в том, что ухудшающееся (с точки зрения французских империалистов) внутреннее положение России требует некоторого морального воздействия на русское правительство. Россия, не участвующая активно в войне, совсем их не устраивала. Тем более, что такая словесная поддержка притязаний России мало что

---

¹ См. «Известия», 10 ноября 1917 г., № 221, «Тайна дипломатии и тайные договоры». Секретная телеграмма Н. Н. Покровского послу в Париже. Петроград, 30 января 1917 г., № 507, копия в Лондон.

² «Европейские державы и Турция во время мировой войны. Константинополь и проливы». По секретным документам б. Мин-ва иностр. дел, под ред. Е. А. Адамова, М. 1925, т. 1, стр. 454—455 (в дальнейшем «Константинополь и проливы». — А. И.).

³ Там же, стр. 456.

стоила Антанте. В таком виде тайная сделка была завершена. России предоставили «свободу» в определении ее западных границ, в связи с чем, по мысли ее партнеров, заинтересованность царизма в успешном исходе войны должна была возрасти ¹.

Французские империалисты заодно хотели заручиться поддержкой России в своей позиции по отношению к Англии, не желавшей усиления Франции в Европе. К коллекции тайных соглашений, привязывавших русских империалистов к колеснице Антанты, прибавился еще один экземпляр. И ранее подписанный договор о незаключении сепаратного мира с Германией, и сделки о разделе Турции, и соглашение с Францией по европейским вопросам — все эти документы, накладывая на Россию значительные обязательства, усиливали политическую зависимость ее от Антанты. В то же время уступки, сделанные русской буржуазии, прокламированные на бумаге, представляли лишь тактический маневр союзников. Как будет видно из последующего изложения, Антанта не собиралась всерьез удовлетворять захватнические аппетиты русских империалистов. Последним обещали только то, что практически, по крайней мере в ближайшей перспективе, получить было невозможно. Французский империализм и здесь остался верен своей позиции по отношению к тогдашней России: брать много и давать мало.

Неустойчивость Николая II и его правительства, начавшего склоняться к сепаратному миру, была довольно ясна французскому правительству. Его представитель в России и английский посол Бьюкенен подталкивали буржуазных лидеров на изменение состава русского правительства.

«Политическая обстановка в России, — записал 16 января 1917 г. в своем дневнике президент Франции Раймонд Пуанкаре, — становится все более неопределенной и непонятной».

Несколькими строками ниже в дневнике откровенно сказано и о желаемом выходе из этой неопределенности: в

---

¹ Правда, в апреле — мае 1917 г. история этих закулисных переговоров выплыла наружу после опубликования немецкими газетами писем Думерга из Петрограда, попавших в германские руки. Рибо пришлось выслушать несколько неприятных слов от английского правительства, а Бриану — давать объяснения на закрытом заседании палаты депутатов, где «буря негодования» социалистов довольно быстро улеглась.

качестве такового названа «одна из тех дворцовых революций, примеры которой в изобилии имеются в истории России»¹.

Президент не разобрался во внутрирусской обстановке.

Как Антанта, так и составившая с ее представителями в России единый заговор русская буржуазия вовсе не стремились ниспровергнуть монархический строй. Им нужны были не новая конституция и не радикальные перемены, а новая (им послушная) фигура в императорском дворце и обновленное правительство. Дворцовым переворотом они рассчитывали предотвратить народную революцию, сохранить эксплуататорский строй в России. В их план входило провозглашение императором царевича Алексея при регентстве великого князя Михаила. Бьюкенен обсуждал за обедом в английском посольстве вопрос о дворцовом перевороте с лидерами русской буржуазии², а затем получал информации о готовящихся событиях³. Охранка неоднократно отмечала связь буржуазных лидеров с иностранными дипломатами. В составленной 6 февраля 1917 г. записке Петроградского охранного отделения об «оценке момента кадетами» в специальном пункте указывалось на «явное и подчеркиваемое доброжелательное отношение союзных правительств к молодой России.

Находясь в непосредственном общении с английским посольством, кадеты черпают оттуда соответствующие указания и советы»⁴. И английский и французский посол участвовали в заговоре. Вместе с англо-французскими дипломатами действовал посланник американского империализма Френсис.

Еще 7(20) января 1917 г., не получив от Николая II никакого определенного ответа и никаких конкретных обещаний относительно активизации войны со стороны России, Палеолог делает вывод, что царское правительство «потеряло почву» и рассчитывать на него больше не следует⁵. Через 4 дня, в гостях у великой княгини Марии Павловны, Палеолог обсуждал с ней вопрос об убийстве царя. Сам фран-

---

¹ *Raymond Poincaré, Au service de la France, v. IX, L'année trouble, 1917. Paris 1932, p. 53.*

² См. *Дж. Бьюкенен, Мемуары дипломата, изд. 2, М. 1924, стр. 180.*

³ См. там же, стр. 187.

⁴ «Буржуазия накануне Февральской революции», Л.—М., 1927, стр. 179.

⁵ См. *М. Палеолог, Царская Россия накануне революции, стр. 291.*

цузский посол подал эту мысль. На вопрос Марии Павловны «не правда ли, я могу в случае надобности рассчитывать на вас?» официальный дипломатический представитель союзной Франции при царе без колебаний ответил «да»¹. А почти через месяц, 10(23) февраля, Палеолог, разговаривая с той же собеседницей, уже настаивал на быстрых действиях: «опасность близка; важен каждый час. Если спасение не придет сверху, революция произойдет снизу. А тогда это будет катастрофа!»² Посла уже начали волновать тяжелые предчувствия. Министерство из думских деятелей казалось ему наилучшим выходом из положения, ибо в этом случае можно было рассчитывать на активизацию военных действий со стороны России. Но страшнее всего для империалистов было то, что ширившееся революционное движение в столице могло сорвать все намерения русской и союзной буржуазии. Именно попытка защитить интересы эксплуататорских классов против русского народа заставила Палеолога в тот исторический день 27 февраля (12 марта), когда русский народ решил судьбу романовской династии, попытаться принудить царское правительство добровольно уйти от власти. Н. Н. Покровскому Палеолог заявил: «...Немедленное назначение министерства, внушающего доверие Думе, мне кажется более чем когда-либо необходимым, потому нельзя больше терять ни одного часа... Я добавляю, что в таких серьезных обстоятельствах представитель союзной Франции имеет право подать императорскому правительству совет, касающийся внутренней политики»³. И стремление французского империализма лишить Николая II возможности вести сепаратные переговоры с Германией (или по крайней мере уменьшить потенциальные шансы на их успех) подписанием новых тайных договоров и нисколько не противоречащая этому, а представляющая лишь вторую сторону одной и той же медали деятельность полномочного агента французского правительства в России, направленная к замене царского правительства буржуазным, включая сюда и разговоры о насильственном устра-

---

¹ См. *М. Палеолог*, Царская Россия накануне революции, стр. 297.

² Там же, стр. 328. Произведенные у великой княгини и Вырубовой обыски (после их ареста) показали, по сообщению французского военного атташе в России Жанена, «что обе они находились в сношениях с французским посольством». *Janin*, Au G. Q. G. Russe. Журнал «Le monde slave», январь 1927, Paris 1927, p. 16.

³ *М. Палеолог*, Царская Россия накануне революции, стр. 342.

нении Николая II, — все эти действия были следствием неспособности царизма бороться с революционным движением и успешно вести войну на стороне Антанты, его беспомощности, ставшей совершенно очевидной к концу 1916 г. Представители Антанты участвовали в заговоре русской буржуазии, желавшей ловким маневром «наверху» предотвратить развертывание победоносной революции «снизу».

В декабре 1916 г., отвергая официальные, сделанные публично с трибуны германского рейхстага устами канцлера Бетман-Гольвега мирные предложения Германии (в приказе Николая II по армии и флоту от 12(25) декабря), царское правительство заявляло, что Россия будет «сражаться до победы»¹. Реальная действительность — растущий развал народного хозяйства, неработоспособность правительства, бездеятельность военных руководителей — каждодневно опровергала обманчивые официальные «успокоительные» заявления.

Однако развитие революции, принимавшее в феврале 1917 г. грозную для правящих классов форму массовых политических забастовок и организованных революционных выступлений пролетариата, не было ни остановлено, ни даже заторможено в результате попыток представителей Антанты и русской буржуазии предотвратить ликвидацию царизма народной революцией. Не увеличилась и способность царских властей активно участвовать в войне. Наоборот, переговоры о сепаратном мире, имевшие место и в прошлые месяцы (деятельность Васильчиковой в Петрограде, переговоры Протопопова с Варбургом в Стокгольме и другие факты), к концу 1916 г. вылились в заговор самодержавия против революции, которую Николай II хотел задушить при помощи сепаратного мира, ибо революция была для царизма много опаснее, чем германский конкурент. О нежелании осложнять отношения с Германией и Австрией и тем затруднять возможность успешных переговоров свидетельствовали уже и отказ Николая II опубликовать акт об автономии Польши и сопротивление его обнародованию соглашения 1915 г. об «уступке» проливов и Константинополья России (о котором все же было сообщено Треповым в речи 30 ноября 1916 г.). Еще более красноречивыми были сами попытки переговоров: и в Германии и в Австро-Венгрии одновременно нащупывалась почва: «В начале марта принц Макс Баденский получил через герцогиню Кобург-

¹ См. «Речь», 13(26) декабря 1916 г.

скую сведения, что одна из русских великих княгинь готова взять на себя посредничество между германским правительством и царем. 13 марта (28 февраля) 1917 г. Макс Баденский написал царю письмо, в котором, запугивая его революцией, уговаривал заключить мир. Письмо не дошло по адресу. Помешала та самая революция, которой принц собирался напугать царя»¹. Представитель «нейтральной страны» посетил в феврале 1917 г. австрийского министра иностранных дел Чернина и от имени России предложил переговоры о сепаратном мире (прерванные лишь из-за падения царизма)². В печать просачивались сведения о том, что австрийское правительство, «во избежание полного разгрома» и считаясь со своим внутренним положением, «готово заключить мир на каких угодно условиях»³.

Измученный войной, доведшей до крайнего предела нищету и разорение масс и принесшей колоссальные человеческие жертвы, народ России под руководством большевистской партии был готов активно участвовать в большой революции для ликвидации и царизма и войны. Русская буржуазия, боявшаяся и большой революции и прекращения войны, дававшей колоссальные прибыли в настоящем и надежды на империалистические захваты в будущем, хотела осуществить «малую революцию» для ведения большой войны. В такой своеобразной исторической ситуации империалисты Антанты, от которых русская буржуазия находилась в большой зависимости и для которых воюющая Россия по-прежнему была необходима, как источник пушечного мяса, оказались неожиданным «союзником» русской революции.

В. И. Ленин в ряде работ, анализируя события Февральской революции, указывал на роль империализма Антанты. В первом «Письме из далека» вождь большевиков показал, что победу революции облегчило слияние противоположных политических и социальных стремлений: «Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К⁰ к захвату власти *в интересах продолжения империалистской войны*, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах *избиения новых*

¹ «История дипломатии», т. II, М. 1945, стр. 295.

² См. об этом О. Чернин, В дни мировой войны, ГИЗ, 1923, стр. 156, 157.

³ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 2078, л. 25 об., Обзор иностранной печати.

миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб*, за *мир*, за *настоящую свободу*»¹.

В третьем «Письме из далека» В. И. Ленин развил новую мысль, указывая на ту роль, какую сыграла помощь Антанты в присвоении русской буржуазией себе лавров победы, одержанной народной революцией над монархией: «Своеобразие положения в том, что гучковско-милюковское правительство одержало первую победу (речь идет о формировании Временного правительства.— А. И.) необыкновенно легко в силу трех следующих главнейших обстоятельств: 1) помощь англо-французского финансового капитала и его агентов; 2) помощь части верхних слоев армии; 3) готовая организация всей русской буржуазии в земских, городских учреждениях, Государственной думе, военно-промышленных комитетах и проч.»² Такова роль империалистов Антанты — помощников российской буржуазии в борьбе за захват ею власти.

Революция, как известно, произошла большая, а не малая. Это была первая победоносная, буржуазно-демократическая по характеру, пролетарская — по средствам борьбы революция эпохи империализма. Ее осуществил народ, во главе которого шла Коммунистическая партия. Решающую роль в свержении самодержавия сыграли миллионные массы русских рабочих, крестьян, солдат, боровшихся за хлеб, за мир, за землю, за свободу под руководством большевиков. Колыбелью революции стал пролетарский Петроград.

Бюро Центрального Комитета большевистской партии опубликовало манифест, призывавший к победоносному завершению борьбы за ликвидацию царизма, к созданию временного революционного правительства. На следующий день, 27 февраля (12 марта), восставший народ покончил с романовской монархией.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 296.

² Там же, стр. 314. Эта же мысль повторена В. И. Лениным в реферате о задачах РСДРП в русской революции, прочитанном им на немецком языке 14(27) марта 1917 г. в Цюрихском народном доме на собрании швейцарских рабочих. Там же, стр. 346—347.

Объединившиеся для совместного удара по самодержавию рабочие и солдаты арестовали царских министров и генералов. В тот же день, 27 февраля (12 марта) 1917 г., начал свою работу Петроградский Совет рабочих депутатов, преобразованный вскоре в Совет рабочих и солдатских депутатов.

Руководство революционной борьбой со стороны большевиков обеспечило успех революции. Той великой силой, которая навсегда свергла самодержавие, явился союз рабочего класса и крестьянства во главе с рабочим классом. Однако империалистическая буржуазия старалась воспользоваться плодами народной победы. Созданный 27 февраля (12 марта) в результате сговора империалистов с меньшевистско-эсеровскими лидерами Временный комитет Государственной думы оформил 2(15) марта 1917 г. буржуазное Временное правительство во главе с князем Львовым. В его составе находились хорошо известные западным империалистам люди, вполне «устраивавшие» союзников русских империалистов. Так сложилось двоевластие — в этом состояло своеобразие революции; рядом с правительством буржуазии существовало другое правительство, Советы рабочих и солдатских депутатов. Это была власть пролетариата и крестьянства по классовому составу, революционная диктатура по политическому характеру. Под давлением захвативших большинство в Совете меньшевиков и эсеров, которые использовали недостаточную еще тогда сознательность, опытность и организованность части пролетариев и трудящихся крестьян, Исполком Совета шел на уступки буржуазному правительству, сдавал ему позиции. «Классовый источник этого двоевластия, — указывал В. И. Ленин, — и классовое значение его состоит в том, что русская революция марта 1917 года не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и *дошла вплотную* до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»¹.

Казалось, Париж и Лондон добились своего. Угроза сепаратного мира должна была миновать, а перспектива активного участия России в войне — стать реальной в ближайшем же будущем. От Временного правительства, состоявшего из ставленников Антанты, империалисты Франции, как и Англии и США, ждали более последовательной и энергичной защиты интересов западных стран.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 40.

У власти во Франции были тогда и прямые представители империалистической буржуазии (Пуанкаре, Рибо), и бывшие социалисты, ренегаты рабочего движения, перешедшие полностью на службу капитализму (Бриан, Вивиани, Пенлеве), и представители руководства социалистической партии (Альбер Тома). Французское правительство надеялось использовать Февральскую революцию для извлечения из России новых материальных богатств и людских ресурсов.

Планы Антанты составляли реальную угрозу гибели России как самостоятельного государства. Существовавшая тогда экономическая, политическая, военно-стратегическая зависимость России от Франции и Англии казалась империалистам Антанты уже недостаточной. Каждый новый день продолжающейся войны должен был способствовать все большему подчинению России.

В лице русской буржуазии, не борющейся за сохранение национального суверенитета России, экономически зависимой от англо-французского капитала, Антанта рассчитывала иметь послушных исполнителей своей воли. Таковы были замыслы «верхов». Этим намерениям, выполнение которых грозило величайшими бедствиями России, ее славная Коммунистическая партия противопоставила план борьбы за победу диктатуры пролетариата. Большевики, истинные патриоты своего отечества, ставили своей целью, не останавливаясь на первом этапе революции, давшем власть буржуазии, осуществить второй ее этап, который должен был иметь своим результатом победу социалистической революции, вывод России из империалистической войны, ликвидацию ее зависимости от иностранных империалистов.

Свержение самодержавия создавало обстановку, более благоприятную для прорыва цепи империализма в нашей стране. Русский пролетариат являлся авангардом международного революционного движения. Эта победа русского народа способствовала значительной активизации революционной и антивоенной борьбы в странах Запада и Востока. На стороне большевистской партии, рабочего класса и трудового крестьянства нашей страны находились лучшие представители трудящихся всего мира. На стороне эксплуататорских классов России были силы международного империализма.

ГЛАВА II

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ФРАНЦИЯ

§ 1. Контрреволюционная позиция французского правительства по отношению к русскому народу в дни Февральской революции

Реакционные круги во Франции участвовали в заговоре против русской революции, буржуазно-демократической по своему характеру. Народная революция в России, считалась в этих кругах, таила в себе чрезвычайные опасности для международного капитала. «Русский союзник» мог выйти из войны, лишив Антанту миллионных армий, сражавшихся за ее интересы. Еще важнее было то, что создалась угроза классовому господству эксплуататоров, ибо «русская революция грозила зажечь пожар мирового восстания, расшатать и разбить господство капитала, повергнуть в прах золотого тельца»¹.

Русские империалисты вместе с империалистами США, Франции, Англии, движимые классовой ненавистью к русскому народу и к народам своих стран, пытались «задушить русскую революцию во что бы то ни стало, разрушить ее силы, обезглавить международный пролетариат, перебить его партию»².

Некоторые изменения в политическом положении России Антанты, как известно, считала необходимыми. Ее агенты хотели убрать с дороги клику разваливших страну министров царского правительства, заменить одного монарха другим и передать власть лидерам буржуазии, способным (как им еще казалось) успешно вести «большую войну» и разгромить демократические силы. Такая, только такая

---

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7, Госполитиздат, 1954, стр. 390. Из Манифеста РСДРП «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России», принятого на VI съезде партии.

² Там же.

«революция» могла устроить и Париж, и Лондон, и Вашингтон. Размах народного движения, массовые революционные выступления трудящихся России испугали буржуазию Антанты. Первой реакцией ее была попытка скрыть действительное положение вещей, извратить картину, обмануть общественное мнение. Временное правительство, едва очутившись у власти, со своей стороны, старалось не пропускать за границу большевистской печати. Все же отдельные номера «Правды» вопреки стараниям обоих правительств доходили до Франции. В то же время кадетскую «Речь» доставляли в Западную Европу почти регулярно, а телеграф снабжал редакции французских газет официальными, составленными чиновниками Временного правительства сообщениями Петроградского телеграфного агентства, в которых события в России извращались. Парижская буржуазная печать в большинстве своем на протяжении многих лет положительно относилась к русскому царизму. Некоторые газеты делали это с тем большим основанием, что получали за освещение русских событий в угодном Николаю II духе солидное «вознаграждение». После Февраля было обнаружено, например, что «Petit Journal» и «Figaro» получили за 1915 и 1916 гг. подписные деньги от русского правительства за 20 тыс. экземпляров, фактически посылая лишь по одному, а в петроградском министерстве финансов истраченные деньги регистрировались как расходы на объявления¹. Царские агенты подкупали также «Matin». По данным, приведенным в «Journal du peuple», «Figaro» получила за несуществующую подписку 700 тыс. франков, «Matin» получила 350 тыс. и «Petit Journal» — 300 тыс. франков². Получила солидные суммы от царского правительства и редакция «Temps»³.

---

¹ См. «Свободная жизнь», 20 (7) сентября 1917 г., стр. 4. Михаил Павлович в статье «Русские граждане и русские дипломаты» (газета «Новая жизнь», 26(13) сентября 1917 г., стр. 2) приводит интересный факт: разоблачивший Азефа и других провокаторов работник охраны Меншиков передал одной из французских газет серию статей об организации провокации в России. Редакция приняла статьи, уплатила автору гонорар, но, вместо того чтобы напечатать их, продала (с прибылью) представителям русского правительства во Франции.

² «Journal du peuple», 15 сентября 1917 г., р. 1.

³ В начале 1916 г. между министром финансов царского правительства и редакцией газеты «Temps» был заключен контракт: газета обязалась 2 раза в год выпускать номера, составленные по указаниям министерства финансов и помещать за год до 5 тыс. слов телеграмм мини-

Буржуазная печать Франции занимала резко враждебную позицию по отношению к русскому народу, и эта ненависть predetermined характер той информации, которую парижские газеты давали читателям в дни революции. Первым из использованных французской печатью средств была попытка не давать никакой информации.

Во Франции узнали о свержении самодержавия позже, чем в других странах. Уже с 5—6 марта ¹ парижские газеты почти совершенно перестали освещать события, происходившие в России. В то же время вернувшийся из Петрограда Думерг объявил журналистам, будто оставил русских «в блестящем положении». Париж наполнялся слухами, противоречащими один другому. Правительство и печать тщательно скрывали правду.

Обратимся к содержанию наиболее распространенных газет финансового капитала «Le Temps», «Le Matin», а также — для сравнения — главной газеты французских правых социалистов, какой в 1917 г. являлась «L'Humanité», за март 1917 г. Первые две газеты выражали взгляды и настроения французской буржуазии. «Le Temps» В. И. Ленин называл газетой «французских миллионеров и империалистов»². «L'Humanité» находилась в руках социал-шовинистов, поддерживавших буржуазное правительство. 5, 6, 7, 8 марта о внутреннем положении России «Temps», помещавшая телеграммы из Мадрида, Афин, Багдада и Пекина, уделявшая международному положению не менее двух больших страниц в каждом номере, не сообщает ничего. 9 марта, в день, когда в Петрограде бастовало уже около 200 тыс. рабочих, передовая «Temps» была посвящена работе Думы. Газета выражала полное удовлетворение

стерства; за эти «услуги» уплачивалось 150 тыс. франков ежегодно. В том же 1916 г. переговоры об освещении «в угодном ему духе» некоторых вопросов внешней политики на страницах «Temps» вело министерство иностранных дел. Речь шла (как сообщил Извольский Сазонову) об опубликовании 72 телеграмм из Петрограда (за год), освещающих «отдельные вопросы иностранной политики в желательном министерству смысле», за «компенсацию» в сумме 150 тыс. франков. В Петрограде, в МИД'е положительно отнеслись к подписанию второго контракта с руководителями газеты. АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1916, д. 60, т. II, л. 607; д. 143, лл. 1, 42—43. Царское правительство подкупало также редакция некоторых газет в нейтральных странах — США, Швейцарии, Голландии, Греции. Там же, ф. Отдел печати, д. 24, л. 55.

¹ Здесь и в дальнейшем даты в тексте даны по новому стилю.

² В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 313.

поведением Милюкова, требовавшего активного ведения войны.

10 марта, в день, когда забастовка в Петрограде стала всеобщей, «Temps» не сообщила о положении в России вообще ничего, исключая лишь телеграмму о собрании французского института в Петрограде.

11 марта, в то время как в Петрограде началось восстание, а царь издал указ о роспуске Думы, во Франции можно было прочесть несколько строк о заседаниях той же Думы. И ничего больше. Ни слова о действительно важных, исторических событиях, происходивших в России. 12 марта, когда рабочий класс сверг самодержавие, на страницах «Temps» была освещена дискуссия в Думе по продовольственному вопросу. Истина была принесена в жертву классовым интересам.

Заговор молчания вокруг революции в России продолжался в следующие дни.

14 марта, т. е. на второй день после победы революции, газета сообщила о роспуске Думы и — впервые — упомянула о «демонстрациях» в Петрограде и Москве, вызванных якобы лишь «продовольственным кризисом». Тем временем на столе у работников редакции уже лежала пачка телеграмм, в которых сообщалось о подлинных событиях революции. В передовой 15 марта («Тревожное положение в России») газета, не сообщая правды, развернула более полно свою «концепцию» русских событий: «волнения» в Петрограде происходят будто бы только «на экономической почве», и население требует «правительства, пользующегося доверием страны». Французский читатель мог не беспокоиться, ибо-де «русский народ твердо решил бороться до победы против Германии». «Temps» не сообщила о революции и 16 марта: в одной небольшой заметке о России говорилось, что «волнения продолжаются» и что правительство (какое?) «занято разрешением продовольственного вопроса».

«Matin» тоже молчала до 10 марта. Две небольшие телеграммы о продовольственных трудностях в Петрограде и о борьбе против алкоголизма в России были помещены редакцией 11-го. 12 и 13 марта газета не писала о России ничего. 14 и 15 марта были помещены еще две заметки о продовольственных волнениях, сопровождавшиеся успокоительными замечаниями, будто «возбуждение ни в малейшей степени не направлено против войны». Помещая в номере 16 марта на первой странице портрет Родзянко, газета уверяла, что «все

партии готовы охотно сотрудничать между собой, чтобы выйти из настоящего кризиса», не разъяснив, в чем собственно этот «кризис» заключается.

«L'Humanite», газета, которая по точной ленинской оценке «была бешено шовинистической во время войны, стояла на точке зрения таких социалистов, как наши меньшевики и правые эсэры»¹, в данном случае мало чем отличалась от «Temps» и «Matin». И здесь до 10 марта не сообщалось ничего, а затем пошли описания заседаний Думы.

13-го редакция поведала свое мнение о «волнениях» в русской столице, найдя «мало оснований» оценивать их «как серьезные», а после обеспечения населения хлебом газета ожидала наступления полной тишины. 14 марта, высказывая некоторое беспокойство по поводу роста народного движения, «L'Humanite» больше всего взволновалась роспуском Думы. Об этом главным образом газета и писала. 15 и 16 марта социалистический орган также замалчивал революцию, как и все буржуазные газеты, копировавшие «Temps».

Не попали правдивые сообщения о России и в орган меньшинства французских социалистов «Journal du peuple». Во всех номерах от 8 до 14 марта была помещена лишь одна информация о продовольственных затруднениях, притом со ссылкой на миланскую газету. Правда, 15 марта «Journal du peuple» высказывает свои сомнения, в продовольственном ли кризисе причина «волнений»; редакция выражает мнение, что положение в действительности серьезнее, хотя она не указывает, в чем именно дело. Намерения газеты несколько расширить информацию о внутреннем положении России свирепо пресекались цензурой. Попытки некоторых парижских редакций перепечатать сведения о революции из швейцарских газет и из английской печати не удалось по вине той же правительственной цензуры. В Европе французский народ узнал о русской революции последним. Во Франции, где классовая борьба была острее, чем, например, в Англии и Италии, где война принесла гораздо больше бедствий, ибо шла на французской же территории, правительство чаще прибегало к дезинформации, обману общественного мнения. Но медлить было уже невозможно. Еще 13 марта Извольский телеграфировал из Парижа: «Срочно. Проникающие сюда из различных косвенных источников из-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 195.

вестия о беспорядках и военных бунтах в Петрограде и Москве вызывают здесь сильное беспокойство. Желательно по возможности точное и полное осведомление французской публики через телеграфное агентство»¹.

Только 17 марта газетам разрешили сообщить об отречении Николая II от престола и о составе нового правительства. При этом вся Февральская революция лживо изображалась, как дело рук «храброй» Думы, которая, несмотря на указ царя о ее роспуске, «продолжала свои занятия, образовав исполнительный комитет, который принял название «Временного правительства». А трудящиеся Петрограда, презрительно именуемые «толпой», якобы только «волновались» на улицах из-за «продовольственных трудностей»².

В первые же дни после буржуазно-демократической революции, совершенной в нашей стране, французские газеты развернули клеветническую кампанию против русского народа, не останавливаясь и перед прямой фальсификацией исторических событий. Ложь, обман, демагогия были в их руках одним из орудий борьбы против русской революции³. Руководители социалистической партии в то время активно включились в поход империалистов против русского народа. «L'Humanité», получив разрешение в номере от 17 марта опубликовать сообщение о положении в России, так же, как и буржуазные газеты, грубо извращала действительность. «Голод снес трон Романовых», — вопреки фактам утверждала газета⁴.

После опубликования известий о свержении Николая II на парижской бирже немедленно поднялся курс русских ценностей. Дезориентированные французы, долгое время ничего не знавшие о положении в России, 17 марта вдруг прочли сенсационные новости о падении самодержавного строя. Впечатление было очень велико. Очевидцы, даже из

---

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 71, т. I, 1917, л. 168.

² «Temps», 17 марта 1917 г., р. 1.

³ И в Англии и в США правительства также старались скрыть от своих народов правду о революционных событиях в России, объясняя смену власти в Петрограде «голодным бунтом». Так, консул США в Петрограде Виншип в отчете своему правительству указывал, будто царское правительство пало в результате многолюдных демонстраций, сопровождавшихся криками: «дайте нам хлеба». См. «Papers relating to the Foreign relations of the United States, 1918, Russia», v. 1, Washington 1931, р. 9. В подобном же духе «освещала» революционные события в России буржуазная печать и других стран.

⁴ «L'Humanité», 21 марта 1917 г., р. 1.

правого лагеря, свидетельствуют, что «газеты брались на-расхват: у газетчиков их не хватало и длинные хвосты горящей нетерпением публики осаждали киоски, точно угольные склады во время больших холодов»¹. Парижане, а вслед за ними жители провинций и войска на фронте узнали о событиях революции в интерпретации французской печати. Но уже в следующем номере 18 марта газеты объявили взволнованной Франции, будто революция в России закончилась. Корреспондент «Temps» уверял, что в Петрограде «царит порядок». К тому же царь якобы добровольно отстранился от власти². «Matin» утверждала, будто в России быстро восстанавливается спокойствие³. В то же время правящая клика была озабочена защитой своих классовых интересов в изменившейся обстановке. Французское правительство так же, как и правительства Англии, США, хотело помешать высвобождению России из-под иностранной зависимости. Оно рассчитывало, наоборот, углублять, усиливать эту зависимость. Три задачи, тесно связанные, стремились решить правительство Франции в отношениях с Временным правительством: революция должна остановиться, во-первых; Россия должна отныне более успешно, чем при старой власти, вести войну, во-вторых; и, наконец, в-третьих, нужно было одновременно парализовать влияние русской революции на французский народ. Вокруг этих тем и был сосредоточен весь арсенал пропагандистских средств. Попытке решить эти задачи была подчинена политика правящей верхушки в «русском вопросе».

Революция в России совпала по времени со сменой правительства во Франции. В тяжелом экономическом положении Франции и в ряде военных неудач французский парламент считал частично виновным кабинет Бриана. Еще в конце 1916 г. на секретных заседаниях палаты депутатов, продолжавшихся 9 дней, правительство подверглось жестоким нападкам, но получило вотум доверия 314 голосами против 165. 17 марта Бриан подал в отставку, известие о революции в России ускорило отставку кабинета. 19 марта было сформировано правительство Рибо. Руководство политикой Франции, как и прежде, находилось в руках открытых империалистов, вместе с которыми тогда действовали

---

¹ «Русская воля», 21 (8) марта 1917 г., Корреспонденция из Парижа.

² «Temps», 18 марта 1917 г., р. 1.

³ «Matin», 17 марта 1917 г., р. 3.

лидеры социалистов. Вокруг партии радикалов объединились все буржуазные группировки, включая роялистов справа и республиканских социалистов, склонных к левой фразеологии. За спиной блока буржуазных партий (давшего трещину только осенью 1917 г. в результате обострения классовой борьбы внутри страны) стояло объединение представителей банков и тяжелой индустрии «Комитэ де Форж». Социал-шовинисты продолжали поддерживать империалистическое правительство и лично в нем участвовать. Новое правительство Рибо пришло с программой ведения войны «с крайним напряжением до окончательной победы» и сохранило в своей программе все прежние захватнические планы Франции ¹.

Правительство представляло интересы монополистического капитала, которому война была выгодна. За один только 1916 г. французские империалисты получили 4384,9 млн. франков военных сверхприбылей; в 1917 г. сумма этих прибылей возросла до 5680,2 млн. франков². Непримирымый враг русского народа, считавший Февральскую революцию «мятежом», а Россию после победы революции — свергнутой во «всеобщую анархию»³, новый премьер — 75-летний Рибо в первой же программной речи восхвалял царя Николая II, который «всегда был, есть и будет верным другом Франции»⁴, хотя в это время Николай уже не был царем и не располагал средствами для подтверждения «верной дружбы» к Франции. И палата депутатов и сенат, посылая приветствие Временному правительству, которое казалось приемлемым, поскольку оно пока подтвердило обязательства прежней власти, требовали от России прежде всего того, что, в должном словесном обрамлении, высказал председатель

¹ «L'Humanite», 22 марта 1917 г., р. 1—2.

² «Statistique General de la France. Annuaire Statistique, 1933», р. 303.

³ A. Ribo, Lettres à un ami, Paris 1924, р. 227.

⁴ «Temps», 23 марта 1917 г., р. 3. Ряд правых французских газет, такие, как «Galois», «Figaro», открыто выражали огорчение по поводу свержения царя, всячески превознося его «заслуги». На это указал заграничный орган большевистской печати. См. «Bote der Russischen Revolution», Organ der ausländischen Vertretung der Zentralcom. der Soc. dem. Arbeiterpartei Russlands (Bolschewiki), № 7 от 27 октября 1917 г. Stockholm, 1917, S. 10. Когда было принято решение об аресте Николая II и отправке его в Царское Село, французский военный аташе в России генерал Жанен вместе с другими представителями союзных миссий просил разрешения сопровождать свергнутого царя до Царского Села, чтобы уберечь его от народного гнева. См. С. Бантке, Борьба за создание Коммунистической партии Франции, М. 1936, стр. 129.

палаты депутатов Дешанель: «Да продолжают с энтузиазмом ее героические армии их великое дело вплоть до достижения общей победы над общим врагом»¹. В том, что русский народ якобы поднялся на борьбу для того, чтобы усилить войну против Германии, пытались убедить читателей и многочисленные парижские газеты. Соглашаясь с целесообразностью революции «национальной» и «воинственной», они решительно отвергали необходимость социальных преобразований в России. «Echo de Paris» требовала, чтобы «все было подчинено успеху военных операций», «Matin» продолжала уверять, что «перелом» (по выражению газеты) в стране «не имеет ни малейшей связи с общей политикой России и ее решением бороться до конца с вторгнувшимся «завоевателем»². А «Temps» поместила присланное 16 марта ее корреспондентом из Петрограда заявление Милюкова, сделанное лично этому журналисту, где новоиспеченный министр формулировал главную проблему, стоящую перед новым правительством, — «установить в России такую власть, которая могла бы дать народу окончательную победу над врагом»³. В общий хор включился и «Journal du peuple», объявивший, будто «Россия произвела революцию прежде всего для того, чтобы свергнуть плохих военных руководителей и на их место поставить хороших по своему выбору»⁴.

Итак, забота об активном участии в войне и об отказе от дальнейших социальных «потрясений» русского союзника, помощь Временному правительству в его борьбе против развития революции в России, с одной стороны, борьба против влияния революции на свой народ, свою армию в сфере внутренних классовых отношений — с другой — таковы были основные цели политики французских правящих кругов после Февраля и в связи с победой буржуазно-демократической революции в России.

---

¹ «L'Humanite», 22 марта 1917 г., р. 2.

² «Биржевые ведомости», 10(23) марта 1917 г., «Matin», 19 марта 1917 г., р. 4.

³ «Temps», 17 марта 1917 г., р. 4.

⁴ «Journal du peuple», 10 апреля 1917 г., р. 1. Статья озаглавлена «Русское 4 сентября».

§ 2. Русско-французские отношения по вопросу о войне в марте — апреле 1917 г.

Вопрос о роли России в войне после Февральской революции не мог не привлечь самого пристального внимания Антанты.

В те дни марта 1917 г., когда шли переговоры между временным комитетом Государственной думы и Петроградским Советом (в котором меньшевики и эсеры захватили большинство) о создании правительства России, миллионы солдат стояли под ружьем. Шел уже тридцать первый месяц разрушительной войны на территории России. Вопрос о войне стоял в центре внешней и внутренней политики страны, занимал важнейшее место в революционной борьбе народа и деятельности большевистской партии, а также в пропаганде и агитации других партий, групп, организаций. Вопрос о войне встал, как важный вопрос в русско-французских отношениях. И когда в результате закулисной сделки соглашателей из мелкобуржуазных партий с русскими империалистами Временное правительство возвестило 15 марта о своем существовании, то оно должно было очень скоро дать ответ на этот вопрос.

Вся деятельность русской буржуазии определялась стремлением решить насущную классовую задачу эксплуататоров — выиграть борьбу за сохранение своей государственной власти, помешать наметившемуся в стране прорыву фронта империализма. Вопросы продолжения войны были неразрывно связаны для Временного правительства с борьбой против революции.

Империалистический характер войны со стороны России после Февральской революции не изменился и не мог измениться, пока власть находилась в руках Временного правительства, которое было «связано по рукам и ногам англо-французским империалистским капиталом»¹. К власти пришли люди, которые, как показала уже их деятельность в предшествующие годы, ратовали за более энергичное ведение войны при царизме и выступали против мира с Германией. Такими были кадет Милюков (министр иностранных дел), октябрист Гучков (военный и морской министр), прогрессист Коновалов (министр торговли и промышленно-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 300.

сти), кадет Шингарев (министр земледелия) и другие министры Временного правительства.

Большую фактическую поддержку оказали Временному правительству и лидеры соглашательских партий. Разница была лишь в том, что свою поддержку империалистической войны на деле они маскировали разговорами о «революционном оборончестве». Временное правительство и меньшевистско-эсеровские лидеры, располагавшие большинством в Петроградском Совете, стояли за сохранение грабительских международных договоров, полученных от свергнутой царской власти. При этом лидеры соглашательских мелкобуржуазных партий на словах выступали против аннексий и в отдельных случаях склоняли к произнесению лозунга «о мире без аннексий и контрибуций» (звучавшего также чисто декларативно) членов Временного правительства.

На совершенно иных, принципиально противоположных позициях стояла большевистская партия. Политическая физиономия тех лиц, которые пришли к власти после свержения династии Романовых, была совершенно ясна партии. В одном из первых своих откликов на Февральскую революцию, в письме к А. М. Коллонтай, посланном из Швейцарии 16 марта 1917 г., Ленин писал: «Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистской бойни, руководимой Шингаревым + Керенским и К^о»¹. Более подробно отношение большевиков к внешней политике Временного правительства в решающем вопросе — вопросе о войне и мире — рассмотрено В. И. Лениным в «Наброске тезисов», написанном им на следующий день, 17 марта. Подчеркнув, что «новое правительство не может дать мира как потому, что оно является представителем капиталистов и помещиков, так и потому, что оно связано договорами и денежными обязательствами с капиталистами Англии и Франции», Ленин указывает, что осуществить выход из войны не в состоянии и меньшевики и эсеры, даже если бы правительство и состояло только из представителей этих партий. Он требует «разъяснить массам народа, ждущим мира, невозможность добиться его при данном правительстве»².

Разъясняя характер войны широким массам, впервые в значительной своей части участвовавшим в политической

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 238.

² В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 283.

жизни, партия большевиков исходила из того своеобразного обстоятельства, что добросовестное революционное оборончество затронуло миллионы людей, которые вовсе не мечтали о захватах, а искренне верили, что война стала необходима для защиты революции. Это заблуждение миллионов требовало особой тактики.

Бюро ЦК, Петербургский комитет партии, отражавшая позиции ЦК и ПК РСДРП «Правда» сразу же после революции отмежевались от революционного оборончества, исходя из того, что война и после свержения самодержавия продолжала носить империалистический характер.

Новый стратегический план партии, новые стратегические и тактические лозунги, исчерпывающее определение большевистской политики по вопросу о войне были даны в Апрельских тезисах В. И. Ленина. Это был конкретный план перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Вождь революции формулировал здесь те практические задачи, которые нужно было осуществить для перехода от первого этапа революции ко второму. Главной политической задачей являлась задача перехода к республике Советов, как наилучшей форме власти рабочих и крестьян в период перехода от капитализма к социализму. Основными экономическими мероприятиями в переходный период должны были быть национализация всех земель в стране, слияние всех банков страны в один общенациональный банк, контролируемый Советом, а также контроль со стороны Совета за общественным производством и распределением. В связи с стратегией и тактикой партии по главному вопросу момента, вопросу перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, решался В. И. Лениным и вопрос о войне и мире. «В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К^о безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству»¹.

В руках Временного правительства война была продолжением его империалистической политики.

Отношение большевиков к войне после Февральской революции целиком основывалось на марксистско-ленинском учении о классовой сущности войны и о диалектической

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 3.

связи между войной и политикой. Это значило, что в 1917 г. большевики не отвергали вообще всякую войну. Если война служит интересам пролетариата, является в его руках средством осуществления его классовых задач, участие в такой войне возможно, а при определенной исторической ситуации необходимо.

Войну ради освобождения народа от рабства капитализма марксизм-ленинизм считает войной справедливой, захватнической, освободительной.

«На революционную войну, — писал В. И. Ленин, — действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства;

б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах;

в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала»¹.

Выход из империалистической войны и заключение демократического мира могла осуществить только власть пролетариата. Следовательно, вопрос о мире был органически связан с вопросом о власти, о победе социалистической революции. В этом нужно было убедить широкие трудящиеся массы. В письме к А. М. Коллонтай, написанном в Цюрихе 17 марта 1917 г., В. И. Ленин требовал от партии: «Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им *доказать*, что мир даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть»².

Еще находясь в Швейцарии, Ленин раскрыл (в четвертом «Письме из далека») ту программу мира, которую будет защищать большевистская партия в Советах.

В эту программу входили отказ от договоров, заключенных царской монархией и буржуазными правительствами, при одновременном опубликовании всех этих грабительских соглашений, отказ от признания долгов, оставшихся в наследство от эксплуататорских правительств; немедленное предложение перемирия всем воюющим странам; опубликование ко всеобщему сведению условий мира:

«освобождение *в с е х* колоний;

освобождение *в с е х* зависимых, угнетенных и неполноправных народов».

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 3.

² В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 241.

Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (или заменяющий его временно Петербургский Совет), указывал В. И. Ленин, «заявил бы, что не ждет добра от буржуазных правительств, а предлагает рабочим всех стран свергнуть их и передать всю власть в государстве Советам рабочих депутатов»¹. Пока же власть находилась у буржуазии, Россия продолжала использоваться лагерем империализма для борьбы против германской буржуазии и ее союзников.

В Апрельских тезисах Ленин требовал терпеливо и настойчиво разъяснять всем заблуждающимся людям как в тылу, так и на фронте («Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии»), что демократический мир невозможен без свержения капитала.

«Братанье» выдвигалось в тезисах, как одно из средств прояснения классового сознания солдат².

Лозунг поражения своего правительства в войне был снят после Февраля, ибо, формулируя задачу «сделать Советы большевистскими» и через Советы изменить политику Временного правительства, партия на том этапе развития революции не ставила вопрос о насильственной ликвидации этого правительства. Но лозунг «защиты отечества» есть оправдание с точки зрения пролетариата, данной войны, признание ее законности³. А захватническая война в глазах пролетариата и беднейшего крестьянства не была и не могла быть «законной». Задача большевистской партии по вопросу о войне заключалась в том, чтобы разъяснить массам, что и при Временном правительстве война остается грабительской и империалистической.

Следует отметить как одну из важнейших особенностей ленинского стратегического плана установку на мирное развитие революции. Большевики не были сторонниками кровопролития, вооруженной борьбы, разрушений, если такую борьбу не навязывали народу обреченные эксплуататорские классы, отказывавшиеся без пролития крови уходить с исторической арены. Февральская, как и Октябрьская революция принадлежали к числу наименее разрушительных в истории.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 329.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 4.

³ См. об этом Н. Л. Рубинштейн, Внешняя политика Временного правительства, М. 1946, стр. 18—19.

В. И. Ленин доказал, что в тогдашних конкретных условиях была возможность мирной победы социалистической революции в России. Необходимо было при помощи терпеливой разъяснительной работы отвоевать массы на сторону большевистской программы, покончить с доверчиво-бессознательным отношением к капиталистам со стороны части трудящихся. Нужно было приобрести большинство голосов в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, а через Совет, поддержкой которого держалось у власти Временное правительство, изменить состав и политику последнего.

«Чтобы стать властью, — писал В. И. Ленин, — сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимости от буржуазии»¹. Предложенные Лениным тактические лозунги находились в полном соответствии с этой стратегической установкой.

Ленинская программа перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, после обсуждения ее в партийных организациях, была одобрена.

В выполнении важнейшей задачи разоблачения среди масс подлинного характера войны и политики Временного правительства принимали активное участие видные деятели партии — И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, М. И. Калинин и другие. Они выступали в печати, часто бывали на фабриках, заводах и в казармах, участвовали в митингах рабочих и служащих, солдат и матросов.

«Теперь задача народа, задача солдата, — писал М. И. Калинин в газете «Солдатская правда», — ...уразуметь, что грабят не только немецкие, а и наши собственные капиталисты». Когда народы поймут империалистический характер войны, «тогда можно уверенно сказать: война долго не протянется, каждый народ найдет средства и способ заставить свое правительство окончить войну»².

Разъяснительную и разоблачительную работу среди трудящихся вели все партийные организации. Эта работа в огромной степени укрепляла связи партии с массами, но го-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 21.

² М. И. Калинин, О войне. «Солдатская правда» № 9, 11 мая (28 апреля) 1917 г.

сударственная власть находилась пока в руках Временного правительства, а оно высказалось достаточно ясно за продолжение войны. Портфель министра иностранных дел в первом составе правительства получил Милюков, один из наиболее известных идеологов русского империализма, «приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист»¹, по характеристике В. И. Ленина, человек, считавший, что в России нет ни царской дипломатии, ни дипломатии Временного правительства, а есть только одна, союзническая дипломатия.

Милюков осуществил первые шаги «союзнической» дипломатии уже во второй день своей министерской жизни, 17(4) марта. Он разослал циркулярную телеграмму дипломатическим представителям России за границей, где было сказано, что «в области внешней политики кабинет, в котором я принял портфель министра иностранных дел, будет относиться с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом, верный обещаниям, данным Россией»².

Объявляя официально об этом иностранным государствам, Милюков ставил вопрос о признании ими нового правительства. Так с достаточной ясностью и откровенностью было объявлено, что Россия будет вести проантантовскую империалистическую политику. Союзники остались довольны этим заявлением. Опубликовав телеграмму, «*Matin*» назвала ее «прекрасной во всех отношениях»³. В тот же день, 17 марта, Милюков заявил союзным дипломатам, что в продолжении войны «до конца, до победы» он видит спасение России. Послы хотели публичного официального заявления об этом. Особенно настаивал на скорейшем опубликовании такого документа Палеолог. На следующий день французский посол в резкой форме вновь потребовал от Милюкова немедленного опубликования манифеста, где достаточно определенно говорилось бы относительно продолжения войны до конца и верности союзникам⁴. 19(6) марта заявление о войне было сделано Временным правительством — в обращении к «гражданам Российского государства», где говорилось и о «войне до победного конца» и о намерении правительства «свято хранить связывающие нас с другими дер-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 249.

² «Константинополь и проливы», т. I, стр. 466.

³ «*Matin*», 19 марта 1917 г., р. 1.

⁴ М. Палеолог, Царская Россия накануне революции, стр. 369, 373.

жавами союзы» и выполнять соглашения с союзниками¹. Именно эта часть заявления и обсуждалась парижской печатью, встретившей его благожелательно, ибо документ давал новое подтверждение намерений русского буржуазного правительства быть послушным орудием в руках Антанты.

Активное участие России в войне в связи с намеченным на весну 1917 г. большим военным наступлением было для французского империализма чрезвычайно желательно. Определенное беспокойство, вызванное известиями из России о росте настроений в пользу прекращения войны, французские политические деятели хотели рассеять уверениями в твердости внешнеполитического курса Временного правительства. Новый русский руководитель внешней политики пришелся по душе французскому правительству, довольны были и правые лидеры социалистов. «L'Humanité» назвала его «The right man on the right place» (нужным человеком на нужном месте)².

Милюков был, с точки зрения французских монополистов, подходящим министром потому, что этот представитель русского империализма, подобно всем министрам Временного правительства, готов был жертвовать национальной независимостью России, интересами ее народов ради выполнения требований Антанты. Однако посол Франции в Петрограде, под чьим непосредственным давлением обращение было издано, хотел большего, чем было сделано. Немедленно после ознакомления с текстом он потребовал приема у Милюкова. Палеолог заявил, что «возмущен» документом, в котором якобы «не заявлена даже решимость продолжать борьбу до конца, до полной победы... Ни малейшей ссылки на наши цели войны». «Очень бледный» и «совершенно смущенный», Милюков пытался обратить внимание разгневанного посла на «смягчающие обстоятельства», ибо ведь обращение было предназначено для внутреннего употребления не в меньшей степени, чем для внешнего³. Грубый окрик возымел свое действие: 21 марта последовала новая телеграмма Милюкова русским послам, где в дополнение к циркуляру от 17 марта он указывал, что «заявление об обязательности для нового российского правительства международных до-

¹ «Известия Министерства иностранных дел», 1917, кн. 1—2, стр. 6.

² «L'Humanité», 17 марта 1917 г., р. 2.

³ М. Палеолог, Царская Россия накануне революции, стр. 380—381.

говоров и вытекающих из них соглашений, заключенных при прежнем государственном строе, само собой разумеется, касается также всех соглашений, заключенных с союзными державами со времени нынешней войны». Милюков выражал также пожелание, чтобы союзники «равным образом подтвердили обязательность для них всех ранее заключенных с Россией соглашений»¹. 22 марта последовало новое уверение Милюкова о намерениях сохранить прежнюю внешнюю политику, рассчитанное преимущественно на успокоение Антанты.

Только после нескольких заявлений в угодном союзникам духе Антанта решила признать Временное правительство, т. е. ответить на телеграмму Милюкова от 17 марта. Ответы были посланы 22 марта. Бьюкенен и Карлотти сообщили об официальном признании. На 4 часа их опередил посол США Френсис. Нота французского посольства (без подписи) ни слова о признании не говорила. На следующий же день Милюков потребовал от Извольского «доверительно объяснить» с Рибо о причине такой позиции Палеолога². Можно предположить, что французский посол стремился не спешить с признанием, исходя из своего неверия в способности нового правительства укрепить внутреннее положение и успешно вести войну. В таком духе он информировал Париж³.

Рибо объявил происшедший инцидент «недоразумением», вызванным якобы тем, что английский и итальянский послы опередили инструкции своих правительств⁴.

24 марта в Мариинском дворце на приеме по случаю официального признания Палеолог, получивший соответствующие указания от Рибо, также объявил, после своих английского и итальянского коллег, о признании, прибавив тут же в той же речи о необходимости «продолжать войну до конца»⁵. С подтверждением обязательности для Антанты ранее заключенных с Россией соглашений ни Париж, ни Лондон, ни Рим не спешили, хотя Временное правительство всячески торопило союзников дать соответствующее заверение⁶.

¹ «Константинополь и проливы», т. I, стр. 467—468.

² См. там же, т. I, стр. 470.

³ См. *М. Палеолог*, Царская Россия накануне революции, стр. 371—372.

⁴ «Константинополь и проливы», т. I, стр. 472.

⁵ *М. Палеолог*, Царская Россия накануне революции, стр. 393—394. «Речь», 25(12) марта 1917 г.

⁶ АВПр, ф. Секретный архив министра, д. 613, л. 209—210.

Уже первые две недели пребывания у власти русской буржуазии достаточно определенно вскрыли ее стремления, сохраняя все нити, крепко связывавшие ее с Антантой, осуществлять империалистическую политику, которая вела к затягиванию войны и создавала реальную угрозу полного закабаления России иностранным капиталом. Затягивание войны было одним из орудий борьбы русских и иностранных империалистов против развития революции. Силы и внимание народа империалистические правительства стремились переключить с «внутренних» вопросов на продолжение кровавой бойни в интересах кучки монополистов.

Единство взглядов Временного правительства и союзников по вопросу о продолжении империалистической войны разоблачалось большевистской партией, раскрывавшей антинародный характер действий правительства. «Правда» указывала, что «г-да Милюковы со своими империалистическими речами не имеют права говорить от лица освобожденной России», и подчеркивала, «...что в России есть две политики:

Политика кучки империалистов, мечтающих о захвате чужих земель, политика г. Милюкова, и политика пролетариата и революционной демократии, которые, объединяя свои силы с рабочими *всех* воюющих стран, хотят завоевать *мир, хлеб и свободу*»¹. Разоблачение позиции Временного правительства служило сильным пропагандистским средством в руках партии в борьбе за отвоение масс у буржуазии, за высвобождение их из-под влияния меньшевистско-эсеровских лидеров, за изживание добросовестного оборончества и соглашательских иллюзий.

Напряженное внутреннее положение России не могло остаться тайной для французского империализма. Парижский корреспондент газеты «Утро России» 29 марта телеграфировал: «Поднявшиеся было на парижской бирже русские фонды под влиянием тревожных известий о различных требованиях русских крайних партий снова упали»; а «Temps», не скрывая своего большого огорчения, отмечала, что русская революция имела своим последствием, как это ни печально, «потрясение социального порядка»². Борьба против таких «потрясений» являлась важной задачей для

---

¹ «Правда» № 17, 7 апреля (25 марта) 1917 г. Статья (от редакции) «Долой политику империалистов!»

² «Temps», 14 апреля 1917 г., р. 1.

западных империалистов. Как отнеслись к заявлениям правительства мелкобуржуазные партии? Представитель руководства этих партий в правительстве, Керенский, защищал такие же по существу взгляды, лишь несколько иначе сформулированные. Не случайно газета французских империалистов «Temps» выражала полное удовлетворение «левым» русским министром. Разговоры о том, будто Керенский являлся решительным противником аннексий, велись для обмана масс. С этой же целью пресса (а позднее — мемуаристы из буржуазного лагеря) раздувала якобы существовавшие разногласия между Керенским и Миллюковым по вопросам внешней политики, оперируя преимущественно ссылками на их личную неприязнь друг к другу. При этом на Западе возрастал интерес к Керенскому, которого многие политические деятели начали вскоре считать более «надежной» и подходящей фигурой, чем любого из других членов правительства, рассчитывая, что этот министр-«социалист» будет более энергично распродавать национальные интересы России и вести грабительскую войну.

Правительствам Франции, Англии, США импонировали демагогия Керенского, широкое использование им для обмана масс «социалистической» фразеологии. А то, что открытая пропаганда захватнических целей не могла рассчитывать на успех в послефевральской России, становилось все более очевидно с каждым днем.

Этот предатель революции широко популяризировался в Париже, в Вашингтоне и в Лондоне, а в Петрограде Керенский стал частым гостем американского, французского и английского посольств. Френсис в донесениях своему правительству не переставал «восхищаться» Керенским. В беседах с иностранными дипломатами на протяжении апреля и мая 1917 г., Керенский говорил о необходимости энергично продолжать войну, предлагая лишь на словах выступить с «программой мира», содержащей несколько демагогических «демократических» фраз ради обмана народа. Это была его единственная «оговорка». Бьюкенен и особенно Альбер Тома (прибывший в Петроград) стояли за безоговорочную поддержку Керенского ¹. Цену хорошей фразы, брошенной

---

¹ Французские политические деятели одновременно оказывали на него давление: когда Керенский заговорил о возможности созыва международной конференции для обсуждения «целей войны» и пересмотра союзных соглашений, а французское правительство отнеслось к идее

для «успокоения» народа, французский министр-социалист знал отлично. Реакционер до мозга костей Морис Палеолог, опасаясь того, что с выдвижением Керенского будет обеспечено «торжество Совета», не поддерживал взгляда на необходимость передачи власти в руки Керенского. Палеолог был убежденным противником республиканского строя. Считая, что Николай II не способен успешно продолжать войну, французский посол, по его собственному признанию, хотел лишь перемены царя, при обязательном сохранении царизма. Однако этот дипломат, не сумевший найти новые средства к сохранению старой политики после Февральской революции, вскоре был отозван в Париж и сошел с политической арены. Палеолог пытался защищать интересы империалистического лагеря чересчур прямолинейно. Усложнившаяся обстановка требовала от буржуазных дипломатов гибкости и маневрирования. Колебавшееся вначале французское правительство (частично позиция Палеолога отражала эти колебания) согласилось затем на поддержку Керенского (с которым солидаризировался в вопросе о необходимости применять демагогическую фразеологию и тогдашний министр финансов Терещенко), предложенную Англией, а осуществление указаний Парижа в Петрограде до приезда нового посла было возложено на Альбера Тома.

В дни майского кризиса Временного правительства, последовавшего после ноты Милюкова союзникам от 1 мая (18 апреля), дипломаты Антанты не стали защищать Милюкова, весьма скоро примирившись с его уходом. Но в апреле, пока руководство внешней политикой оставалось в его руках, лидер кадетов должен был идти на небольшие словесные «уступки» взглядам лидера партии «социалистов-революционеров», которые свидетельствовали объективно об усилении лагеря противников войны. Империалисты старались более искусно использовать орудие контрпропаганды. Именно в такой обстановке появилось «Обращение Временного правительства к Российским гражданам» от 9 апреля (27 марта) 1917 г. На необходимости опубликовать новое обращение по вопросу о задачах войны настаивали меньшевики и эсеры. В контактной комиссии Церетели убеждал министров в необходимости «успокоить» народ заявлением об отказе от империалистических устрем-

такой конференции резко отрицательно, тогда А. Тома взялся «отговорить Керенского от этого плана». АВГП, ф. Секретный архив министра, д. 647, л. 11. Известно, что Тома удалось добиться своей цели.

лений и существующих якобы намерениях что-то предпринять для достижения мира. Документ так и готовился, как не имеющая ценности бумажка, рассчитанная лишь на обман народа. Милюков возражал даже против такого обращения. Палеолог его поддерживал. Первоначальный текст декларации неоднократно менялся, искали выражений, одновременно и подходящих «для народа» и приемлемых для кадетов. За завтраком в Европейской гостинице Милюков вместе с управляющим делами правительства В. Набоковым еще раз выправлял уже составленный текст, несколько раз менял выражения. В изданном документе, столь тщательно обработанном, говорилось о «полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников» (эту фразу Милюков считал совершенно необходимой), причем эта определенная мысль о продолжении империалистической политики сопровождалась некоторыми, не слишком определенными демагогическими заявлениями на темы «обороны» и «самоопределения народов»¹. Опубликованный в газетах документ вызвал самые разнообразные отклики. Кадеты считали его необходимой уступкой Совету, а меньшевистско-эсеровский Совет — своим большим достижением. В Германии подумали, что декларация является замаскированным предложением мира, усмотрев в ней отказ России от аннексий², а во Франции обрадовались открывшейся как будто возможности денонсировать соглашение о проливах и ничего не давать России, ибо в Париже решили, что, «заявляя об отказе от оккупации иностранных территорий, русское правительство тем самым говорит, вопреки предшествовавшим заявлениям министра иностранных дел, об отказе от приобретения Константинополя и проливов...»³ При этом Рибо в беседе с Извольским заявил, что Франция пересматривать цели войны не собирается, а если даже Россия и откажется от Константинополя, для Франции, при любых обстоятельствах, мало будет вернуть Эльзас и Лотарингию, ей еще нужно «достаточно гарантий для будущего»⁴.

Только большевики сказали народу правду, указав, что широковещательные заявления об отказе от аннексий

---

¹ «Речь» № 73, 10 апреля (28 марта) 1917 г., стр. 2.

² См. М. Эрцбергер, Германия и Антанта, Мемуары, Госиздат, 1923, стр. 205.

³ «Temps», 12 апреля 1917 г., р. 4.

⁴ «Константинополь и проливы», т. I, стр. 483.

не заслуживают никакого доверия¹. Ленин в статье «Война и Временное правительство» дал исчерпывающую оценку сложившемуся положению вещей: «От имени России продолжают говорить люди, разжигающие войну. Рабочих и солдат кормят общими фразами о мире без аннексий, а под сурдинку проводится политика, выгодная только кучке миллионеров, наживающихся на войне»². Обращение от 9 апреля не изменило ничего *по существу*. Сколько-нибудь успешно затормозить процесс осознания широкими массами подлинного смысла войны империалистам не удалось. Большевистская пропаганда и агитация делали свое дело. Объективно этой же цели помогла новая дипломатическая диверсия Временного правительства, опять связанная с нажимом французского правительства на Милюкова. Тома, указав в Петрограде, что декларация от 9 апреля не получена Парижем официально, настаивал на препровождении ее во Францию через дипломатические каналы с таким комментарием, который подчеркнул бы решимость продолжать войну до победы³.

Текст сопроводительного документа был утвержден Временным правительством, и Милюкову было поручено через послов в Париже и Лондоне передать оба документа Антанте. В сопроводительной ноте руководителям Антанты указывалось, будто «...всемирное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого»⁴. Это и была печально знаменитая «нота Милюкова». В Париже она понравилась. Агентство Гавас распространило сообщение, что «газеты придают особенную важность ноте Временного русского правительства, которая как раз в нужный момент подтверждает все обязательства, принятые Россией по отношению к союзникам, и ясно дает понять центральным державам, какими чувствами одушевлены правящие круги России»⁵.

---

¹ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, стр. 336. Из резолюции о войне, принятой на VII (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б).

² В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 89.

³ А. Pingaud, Histoire diplomatique de la France pendant la grande guerre, Tome III, Paris, p. 319. См. также сообщение Милюкова Извольскому о беседах с А. Тома. АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 652, лл. 31—32.

⁴ «Речь», 20 апреля (3 мая) 1917 г., стр. 4.

⁵ «Temps», 4 мая 1917 г., p. 1.

«L'Humanite», «Temps», «Matin» наперебой восхваляли достоинства ноты. Однако революционный народ России под руководством большевистской партии дал отпор этой вылазке контрреволюции.

Центральный Комитет партии призвал трудящихся выразить свой протест против империалистической внешней политики Временного правительства. 20—21 апреля (3—4 мая) 1917 г. рабочие и солдатские массы в количестве не менее 100 тыс. чел., охваченные чувством возмущения против «ноты Милюкова», вышли на демонстрацию. На знаменах пестрели лозунги: «Опубликовать тайные договоры!», «Долой войну!», «Вся власть Советам!»

Попытка командующего Петроградским военным округом Корнилова расстрелять народную демонстрацию оказалась безуспешной: солдаты отказались выполнить его приказ.

События 3—4 мая показали рост силы и организованности лагеря революции. Они явились одновременно началом кризиса Временного правительства. Перепуганные министры 5 мая (22 апреля) опубликовали «разъяснение» ноты, где утверждалось, что под лозунгом «решительная победа над врагом» имелось в виду якобы «утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». Такая попытка внести успокоение оказалась несостоятельной. Меньшевистские «Новая жизнь» и «Дело народа» попытались гнев народа обратить целиком против личности Милюкова, чем вызвали резкую отповедь Ленина, объяснившего широким кругам читателей «Правды», что «все Временное правительство есть правительство класса капиталистов. Дело в классе, а не в лицах. Нападать на Милюкова лично, требовать, прямо или косвенно, его смещения — пустая комедия, ибо *никакая* смена лиц ничего изменить не в состоянии, пока не сменились *классы*, стоящие у власти»¹. Подлинный смысл кризиса, вызванного нотой Милюкова, Ленин определил, как крах иллюзий добросовестных оборонцев, тех, кто серьезно воспринял заявление о мире без аннексий: «Но массовые, «добросовестные», представители оборончества были удивлены, возмущены, исполнены негодования. Они *почувствовали* — они не поняли еще этого вполне ясно, но они *почувствовали*, что они оказались обмануты»². Однако заяв-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 167—168.

² Там же, стр. 176.

ления о необходимости бороться за свержение Временного правительства, последовавшие со стороны небольшой группы членов Петроградского комитета партии, были осуждены ЦК РСДРП, сделавшим вывод в резолюции, написанной В. И. Лениным и принятой утром 5 мая 1917 г., что, пока на стороне революционного пролетариата нет «прочного (т. е. сознательного и организованного) большинства народа», лозунг «Долой Временное правительство» неверен — «такой лозунг либо есть фраза, либо объективно сводится к попыткам авантюристического характера».

Правильными лозунгами в сложившейся обстановке Ленин считал: «1) *разъяснение* пролетарской линии и пролетарского пути к окончанию войны; 2) *критика* мелкобуржуазной политики доверия и соглашательства с правительством капиталистов; 3) пропаганда и агитация от группы к группе *среди каждого полка, на каждом заводе, особенно среди самой отсталой массы, прислуги, чернорабочих и т. п.,* ибо особенно на них пыталась в дни кризиса опереться буржуазия; 4) *организация, организация и еще раз организация* пролетариата: на каждом заводе, в каждом районе, в каждом квартале»¹. Кризис, вызванный выступлениями трудящихся масс в связи с нотой Милюкова, привел только к частичному изменению состава Временного правительства. Вместо ушедших Милюкова и Гучкова в это контрреволюционное правительство вошло несколько меньшевиков и эсеров (Церетели, Скобелев, Чернов). Соглашательские партии открыто взяли на себя ответственность за политику сформированного коалиционного правительства. Антанте казалось, что кризис в России преодолен успешно. Петроградский Совет еще не был большевистским. От обновленного правительства империалисты Антанты ждали более активного ведения войны.

§ 3. Поддержка французским империализмом антиреволюционных мероприятий Временного правительства

Борьба за активное участие «русского союзника» в войне была органически связана для французского империализма с борьбой против русской революции, с помощью эксплуататорским классам в той классовой битве, которая развернулась в послефевральской России.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 181—182.

Изменения внутреннего положения в России устраивали Антанту лишь в той степени, в какой они могли способствовать более успешному участию страны в войне и сохранению, а затем дальнейшему расширению финансово-экономических позиций империалистов в России. Все, что выходило за рамки «малой революции», вызывало с их стороны острую классовую ненависть к русскому народу. Борьба иностранных империалистов против «большой революции» росла, принимая различные формы по мере роста успехов большевистской партии в достижении главной стратегической цели — перехода к новому этапу революции и по мере прогрессирующего ослабления позиций буржуазии и соглашателей. Настойчивые усилия удержать Россию в войне и активизировать ее участие в военных действиях были органически связаны в политике Антанты с попытками помешать дальнейшему развитию русской революции и распространению революционного влияния рабочего класса России на народы капиталистических стран. Бьюкенен и Палеолог, выполняя инструкции своих правительств, требовали от русских министров срочных мер для борьбы с революцией.

Клеветническую кампанию против русского народа и его вождя империалисты Антанты вели совместно с русской буржуазией, нередко выступая при этом в качестве инициаторов травли большевистской партии или провокационных выступлений против рабочего класса России. Сообщения, посылавшиеся за границу Петроградским телеграфным агентством, фальсифицировали положение в России, изображали русский народ жаждущим активно участвовать в войне, содержали в себе открытые призывы применять военную силу против большевиков¹. В таком же духе составляли свои телеграммы русские корреспонденты французских и английских газет. Наиболее полно отражавшая интересы французского империализма парижская «Temps» с большими подробностями на протяжении марта и апреля 1917 г. описывала поведение свергнутого русского царя и его семьи, их образ жизни, семейные дела, планы и намерения, а информацию о жизни и борьбе русского народа ограничивала гневными репликами против поведения «крайне левых». «Matin» шла по тому же пути. Обе газеты воспроизводили самую злобную клевету на вождя большевиков В. И. Ленина,

---

¹ См. «Правда» № 18, 8 апреля (26 марта) 1917 г.; редакц. заметка «Обман продолжается», см. также «Русскую волю», 23 (10) марта 1917 г.

приветствуя в то же время Плеханова, бывшего тогда оборонцем, возвращению которого в Россию «Temps» посвятила специальную передовую статью ¹. В ненависти к лучшим представителям трудящихся России — большевикам объединялись почти все французские газеты. Парижская печать всячески старалась извратить политику партии по вопросу о войне, клеветнически заявляя, будто большевики хотят сепаратного мира с немцами. Гучкова, Милюкова, Львова буржуазные газеты объявили истинными вождями России. В то же время, в результате усиленной работы правительственной цензуры, общественное мнение Франции было лишено правдивой информации о положении в России и особенно о действительной политике и роли в стране большевиков. Клеветническая кампания со страниц газет велась так грубо и шумно, что даже весьма далекая от симпатии к русскому народу «Лига защиты прав человека и гражданина», в руководстве которой преобладали социал-шовинисты, сочла нужным опубликовать обращение к газетам с призывом «сохранить хоть некоторую благожелательность к новой России» ².

Борьба против русской революции, как важнейшее звено борьбы империалистов против революционного движения народов, стала одной из составных частей антантовской политики. Русская революция грозила классовым интересам иностранной буржуазии. Через два месяца после свержения самодержавия «на тайной конференции в Швейцарии империалисты еще раз поставили вопрос о мерах борьбы с «разрастающейся революцией», направляя свои удары прежде всего против русской революции» Участниками этой борьбы были и официальные французские, английские и американские представители в Петрограде. Русская буржуазия старалась «согласовывать» свои действия с представителями Антанты. На следующий день после свержения царизма, 13 марта, Родзянко послал во французское посольство высокопоставленного сановника с вопросом, не имеет ли посол Франции «передать... какое-либо мнение или указание» председателю Думы. Ответ был вполне откровенный. «В качестве посла Франции,— пишет Палеолог в своих мемуарах,— меня больше всего озабочивает война». Представи-

---

¹ «Temps», 19 апреля 1917 г., передовая статья.

² «Биржевые ведомости», 3 августа (21 июля) 1917 г., стр. 5.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 248.

тель французского империализма требовал, далее, разгрома сил революции ¹. В глубокой ненависти к русскому народу и его борьбе за победу социалистической революции подстать Палеологу были и английский, и особенно американский послы, ибо главные цели американских империалистов, игравших все более активную роль в политической деятельности блока Антанты, заключались в борьбе против дальнейшего развития русской революции, в завоевании русского рынка. Согласно указаниям, полученным из Вашингтона, Френсис решительно и многократно требовал от русской буржуазии подавить народное движение. Он разговаривал с министрами Временного правительства грозным тоном человека, который требует и настаивает, а не просит и советует.

Американским империалистам, так же как и французским и английским, нужно было, чтобы силы и внимание России были переключены с вопросов революции на империалистическую войну. По словам американского историка Шумана, Френсис «делал все, что в его силах, для того, чтобы русские армии сражались на восточном фронте» ².

С «работой» представителей Антанты в России связано появление на свет, с провокационными целями, гнусной фальшивки, которая дала повод для клеветнической кампании против вождя партии со стороны всех отрядов международной реакции. Хорошо зная, что большевистская партия решительно выступала против империалистической войны, французское и английское правительства требовали от Временного правительства «подавления» большевиков и старались помочь ему в этом. 16(3) апреля 1917 г. Палеолог и Бьюкенен передали в министерство иностранных дел памятные записки о проезде в Россию Ленина из Швейцарии через Германию якобы для того, чтобы добиваться русско-германского мира. Заместитель министра Нератов на листке записки французского посла поставил резолюцию: «Все сведения из 3 источников (третьим была телеграмма русского посла в Стокгольме Неклюдова.— А. И.) нужно поместить в газетах завтра же, не указывая источников, и подчеркнуть благожелательность германского правительства к Ленину и пр.».

---

¹ М. Палеолог, Царская Россия накануне революции, стр. 349—350.

² *Shuman*, American policy toward Russia since 1917, New York 1928, p. 39.

³ «Красный архив», т. XX, стр. 12.

Разумеется, это клеветническое сообщение было помещено во многих буржуазных газетах.

Когда же представители большевистской партии, находившиеся за границей, хотели обнародовать документальные данные, разоблачавшие этот чудовищный вымысел, то французская цензура запретила публикацию.

На следующий день после приезда в Петроград В. И. Ленин сделал доклад Исполнительному Комитету Петроградского Совета — «Как мы доехали», содержащий все необходимые конкретные данные об организации переезда 32 политических эмигрантов из Швейцарии и Франции в Россию в обмен на интернированных на русской территории германских и австрийских пленных. Текст доклада тогда же, 5 апреля, был опубликован в «Правде» и «Известиях»¹.

Кроме того, в швейцарской «La Sentinelle» было опубликовано заявление Д. З. Мануильского (Безработного), сообщавшего, что переезд Ленина через германскую территорию состоялся на основе соглашения с германским правительством, по которому к проезду допускались эмигранты без различия их отношений к войне и миру и на условиях отправки русским правительством германских подданных, находящихся в России; в вагон с русскими эмигрантами без разрешения сопровождавшего его швейцарского социалиста Платтена никто не допускался².

Французская цензура не пропускала на страницы газет правдивых сообщений о деятельности большевистской партии и ее руководителей. В то же время реакционная печать продолжала помещать чудовищные клеветнические выпады против В. И. Ленина.

Ненависть к революции, стремление предотвратить выпадение России из империалистической цепи, таким образом, только усиливали борьбу французского империализма за активное участие русских армий в войне. В марте — апреле правительства стран Антанты надеялись на большое наступление на Восточном фронте. Привлекая пристальное внимание «русского союзника» к войне, они хотели усилить позиции империалистов в России, укрепить их власть над народами страны, парализовать растущие успехи большевистской партии в борьбе за массы. В мае произошло даль-

---

¹ См. В. И. Ленин, т. 24, стр. 8—10.

² См. газету «Новая эпоха» от 28 апреля 1917 г. (газета, издававшаяся в Париже на русском языке).

нейшее сближение двух линий, военной и антиреволюционной, антантовской политики. На наступление войск стали делать главную ставку в борьбе против революции.

§ 4. Влияние Февральской революции на революционную борьбу французского народа

Другим направлением деятельности французского правительства, явившимся ответом на Февральскую революцию, была борьба против влияния революционных событий в России на народ Франции.

Кроме правительства и парламента, дипломатов и журналистов, свое мнение о революции в России сказал и французский народ в лице, главным образом, рабочих и солдат. Настроение «низов», позиция простых людей Франции оказывали растущее влияние на поведение министров и парламента. Внутренняя обстановка во Франции благоприятствовала развитию революционного движения.

К февралю 1917 г. недовольство войной и вызванными ею бедствиями и лишениями достигло в этой стране значительных размеров. «Всюду в парижском населении и в палатах, — записал Пуанкаре в своем дневнике еще в ноябре 1916 г., — заметно тревожное настроение. Число «пораженцев» беспрестанно растет. Начинаются забастовки»¹.

Русский пример обострил классовую борьбу во Франции, способствовал более революционному и более массовому характеру выступлений рабочих и солдат, вызвал значительную активизацию революционного и антивоенного движения в странах Запада.

Тяготы затянувшейся войны легли прежде всего на плечи рабочего класса. Промышленный потенциал Франции сильно уменьшился за время империалистической бойни, ибо десять важных индустриальных департаментов были оккупированы немецкими империалистами. Напомним, что на этой территории проживало не менее 6,5 млн. чел. (по данным на 1913 г.) и выплавлялось 64% всего чугуна, 60% всей французской стали, добывалось 94% меди, 76,5% цинка и почти половина всего угля². Монополисты, волю которых

---

¹ R Poincaré, Au service de la France, v. IX, L'année trouble, Paris 1932, p. 18.

² См. «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», Соцэкгиз, 1934, стр. 15—16.

весьма усердно выполняло правительство, старались компенсировать себя снижением реальной заработной платы. Среднее дневное жалование рабочего составляло около 5 франков в день, что было недостаточно для самого скромного прожиточного минимума. К тому же рабочие, мобилизованные в распоряжение военных ведомств, были приравнены к солдатам и получали по 25 сантимов в день. Эксплуататорский класс усиливал гнет. Изнурительный труд сопровождался тяжелыми наказаниями за «мелкие» проступки и отправкой на фронт за более крупные, по мнению хозяев предприятий. Налоги, прямые и косвенные, непрерывно росли; в 1917 г. правительство поставило перед собой задачу увеличить через налоговые поступления доходы на 1200 млн. франков в год, из них на 400—500 млн. за счет удорожания питания, одежды, квартплаты, коммунальных услуг¹. Цены на продовольствие быстро поднимались². Индекс стоимости жизни во Франции (за 100 взят 1900 г.) составлял в 1915 г. 130 и поднялся до 153 в 1916 г. и 189 в 1917 г. Средняя же реальная заработная плата упала до 95 в 1915, 90 — в 1916 г. (в 1917 г. она несколько поднялась, достигнув 94)³.

Часть угольных копей оказалась на территории, оккупированной германскими войсками, подвоз угля из Англии резко сократился, что вызвало топливный кризис, отразившийся и на работе промышленности и транспорта и на положении трудового населения французских городов. Тяготы войны задели и мелкую буржуазию. Зима 1916/17 г. сопровождалась к тому же сильными морозами.

Нетопленные квартиры, угольный кризис, небывалый рост заболеваемости; широкое обсуждение в печати и кулуарах парламента, в метро и при встрече знакомых актуального вопроса, как можно сытно пообедать из двух блюд (выдавать три было запрещено), а вскоре и новой темы — чем за-

---

¹ «Социал-демократ», 4 (17) июня 1917 г. Фактически в 1916 г. было взыскано 550 млн. франков прямых налогов и 3886 млн. франков косвенных; в 1917 г. соответственно — 730 млн. и 4726 млн. «Мировое хозяйство. Сборник статистических материалов за 1913—1927 гг.», М. 1928, стр. 474.

² Так, центнер пшеницы, стоивший в 1914 г. 24 франка, в 1916 г. обходился покупателям уже в 32, а в 1917 г. цена его колебалась от 58 до 75 франков. См. «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», стр. 17.

³ См. Ю. Кучинский, История условий труда во Франции с 1700 по 1948 г., М. 1950, стр. 231.

менять мясо, которое два раза в неделю запретили продавать; усталость от войны, растущий гнев народных масс, в то время как небольшая кучка монополистов наживалась на крови и страданиях народа; новые сотни и тысячи людей, мобилизуемых в армию (в марте 1917 г. призвали 18-летних), и новые жертвы на фронте — так Франция начала семнадцатый год. Волна рабочих забастовок прокатилась уже в январе. В ряде выступлений рабочих требования были еще скромны, движение выливалось в стачки экономического характера, речь шла преимущественно о повышении зарплаты. Одновременно в том же январе произошло несколько забастовок на крупных военных заводах, что вызвало сильный испуг у буржуазии, ибо в «гражданском мире» между двумя классами, видимость которого существовала в первые годы войны, обнаружались серьезные трещины. Бастовали рабочие снарядных заводов Парижа и Обервилля, военного предприятия в Иври, завода Шнейдера в Горфлере и ряда других военно-промышленных объектов¹. Политический кризис назревал. Величайшая трагедия французских трудящихся по-прежнему заключалась в отсутствии революционной партии, в то время как влияние антинародной по существу политики лидеров социалистической партии ощущалось еще повсеместно.

Субъективный фактор революции отставал от требований объективно сложившейся ситуации. В такой обстановке французский народ узнал о событиях в России. Трудовая Франция приветствовала русский народ. Прогрессивные силы Франции, главным образом рабочие, солдаты, лучшие представители интеллигенции, сказали свое мнение о событиях в России и выразили свое отношение к ним в революционных действиях. Они приветствовали русский пролетариат, который позже пролетариев западноевропейских стран вступил на путь активной политической борьбы, а затем стал авангардом мирового революционного движения. Представители русских революционных сил во Франции — революционеры-эмигранты Д. З. Мануильский, Инесса Арманд, А. В. Луначарский, В. А. Антонов-Овсеенко, С. И. Гопнер, Л. Сталь и др. поддерживали связь с левыми кругами французского рабочего движения, укрепляли в этих кругах интернационалистические настроения.

---

¹ См. «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», стр. 23.

Газеты почти ничего не писали об откликах на революцию трудящихся масс демократического общественного мнения. Для публикации резолюций рабочих митингов и собраний с приветствиями русскому народу не находилось места не только в «*Temps*» и «*Matin*», но и в «*L'Humanité*» и в «*Jougnal du peuple*». Сознательное замалчивание печатью народных настроений (или изображение их в извращенном виде), а также цензурные рогатки при посылке писем и телеграмм в Россию не дают возможности восстановить полную картину. Свидетельство очевидца, находившегося в первой половине 1917 г. во Франции, писателя И. Г. Эренбурга (опубликованное в русской буржуазной газете) воспроизводит глубоко проникшее в народные думы впечатление от революции в России: «Несмотря на то, что ежедневно миллионы листов лгут и клеветуют на Россию, французский народ смотрит на нас не только с одобрением, но и с надеждой. Все во Франции почуяли, как в душной Европе повеял свежий дух. Истомленная, окровавленная Франция услышала слово «мир», сказанное смело и громко, не дипломатами или парламентскими грамофонами, а самим народом... И к разговорам в траншеях: «Может, осенью кончится...» прибавилось неопределенное, но убедительное: «Вот Россия теперь...»¹

Один из наиболее видных представителей прогрессивной французской интеллигенции Ромен Роллан после свержения царского строя писал: «Из России исходит спасающий свет». В годы мировой войны в мировоззрении этого выдающегося представителя французской нации происходили серьезные положительные сдвиги. Все большие надежды связывал Роллан с деятельностью народа, как великой силы истории. Именно как голос просыпающихся народных масс, он приветствовал «Огонь» Анри Барбюса, названный им «беспощадным зеркалом войны», «первоклассным» произведением².

На трудящихся России Ромен Роллан возлагал особенно большие надежды. «Я глубоко верю,— писал он Г. Дж. Уэллсу 4 октября 1914 г.,— в будущность и духовные силы этого огромного народа... Я за Россию, но за свободную Россию, обеспечивающую всем многочисленным народностям,

---

¹ «Биржевые ведомости», 3 августа (21 июля) 1917 г., статья И. Эренбурга «Париж — Петроград».

² *Ромен Роллан*, Собр. соч., т. XVIII, Л. 1935, стр. 145.

населяющим ее и угнетенным ею, независимость, принадлежащую им по праву»¹.

Возмущаясь ужасами империалистической бойни и сочувствуя эксплуатируемым народам, Р. Роллан оставался еще во многом на пацифистских позициях и не понимал подлинных причин войны, ее империалистических целей. Правильно считая главным виновником войны капитал, писатель думал, что войны можно было бы избежать при помощи протестов европейского общественного мнения². Несмотря на эти ошибочные суждения, антивоенные статьи и выступления Ромена Роллана имели серьезное значение в борьбе всех противников мировой войны. Большой интерес к статьям Роллана проявлял В. И. Ленин³.

Великий французский писатель еще в 1916 г. решительно осудил империалистическую войну. В статье-призыве «Убиваемым народам» (опубликованной в ноябре 1916 г. в Швейцарии) Роллан, по его собственным словам, выступил с «...провозглашением полного разрыва не только с войной, но и со старым обществом, с капиталистическим и буржуазным строем, который является ее очагом»⁴. Народная революция в России, победившая в феврале 1917 г., углубила протест Ромена Роллана против кровавой бойни; писатель вновь с большой симпатией отнесся к революционному русскому народу. Еще только узнав от Луначарского о готовящейся русской революции, великий писатель, по его собственным словам, «ощутил почву под ногами, ощутил, что возникает новая Европа, новое человечество»⁵. «Но в марте 1917 г., — вспоминал позднее Р. Роллан, — нас потрясла великая весть. Чреватый надеждами ветер с Севера примчал ее на женевские улицы. Холодный зимний ветер, дующий в городе Кальвина, сам того не желая, донес дыхание красной весны... Россия разбила свои окопы»⁶. Перед отъездом в Россию В. И. Ленин пригласил Роллана поехать вместе с ним; последний не решился при-

¹ *Ромен Роллан*, Из дневников военных лет, журнал «Октябрь», 1935 г., кн. 1, стр. 16.

² Р. Роллан получил приглашение на совещания интернационалистов в Циммервальде и Кингале, но не решился участвовать в этих конференциях.

³ См. письмо В. И. Ленина В. А. Карпинскому от 13 сентября 1915 г. *В. И. Ленин*, Соч., т. 36, стр. 311.

⁴ *Ромен Роллан*, На защиту нового мира, Л. 1932, стр. 154.

⁵ Там же, стр. 147—148.

⁶ Там же, стр. 156.

нять это приглашение ¹, но продолжал проявлять большой дружеский интерес к большевистской партии и ее вождю. Об этом свидетельствуют дневники писателя, его речи и письма. Ромен Роллан был в восхищении от необычайной ленинской энергии, «ясности выдвигаемых им задач» и «заражающей силы» его воли. Писатель подчеркивал огромный авторитет Ленина среди трудящихся ². Ромен Роллан изучал биографию основателя Коммунистической партии СССР, регулярно читал «Правду» и «Социал-демократа». Статьи и речи В. И. Ленина оставляли глубокий след в сознании французского писателя. «Оно является выражением непоколебимой энергии и потрясающей искренности», — записал он о ленинском «Прощальном письме к швейцарским рабочим» ³.

В 1916 г. произошло знакомство Р. Роллана с Максимом Горьким, положившее начало их многолетней горячей дружбе.

В 1917 г. между Горьким и Ролланом шла оживленная переписка, в которой затрагивались не только литературные, но и важнейшие политические проблемы. «Поздравим друг друга, — писал Горький после свержения самодержавия в России, — дорогой Ромен Роллан, от всего сердца поздравим друг друга: Россия перестала быть источником реакции, русский народ вступил в брачный союз со свободой, и я надеюсь, что этот союз даст жизнь многим великим душам, которые прославят человечество» ⁴. Уже в марте Роллан послал поздравления с революцией своим русским друзьям ⁵, а затем передал через Луначарского приветствие для опубликования в «Правде» ⁶.

Находясь в Швейцарии, Ромен Роллан внимательно следил за развертыванием революционных событий в России. 1 мая 1917 г. он обратился с посланием к русскому револю-

---

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 391; Ромен Роллан, На защиту нового мира, стр. 158. «В тот момент, — писал Роллан о приглашении Ленина, — моей духовной эволюции я не хотел компрометировать свою роль бдительного интеллигента, стоящего «над всеми схватками» вмешательством в дело, которое я тогда ошибочно считал схваткой политических партий». Ромен Роллан, Указ. соч., стр. 158.

² Ромен Роллан, Из дневников военных лет, «Октябрь», 1935 г., кн. 4, стр. 6, 10.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Ромен Роллан, Собр. соч., т. XVIII, стр. 131.

⁵ «Октябрь», 1935 г., кн. 3, стр. 11.

⁶ Там же, кн. 4, стр. 3.

ционному народу, озаглавленном «Привет свободной и несущей свободу России». «Русские братья, — писал Р. Роллан, — только что совершившие великую революцию, мы должны не только вас поздравить, но и поблагодарить. Не для себя одних вы трудились, завоеывая себе свободу, но и для всех нас, ваших братьев из старого Запада»¹.

Писатель осудил позицию западных империалистов в отношении России и правильно понял антиреволюционный характер Временного правительства. «Восторжествовавшая партия, партия Милюкова, — записал Ромен Роллан в дневнике, — настроена еще более воинственно, чем низвергнутый царизм. Это того же поля ягоды, что и Эрве, Ллойд Джордж, Биссолати и т. д.». Керенского Роллан характеризовал как «диктатора на службе у союзников». Во Временное правительство, писал он в другом месте, «...вошли люди, глубоко враждебные духу революции...»². Он не скрывал, что его глубочайшие симпатии — на стороне В. И. Ленина, этого «мозга всего революционного движения», на стороне большевиков, воплощающих «великую революционную традицию». Замечательный представитель прогрессивной французской интеллигенции протестовал против той клеветы, на которую не скупилась международные империалисты по адресу русских коммунистов и их руководителя Ленина. Он защищал от нападок реакции и своего друга Горького. Будущее человечества было для Роллана неразрывно связано с русской революцией. «Европа должна создать себе новые организации, — заявил он в июне 1917 г., — подобные тем, какие создала себе Россия в лице Советов Рабочих и Солдатских Депутатов». Советы «... должны явиться узловыми пунктами Интернационала народов». Выступление Романа Роллана было перепечатано «Правдой»³.

Столь же положительно отнесся к свержению царизма и последовавшим затем революционным событиям в России другой выдающийся представитель французской нации, писатель, трибун и боец, ставший позднее активным членом коммунистической партии, — Анри Барбюс, заклеивший империалистическую войну в уже упомянутом романе «Огонь». «Но тридцать миллионов рабов, — писал А. Барбюс, — преступно брошенных друг на друга в войну, в эту

¹ Salut a la Revolution Russe, 1917, Geneve, p. 9.

² «Октябрь», 1935 г., кн. 3, стр. 11; кн. 4, стр. 10; 1936 г., кн. 2, стр. 11.

³ «Правда» № 97, 15(2) июля 1917 г.

грязь, поднимают головы, и на их человеческих лицах, наконец, появляется выражение воли. В руках этих рабов будущее, и ясно, что старый мир обновится только благодаря союзу, который когда-нибудь заключат те, чье число и страдания безграничны»¹.

После Февральской революции в России А. Барбюс, совместно с Полем Вайян-Кутюрье — в будущем видным деятелем коммунистической партии — и Раймондом Лефевр² создает в марте 1917 г. Республиканскую ассоциацию бывших фронтовиков (ARAC)³. По словам одного из создателей ассоциации — Вайян-Кутюрье, «АРАК была первой массовой организацией, рожденной в огне войны и принявшей революционную ориентацию, резко враждебную политике социал-шовинистов»⁴.

Ближайшей конкретной задачей ARAC была помощь тем, кто возвращался с фронтов мировой войны, устройство их жизни, защита их прав. Однако под прямым воздействием революционных событий в России и массовых антивоенных выступлений во Франции члены ассоциации, и прежде всего Барбюс и Вайян-Кутюрье, не хотели ограничиваться только профессиональными вопросами, они развернули политическую деятельность. В июле 1917 г. Анри Барбюс опубликовал воззвание к бывшим фронтовикам, призывая их противопоставить шовинизму и реакции установление братского союза со всеми народами⁵. «Война войне», «Мир во всем мире» были главными лозунгами ассоциации. За осуществление этих требований нужно было бороться, и ARAC повел эту борьбу, основываясь на том, что война была порождена определенным социальным строем и верным средством ликвидации войны было создание демократического социального строя. В. И. Ленин высоко оценил деятельность ARAC. Борьбе против империалистической войны, писал он группе «Clarté»⁶, «стоит посвятить свою жизнь, в этой борьбе надо

---

¹ Анри Барбюс, *Огонь*, М. 1956, стр. 14.

² Французский революционный писатель, погиб в 1920 г. в Балтийском море при возвращении из России.

³ *Duclos et Fréville*, Henri Barbusse, Paris 1946, p. 12.

⁴ Г. Жеррам, *Революционная ассоциация бывших участников и жертв войны Франции*, М.—Л., 1932. Предисловие Вайяна Кутюрье, стр. 6.

⁵ Анри Барбюс, *Речи борца*, М. 1925, стр. 84—85.

⁶ Группа «Clarté», состоявшая из литераторов, была организована в 1917 г. Анри Барбюсом, стремившимся сплотить вокруг «Clarté» прогрессивные силы интеллигенции.

быть беспощадным, все софизмы в ее защиту надо преследовать до самых последних уголков»¹.

Руководители АРАС были на стороне русского революционного народа. В своей статье о восстании русских бригад во Франции Барбюс с большим сочувствием изобразил борьбу русских воинов, заброшенных во Францию, за отправку на родину, разоблачил контрреволюционные действия русских и французских империалистов.

Одновременно с лучшими представителями интеллигенции Франции выразил свое горячее пролетарское сочувствие русскому народу французский рабочий класс. Классовому союзу империалистов противостояла крепнущая классовая солидарность пролетариев, вызывавшая страх эксплуататоров².

Некоторая часть (очевидно, небольшая) из посланных в Россию приветствий попала по назначению и стала известна русским рабочим. В отдельных случаях резолюции рабочих собраний проникли и в печать.

Так, в мае 1917 г. отдел международных сношений Петроградского Совета получил (принятое в Париже еще 22 марта) приветствие русским рабочим от французской федерации углекопов, рудокопов «и других рабочих, работающих под землей». Революция в России была охарактеризована в этом приветствии, как «важный этап на пути к окончательному освобождению»³. Выражал свое чувство радости за русский народ, избавившийся от оков самодержавия, также исполком национальной федерации железнодорожных рабочих, писавший об этом русским железнодорожникам⁴.

Федерация строительных рабочих Франции и колоний приветствовала в связи с Февральской революцией профсоюзы архитектурно-строительных рабочих Петрограда⁵. Петроградским Советом был получен «братский привет революционерам России» от конгресса социалистической молодежи департамента Сены⁶. Стали также известны некоторые из

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 396.

² «...Широкое русское демократическое движение, — сообщал Севастопуло в МИД Временного правительства, — вызывает во французской буржуазии сильную боязнь ввиду его влияния на массы французского рабочего класса». АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 658, л. 8.

³ «Голос солдата», 19 мая 1917 г., стр. 4.

⁴ «L'Humanite», 27 марта 1917 г., р. 2.

⁵ «Голос солдата», 6 июня 1917 г., стр. 4.

⁶ ГЛОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 157, л. 23.

приветствий, шедших из французской провинции. Местная социалистическая организация севера Франции (город Бурж) через уезжавшего в Россию Мих. Павловича отправила (в адрес Максима Горького) приветствие русскому народу, борющемуся за «социалистический идеал». Текст заканчивался выразительными лозунгами: «Да здравствует социальная революция! Да здравствует Интернационал!». Из другого района Франции, департамента Шер, конгресс рабочих профсоюзов выражал в приветственном послании чувства «восхищения и глубокой симпатии» участникам революции в России ¹.

О глубоких симпатиях французских трудящихся к русскому революционному народу свидетельствовали митинги в честь русской революции. Они созывались буржуазными организациями или руководством социалистической партии и часто вопреки воле инициаторов превращались в демонстрации дружеских чувств простых французов к их русским собратьям. Это показал уже большой митинг, организованный «Лигой прав человека и гражданина» (ею руководили социалисты и республиканцы). Отрицательно относясь к «стихийным» массовым собраниям по поводу событий в России в низовых рабочих организациях, лидеры правых социалистов решили собственноручно организовать публичный митинг ради «официального» приветствия по поводу «торжества русской революции», а также давления на русских рабочих и солдат в отношении «войны до победы». В огромном зале парижской муниципальной гимназии 1 апреля 1917 г. собралось не менее 6—7 тыс. чел. Преобладали рабочие. Присутствовали и представители французских циммервальдистов. По мысли организаторов, главными ораторами должны были быть Ренодель, Жюо и Вандервельде. Заготовили «патриотическую» резолюцию с призывом к России усердно воевать вместе с Францией. Но парижский пролетариат сорвал этот замысел, весьма убедительно показав свое отношение к русской революции. Когда появился на трибуне Вандервельде, в зале поднялся большой шум. Скомканной речи бельгийского социалиста никто в сущности не слушал, из аудитории раздавались враждебные социал-шовинистам возгласы. Та же картина повторилась при выступлениях Реноделя и Жюо, встреченных собравшимися гнев-

---

¹ «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», стр. 29—30.

ными возгласами «ренегаты!». Названные ораторы с трудом пробили себе дорогу к выходу. Рабочие пели «Интернационал». Во всех уголках зала шли ожесточенные споры. Представителя группы социалистов меньшинства Северину, говорившую о героизме русской революции и о необходимости «вернуть потерянную свободу французскому народу», слушали внимательно. В зале раздавались лозунги «Долой войну!», «Да здравствует мир!», «Да здравствует III Интернационал!». Организаторы митинга закрыли собрание раньше времени. Про заготовленную резолюцию не успели вспомнить ¹. На следующий день о митинге знал весь Париж. Напечатывая о нем отчет «L'Humanite» объявила рабочих, устроивших obstruction Вандервельде, Реноделю и Жуо, «нарушителями порядка», а более правдивое описание в «Journal du peuple» было вырезано цензурой. «Лига прав» через несколько дней на страницах той же «L'Humanite» лицемерно выражала сожаление, что якобы «некоторое небольшое число» людей, присутствовавших на митинге, нарушило свободу слова ².

Сторонники циммервальдской левой во Франции организовали через несколько дней свой митинг. Французская печать (исключая лишь «Journal du peuple») об этом полутора-тысячном митинге не писала ничего. В апреле же состоялся большой женский митинг в Париже, который также замолчали все французские газеты и о котором упомянула лишь швейцарская печать. Приветствуя русских рабочих и работниц, ораторы-женщины требовали для себя 8-часового рабочего дня и равной оплаты с мужчинами. Всех работниц митинг призвал «объединиться для защиты своих интересов вокруг своих профессиональных синдикатов а где таковых нет — вокруг женских секций комитетов синдикального действия» (находившихся под влиянием сторонников циммервальдского объединения)³. Влияние русской революции было видно и на поведении французских рабочих в день Международного праздника трудящихся. Как исполком социалистов

---

¹ «Правда», 27(14) мая 1917 г. «Социал-демократ», 11 июля (28 июня) 1917 г.

Французская цензура не пропускала за границу телеграмм, содержащих сведения об инцидентах на митинге. См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 71, т. I, л. 221, 1917 г. Донесение Извольского Миллюкову.

² «L'Humanite», 2 апреля, pp. 1—2 и 5 апреля, p. 2.

³ «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», стр. 32.

большинства, так и руководство Всеобщей конфедерации труда отказались объявить 1 мая нерабочим днем; они лишь предложили внести в кассу взаимопомощи зарплату за этот день «в фонд помощи солдатам, военнопленным, раненым и беженцам»¹. Воззвание социалистов говорило, главным образом, о войне, повторяя еще раз, будто «мир... будет вскоре завоеван героическими усилиями союзных стран», а обращение конфедерации труда требовало «помочь солдатам на фронте» усиленным производством военного снаряжения².

Не в этих документах было высказано действительное настроение пролетариата. Стремившиеся считаться с настроениями рабочих социалисты меньшинства (в лице Мергейма) в манифесте, выпущенном 1 мая (от имени федерации металлистов, находившейся под их влиянием), критиковали поведение Реноделя, Тома, Самба и других руководителей социал-шовинистов по отношению к русской революции. Много гневных слов сказано здесь и по адресу французской буржуазии, возложившей на плечи французских трудящихся все тяготы войны. Авторы прокламации заявляли, что «только европейская революция даст мир, отвечающий интересам пролетариата»³. Народы призывались к свержению правительства из классов эксплуататоров и созданию власти из представителей рабочих и солдат, ибо революция в России — сигнал к мировой революции»⁴. КВМС и комитет синдикальной защиты выпустили также ряд листовок. Федерация металлистов, насчитывавшая к маю 1917 г. 200 тыс. чел., призвала рабочий класс Франции в первомайском обращении к активным действиям.

«Мы сумеем, если потребуется, объединиться с нашими русскими и немецкими товарищами, чтобы выступить единым фронтом с трудящимися всего мира, против захватнических войн», — говорилось в манифесте.

К международному празднику трудящихся воззвание, содержавшее приветствие русской революции, выпустила также Всеобщая конфедерация труда⁵.

1 мая 1917 г. более 10 тыс. парижан собралось, по инициативе Комитета по восстановлению международных связей и

---

¹ «Новая жизнь», 3 мая 1917 г.

² «L'Humanité», 1 мая 1917 г., р. 1.

³ «Journal du peuple», 1 мая 1917 г., р. 1.

⁴ Там же.

⁵ См. Жан Фревилль, Рождение Французской коммунистической партии, М. 1951, стр. 56—57.

комитета синдикальной защиты, на митинг в честь революции в России. Митинг стихийно превратился в массовую демонстрацию, прошедшую под лозунгами «Долой войну!», «Да здравствует русская революция!» Первомайские митинги и демонстрации прошли в ряде французских городов¹. Несмотря на уговоры правых социалистов и профсоюзных бюрократов, несмотря на шумные приготовления полиции, количество бастовавших в мае трудящихся во Франции было очень велико (точная статистика, к сожалению, отсутствует). Десятки тысяч бастующих в Париже (в т. ч. каменщики, плотники, портные, большинство строительных рабочих), массовые забастовки в большинстве промышленных центров страны² оказались убедительным свидетельством острой классовой борьбы во Франции, роста организованности и сознательности рабочего класса, плодотворного влияния революционных событий в России на справедливую борьбу французских трудящихся за их социальные права, против империалистической бойни. День 1 мая был лишь эпизодом в той большой классовой битве, которая разыгралась во Французской республике в апреле, мае, июне 1917 г. Правительство и поддерживавшие его лидеры социалистической партии приняли поистине чрезвычайные меры, чтобы замолчать эту битву. В печати, парламенте сообщались ложные данные как о размахе забастовочного движения, так и о характере требований рабочих. В то же время «L'Humanité» охотно и подробно описывала забастовки в Германии. Из многочисленных фактов классовой борьбы во Франции освещались в газетах только забастовки в отраслях легкой промышленности. О них писали и буржуазные газеты Парижа, притом как якобы о единственных, имевших место. Весьма подробные данные о ходе этих забастовок помещались также в русских буржуазных газетах. Кроме того, «L'Humanité», как и орган синдикалистов «La Bataille», в конце мая сообщила еще об отказе работать со стороны банковских служащих и рабочих ресторанов. Забастовки рабочих крупных заводов замалчивались совершенно, ничего, например, не попало в газеты о большой политической забастовке металлистов, ее не зарегистрировали даже в официальных французских послевоенных изданиях, приводящих

¹ См. С. Бантке, Борьба за создание Коммунистической партии Франции, ч. I, стр. 181.

² См. «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», стр. 33—34.

данные о забастовочном движении в военные годы ¹. Те стачки, сообщения о которых все же проникли в печать, интерпретировались газетами как чисто экономические, не имеющие «никакой связи с войной». Речь шла преимущественно о портнихах, которые, не находясь в авангарде французского рабочего класса, действительно ограничивали свои требования повышением зарплаты и введением неполного рабочего дня в субботу. Однако и здесь, не греша против истины, нельзя было скрыть органическую связь движения женщин-работниц с затянувшейся войной и несомненное влияние русского пролетариата на выступление французских работниц. Не удивительно, что крайне напуганное правительство быстро пошло на уступки, повысив женщинам зарплату, а решение палаты депутатов о введении для работниц легкой индустрии сокращенного рабочего дня в субботу было без всяких изменений одобрено сенатом ².

По официальным данным, сильно преуменьшенным, ибо сюда включены только экономические забастовки, забастовочное движение во Франции в 1917 г. выразилось цифрой в 696 стачек с 293 810 участниками. В 1915 г. было 28 выступлений (2 344 участника), в 1916 г. — 315 (41 409)³. При этом из 696 стачек 1917 г. 191 (71 776 участников) кончилась победой бастовавших, удовлетворением их требований, 374 — компромиссом между предпринимателями и рабочими и 106 — неудачей ⁴.

В различные месяцы 1917 г. стачечная волна была далеко не одинакова. Влияние революции в России, усилившее забастовочное движение, сказалось в мае—июне, когда к осознанному уже «русскому примеру» прибавились еще неудачи военных операций на западном фронте. В Париже в эти месяцы произошли впервые за время войны массовые демонстрации трудящихся. 1 июня свыше 3 тыс. женщин-работниц с красными знаменами в руках двинулись на Елисейские поля к зданию военного министерства. К ним присоединились несколько тысяч мужчин. К министру была послана делегация с требованием «вернуть мужей и отцов с фронта».

---

¹ «Statistique des greves survenues pendant les annees 1915—1916—1917—1918», Paris 1921. Изд. французского министерства труда.

² «L'Humanite», 9 июня 1917 г., p. 2.

³ «Statistique des greves survenues pendant les annees 1915—1916—1917—1918», p. V.

⁴ Там же, pp. 290—293. Данные о результатах остальных 25 стачек не приводятся.

По демонстрантам стреляли колониальные войска. Четыре женщины были убиты¹. За первые 4 месяца 1917 г. во Франции зарегистрировано 88 экономических стачек. Все забастовки, где рабочие выставляли политические требования, тщательно обходились официальной статистикой. За один май было 90, а за июнь — месяц максимального подъема рабочего движения — 285 забастовок с 108 861 участником, из них 88 кончились победой бастующих, 159 — компромиссом и только 38 — неудачей. В июле отмечено лишь 50, в августе 25 стачек².

Даже явно преуменьшенные, фальсифицированные данные, тщательно препарированные правительственными чиновниками, заставляют решительно отвергнуть официальную версию относительно «особой устойчивости» рабочих крупной промышленности, якобы не бастовавших. Из 185 тыс. чел., бастовавших в мае—июне 1917 г., только 27 % составляли портные, а 63 % — металлисты, текстильщики, химики и кожевники³. В начале июня вспыхнула массовая забастовка рабочих электрической промышленности. С 2 по 7 июня бастовали 2 тыс. рабочих на механическом заводе в Сен-Дени (в Париже), вскоре эта забастовка перебросилась на заводы Пежо, Левассёра, Нормана⁴. Наибольший размах приняла упомянутая уже грандиозная стачка почти 250 тыс. металлистов Парижского промышленного района, к которым примкнули металлисты бассейна Луары. «Война войне», «Довольно пролитой крови», — заявили рабочие.

По улицам Парижа в мае, июне неоднократно проходили демонстранты с красными знаменами; рабочие и служащие столицы требовали у правительства вернуть с фронта солдат. Шла повсеместная агитация за мир; парижская полиция арестовывала агитаторов. В вагонах поездов и на вокзалах расклеивались прокламации, выдвигавшие лозунг немедленного заключения мира⁵. Только предательство профсоюзных лидеров Жуо и Мергейма и чрезвычайные ме-

---

¹ *Paul Allard, Les dessous de la guerre révélés par les comités secrets, Paris 1932, p. 173.*

² «Statistique...», p. 296—297.

³ *Ibidem, p. VI.*

⁴ См. *С. Бантке, Указ. соч., стр. 183—184.*

⁵ См. «Правда», 15(2) июля 1917 г.; журнал «Коммунистический Интернационал» № 3, 1936 г., стр. 56. Статья Ж. Роше «На боевом посту».

ры правительства помогли сломить борьбу французских металлистов. Правительственные сообщения и позднейшие официальные издания совершенно замалчивали выступления рабочих военных предприятий. Еще в конце марта 1917 г. на военных заводах в Сент-Этьенне, Гавре и других городах произошли забастовки; на предприятиях Крезе тогда же имели место крупные «беспорядки», причем целый поезд с военным снаряжением был пущен под откос¹. Эти выступления в июне 1917 г. приняли еще более значительные размеры как в Париже, так и во французской провинции. 3 июня началась забастовка рабочих на заводах Ситроена, производивших военное снаряжение; на следующий день бросили работу металлисты на авиационном заводе в Пюто. В это же время бастовали 3 тыс. рабочих снарядных заводов Лиона, 8 тыс. мужчин и женщин на военных предприятиях Ренна, более тысячи судостроителей в Нанте и многие другие. Забастовкой были охвачены винтовочные и пулеметные, танковые и пороховые заводы; бастовали обувные и бумагопрядильные фабрики, обслуживавшие армию².

Напуганное правительство поспешило несколько увеличить зарплату и сократить на военных предприятиях рабочий день в субботу.

Отсутствие революционной партии не могло не наложить своего отпечатка и на характер требований рабочих и на ход и исход самих забастовок. Большинство лидеров французских социалистов открыто выступало против стачечных форм борьбы, они обманывали рабочих и солдат, дезориентировали их ссылками на предполагавшуюся стокгольмскую конференцию социалистов воюющих стран, способную будто бы решить вопрос о мире. Группа меньшинства по существу старалась сдерживать движение. Забастовки проходили вопреки мнению и воле руководителей. Деятельность Жуо на посту генерального секретаря ВКТ уже тогда получала одобрение правительства. Его публично благодарил министр внутренних дел Мальви, который восхищался его поведением во время забастовок, подчеркивая «очень большой дух мудрости и примирения», высказанный этим ренегатом социализма³. В то время как правительство испытывало беспокой-

---

¹ *Marcel Berger et Paul Allard, Les secrets de la censure pendant la guerre, Paris 1932, pp. 172—173.*

² См. *С. Бантке, Указ. соч., стр. 183—184.*

³ *L.-J. Malvy, Mon crime, Paris 1921, pp. 60—61.*

ство в связи с размахом народного движения, Жуо заявил Мальви: «Оказывайте нам и впредь доверие, и мы примем обязательства от имени рабочего класса помешать всяким уличным беспорядкам»¹. Со стороны рабочего класса «доверие» к Жуо и его сторонникам уменьшалось из года в год. С 1915 г. начался отлив рабочих из конфедерации труда, к 1917 г. в ней осталось только 170 тыс. членов. В январе 1917 г. в результате усилий руководства был принят закон «об обязательном арбитраже», отменявший по существу право стачек и требовавший ликвидировать «конфликты» на предприятиях средствами переговоров.

Политическая сторона забастовочного движения была связана преимущественно с ростом антивоенных настроений. Лозунг рабочих-металлистов «долой грабительскую войну», распространение по стране листовок и прокламаций с требованием немедленного заключения мира, а в ряде случаев выступления в пользу создания во Франции Совета рабочих и солдатских депутатов — все это вызвало большую тревогу правящих кругов и свидетельствовало о серьезном влиянии событий в России на французский народ. На одно из таких выступлений из правого лагеря, статью Клемансо о росте антивоенной пропаганды в стране, откликнулась «Правда»: «Для всякого честного человека ясно, что если господа Клемансо шипят против пацифистов, значит борьба против грабительской войны идет успешно и во Франции»². Созданный группой левых социалистов «Комитет по восстановлению международных связей», отражая настроения передовых отрядов французского пролетариата, тоже выпустил прокламацию с поддержкой идеи создания Совета во Франции³. Влияние русской революции коснулось и французских солдат. Армия не жила обособленной от народа жизнью. Фронтовики знали положение в тылу. Не миновала французскую армию и классовая борьба, ибо тогда, как и в нынешней Франции, кадровые офицеры в большинстве своем были выходцами из среды эксплуататоров. Нищенское, временами полуголодное существование вызывало растущее недовольство французских солдат. К тому же армия потерпела ряд военных неудач, никак не приближавших конец бой-

---

¹ L.-J. Malvy, Mon crime, p. 79.

² «Правда», 13 июля (30 июня) 1917 г., № 95. Редакц. заметка «Что делается во Франции».

³ «Рабочий и солдат», 6 августа (24 июля) 1917 г.

ни, а только увеличивавших количество жертв; значительная убыль офицеров привела в 1916—1917 гг. к частичной замене кадровиков резервистами, более близкими к народу. Почва для широкого отзвука русской революции была подготовлена и здесь. Пример России усилил жажду мира, помог прояснению сознания солдат, уставших от войны, но не знавших, как можно ее кончить.

Влиянию событий в России содействовали газеты, сообщившие о свержении самодержавия и главное о создании Советов, а также русские бригады, сражавшиеся во Франции. Во французской армии стало известно, что Временное правительство под натиском революционных масс отменило телесные наказания солдат. В русских бригадах, находившихся на французском фронте, после Февраля прошли митинги и собрания, были созданы солдатские комитеты¹. Все это не могло оставаться тайной для французской армии. Волна митингов прокатилась и по ее частям. В отдельных воинских подразделениях образовались солдатские Советы. Наряду с жалобами на усталость от войны, гневными обличениями неспособных командиров некоторые из ораторов, по признанию Пенлеве, «прославляют идеи новой России и пример русских солдат»². И не один военный министр признавал, хотя и не публично, роль русской революции. Генерал Петен, выдвинутый благодаря поддержке монополистических кругов на пост верховного главнокомандующего, в письме Пенлеве 20 мая 1917 г. относительно положения во французской армии сообщал, что «возбуждение» направлено не только против командования, но и против правительства. Среди причин, вызвавших, по его мнению, это движение, Петен называет «контакт с русскими бригадами», а также статьи в газетах о солдатских комитетах в России³. Штаб верховного главнокомандующего, сообщая в своих донесениях военному министерству о причинах революционных выступлений солдат, тоже указывал на влияние событий в России, на соприкосновение с русскими бригадами, находившимися во Франции⁴.

---

¹ См. гл. V.

² *Paul Painlevé, Comment j'ai nommé Foch et Petain.* Paris 1924, p. 141.

³ *L.-J. Malvy, Mon crime*, p. 114. Примечательно, что это письмо сохранялось в тайне от общественного мнения.

⁴ См. «Известия», 27 июля 1918 г., № 158 (422). В официальной истории французской армии в годы первой мировой войны, написанной исто-

О «контрударе русской революции», который вызвал наряду с неудачей апрельского наступления, усталостью солдат от войны, плохими условиями их быта антиправительственное движение в армии, писал и министр внутренних дел Мальви¹. Такую же оценку давали префекты на местах и командиры отдельных частей в своих донесениях правительству². Отметим также заявление испугавшегося влияния России лжесоциалиста ренегата Эрве, с злобным возмущением писавшего в своей газетке «Victoire», что «русская революция сильно поколебала моральное равновесие солдат на фронте» и что в письмах, которые получены им от солдат с фронта, «высказываются надежды, что Франция последует примеру России и вступит тоже на путь революции»³. Интересным документом, рисующим настроения французской армии в мае — июне 1917 г., являются «Десять заповедей французского солдата», в устной форме передававшиеся на фронте и записанные французскими циммервальдистами. Цензура категорически запрещала опубликование их в печати, но в листовках они получили широкое распространение, а социалист меньшинства Бризон огласил их на одном из заседаний палаты депутатов. Заповеди касались увеличения прав солдата и улучшения его быта. Последняя — и самая главная — заключение мира без аннексий еще до наступления зимы⁴, а также требования уравнять в правах солдат с офицерами и отменить смертную казнь являлись следствием влияния русской революции.

Правительство и печать пытались скрывать правду о революционных событиях в армии, так же как и о забастовках в тылу. Доклад Петена правительству, где описывались восстания в армии, был зачитан лишь на секретном закрытом заседании палаты депутатов, и ни одной строчки из этого доклада не попало в печать. В отчете Петена говорилось только о майских выступлениях и рассказывалось почти

рической комиссией французского генштаба, также содержится признание прямого влияния на французский народ революционных событий в России в марте и следующие месяцы 1917 г. См. Ministère de la guerre, Les armées françaises dans la grande guerre. Tome V, deuxième volume, Paris 1936, p. 217.

¹ L.-J. Malvy, op. cit., p. 115.

² Ibidem, p. 144.

³ Цит. по статье «Настроение французской армии» в газете «Рабочий и солдат», 15(2) августа 1917 г.

⁴ См. «Рабочий», 9 сентября (27 августа) 1917 г., № 3, редакционная статья «Заповеди французских солдат».

исключительно о мятежах в 336-м и 129-м пехотных полках. Приводились данные об отказе целых рот идти на позиции, о листовках, распространявшихся на местах расположения войск, с призывами: «Долой войну!», «Смерть виновникам бойни!», о коллективном пении «Интернационала».

В конце мая оба революционных полка двинулись на Париж; к этому времени солдаты требовали уже большего, чем в «Десяти заповедях...» Солдаты шли на Париж с лозунгами: «Наши жены умирают от голода. В Париже расстреливают народ. Долой правительство, которое не заключает мира! Да здравствует русская революция!»

Кроме названных полков, восстали дивизии 3, 7 и 21-го корпусов, 24, 46, 128, 132, 136, 242-й и другие пехотные полки¹. В ряде воинских частей солдаты устраивали демонстрации, проходившие нередко под красными знаменами, во время которых приветствовали русскую революцию. На солдатских митингах все чаще раздавалось пение «Интернационала». Революционное движение перекинулось и во флот. Еще в апреле 1917 г. началось восстание 480 матросов с потопленного броненосца «Дантон» в одной из тунисских гаваней. Выступили матросы и некоторых других судов. «Долой войну!», «Да здравствует мир!», «Мы не выйдем в море!» — заявили мужественные французские моряки. Они требовали отправки домой².

«В каких-нибудь 2—3 дня, — вспоминал активный участник событий Поль Вайян-Кутюрье, — весь французский фронт был охвачен настоящим революционным пожаром, причем центром революционного движения была Шампань»³.

О массовом антивоенном движении в армии и приветствиях в адрес революционной России говорили и депутаты французского парламента, ездившие на фронт по специальному решению палаты депутатов⁴.

---

¹ См. «Правда», 10 августа 1918 г.; «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», стр. 302—303. Нельзя не учитывать, что французская цензура старалась не пропускать сообщений о революционных солдатских выступлениях и имеющиеся сведения, очевидно, неполные.

² «L'Humanité», 14 декабря 1932 г.

³ Вайян-Кутюрье, 17-й год на французском фронте. Журнал «Красная Нива» № 49, 4 декабря 1927 г., стр. 9. Со своей стороны Петен также признавал, что движение захватило весь французский фронт. См. «Известия», 27 июля 1918 г.

⁴ Paul Allard, *op. cit.*, p. 172.

Согласно подсчетам французских военных историков, с мая по сентябрь 1917 г. в армии было «110 тяжелых» случаев коллективного неповиновения, отказа воевать со стороны воинских частей¹. В восставших частях раздавались наряду с лозунгами «Долой войну!» и «Да здравствует русская революция!» требования отставки президента Пуанкаре и всего правительства во главе с Рибо, скорейшего заключения мира на условиях, предложенных Петроградским Советом². Направившиеся к столице части не выдержали схватки с брошенными против них колониальными войсками. Один из полков, хорошо вооруженный, подошел вплотную к самому Парижу. После длительного ночного боя с кавалерией, посланной против восставших Петеном, солдаты отошли³. В июне 1917 г. революционное движение в армии развернулось с еще большей силой. По официальным преуменьшенным данным, оно охватило 115 войсковых соединений, среди которых было 75 пехотных полков, 23 стрелковых батальона и 12 артиллерийских полков. Революционные настроения проникли почти во все фронтовые воинские подразделения⁴. Убедительно звучит откровенное признание Пенлеве, сделанное им на закрытом заседании палаты депутатов, что «у нас между Суассоном и Парижем была только одна надежная дивизия»⁵. Силы международного империализма пришли на помощь французскому правительству. Английское правительство разместило английские войска в той части французского фронта, где был наибольший размах движения. «Мятежные» части были отведены в тыл для расправы и переформирования. Решение правительства воздерживаться от крупных военных операций французскими силами в 1917 г. в значительной степени объяснялось недоверием к солдату.

Небольшие вынужденные уступки⁶ сопровождалась

---

¹ *Les armées françaises dans la grande guerre. Tome V, deuxième volume*, p. 192—193.

² См. «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», стр. 58, 156—157; *R. Poincaré*, *op. cit.*, v. IX, p. 148.

³ См. «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», стр. 58—59.

⁴ *Marcel Berger et Paul Allard*, *op. cit.*, p. 181.

⁵ *Paul Allard*, *op. cit.*, p. 199.

⁶ Некоторые категории старших возрастов были демобилизованы; для солдат были введены обязательные отпуска, которые, впрочем, были использованы прежде всего для удаления с фронта наиболее активных участников революционного движения.

массовыми расстрелами солдат, изданием закона о «пораженческой мирной пропаганде», грозившего расстрелом за призывы к миру в будущем. Были фактически восстановлены военно-полевые суды. Осужденные (декретом 10 июня) лишались права апеллировать к высшим судебным инстанциям. Петен издал приказ по армии об отмене предварительного следствия. Много солдат было расстреляно без суда путем отбора каждого десятого. Сотни солдат были осуждены на многолетнюю каторгу. Целые полки окружались в лесах отрядами колониальных войск, и они были вынуждены сдаваться из-за недостатка продовольствия и оружия¹. Репрессии коснулись даже некоторых представителей правящих кругов, которые были задеты «пацифистскими настроениями». При «странных» обстоятельствах умер пацифист Альмерейда, через некоторое время (уже в 1918 г.) выслали Мальви и арестовали Кайо.

Однако не имевшее настоящего руководства, стихийное в значительной степени движение постепенно пошло на убыль.

Беда французских трудящихся по-прежнему заключалась в отсутствии стоявшей на марксистско-ленинских позициях партии рабочего класса.

Существовавший тогда в Париже подпольный революционный кружок пробовал оказать некоторую помощь восставшим. В отдельных воинских частях создавались нелегальные ячейки, пытавшиеся установить связь с революционным движением рабочих.

Поль Вайян-Кутюрье, Раймонд Лефевр и другие левые социалисты обратились к руководству партии с требованием поддержать революционную борьбу солдат. От этой поддержки Мергейм отказался. КВМС не сумел возглавить движение, да и не стремился к этому. Единственным депутатом в парламенте, выказавшим сочувствие восставшим и согласившимся с «Десятью заповедями французского солдата», был П. Бризон; правительство запретило печатание и распространение его речи.

Что касается правосоциалистических лидеров, то они оказали прямую помощь в подавлении народных выступлений, пытаясь в то же время «успокоить» массы ссылками

---

¹ См. «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», стр. 62. *Вайян-Кутюрье*, 17-й год на французском фронте, «Красная Нива» № 49, 4 декабря 1927 г., стр. 10.

на намечавшуюся международную социалистическую конференцию в Стокгольме, на которую они сами всерьез ехать не собирались¹. Революционные выступления рабочих и солдат во Франции не переросли в революцию. Рабочие в тылу и солдаты на фронте, лишенные правильного руководства, победить не могли. Это не меняет высокой оценки героизма французской армии. Борьбу французских солдат В. И. Ленин отнес к числу тех выступлений, которые были предвестниками тех же событий, что развернулись в России².

В. И. Ленин уделял очень большое внимание революционной борьбе международного пролетариата, укреплению пролетарского интернационализма трудящихся масс. Многим французским пролетариям уже тогда Владимир Ильич был хорошо известен, пользовался в их среде большой популярностью. Во время пребывания в Париже Ленин неоднократно выступал с лекциями перед рабочими района Монмартра. В. И. Ленин всегда высоко ценил героические традиции французского народа, его революционные силы. Еще находясь в Швейцарии, В. И. Ленин 25 (12) марта писал статью «Революция в России и задачи рабочих всех стран», которая должна была служить обращением ЦК к международному пролетариату. Статья осталась незаконченной. В написанной Лениным первой части разъяснялся подлинный смысл политики Временного правительства³. Ленин написал также воззвание к французским и немецким солдатам, которых он призывал к братанию на фронтах⁴. Перед отъездом в Россию, 8 апреля (26 марта), в упомянутом уже «Прощальном письме к швейцарским рабочим» Ленин выражал надежду, что это письмо дойдет и до немецких, французских и итальянских трудящихся, говорящих «на тех же языках, на которых говорит население Швейцарии...»⁵ В письме, дававшем оценку положения в России и задач русского пролетариата, указывавшем и на революционное движение немецкого пролетариата, была высказана уве-

---

¹ См. *Вайян-Кутюрье*, Указ. соч. «Красная Нива» № 49, 4 декабря 1927 г., стр. 9—10; *С. Бантке*, Указ. соч., стр. 155, 170; «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», стр. 63.

² См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 63.

³ См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, стр. 341—345.

⁴ См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, стр. 237.

⁵ *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, стр. 359.

ренность, что «объективные условия империалистской войны служат порукой в том, что революция не ограничится *первым этапом* русской революции, что революция не ограничится Россией»¹.

В борющемся пролетариате других воевавших стран Ленин видел союзника русской революции.

В противовес фронту империализма начало создаваться единение трудящихся. Народные массы России никогда не отождествляли небольшую группу империалистов с французским народом, французской нацией, как не проводили знака равенства между народными массами и правящей верхушкой в любой буржуазной стране. Революционизирующее влияние Февральской революции на рабочий класс и солдат Франции было важной вехой в укреплении дружеских связей между народами двух стран. Однако это растущее взаимопонимание трудящихся встречало решительное противодействие французского правительства; последнее, защищая политические классовые интересы буржуазии, решительно подавляло справедливую борьбу своего народа и активно вмешивалось во внутренние дела России с целью предотвратить выпадение ее из империалистической цепи, помочь буржуазии и помещикам сохранить власть.

§ 5. Отношение французских социалистов к русской революции

Руководители французской социалистической партии (СФИО) в 1917 г. (да и не только в этом году) защиту интересов своей буржуазии нередко прикрывали разговорами об «интересах социализма» и о «народном благе». Систематическое употребление подобной терминологии препятствовало уяснению широкими массами французских трудящихся действительной политической роли лидеров этой партии, помогавших империалистам бороться против наметившегося в России прорыва фронта империализма.

Руководители французской социалистической партии открыто перешли на сторону своего правительства, как только началась мировая война. К февралю 1917 г. у них накопились уже значительные «заслуги» перед буржуазией. Их деятельность получила очень суровую оценку В. И. Ле-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 363.

нина, указавшего в работе «Задачи пролетариата в нашей революции», что «наиболее ловкие, наиболее искушенные в приемах парламентского мошенничества французские социал-шовинисты давным-давно побили рекорд по части неслыханно громких и звонких пацифистских и интернационалистских фраз, соединенных с неслыханно наглой изменой социализму и Интернационалу, вступлением в министерства, ведущие империалистскую войну, голосованием за кредиты или за займы (как Чхеидзе, Скобелев, Церетели, Стеклов в последние дни в России), противодействием революционной борьбе в своей собственной стране и т. д. и т. д.»¹

Большинство в руководстве партии и в ее парламентской группе составляли социал-шовинисты. Под влиянием антивоенного движения группа социалистов — членов парламента, возглавляемая Жаном Лонге, Пресманом и Майерасом, не одобряя полностью линии Тома, Самба, Реноделя и других руководителей большинства, заняла социал-пацифистскую центристскую позицию, пытаясь примирить правых и левых. На Циммервальдской конференции Францию представляли Мергейм и Бурдерон. Они отвергли предложения В. И. Ленина о борьбе за создание III Интернационала. Мергейм в беседе с Лениным отрицательно отнесся к идее подготовки французского пролетариата к гражданской войне², но манифест, принятый в Циммервальде, французские делегаты подписали. Ряд интернационалистов во Франции выступал за поддержку циммервальдской левой.

В. И. Ленин, уделявший большое внимание рабочему и социалистическому движению во Франции, написал 10 февраля 1916 г. обращение к французским товарищам: «О задачах оппозиции во Франции», ставшее программой революционных действий для французских левых. Критикуя ошибочные взгляды Мергейма и Бурдерона, которые «больше всего боятся раскола», В. И. Ленин напомнил, что «раскол рабочего движения и социализма во всем мире есть факт. Налицо две непримиримых тактики и политики рабочего класса по отношению к войне»³. Оппозиция во Франции должна была избавиться от неверных представлений, от

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 53.

² Confederation generale du Travail. XX Congres national corporatif, tenu a Lyon du 15 a 21 septembre 1919. Compte rendu de travaux, Partie II, p. 183.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 115.

робости в практических действиях и, решительно порвав с социал-шовинистами, участвовать в борьбе за III Интернационал. «Я верю в французский революционный пролетариат,— писал В. И. Ленин.— Он подтолкнет и французскую оппозицию»¹. Письмо Ленина было опубликовано во Франции отдельной листовкой и получило широкое распространение, оно способствовало укреплению позиций сторонников создания III Интернационала в СФИО. Один рядовой французский рабочий, ознакомившись с обращением В. И. Ленина, заявил: «Раньше я думал, что социализм мертв, но теперь я вижу, что он живет, и весть об этом живом социализме я понесу в массы»².

В начале 1916 г. в Париже был создан упомянутый Комитет по восстановлению международных связей. Его создание было первой попыткой противопоставить революционную организацию социал-шовинистам. КВМС выпускал листовки и брошюры, вел пропагандистскую работу среди рабочих. Он присоединился к решениям Циммервальдской, а затем и Кинтальской конференций³. На последней Франция была представлена тремя социалистами-центристами. Самое их присутствие в Кинтале свидетельствовало о рссте антивоенного движения во Франции. Все трое взяли на себя обязательство выступать против войны и шовинизма, голосовать в парламенте (депутатами которого они являлись) за отказ от вотирования военных кредитов. В то же время Бризон, один из французских делегатов, выступал в Кинтале против В. И. Ленина⁴.

Правое руководство партии выразило свое неодобрение французским участникам и Циммервальдской и Кинтальской конференций. Оно также отрицательно отнеслось к деятельности КВМС. Таким образом, полного единства среди французских социалистов не было, хотя левые круги в партии не шли дальше признания манифестов Циммервальда и Кин-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 118—119.

² Журнал «Коммунистический Интернационал» № 3, 1936 г., стр. 55. Из статьи Жюля Роше «На боевом посту».

³ В конце 1916 г. Мергейм и Бурдерон были исключены из КВМС, руководство в котором перешло к Лорио и его сторонникам. Следует отметить, что, осуждая империалистическую войну, члены КВМС были все же слабо связаны с массами и не смогли (что подтверждают и приведенные в предыдущем параграфе факты) возглавить их классовую борьбу.

⁴ 1-e Congrès national du Parti Socialiste Français, tenu a Strasbourg. Fevrier 1920, Paris 1920, p. 434.

тая и не выражали полного согласия с ленинской программой по вопросам войны, мира и Интернационала. Все больше рядовых членов социалистической партии не подчинялось политике правых лидеров и активно участвовало в революционном движении. Некоторые федерации партии, несмотря на предательство руководства, продолжали интернационалистскую деятельность, резко критикуя линию «L'Humanité». Уже в 1916 г. на стороне оппозиции была треть рядовых членов социалистической партии ¹. На сессии национального совета социалистов в августе 1916 г. меньшинство (набравшее при голосовании 1075 голосов) предложило пацифистскую резолюцию, в которой указывалось, что война несет большие жертвы, народы жаждут мира, что нужно добиваться мира без аннексий и возобновления международных сношений социалистических партий. Большинством (1824 голоса против 1075) была принята другая резолюция, где подчеркивалась решимость всеми силами содействовать войне. Когда в сентябре при обсуждении бюджета несколько социалистов выступили против нового увеличения военных кредитов, выполняя обязательство, взятое ими на себя в Кинтале, то руководство партии, созвав специальное совещание, осудило их действия, а в палате депутатов социал-шовинисты прочли декларацию о безоговорочной поддержке военных кредитов.

Определенное полевание внутри социалистической партии под влиянием растущего недовольства французских трудящихся вновь подтвердилось на съезде социалистов в декабре 1916 г. 1372 делегата высказались против дальнейшего пребывания членов социалистической партии в правительстве, за оставление Тома в кабинете было подано 1637 голосов. Предложение меньшинства о возобновлении интернациональных связей между социалистами собрало 1407 голосов (против выступило 1537 делегатов). Меньшинство выпустило после конгресса свое воззвание с изложением взглядов оппозиции ².

Значительная часть рядовых членов партии продолжала выступать против линии руководителей большинства и в 1917 г. На заседании национального совета 6 марта 1917 г.,

---

¹ См. Г. Сандомирский и П. Паскаль, Французская социалистическая партия, М.—Л. 1928, стр. 130.

² «L'Humanité», 30 декабря 1916 г.; Г. Сандомирский и П. Паскаль, Указ. соч., стр. 133.

накануне Февральской революции в России, за решение о поддержке войны до победы было подано только 1553 голоса, против — 1377.

В отличие от социал-шовинистов и центристов КВМС искренне приветствовал Февральскую революцию в России и защищал ее от нападков французской и международной буржуазии. По поручению комитета Лорио в начале апреля 1917 г. нелегально выезжал в Швейцарию и имел продолжительную беседу с В. И. Лениным, что, несомненно, оказало большое влияние на дальнейшую деятельность французских циммервальдовцев. После возвращения Ф. Лорио во Францию КВМС выпустил воззвание «Русская революция и задачи социалистов», в котором подчеркивалось, что «русская революция открывает новую эру мировой истории... Русский пролетариат спас честь мирового пролетариата и международного социализма, и задача подлинных социалистов состоит в том, чтобы закрепить победу русской революции и превратить ее в международную революцию». Изданное в виде листовки, это воззвание нашло широкое распространение как среди рабочих, так и среди солдат. Оно сыграло положительную роль в пропаганде во Франции идеи Советов и в борьбе за прекращение войны¹. Это не помешало Реноделю, Тома, Самба и другим социал-шовинистам вести прежнюю политику. Французские империалисты знали, что на них они могут смело возлагать серьезные поручения. И когда начальник французской военной миссии в России генерал Жанен, с согласия генерала Алексеева, обратился к Пенлеве с предложением, чтобы военный министр «организовал» обращение французских социалистов к «соответствующим русским организациям» с призывом продолжать войну до победного конца, то французское правительство быстро согласилось с целесообразностью такого обращения. Вскоре Жанену был послан ответ Пенлеве: «Согласно поданной Вами мысли, наши социалистические организации обратились к соответствующим русским организациям в смысле продолжения войны до конца»². К кому именно обращаться, подсказал правительству Палеолог, независимо от Жанена тоже настаивавший перед Парижем на необходимости такого обращения: послать документ в адрес Керенского, по мнению посла, един-

¹ См. С. Бантке, Указ. соч., стр. 131—133.

² «Красный архив», т. 3 (XXII), М.—Л. 1927, стр. 67—68.

ственного человека, который «способен втолковать Совету необходимость продолжения войны и сохранения Союза» между Россией и Францией¹. Так появилось инспирированное правительством обращение «К нашим русским братьям», выпущенное парламентской группой социалистов 17 марта, когда французы узнали о победе русской революции. В этом документе события в России оценивались неправильно, необъективно, а под предлогом укрепления союза с «демократиями Европы, Америки и Азии» от русского народа требовали продолжения войны². Мы уже видели, что «L'Humanite» целиком восприняла официальную интерпретацию революции и внесла свою лепту в замалчивание, а затем и извращение действительного положения вещей в нашей стране во время и после свержения самодержавия. Кроме официального приветствия от имени всей партии, посылались в адрес Керенского серия аналогичных по тону приветствий отдельных групп социалистов. Группа социалистов-депутатов парламента тоже послала отдельное приветствие, выдержанное в «должном» тоне³.

Немногим лучше выглядела «Journal du peuple». Эта газета отличалась лишь тем, что реже вспоминала о свергнутой царе. Главными фигурами революции орган левых социалистов считал изменников интересам трудящихся Керенского и Чхеидзе, а массовые антивоенные настроения в послефевральской России приписывал почему-то ... влиянию посланий Вильсона⁴. От руководящей группы социалистов старалась не отстать и Всеобщая конфедерация труда, большинство в руководстве которой находилось в руках социал-шовинистов: в манифесте русскому пролетариату профсоюзные лидеры объявляли войну справедливой и звали к единству русских рабочих для продолжения кровавой бойни⁵. Тем не менее число противников антинародной позиции руководства ВКТ росло, а федерации металлистов, кожевников, бочаров, гончаров и шляпников вместе с местными профсоюзными объединениями департаментов Гар, Луары, Роны и Верхней Вьенны заявили о присоединении к резолюциям Кинтальской конференции, вскоре после Февральской революции еще раз официально осужденным

¹ М. Палеолог, Царская Россия накануне революции, стр. 356.

² «L'Humanite», 17 марта 1917 г., р. 1.

³ «L'Humanite», 24 марта 1917 г., р. 2.

⁴ «Journal du peuple», 17 марта 1917, р. 1.

⁵ «L'Humanite», 5 апреля 1917 г., р. 2.

ЦК социалистов, о чем петроградские «Биржевые ведомости» с нескрываемым удовлетворением поспешили известить своих читателей¹.

Наряду с приветствиями и выступлениями демагогического характера руководители СФИО и ВКТ, уподобляясь здесь лидерам буржуазных партий, неправильно информировали общественное мнение о событиях в России. «L'Humanité» уже с 19—20 марта и далее почти ежедневно убеждала читающую публику, что «потрясения» России якобы уходят в прошлое, жизнь в Петрограде быстро принимает «нормальный характер», входит в общую колею, а народ-де «чутко прислушивается» к голосам своих министров, призывающих к спокойствию. Выступления русского пролетариата и крестьянства, борьба за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической, возглавленная большевиками, совершенно затушевывались. Газета не осветила взрыв энтузиазма, который охватил французских трудящихся при известиях о победе русской революции. О деятельности большевистской партии газета не сообщала ни слова правды, ограничиваясь перепечаткой буржуазных фальшивых и злостных измышлений. «L'Humanité», как и социал-шовинисты, органом которых газета тогда являлась, очень много места уделяла русским кадетам, подробно описывала их съезды, охотно предоставляя целые столбцы своей скромной по формату газеты (ощущалась нехватка бумаги) перепечаткам из «Речи».

Лидеры французских правых социалистов общались с буржуазными политиками и газетчиками России более охотно и успешно, чем с пролетарскими кругами. «Речь» не оставалась в долгу и в свою очередь широко освещала высоко полезную (для империализма) деятельность французских социал-шовинистов.

В адрес кадетской газеты шли телеграммы и обращения, в которых социалисты призывали к продолжению войны; парижский корреспондент «Речи» был частым гостем у руководителей социалистов большинства.

Для того чтобы спасти русскую буржуазию, предотвратить прорыв фронта империализма в России и заставить Россию энергично продолжать войну, французские монополисты решили использовать поддержку руководящей группы

---

¹ «Биржевые ведомости», 16(29) марта 1917 г., утренний выпуск, стр. 2; «Petit Journal», 15 марта 1917 г.

социалистов в форме установления их личного контакта с русскими меньшевиками, а по возможности, и с русским народом. Уже с самого возникновения этой идеи было ясно, что поездка французских социалистов в Россию должна носить характер «правительственного поручения». Организацией этой миссии империалисты, русские и французские, занимались едва ли меньше, чем социалисты, а подробности пребывания делегатов в России буржуазные газеты Петрограда, Москвы и Парижа освещали, пожалуй, с большей тщательностью, чем социалистическая печать. Поездку социалистов в Россию лагерь контрреволюции рассматривал, как одно из средств вмешательства во внутренние дела нашей страны в интересах Антанты, с целью помочь Временному правительству сохранить свою власть.

Мысль о посылке делегации возникла в Париже уже через несколько дней после Февраля. Если верить Извольскому, то русский посол во Франции высказал ее одним из первых во время встречи с А. Тома. Без сомнения, он выражал мнение Временного правительства. Вопрос этот широко обсуждался в кулуарах палаты депутатов. Причина интереса парламентариев к отправке миссии никем не скрывалась. Встревоженные «проникшими во французскую печать сведениями о чрезмерной требовательности Петроградского Совета рабочих депутатов», депутаты палаты надеялись, «...что советы опытных товарищей-союзников окажут известное воздействие на русских социалистов»¹.

Посланные в Россию три депутата-социалиста 13 апреля прибыли в Петроград. Первый визит был нанесен ими официальному представителю французского правительства Палеологу. Беседа, состоявшаяся в кабинете посла, видимо, протекала в обстановке «дружеского взаимопонимания». «Мы прекрасно спелись друг с другом, — записано в мемуарах Палеолога, — насчет задачи, которую им предстоит здесь выполнить». Посол дополнительно инструктировал гостей о том, как нужно здесь в России разговаривать. «Я им излагаю, — читаем мы в книге французского дипломата, — что, если они сумеют снискать доверие Совета, если они поговорят с ним с благожелательной твердостью, если им удастся доказать ему, что судьба Революции связана с судьбой

---

¹ «Борьба классов», 1931, № 5, стр. 85. Телеграмма Извольского Миллюкову 21(8) марта 1917 г. «Утро России» № 69, 25(12) марта 1917 г.

войны, русская армия сможет опять играть важную роль, роль массы, если не активного фактора в наших стратегических планах». Палеолог весьма точно сформулировал свои личные настроения ¹. В этой части они совпадали с мнением французского правительства. Нужно было беспрепятственно использовать русское пушечное мясо, а внутренние русские «перемены» направить в угодное Антанте русло. Социалисты должны были оказать своей буржуазии конкретную и практическую помощь в борьбе против русской революции. Однако социал-шовинисты не оказались способнее буржуазных дипломатов, хотя социалистическая делегация, действовавшая заодно с прибывшими в Россию английскими лейбористами, серьезно отнеслась к поручению своей буржуазии. Но не желая, в силу своих политических позиций, объективно разобраться в «русских делах», делегаты не смогли понять, что никакие усилия с их стороны не могли изменить того пути, по которому уверенно вела пролетариат и трудящееся крестьянство большевистская партия, пути, расчитанного на победу социалистической революции.

Прежде чем встретиться с русскими «социалистами», делегаты встретились с русской буржуазией.

Как французская, так и английская делегация пытались использовать события Февральской революции для провозглашения «освободительной» войны. В России нужно говорить о свободе и демократии для того, чтобы справиться с заданием своих правительств, заставить русских хорошо воевать, — это был, пожалуй, единственный урок, который извлекли социал-шовинисты из развития революционных событий в нашей стране, поставивших Россию в авангард мирового революционного движения. Не удивительно, что один из членов французской делегации Мутэ на приеме делегатов Временным правительством объявил, что «свободная демократическая Франция в союзе со свободной демократической Россией дружно будут бороться до конца — до победы над милитаризмом, за свободу всех народов и за уничтожение войны на земле». Сандерс (от англичан) заявил нечто подобное. Милюков уверял их, будто Россия собирается воевать по-прежнему. На следующий день, 19 апреля, делегатов принял исполком Петроградского Совета. Выслушав приветственную речь Чхеидзе, гости с достаточной откровенностью и здесь возвестили действительную цель своего при-

---

¹ М. Палеолог, Царская Россия накануне революции, стр. 424.

езда. Лафон признался, что особенно их интересует, «как идет дело организации обороны», если назвать вещи своими именами, то это означало, «как скоро русские армии могут перейти в наступление». Пропаганда войны за «свободу и демократию» мирно уживалась у делегатов с весьма решительной защитой политики своего империалистического правительства. Они продолжали, находясь в России, поддерживать давно уже разоблаченную Лениным, как лживую, версию, будто война носит оборонительный характер со стороны Франции.

Социалисты взяли под защиту колониальную политику французского империализма, заявив журналистам в Петрограде, будто «они всегда боролись с колониальной политикой, но нынешняя война выдвигает прежде всего вопрос европейский». Говорить об освобождении Сербии и Бельгии они соглашались, о Марокко и Алжире не хотели ничего слушать. Социалисты оправдывали также империалистическую политику своего правительства в Греции ¹.

Французские, а также английские социал-шовинисты выезжали на северный и западный фронты, где агитировали в пользу наступления ².

Дело не обошлось без некоторых трудностей. Исполком Петроградского Совета должен был выделить особую комиссию для переговоров с приехавшими делегациями о конкретных условиях «будущего мира»; французские социалисты предлагали меньшевикам признать захватническую программу французских империалистов. Гости из Парижа беспокоились, как бы формула о «мире без аннексий и контрибуций» не помешала осуществлению агрессивных планов французского правительства. Чуть-чуть большая «левизна» русских социал-предателей, выражавшаяся не в более «левой» идеологии, а в более «левой» фразеологии, объяснялась различием в «домашней» обстановке. Единой формулы найти не удалось.

В свою очередь, русские меньшевики уговаривали своих собеседников выступать во Франции за созыв международной конференции социалистов.

---

¹ «Власть народа» № 3, 30 апреля 1917 г. Сообщение о беседе членов исполкома Петроградского Совета с французской социалистической делегацией. О Греции см. гл. III.

² ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1235, лл. 31, 42.

Здесь договориться оказалось проще. Французские представители обещали содействовать устройству такой конференции. Все их выступления содержали клеветнические выпады против большевистской партии. «L'Humanité» присоединилась к травле Ленина буржуазными газетами во главе с «Temps» и информировала читателей почти исключительно о меньшевистско-эсеровских выступлениях в Совете с их «критикой» по адресу вождя революции Ленина. В органе правых социалистов находилось к тому же еще место (даже в уменьшенном формате газеты) для отчетов о собраниях того полутрупа, который именовался на страницах «L'Humanité» Думой.

Большевистская партия с абсолютной ясностью высказала свое отношение к выступлениям делегатов. В декларации, прочитанной представителем МК РСДРП на приеме французских и английских социалистов в Московском Совете, указывалось, что те «рабочие партии, которые объединились с буржуазией и поддерживают ее империалистическую политику, являются препятствием на пути... расширения русской революции» и что «большинство французского и английского социалистического пролетариата отнюдь не стоит на социал-шовинистической точке зрения», а без участия левого крыла социалистических партий никакие переговоры вообще невозможны¹. Следуя примеру большевиков, Комитет по восстановлению международных связей раскрывал в выпускаемых листовках истинное значение поездки социалистической делегации, связь этой поездки с борьбой французской буржуазии за продолжение войны, против русской революции². Разоблачение большевиками действительной цели поездки в Россию социалистических делегаций Франции и Англии было одной из важнейших причин неудачи этого предприятия. Этот эпизод никак не смог остановить развитие русской революции. Гости также не смогли «помочь» России успешно вести войну.

На одного из участников делегации, Марселя Кашена, революционные события в России оказали большое положительное влияние. Еще на съезде социалистической партии в августе 1916 г. М. Кашен заявил, что война неизбежно приведет к революции в России, и выступил за мир без ан-

---

¹ См. «Социал-демократ», 3 мая (20 апреля) 1917 г.

² С. Бантке, Указ. соч., стр. 135.

некий и контрибуций¹. Приехав в послефевральскую Россию, «с наслаждением вдыхал он живительный воздух революции. Эти массы, полные страсти и решимости, правы! Они стоят на том единственно верном пути, который ведет к социализму. Отныне Кашен всецело на стороне русской революции»². Марсель Кашен на месте убедился в быстрых успехах большевистской партии. В беседах с русскими товарищами Кашен заявлял, что своим долгом по возвращении во Францию он считает рассказать французам правду о России, о необходимости помочь русскому народу в его борьбе за освобождение.

Не одни названные французская и английская социалистические делегации приезжали в Россию. Здесь побывали Вандервельде, Гендерсон. Ради помощи меньшевикам и эсерам в борьбе с развитием революции, с целью усилить военный потенциал «русского союзника» отправился в Россию социалистический министр Альбер Тома, тот самый Тома, который, по словам «Правды», «...защищает капиталистическую войну усерднее, чем сами капиталисты»³. В Париже от этой поездки ждали быстрого эффекта, рассчитывая при помощи Тома «...придать некоторую твердость решениям Временного правительства»⁴.

18 мая глава французского правительства Рибо записал в дневнике: «Заседание Совета Министров. Россия. Желательно поддержать Тома в Петрограде»⁵. Министр вооружений казался человеком, способным «не задеть» русскую демократию и умело приспособиться к настроениям в той стране, открытое вмешательство во внутренние дела которой осуществляли ее союзники. Он не скрывал милитаристских и контрреволюционных целей своей поездки. Уже по дороге в Россию, остановившись в Христиании, Тома безапелляционно объявил журналистам: «Свобода России невозможна без военной победы»⁶. В первом же заявлении для печати, сделанном на русской земле (не в «социалистической» газете, а

---

¹ См. *Жан Фревилль*, Рождение Французской коммунистической партии, стр. 51.

² Там же, стр. 53.

³ «Правда», 24(11) апреля 1917 г., № 29, Редакц. заметка «Чей гость?»

⁴ *A. Ribot, Lettres a un ami*, p. 232.

⁵ *Journal d'Alexandre Ribot et correspondences inedites, 1914—1922*, Paris 1936, p. 102.

⁶ «*Matin*», 20 апреля 1917 г., p. 1.

в черносотенном «Новом времени!») он высказался в таком же духе ¹. Еще более откровенно выступил французский министр в Петроградском Совете. Исполком Совета, рассматривавший 25 апреля официальную просьбу Тома о приеме его, 27 голосами против 12 (большевиков и некоторых меньшевиков-интернационалистов) при 4 воздержавшихся решил назначить ему прием на 29 апреля. Краткая протокольная запись речи Тома в Совете вносит достаточную ясность в существо дела: «Цель его посещения — высказаться по ряду вопросов, которые волнуют не только русских, но и социалистов всего мира.

Он надеется, что ему удастся показать всю трудность положения французских социалистов и найти понимание и сочувствие в русских товарищах. Приехал он в Россию с миссией от правительства принести привет новой России и с некоторыми военными целями. Вопрос об обмене войсками вопрос о выяснении условий, при которых война может продолжаться, входит в программу его посещения» ². «Высказаться» Тома собрался о продолжении империалистической войны и о возможных условиях империалистического мира; «обмен войсками» мог означать лишь вопрос о посылке во Францию новых контингентов русских солдат, «некоторые военные цели» касались военных операций и военных обязательств России, за что Франция, в лучшем случае, пошлет некоторое количество вооружения; к тому же, «социалистическому» министру нужно было не только, чтобы «война продолжалась», но и чтобы со стороны России она велась активно. Такова была программа действий Тома в России. В составе миссии были один генерал и два полковника французской армии ³.

Практические действия французского министра свелись главным образом к речам, отчасти — встречам с официальными лицами. Арсенал пропагандистских приемов оказался невелик. Одни и те же аргументы, иногда лишь иначе сформулированные, переходили из одного выступления в следующее. Активного участия России в империалистической бойне на стороне Антанты, «единения» русского народа вокруг буржуазного правительства — вот чего хотел до-

¹ «Новое время», 24(11) апреля 1917 г.

² Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний исполкома и бюро ЦК, ГИЗ, 1925, стр. 342.

³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 36, 1917 г., лл. 3—4. Всего миссия состояла из 9 чел.

биться социал-шовинист Тома. Неоднократные выступления в Петроградском Совете и приемы в Мариинском дворце далеко не исчерпывали его кипучей деятельности в России. Он искал встреч с самыми различными аудиториями. Он произнес речь на крестьянском съезде, где, обрисовав прелести послевоенного мира и упомянув, будто мировая бойня идет «во имя свободы», потребовал, чтобы «ради достижения длительного мира русские и французские крестьяне в братском единении сражались до конца»¹. Пытался он воздействовать непосредственно на русский пролетариат. Выступая перед 30-тысячной аудиторией на Путиловском заводе, министр просил собравшихся «поддержать усилия Франции в войне»². А несколькими днями раньше на заседании Центрального военно-промышленного комитета Тома призывал к скорейшей реализации займа свободы, ибо эти деньги-де пойдут на снаряды и пушки³. Альбер Тома побывал и в Москве, где за два дня произнес 16 речей. Буржуазные партии вместе с соглашателями устроили весьма шумный прием гостю, на заседании городской думы А. Тома избрали «почетным гражданином города Москвы»⁴.

Московские большевики разоблачили действительные цели этой шумихи. Редакция «Социал-демократа» напомнил а своим многочисленным читателям, что «гость из Парижа» является приказчиком буржуазии и поэтому «должен встретить должный прием со стороны московских рабочих»⁵. На пролетариат Москвы увещания Тома произвели так же мало впечатления, как и на рабочий класс в Петрограде⁶.

Руководители большинства французской социалистической партии не извлекли для себя серьезных уроков из событий в России. После Февральской революции, как и до нее, это руководство продолжало требовать от партии решительной поддержки войны «до победы». Среди значительной части рядовых членов социалистической партии росло недовольство этой политикой помощи своему империалистиче-

---

¹ «Temps», 21 мая 1917 г., р. 2.

² «L'Humanite», 17 мая 1917 г., р. 3.

³ «Известия Центрального военно-промышленного комитета», 17(4) мая 1917 г., стр. 2.

⁴ ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 315, л. 249.

⁵ «Социал-демократ», 20(7) мая 1917 г., статья «Альбер Тома», автор Н. Антонов.

⁶ Иностранные дипломаты признавали тогда же, что агитационные выступления английских и французских социалистов в Москве не имели успеха. См. «Красный архив», т. 5 (XXIV) за 1927 г., стр. 138.

скому правительству в ведении войны и наступлении на рабочий класс, однако в составе партии не было еще тогда таких лидеров, которые пошли бы на организационный разрыв с большинством. Так, на конгрессе социалистической федерации департамента Сены, в котором были особенно сильны революционные настроения среди рядовых членов социалистической партии, состоявшемся 1 октября, 2548 голосов было подано против поддержки в парламенте военных кредитов (за поддержку — 2867). Однако после голосования меньшинство подчинилось партийной дисциплине и не предприняло каких-либо антивоенных действий ¹.

В опубликованной в связи со съездом социалистов в Бордо (в октябре 1917 г.) программе партии, составленной представителями большинства, содержалось требование еще более упорного ведения войны и даже не ставился вопрос о необходимости ее прекратить. В этой программе выдвигались задачи создания военного кабинета, облеченного всей полной власти, дальнейшей милитаризации экономики, тщательного надзора за выполнением программы военного производства. В то же время в этой программе социалистической партии не было требований, удовлетворявших интересы рабочего класса. Экономическая часть ее не содержала ничего сколько-нибудь значительного, ограничиваясь предложениями о «строгом распределении» продовольствия, борьбе со спекуляцией и туманным пунктом об обложении налогами военных прибылей ².

На съезде в Бордо большинством собравшихся было решено социалистическим депутатам парламента голосовать за военные кредиты. Резолюция Реноделя, требовавшая проведения политики «национальной обороны», сотрудничества классов и участия в правительстве, получила 1552 голоса. Резолюция Прессмана, в которой требование «национальной обороны» сочеталось с демагогическими заявлениями об «интернационализме», собрала 834 голоса. Предложение Бризона, воспроизводившего текст о «национальной обороне» и об «интернационалистических задачах», бывший в резолюции Прессмана, но предлагавшего отказаться от вотиrowания военных кредитов, получило 385 голосов, а предложение Симоно, содержавшее только требование отказа от вотиrowания военных кредитов, — 118 ³. Это голосование слу-

¹ «La Sentinelle», 4 октября 1917 г., р. 2.

² Там же, 20 октября 1917 г., р. 2.

³ См. журнал «Demain» (Женева), Octobre 1917, р. 390.

жило веским доказательством роста открытого недовольства членов партии империалистической политикой руководителей большинства, влияния на французский народ революционных событий в России, усиления левого крыла в партии.

Возникшее под влиянием посещения России намерение послать все же делегатов на намечавшуюся конференцию социалистов воюющих стран в Стокгольме быстро разбилось о сопротивление французского правительства.

Не оказали, как мы видели, в свою очередь, серьезного влияния поездки представителей правых социалистов из Франции (так же, как и лейбористов) на русский народ. Затормозить развитие революции, воспрепятствовать руксводимому большевистской партией процессу перерастания уже победившей буржуазно-демократической революции в социалистическую, для успеха которой в стране имелись все объективные предпосылки, социал-шовинисты стран Антанты оказались не в состоянии.

Таковы наиболее важные события, происшедшие во Франции и в русско-французских отношениях под влиянием Февральской революции. Французский империализм принял активное участие в борьбе международной реакции против русской революции. Первым откликом правящей Франции на свержение самодержавия в России было сознательное извращение подлинного смысла событий, возвеличивание русской буржуазии и замалчивание роли русского народа и большевистской партии в революции. Важнейшим вопросом в сношениях с Временным правительством встал вопрос об активном ведении войны Россией в интересах Антанты. Империалисты Франции вместе с английскими и американскими империалистами хотели заставить русский народ продолжать проливать кровь на фронтах и отвлечь его внимание от борьбы против буржуазного правительства. Буржуазное правительство, связанное «по рукам и ногам англо-французским империалистским капиталом»¹, выступило за продолжение империалистической войны. Оно получило поддержку руководителей меньшевиков и эсеров. Большевистская партия, основываясь на ленинской программе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, в вопросе о войне в этот период боролась за то, чтобы, разоблачив в глазах масс подлинную империалистическую сущность этой

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 300.

войны, показать, что демократический мир способно заключить только правительство Советов, во главе с большевиками.

Русский пример способствовал активизации революционной борьбы французских рабочих и солдат, не имевших, однако, еще своей партии, назревавшая во Франции революционная ситуация не перешла в революцию. Этому в немалой степени содействовали лидеры французских правых социалистов, которые успешно помогали своей буржуазии подавить революционные выступления на фронте и в тылу, но безуспешно пытались воздействовать на русский народ в смысле его активного участия в войне.

И в России, и во Франции, как и во всякой стране с антагонистическими производственными отношениями, были две политики. «В «союзе» с империалистами, то есть в позорной зависимости от них, — такова внешняя политика капиталистов и мелких буржуа. В союзе с революционерами передовых стран и со всеми угнетенными народами против всяких и всех империалистов — такова внешняя политика пролетариата», — указывал В. И. Ленин¹. Политика «верхов» обоих государств стремилась к разгрому лагеря революции в нашей стране, к более упорному ведению войны «до победы» со стороны России и к приглушению классовой борьбы своих народов.

Другая политика осуществлялась рабочим классом и его союзниками. Во Франции пролетариат еще не имел партии, которая защищала бы его интересы и возглавила бы разрозненные революционные выступления французских трудящихся в пользу русской революции и в целях их собственного освобождения. Русский революционный народ возглавляла партия нового типа, в неслыханно короткие сроки приведшая страну к победе социалистической революции. Задача завоевания реальной политической власти была важнейшей задачей большевистской партии, в подчинении которой решались все остальные вопросы момента. Правильная ленинская политика партии после Февраля привела к прорыву фронта империализма в России.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 69.

Г Л А В А I I I
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ФРАНЦИИ
В МАЕ — ИЮЛЕ 1917 г.

§ 1. Проблемы войны и революции

Отставка П. Н. Милюкова, последовавшая 16 (3) мая 1917 г., отнюдь не означала, что русская буржуазия признала необходимость каких-либо серьезных изменений внешней политики. Это предвидел В. И. Ленин. В написанной им резолюции ЦК РСДРП 3 мая (20 апреля) 1917 г. о кризисе в связи с нотой Временного правительства от 1 мая (18 апреля) 1917 г. указывалось, что «всякие изменения личного состава данного правительства (отставка Милюкова, отзыв Керенского и т. п.) будут подражанием худшим приемам буржуазного парламентарного республиканизма, *подменяющего* борьбу классов соревнованием клик и личными перетасовками»¹. 7 мая (24 апреля) открылась VII (Апрельская) конференция большевиков, сыгравшая решающую роль в сплочении партии вокруг ленинской программы борьбы за торжество второго этапа революции. Под руководством В. И. Ленина была выработана линия партии по всем основным вопросам войны и революции. Развивая положения, выдвинутые в Апрельских тезисах, Ленин указал, что в основе политики партии должен лежать курс на подготовку социалистической революции. В качестве ближайшей задачи партии Ленин выдвинул лозунг: «Вся власть Советам!» Двоевластие должно было быть заменено единовластием Советов. Это означало бы удаление из органов власти капиталистов и помещиков.

Завоевав большинство в Советах и превратив их в органы революционной партии, через Советы можно было изменить как состав правительства, так и характер его политики.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 155.

В то время как авангард лагеря революции — большевистская партия, вооруженная решениями Апрельской конференции, готовилась к переходу от буржуазно-демократической революции к социалистической, в это же время лагерь контрреволюции продолжал бороться за укрепление власти империалистов в России.

«Речь» требовала энергично продолжать империалистическую войну, выступая от имени главной партии русских империалистов за прежнюю проантантовскую внешнюю политику. ЦК кадетов в заявлении по поводу ухода Милюкова высказывал холопскую верность империалистам Антанты.

Когда встал вопрос о замене Гучкова и Милюкова, выступил с изложением своих внешнеполитических принципов и исполком Петроградского Совета. Могло показаться, что его взгляды в чем-то существенно отличаются от кадетских. Большевики и эсеры, имевшие тогда еще большинство в Совете, много говорили относительно «всеобщего мира без аннексий и контрибуций», самоопределения народов, пересмотра соглашений с союзниками.

Различия взглядов не были принципиальными. Но руководителям мелкобуржуазных партий нужно было, чтобы широкие массы доверчиво считали эти расхождения очень важными. Разговоры о демократическом мире и о пересмотре целей войны совмещались у меньшевистско-эсеровских руководителей Совета с требованием, обращенным к армии, продолжать войну якобы только до тех пор, пока не вспыхнет революция в Германии и пока не согласован с союзниками вопрос об отказе от «политических захватов». В составленном в этом духе обращении «К армии» 14(1) мая Петроградский Совет решительно выступал против братания на фронте ¹, что вызвало полное удовлетворение кадетов, напечатавших в своей газете (с сочувственными комментариями) полный текст обращения. Требование включить в программу обновленного правительства пункт о «мире без аннексий и контрибуций» и о «подготовительных шагах к соглашению с союзниками на основе декларации 27 марта» совершенно не смущало лидеров буржуазии. Они понимали, что без «левых фраз» для удержания масс в повиновении обойтись трудно. Это был, пожалуй, единственный урок, который они извлекли из событий апрельского кризиса. Поэтому в опубликованной 19(6) мая программе коалиционного пра-

---

¹ См. «Известия», 15(2) мая 1917 г., № 55.

вительства и фигурировали все эти демагогические заявления, отлично ужившиеся с требованием укрепления боевой силы армии в целях наступления на фронтах ¹, а «Известия» упорно, из номера в номер, убеждали читателей, будто обновленный кабинет всерьез думает о мире без аннексий и контрибуций. 19(6) мая газета жирным шрифтом, на видном месте опубликовала заявление Терещенко, сделанное на пресс-конференции, относительно его задач на новом посту министра иностранных дел. Оно копировало текст декларации, в нем имелись ставшие необходимой принадлежностью в дипломатическом обиходе «левые фразы», дополненные еще признанием невозможности опубликовать тайные договоры (это «будет равносильно разрыву с союзниками») и требованием выполнять обязательства (как раз вытекавшие из буквы и духа этих самых тайных договоров) «объединенной борьбы», продолжения войны, а для этого — «создания боевой мощи новой России».

Новый мининдел в то же время провозгласил курс на самое энергичное ведение этой войны «до достижения нами совместно с нашими союзниками поставленной цели». Так, с первых же дней существования коалиционного кабинета его политика была опутана густой сетью лжи и фальсификации, призванной скрыть подлинное лицо империалистического контрреволюционного правительства, в котором лидеры меньшевиков и эсеров, держа в своих руках ряд министерских портфелей и помогая правительству через находившийся еще в их руках Петроградский Совет, поддерживали внешнюю и внутреннюю политику русских империалистов. Этот подлинный характер нового кабинета был раскрыт большевистской партией в выступлениях В. И. Ленина, статьях «Правды». Не удивительно, что взволновавшиеся было развитием кризиса в России французские банкиры, министры и генералы приветствовали вступление социалистов в правительство, произведшее на них «успокоительное впечатление» ². Собственный «домашний» опыт использования лидеров социалистов на важных министерских постах уже достаточно себя оправдал, чтобы желать того же и России. Казалось, что теперь «русский союзник» более активно будет вести войну и большое наступление на восточном фронте обязательно состоится. Именно с точки зрения использова-

---

¹ См. «Константинополь и проливы», т. 1, стр. 488.

² «Новое время», 23(10) мая, донесение корреспондента из Парижа.

ния материальных и людских ресурсов русского союзника и ликвидации революции в стране и решались французским империализмом вопросы, касавшиеся России. Рибо уже в первом заявлении по поводу образования нового кабинета в Петрограде (сделанном в сенатской комиссии по иностранным делам 21 мая) потребовал от коалиционного правительства «восстановления дисциплины», чтобы русская армия могла продолжать сражаться с немцами и австрийцами в английских и французских интересах ¹. Правда, демагогические фразы вначале смущали буржуазный Париж. К новым оборотам речи еще не привыкли. «Temps» всерьез разгневалась на декларацию Петроградского Совета о принципах внешней политики (очевидно, по ошибке понимая хорошие фразы в прямом смысле), обвинила германскую пропаганду в воздействии на русских социалистов и требовала от последних «не осложнять своими рассуждениями ... трудностей войны» и «выполнять все договоры, подписанные с союзниками» ². Парижские газеты заполняли свои страницы провокационными рассуждениями о том, что Франция якобы начала войну ради помощи России, а эта самая неблагодарная Россия «...теперь стала диктовать, каковы должны быть условия приемлемого для Франции мира» ³. Но волнение быстро улеглось, как только стал известен состав правительства. Министр-председатель Львов объявил журналистам, что новый кабинет «первейшею своей задачей ... считает укрепление мощи нашей армии ... для организации наступления» ⁴.

Терещенко разослал свои первые телеграммы послам в странах Антанты, составленные в таком же тоне. 22 мая на заседании палаты депутатов Рибо прочел одну из таких телеграмм, в которой было обещано «не прекращать борьбы и не заключать сепаратного мира». Через 2 дня палата (467 голосами против 52 — левых социалистов, центристов и нескольких человек из социалистов большинства) приняла ответное приветствие «русской демократии» с призывом энергично продолжать войну ⁵. Стоимость русских промышленных бумаг на парижской бирже быстро подня-

---

¹ См. «Речь», 22(9) мая 1917 г., № 107, стр. 3.

² «Temps», 18 мая 1917 г., передовая.

³ «Речь», 11 мая (28 апреля) 1917 г., № 98, стр. 5. Обзор французской печати париж. к-та газеты Г. Дмитриева.

⁴ «Речь», 20(7) мая 1917 г., стр. 1.

⁵ См. А. Ribot, *Lettres à un ami*, pp. 240—241, 245.

лась, внимание к русским ценностям возросло¹, а положение на бирже отчетливо выражало настроение деловых кругов. После того как в упоминавшемся уже заявлении журналистам Терещенко признал право Франции на осуществление ее захватнических замыслов, он окончательно стал *Persona grata* для французского империализма. Комментируя его назначение, «*Matin*» указывала, что новый министр — это «признанный сторонник такой внешней политики, которая рассчитана на полную солидарность с державами Антанты»². По мнению Антанты, это была подходящая фигура. Терещенко был крупным землевладельцем, сахарозаводчиком, собственником больших винокуренных заводов. Он принадлежал к группе наиболее крупных русских монополистов. В вопросах внешней политики он был дилетантом, что было хорошо известно и в Париже, и в Лондоне, и в Вашингтоне. Именно это и нужно было руководителям империалистических правительств. Они помнили также, что он (как и Керенский) не настаивал на присоединении проливов к России. Учли способность нового министра жонглировать фразами, призванными успокоить русский народ, и его умение делать словесные уступки требованиям Петроградского Совета, ничего не уступая по существу. Империалисты Антанты надеялись, что Терещенко вместе с новым военным министром Керенским (к которому французское правительство также относилось пока положительно) сумеет добиться наступления на русском фронте. Что касается «левых фраз», раздававшихся в России, то к ним не только быстро привыкли, но и стали больше, чем прежде, использовать для обмана своего народа, уставшего от войны, и ввели в свой собственный дипломатический лексикон.

Выдвинутые Временным правительством с демагогическими целями вопросы о мире без аннексий и контрибуций и о пересмотре целей войны стали предметом специального четырехдневного обсуждения в палате депутатов. 3 дня из четырех шли закрытые заседания. Рибо в программном выступлении подчеркнул, что никакие обороты речи не должны менять французских требований, хотя он и не возражал против изложения прежних требований новыми словами. Вновь высказывались мнения в палате и на страницах газет, что «мир без аннексий» со стороны России может означать отказ

---

¹ См. «Русская воля», 24(11) мая 1917 г., вечерний выпуск.

² «*Matin*», 17 мая 1917 г., р. 1.

Временного правительства от его захватнической программы, что вполне устраивало империалистов Антанты¹.

Напомним, что еще в марте—апреле 1915 г., в результате обмена нотами между Сазоновым, Палеологом и Бьюкеном, царское правительство добилось формального согласия союзников на удовлетворение захватнических appetитов русских империалистов — получение Россией Константинополя, проливов и некоторых других территорий «при условии, что война будет доведена до победного конца, и в случае осуществления Францией и Англией их планов на Востоке, равно как и в других местах...»². Уже эта оговорка даже формально сводила на нет реальную ценность данных царскому правительству обещаний: западным империалистам нетрудно было заявить в подходящий момент, что какой-либо из их агрессивных планов еще не осуществлен, — ведь никто из них не называл *всех* захватнических «пожеланий», не фиксировал *предел* экспансионистских целей. Самая история переговоров по турецкому вопросу между союзниками свидетельствует как о сильных противоречиях в лагере Антанты, так и о стремлении англо-французского империализма выступать единым фронтом против русских империалистов. Ни Англия, ни Франция не думали всерьез о выполнении своих обещаний царской России; Англия, например, стояла за «интернационализацию» проливов, т. е. установление *своего* фактического господства, а не за передачу России³. И Франция тогда, в первой половине 1915 г., и в следующие месяцы и годы была *против* передачи царской России Константинополя и проливов, об этом мы знаем со слов Пуанкаре⁴. Состоявшаяся сделка лишь связала русский империализм с Антантой еще более тесными узами. Захватнические устремления русской буржуазии не исключали зависимости ее от Франции и Англии. Союзники в той обстановке, когда обещания России были ими санкционированы на бумаге, и при учете тех оговорок, которыми сопровождалось их согласие с планами правительства Николая II, ничего не теряя, приобретали сильное оружие для давления на русских империалистов.

---

¹ См. «Русская воля», 6 июня (24 мая) 1917 г.

² «Константинополь и проливы», т. I, стр. 122.

³ *Берти*, За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914—1919. М. 1927, стр. 49.

⁴ См. *Р. Пуанкаре*, На службе Франции, Воспоминания, 1914—1918, М. 1936, стр. 340—344.

Нельзя не вспомнить здесь замечания В. И. Ленина, указавшего, что «обещания есть единственная вещь, которая дешева даже в эпоху бешеной дороговизны...»¹ О действительных настроениях англо-французских империалистов свидетельствует запись в дневнике британского посла в Париже Берти, сделанная 26 февраля 1915 г., накануне сделки: «Здесь все больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия становится впереди Франции) заняли Константинополь раньше России», чтобы последняя не имела возможности «совершенно самостоятельно решать вопрос о будущем этого города и проливов — Дарданелл и Босфора»².

Соответственным образом французское и английское командование действовало на Балканах и Ближнем Востоке. Уже в июле 1915 г. штаб Кавказской армии сообщал в Ставку об «усердной деятельности» союзников в Дарданеллах. «Позволяю себе утверждать, — телеграфировал из штаба генерал Болховитинов, — что их содействие войне нашей с Турцией сводится лишь к прочному занятию ими заранее облюбованных для себя пунктов». Командование войсками царского правительства в свою очередь принимало подготовительные меры для «оккупации Босфора и Константинополя в случае подхода союзников к последнему»³. То, что единственный способ реализовать соглашение 1915 г. — это «ко времени заключения мира овладеть проливами или же во всяком случае настолько к ним приблизиться, чтобы при решении этого вопроса быть в силах оказывать должное давление на Турцию»⁴, — это царские министры начали понимать. В цитируемой записке Н. Н. Покровский указывал на «более, чем сдержанное отношение нашей старой союзницы Франции к вопросу о предоставлении нам Константинополя». Он предлагал прибегнуть к тому средству, которое одно может привести к удовлетворению захватнических appetitov, — десанту на Босфор, требующему, «по мнению сведущих лиц», 200—250 тыс. чел. Николай II запросил мнение военных. Алексеев решительно отверг предложение По-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 120.

² Берти, Указ. соч., стр. 50.

³ ЦГАВМФ, ф. Ставка, № 716, оп. 1, д. 475, лл. 28, 111.

⁴ Всеподданнейшая записка Н. Покровского Николаю II. См. «Вестник НКВД», 1919, № 1, стр. 42—43.

кровского, заявив, что снять такое количество людей с западного фронта он не может, а военные ресурсы России на Черном море крайне ограничены. «Поход на Константинополь» Ставка считала возможным только после разгрома Германии¹. В таком положении вопрос перешел по наследству к Временному правительству. Обещание Константинополя служило орудием шантажа для Антанты, которой ничего не стоило тогда же, в марте 1915 г., давать туманные надежды на оккупацию Константинополя также Греции². В то же время под угрозой пересмотра соглашения и отказа в удовлетворении захватнических планов русских империалистов вынуждали ко все новым жертвам в войне. Союзники ничего не собирались давать на деле, а Временное правительство само было не в состоянии взять что-либо.

Но турецкий вопрос не ограничивался соглашением 1915 г. Захватнические аппетиты Антанты распространялись и на малоазиатские владения Турецкой империи.

В марте 1916 г. Палеолог поставил в известность Николая II, что Англия и Франция уже договорились между собой о разделе Малой Азии, оформив соглашение договором, и предлагают России присоединиться к договору. И здесь руководители Антанты оставались верны своей тактике «свершившихся фактов» в отношении «русского союзника»³.

В апреле 1916 г. грабительский сговор о разделе Малой Азии состоялся. Он известен под именем соглашения Сайкс—Пико⁴.

Планы операций против Германии и ее союзников составлялись, однако, с полным пренебрежением к удовлетворению агрессивных намерений русского империализма. При

---

¹ См. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 392.

² См. «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны» по секретным материалам б. мин. ин. дел под ред. и с вступит. статьей Е. А. Адамова, М. 1922, изд. Наркоминдела, разд. «Документы», стр. 6, секретная телеграмма царского посла в Афинах.

³ См. *М. Палеолог*, Царская Россия накануне революции, стр. 73—74. Некоторые контрусловия царского правительства, выдвинутые Сазоновым (например, передача России Турецкой Армении), были формально (на бумаге) учтены союзниками.

⁴ См. «Раздел азиатской Турции», по секретным документам б. мин-ва иностр. дел, под ред. Е. А. Адамова, М. 1924, стр. 185—187. Ж. Пико — французский «специалист» по малоазиатским вопросам; Сайкс — бывший английский военный атташе в Турции. Сайкс и Пико составили текст договора.

царизме обещания, данные России, еще сохраняли свою силу, хотя охлаждение Антанты к слабевшему союзнику было уже очень чувствительно. В то время французское правительство еще считало притязания Италии на территориальные приобретения в Малой Азии «неосновательными» и чрезмерными и вместе с Англией решительно возражало против передачи ей Смирны¹. Отдать такой важный порт и центр транзитной торговли, каким была Смирна для Англии и Франции, было нелегко. Вопрос остался открытым.

Дальнейшая судьба англо-французских обещаний зависела от международного положения Временного правительства, от его способности вести успешные военные операции.

В условиях, когда державы Антанты уже захватили некоторые районы Турецкой империи и стремились, в результате войны вытеснив державы Тройственного союза, стать там полными хозяевами, ликвидировав империю и поделив между собой ее европейскую и азиатскую территорию, русская буржуазия могла рассчитывать на достижение своих захватнических целей только при наличии военных побед на кавказском и южном фронтах, а этому всячески препятствовали союзники.

Уже вскоре после Февральской революции французские империалисты поставили вопрос и о формальном пересмотре тайных сделок, а пересмотр соглашения 1915 г. о проливах был для французской, как и для английской, буржуазии не только предлогом для давления на Россию, но и весьма желанной процедурой. Французская печать связала возможность отказа России от Константинополя, с тем чтобы «использовать создавшуюся таким образом конъюнктуру в целях сокращения войны путем сепаратного мира с Турцией». Об этом открыто писали Эрве в «Victoire», Эрбет в «Echo de Paris» и Полиб (псевдоним Рейнака) в «Figaro»². Этот же проект, независимо от парижских газет, выдвинул и Палеолог в специально разработанных перед отъездом из Петрограда для вручения преемнику тезисах об отношении Франции к России, где, считая неизбежным в ближайшее

---

¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 60, т. III, 1916, л. 780; д. 3, т. 1, 1917, л. 36. Между представителями Англии, Франции и России было условлено, что решения по вопросам итальянских притязаний в Малой Азии «будут приниматься не иначе, как по взаимному предварительному уговору». Там же, ф. Секретный архив министра, д. 529, л. 142.

² См. донесение Севастополю 13 апреля (31 марта) 1917 г. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 479.

время «полный паралич русского усилия», французский дипломат признавал чем-то само собой разумеющимся отказ Антанты от всех обещаний России по восточным вопросам. Он настаивал на том, чтобы, «не откладывая дальше», союзники искали сепаратного мира с Турцией¹. Пуанкаре, как доносил в Петроград Извольский, обвинялся французским правительством в том, что «он вместе с Делькассе слишком поспешил дать России согласие на присоединение Константинополя» и оказал давление в этом вопросе на правительство Англии, противившееся подобному решению². Попытки Франции, опираясь на заявления Керенского и декларацию Временного правительства от 9 апреля (27 марта), изобразить дело таким образом, что новая русская власть добровольно отказывается от захватов, и тем самым попросту перечеркнуть договор 1915 г. были поддержаны и английским правительством³. Империалистические противоречия не исчезли и в лагере «союзников», хотя последние как будто объединили свои силы для совместной борьбы против конкурентов. Англия, многолетний соперник царской России в борьбе за проливы, еще меньше, чем Франция, склонна была даже только говорить об усилении русских империалистов в Турции, на русскую буржуазию Антанта не желала смотреть, как на равноправного партнера. В вопросах деля будущей добычи осуществлялась та же по существу линия, что и в вопросах ведения войны: западные империалисты требовали от России много, а давали ей мало.

---

¹ См. *М. Палеолог*, Царская Россия накануне революции, стр. 460.

² Телеграмма Извольского от 29(16) мая 1917 г. АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 71, т. I, 1917 г., л. 391.

³ В различных газетах, лондонских и провинциальных, был помещен ряд инспирированных правительством статей относительно «сокращения притязаний России к Турции» и о желательности «интернационализации» Константинополя, Босфора и Дарданелл. Набоков с тревогой сообщал об этом Милюкову. См. АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 492, лл. 177—178; ф. Канцелярия МИД, д. 3, т. I, л. 154. О том же доносил консул Временного правительства в Ливерпуле Джакелли. Он предложил опубликовать в Англии («за подписью третьего лица») статью в пользу передачи Константинополя и проливов Временному правительству — к этому предложению ведомство Милюкова отнеслось положительно. АВПР, ф. II Департамент, I—V, р. 4, 1917 г., д. 1, л. 10. С другой стороны, флаг-капитан морского штаба Бубнов 8 апреля 1917 г. сообщал генерал-квартирмейстеру Ставки, что, «по имеющимся достоверным сведениям, после декларации нашего правительства о целях войны, наши союзники определенно считают договор о проливах уничтоженным». ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 819, л. 37.

Милюков 29(16) марта предложил Набокову разъяснить «английскому общественному мнению», что в его заявлениях «не содержится никаких указаний на сокращение притязаний России»¹. 14(1) апреля 1917 г. он вновь послал специальное указание Извольскому и Набокову — исходить из того, что взгляды правительства на Константинополь и проливы остались без всяких изменений. «Благоволите, не делая официальных заявлений, руководствоваться этими соображениями в Ваших объяснениях и беседах с представителями местной прессы и общественного мнения», — инструктировал он послов². Все возможные меры в защиту договора 1915 г. дипломатическими средствами Милюковым были приняты. Однако этот договор уже не соответствовал новому соотношению сил, с интересами ослабевшего союзника в 1917 г. считались еще меньше, чем в 1915 г.³, и одна только защита буквы заключенного два года назад соглашения была совершенно недостаточна, ибо «при капитализме, — показал В. И. Ленин, — немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников делажа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д.»⁴

Союзники, рассматривая тогдашнюю Россию как свою «подсобную силу», в 1917 г. при планировании и проведении военных операций действовали вопреки агрессивным планам русских империалистов. На петроградской союзной конференции, несмотря на возражения царских дипломатов и генералов, Балканский театр войны был признан второстепенным⁵, ибо активные операции русских войск на Балканах укрепили бы там позиции русской буржуазии и приблизили бы ее к проливам.

---

¹ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 617, л. 172.

² «Константинополь и проливы», т. I, стр. 479—480.

³ Во время встречи английского министра иностранных дел Бальфура с советником Вильсона Хаузом в Вашингтоне в конце апреля 1917 г., согласно записи Хауза, тоже обсуждался этот вопрос: «Затем мы перешли к Константинополю. Мы согласились, что его нужно интернационализировать». См. «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 36.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 281.

⁵ «При настоящей обстановке, — говорилось в решениях военного совещания конференции, — Балканский театр войны с точки зрения общего успеха операций уже не представляет той важности, какая была за ним признаваема ранее». ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 3, д. 126, л. 20. Попытки МИД царского правительства договориться с союзниками об усилении македонского фронта оказались неудачными.

Французское правительство (так же как и английское) воспротивилось попыткам Милюкова привлечь на сторону Антанты Болгарию, хотя обстановка благоприятствовала этому, опять-таки из-за боязни продвижения Временного правительства к проливам¹. Когда английское и французское командование активизировало свои операции в Палестине с целью занятия Иерусалима, Милюков настаивал на участии отряда русских войск в международной оккупации Иерусалима, ссылаясь на то, что Временное правительство имеет здесь «интересы первостепенной важности»².

И здесь русских империалистов постигла неудача. Никакой возможности осуществить агрессивные замыслы русских империалистов без защиты договора не только дипломатическими, но также и военными средствами не было. Временное правительство обнаружило полную беспомощность. Оно фактически капитулировало перед Антантой.

В первые дни пребывания у власти Гучков и Милюков как будто поддерживали предложение Покровского об организации десантной операции в районе проливов. За такую операцию высказывались и некоторые военные руководители. Морской штаб верховного главнокомандования предлагал 7 марта провести ее «в ближайшее время», находя военно-политическую обстановку для высадки десанта у Босфора благоприятной. Были проделаны некоторые подготовительные работы³. Командование морскими силами на Черном море предлагало «конкретно обсудить план операции и расстановку сил»⁴.

Обсуждение показало наличие больших трудностей, штаб Черноморского флота считал эти трудности непреодолимыми⁵. 1 апреля (19 марта) Гучков отправил в Ставку телеграмму с требованием доложить, в каком положении находится подготовка этой операции. Начальник дипломати-

¹ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 71, т. 1, 1917 г., л. 245; *Н. Л. Рубинштейн*, Указ. соч., стр. 13—14.

² АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 652, л. 30.

³ Флаг-капитан морского штаба верховного главнокомандующего Бубнов разработал план операции, основывавшийся на «внезапном, совершенно неожиданном завладении берегами Босфорского пролива путем внезапной высадки войск внутри Босфорского укрепленного района». ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 819, л. 20. Н. Н. Покровский 26 февраля получил сообщение из Ставки о том, что «подготовительные работы по выполнению десантной операции... энергично продолжаются». АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 493, л. 3.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 87, л. 13.

⁵ Там же, лл. 20, 22.

ческой канцелярии Ставки Базили через несколько дней послал ответ (в адрес Милюкова), где сообщалось, что «ввиду кризиса наших железнодорожных перевозок признано было необходимым приостановить подготовительные работы по оборудованию транспортных средств для предполагаемой десантной операции с целью захвата Проливов»¹. На этом, собственно, разговоры о десанте и оборвались. Никаких серьезных мер для ликвидации или хотя бы смягчения «кризиса железнодорожных перевозок» принято не было. И хотя Базили вскоре опять поднял вопрос о Босфорской операции, которую он предлагал осуществить по крайней мере в июле—августе, в правительстве об этом никто уже не помышлял. На состоявшемся 20(7) апреля в Петрограде специальном совещании о Босфорской операции в присутствии верховного главнокомандующего, военного, морского министров и Милюкова было решено, что «в ближайшее время» военное решение Босфорского вопроса «не может быть приведено в исполнение»². В числе причин, препятствовавших осуществлению операции, указывалось также отсутствие достаточного количества «отборных и стойких войсковых частей».

Защита своих агрессивных планов военными средствами была не под силу русской буржуазии. При Временном правительстве Россия была не столько участником сделок о разделе чужих территорий, сколько объектом для тайных соглашений о разделе на «сферы влияния» ее собственной территории. Союзники не хотели также сохранять «дух» и «букву» соглашения 1916 г. о разделе малоазиатской части Турции, одновременно отказываясь приглашать представителей Временного правительства на те совещания, где шли разговоры о пересмотре этой сделки. Они нарушили свое обещание поддерживать контакт с русским союзником по этому вопросу, согласовывать с ним свою позицию. На апрельских совещаниях французского и английского министров иностранных дел в Фолькстоне и Сен Жане *без участия представителей России* обсуждался вопрос о территориальных притязаниях Италии в Малой Азии, намечались те районы, которые предполагалось было ей отдать³.

¹ «Константинополь и проливы», т. II, стр. 393.

² ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 3, д. 123, л. 16.

³ См. АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 529, л. 142. Милюков пробовал протестовать против неприглашения представителей Временного правительства на эти совещания (там же, д. 652, л. 29), но его протест союзники оставили без внимания.

Ничуть не лучше обстояло дело при Терещенко, робкие попытки которого удержать престиж Временного правительства на международной арене от дальнейшего быстрого падения оказывались несостоятельными. Когда разнесся слух, что итальянский министр иностранных дел Соннино собирается сообщить в римском парламенте о переговорах с Англией и Францией по малоазиатскому вопросу и всему миру таким образом стало бы известно, что Россию обошли, Терещенко предложил Набокову и Извольскому, конечно, в «осторожной и доверительной» форме, просить Рибо и Бальфура не допускать такого выступления Соннино. В разговоре должен был быть использован самый важный, по мнению министра иностранных дел Временного правительства, аргумент: «...сильное возбуждение и страстные споры об аннексиях», которые были бы следствием заявления Соннино, а также неизбежное недовольство в России тем, что «Италия уже сговорилась с Францией и Англией, помимо России», могут помешать наступлению русской армии на фронте ¹.

Этот аргумент, казалось, должен был произвести сильное впечатление на руководителей Антанты. Дело происходило в конце мая. На русский фронт возлагались серьезные надежды. Поэтому на Кэ д'Орсей решили успокоить русских дипломатов, изобразив положение вещей таким, каким оно было бы удобным для русских империалистов, а отнюдь не так, как обстояло дело в действительности. Принявший Извольского Камбон (заменивший находившегося в Лондоне Рибо) объявил, что без согласия России якобы выступление Соннино состояться не может «уже потому, что русское правительство заявило о своем намерении подвергнуть пересмотру весь вопрос о состоявшихся между союзниками соглашениях». Можно было понять слова Камбона так, что без России ничего серьезного в международной политике произойти не может. Французскому правительству было нужно, чтобы в Петрограде думали так и занимались бы исключительно подготовкой и осуществлением больших военных операций. Извольскому было заявлено, что с Италией по малоазиатскому вопросу не договорились и что «...вопрос этот будет разрешен в Лондоне при участии России» ². Италии дали понять, что громкий разговор о Смирне в настоящее время несвоевременен.

¹ См. «Раздел азиатской Турции», стр. 334.

² «Раздел азиатской Турции», стр. 336.

Характеристика русско-французских отношений в турецком вопросе была бы неполна без указания на подчиненную роль русской дипломатии в смежном с турецким, тесно связанным с игрой империалистов вокруг Османской империи, вопросом греческим. Борьба за участие Греции в войне на стороне Антанты неразрывно была связана с битвой за Балканы, явившейся одной из существенных составных частей той борьбы за базы, плацдармы, рынки, за новые захваты и передел уже поделенного, которая втянула весь империалистический мир в годы мировой бойни 1914 — 1918 гг.

Нейтралитет, провозглашенный греческим правительством в начале войны, не устраивал Антанту; последняя стремилась вовлечь Грецию в войну на своей стороне. Германский империализм в свою очередь старался не допустить этого. За борьбой держав обоих воюющих лагерей вокруг Греции, кроме вопроса о потенциальном союзнике в войне, нельзя не видеть и далеко идущих империалистических вожделений, едва ли не каждой из воевавших стран. К тому же соперничество в греческом вопросе реально ощущалось во время войны и внутри блока Антанты. Исход конкурентной борьбы определялся в конечном счете военным потенциалом каждой из сторон; усиление позиций одной из держав задевало интересы другой.

Франция стремилась к полному политическому, а вслед за этим и экономическому закабалению Греции, что лишило бы русских империалистов возможности вмешиваться в «греческие дела». Добиться на петроградской союзной конференции полной свободы действий (в том числе и военных) для своего командования Франция ввиду решительного отказа русской делегации не смогла. Но и царское правительство, пытавшееся при помощи конференции укрепить свои позиции в Греции и добивавшееся «наибольшего согласования отдельных интересов держав Согласия для достижения единства действий», а также отозвания из Греции Саррайля¹, не имело успеха².

---

¹ АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия при Ставке, д. 46, л. 29 об. Саррайль командовал французскими войсками, находившимися в Греции.

² См. В. П. Семенников, *Монархия перед крушением 1914—1917*, из бумаг Николая II, М. 1927, стр. 71—72; из доклада министра иностранных дел Н. Покровского Николаю II о работах союзной конференции.

Греческий вопрос очень скоро встал перед дипломатией Временного правительства как сложная и нерешенная международная проблема. Если что-либо изменилось в греческой политике французского империализма, то отнюдь не в пользу русской буржуазии: ее взглядами теперь стали интересоваться гораздо реже, чем прежде. В начале марта 1917 г. Франция, не советуясь на этот раз ни с одной из держав, составила проект установления полного контроля над Грецией¹, а пришедший на смену Бриану Рибо повел еще более решительную борьбу за превращение греческой территории в французский военно-политический плацдарм. Предварительно договорившись с Ллойд Джорджем на совещании в Фолькстоне, Рибо поставил греческий вопрос на апрельском совещании в Савойе, где, как известно, не было русского представителя. Обещанием поддержки в малоазиатском вопросе итальянскую делегацию склонили к принятию предложенного Рибо решения, по которому «за французским правительством признается свобода действий в Греции, причем не исключается возможность свержения короля Константина». Было учтено замечание Соннино о нежелательности превращения Греции в республику. Здесь могло получиться нечто демократическое не на словах, а на деле, такие опасения были и у английских империалистов. Рибо, признав, что обеспечить власть французскому ставленнику Венизелосу можно будет, не меняя греческой конституции, а лишь найдя «подходящего» короля, согласился, что лучше обойтись без республики². Временное правительство обошли совсем.

Курс Франции в отношении Греции, доносил русский посланник в Афинах Демидов, «не согласуется» с интересами Временного правительства, настоящими и будущими³. Между Демидовым и французскими представителями в Греции имели место такие расхождения «во взглядах и в действиях», которые привели к «очень вредному с точки зрения общих и главных целей союзников обострению». В Греции

---

¹ См. «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны», по секретным материалам б. мин. ин. дел под ред. и с вступит. статьей Е. А. Адамова, М. 1922, стр. 178. Из секретной телеграммы русского посла в Афинах.

² См. «Раздел азиатской Турции», стр. 319. Из донесения посла в Париже.

³ См. «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны», раздел «Документы», стр. 191.

появились не только войска, но и разведывательно-полицейские английские и французские организации ¹.

Этим самым создавалась предпосылка для дальнейшего ослабления позиций русского империализма на Балканах — в этом для него стратегически важном районе, а также ценном рынке сырья и сбыта. Более слабые хищники не выдерживали «внутрисоюзной» конкуренции. Не спасало (для русских империалистов) дела и участие русских войск в оккупации Греции. В руках русской буржуазии остался один способ действий — дипломатические протесты. На увеличение своего удельного веса в международных отношениях путем укрепления военно-политического положения страны Временное правительство было неспособно. Последнее средство использовали, эффективность его оказалась минимальной. При этом не судьба Константина беспокоила русских империалистов. Они опасались, как бы пришедший к власти Венизелос не поставил своей задачей осуществление захватнической «великогреческой программы», что могло совершенно вытеснить русскую буржуазию с Балкан.

Махнув рукой на Константина и считая переход реальной власти в руки поддерживаемого Францией Венизелоса неизбежным, Милюков боялся осуществления обещаний (хотя и не очень определенных) Антанты относительно передачи Греции Константинополя.

Савойские решения вызвали дипломатический протест Временного правительства. Терещенко, сменивший Милюкова, сообщал в Париж и Лондон, что переворот в Греции кажется ему «несвоевременным и опасным». В памятной записке, переданной А. Тома и Бьюкенену 7 июня (25 мая), он просил хотя бы «повременить, по военным соображениям, с выполнением их проекта относительно переворота в Греции», ссылаясь на крайнюю нежелательность ослабления македонского фронта, ибо это могло «отразиться на успешности ожидаемого нашего наступления на южном фронте» ².

Какова была реакция в Париже на просьбы из Петрограда? Еще в мае Рибо договорился с Ллойд Джорджем о согласии Англии на оккупацию Фессалии французскими войсками (послать свои части английский премьер отказался). Объяснение этой новой агрессии было придумано

¹ Из рапорта военно-морского агента в Греции начальнику морского генерального штаба. ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 129, лл. 11—12.

² «Европейские державы и Греция...», стр. 190, 193; см. также А. *Ribot*, *Lettres à un ami*, p. 309—315.

совсем смехотворное: дело якобы заключалось в том, что в это время происходил сбор урожая в Фессалии и Франция была очень озабочена правильным распределением этого урожая между «старой роялистской Грецией и Грецией Венизелоса»¹.

Жоннар был назначен верховным комиссаром в Греции, ему поручили организацию низложения Константина. 8 июня Тома и Бьюкенен сообщили своим правительствам о позиции Терещенко. 10 июня 10-тысячный французский отряд занял Пирей. 11-го Жоннар передал афинскому премьеру Заимису ноту с требованием отречения Константина под предлогом якобы нарушения им конституции, а французское правительство распространяло версию о подкупе греческого короля немцами². «*Matin*» поместила портреты Константина и его жены в немецкой военной форме³. Военное давление сделало свое дело, Константин согласился в тот же день. 12 июня под конвоем французских военных судов греческий король был увезен в Швейцарию, через несколько дней в Афины вступили французские и английские войска. Терещенко выступил против переворота и считал ненужным «насильственное втягивание Греции в войну»⁴. Но робкие протесты Временного правительства никакого влияния на события не оказали. Буржуазная печать Петрограда вынуждена была «перестроиться»: Константина обливали грязью, а Венизелос всячески возвеличивался. На действительного виновника вовлечения Греции в войну — англо-французский империализм — не было даже и намека. Эсеровская печать, также раболепствуя перед Антантой, окрестила переворот «самоопределением Греции». Вещи были названы своими именами только на страницах «Правды» в статье В. И. Ленина «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» «Грецию *додушили* господа союзные дипломаты», причем «цивилизованные» империалисты Англии, Франции, России и пр. *морили голодом* целую страну, целый народ, чтобы «давлением» заставить ее переменить политику». Такова была «...действительность империалистской войны ...реальная обста-

---

¹ А. Ribot, *Lettres à un ami*, p. 313; «L'Humanité», 13 июня 1917 г., p. 1; АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 529, л. 174.

² См. «Европейские державы и Греция...», стр. 197—199.

³ См. «*Matin*», 13 июня 1917 г., p. 1.

⁴ Из телеграммы Терещенко Севастопуло. ЦГВИА, ф. 415/с, оп. 2, д. 160, л. 15.

новка международных отношений»¹ в оценке вождя большевистской партии.

15 июня Севастопуло получил указание сообщить в министерство иностранных дел, что Временное правительство считает «выступление Жоннара без нашего ведома неправильным...»² Терещенко предлагал в своих телеграммах в русские посольства в Париже, Лондоне и Афинах «напомнить союзникам об их намерениях не предрешать вопроса о форме правления или о выборе короля в Греции» и подтверждал, что Временное правительство не только не давало согласия «на немедленное приведение в исполнение проекта государственного переворота в Греции», но неоднократно *возражало* «против своевременности такого образа действий по военным и политическим соображениям»³.

«Протест» был оставлен без внимания. Уже через несколько дней греческая пилуля была проглочена. Выступая 19 июня на пресс-конференции, Терещенко оправдал политику французского империализма в Греции. Капитуляция русской дипломатии была окончательная, хотя формально и неполная, ибо, не решаясь серьезно возражать против действий Франции по существу, Временное правительство еще некоторое время критиковало методы, «посредством которых произошла вынужденная замена одного короля другим», как указывалось в принятом на заседании 21 июня по докладу Терещенко решении о позиции России союзной конференции по балканскому вопросу⁴. На этой конференции, действительно состоявшейся в последних числах июня, Севастопуло, делегат от Временного правительства, уже не высказывал протестов против греческой политики Франции. Разговоры на греческие темы здесь свелись лишь к рассмотрению дислокации союзных войск в Греции. Союзники собирались отвести некоторые свои отряды «в возможном близком будущем», другие (в Эпире на острове Корфу) — сохранить в этих районах «на все время войны»⁵; решили также сохранить свои войска, находившиеся в других районах Балкан, до того времени, пока центральные державы не будут разгромлены. Русские войска были отозваны из Гре-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 532.

² «Европейские державы и Греция...», стр. 204.

³ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 614, лл. 172—173.

⁴ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. № 1, т. II, л. 279.

⁵ См. «Известия», 29(16) июля 1917 г.

ции. Необходимость для русской буржуазии, глотая греческую пилюлю, оглядываться на свои домашние дела была понята во Франции. «*Matin*», комментируя отношение России к греческим событиям, писала: «Мы очень хорошо понимаем, что происшедший из революции кабинет князя Львова испытывает необходимость в оправдании своих действий перед общественным мнением»¹.

Появился новый участник войны. Уже 29 июня было окончательно оформлено выступление Греции на стороне Антанты. От греческого правительства затребовали 10 дивизий для участия в военных действиях. Французский империализм безраздельно и бесконтрольно хозяйничал в Греции. Она получила от Франции заем в 50 млн. франков, в сентябре в Афины из Парижа прибыла специальная миссия для реорганизации финансов и армии. Русская буржуазия была совершенно отстранена от участия в греческой политике, как и от всего комплекса проблем Балкан и Ближнего Востока. Временное правительство здесь полностью капитулировало перед Антантой. Оно не смогло вести самостоятельную политику даже в вопросах защиты своих собственных империалистических вожделий. Деятельность русской буржуазии на дипломатическом поприще оказалась неудачной. Антанта фактически отказалась предоставить Временному правительству зафиксированные в тайных договорах права в отношении Балкан и Ближнего Востока, сохраняя за русскими империалистами их обязанности, вытекавшие из этих соглашений. «Русский союзник» стал младшим партнером сильных западных стран.

Что касается самой Франции, то 410 (против 94) членов палаты депутатов согласились с словесным признанием принципа «без аннексий», но «с исправлением границ по *status quo* до 1870 года» и с принципом «без контрибуций», но с возмещением Франции ее военных расходов. От собственных агрессивных замыслов французское правительство не отказывалось, красноречивым доказательством чего является ближневосточная и балканская политика Франции, а свои обещания России считало возможным пересмотреть. «*Temps*» в передовой статье от 19 мая, посвященной новому русскому правительству, отметила, что «цели войны, высказанные Временным правительством... не противоречат взглядам

---

¹ «*Matin*», 9 июля 1917 г., р. 1.

союзников»¹. Прибывший как раз в эти дни (13 мая) из Парижа официальный ответ Франции на русскую декларацию 27 марта и милюковскую ноту от 18 апреля достаточно убедительно разъяснял действительные намерения союзных империалистов, ибо при обилии «общих» деклараций многословного документа в нем содержалась одна совершенно определенная мысль о том, что сначала нужно достигнуть полного согласия относительно способов продолжения войны, а потом уже ставить вопросы об условиях ее окончания². В таком же духе были составлены прибывший на два дня раньше английский ответ и накануне французской ноты американский ответ. Было ясно, что ни одно из государств Антанты не собирается на деле отказаться от аннексий. Наоборот, агрессивные замыслы французских империалистов выросли, они надеялись захватить то, что прежде обещали России, поживиться за счет более слабого «союзника». И это было неизбежно. Между империалистическими странами никогда не было, да и не может быть честного сотрудничества. Самая система империализма с его жестокой конкурентной борьбой за рынки, непрерывным стремлением монополий к увеличению своих прибылей не только за счет трудящихся масс, но и за счет соседей, «союзников», «друзей» исключает возможность подлинно дружеских отношений между буржуазными правительствами. Правительства России и Франции находились в одном лагере. Их противниками были страны австро-германского блока. Однако, как мы видим, французский империализм стремился извлечь для себя максимальную пользу из эксплуатации ресурсов России, людских и материальных, а одновременно увеличить свою долю «пирога» при дележе добычи. Русские империалисты пробовали защищать свои захватнические замыслы. В лагере Антанты не прекращалась внутренняя борьба. Попытка Терещенко добиться от союзников такого изменения текста нот, в результате которого их можно было бы «согласовать» с заявлениями Петроградского Совета, не привела к успеху, а лишь задержала опубликование нот, попавших в газеты только 9 июня.

---

¹ «Temps», 19 мая 1917 г., р. 1.

² Ноту см. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 491—493. Извольский объяснял опоздание в отправке ответа тем, что «содержание его обсуждалось между Парижским и Лондонским кабинетами и текст его несколько раз подвергался поправкам и изменениям». Там же, стр. 493.

Ответы союзных правительств обсуждались на заседании Центрального Комитета большевистской партии 12 июня 1917 г. Страны Антанты, указывалось в резолюции (опубликованной на страницах «Правды»), стремятся «...продолжать войну вплоть до осуществления их захватных целей» а русская армия должна стать для них пассивным орудием этой политики затягивания мировой бойни, международного грабежа и насилия над народами. Полное крушение слабых попыток коалиционного правительства выполнить что-либо из своих обещаний «привести страну к миру путем дипломатических переговоров с империалистскими правительствами Англии и Франции и склонения этих правительств к отказу от их захватных стремлений» стало совершенно очевидным. ЦК партии указывал на необходимость пересмотра соглашательской политики Совета в вопросах дипломатии, отказа от поддержки им русских и союзных империалистов. Большевики не переставали разъяснять массам необходимость перехода всей власти в руки Совета, который, порвав с буржуазией, создал бы новое, действительно демократическое правительство. Новая власть «...немедленно обратится ко всем воюющим правительствам и отдельно ко всем трудящимся классам этих стран с полным изложением условий мира и предложением немедленного открытия мирных переговоров»¹. Программа партии, противопоставленная стремившемуся сохранить все по-старому обновленному правительству, по-прежнему исходила из возможности мирного развития революции.

Некоторые весьма робкие попытки организовать конференцию союзников для обсуждения целей войны Временное правительство сделало. Церетели в присутствии Терещенко, Чернова и Скобелева попробовал склонить к этой идее английского посла, на что Бьюкенен ответил, что его правительство предпочитает «вести переговоры через своих послов» и никакой необходимости в созыве конференции не видит². Тогда был сделан зондаж настроений в Париже. С уезжавшим обратно во Францию Альбером Тома Терещенко передал ноту, в которой содержалось официальное предложение такой конференции, сопровождаемое красивыми, но не соответствующими действительным намерениям словами о достижении «всеобщего мира на основаниях, исключающих вся-

---

¹ «Правда», 13 июня (31 мая) 1917 г., № 69.

² См. Дж. Бьюкенен, Мемуары дипломата, ГИЗ, 1924, стр. 224.

кое насилие, откуда бы оно ни исходило, равно как и всякие империалистические замыслы, в какой бы форме они ни проявлялись». На конференции предлагалось пересмотреть все договоры и соглашения, кроме решения союзников от 5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира с противником¹. «Известия» поспешили опубликовать заявление, будто нота Терещенко означает какой-то переворот в методах международной политики, продолжая выполнять роль подголоска русских империалистов. Орган меньшевиков не обратил внимания своих читателей, что Терещенко внес свое предложение в неконкретной форме, предлагая созвать конференцию «в ближайшее время, когда создадутся для этого благоприятные условия», и тем самым откладывал свою «идею» на неопределенный срок. Об этом сказала Россия «Правда», поместившая статью И. В. Сталина «Вчера и сегодня» (Кризис революции): «...На деле «решительная борьба» за мир без аннексий откладывается в долгий ящик, вырождаясь в пустые и фальшивые словопрения о мире»². Керенский тоже высказывался за подобную конференцию, но после категорического заявления Рибо (переданного ему через Извольского), что «Франция не собирается менять цели войны»³, на своем предложении больше не настаивал. Разговор о конференции велся для обмана народа, а после того, как французская палата депутатов попросту отказалась серьезно обсуждать вопрос о созыве такой конференции, считая ее ненужной, этот разговор и вовсе прекратился.

Никакого пересмотра целей войны и союзных договоров публично не последовало. Но, кроме «открытой» дипломатии (часть дипломатических акций освещалась в печати), существовала сопутствующая неизменно капиталистическому строю дипломатия тайная. И некоторые из тех закулисных махинаций, которые делались в глубоко засекреченной дипломатической кухне антантовских империалистов, ставили под угрозу как раз то соглашение союзных стран, которое Терещенко не предлагал пересматривать, считая сохранение его чем-то само собой разумеющимся. 1917 г. в значительной большей степени, чем 1916, был наполнен переговорами о сепаратном мире. Эти многочисленные разговоры имели определенную экономическую, классовую и военно-полити-

---

¹ См. «Известия», 16(3) июня 1917 г., № 82, стр. 4.

² И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 84.

³ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 71, т. 1, 1917 г., л. 316.

ческую подоплеку. На грани 1916—1917 гг. начался поворот в мировой политике от империалистической войны к империалистическому миру. Военное положение воюющих сторон свидетельствовало о том, что центральные державы уже не могут, а страны Антанты еще не могут рассчитывать на скорую победу.

Верденская мясорубка, четырехмесячное побоище на Сомме показали, что на западном фронте ни одна из сторон не имеет ощутимого перевеса. Колоссальные потери во время этих боев не привели к стратегическим успехам какую-либо сторону, и принесенные в жертву сотни тысяч солдат и тысячи офицеров никак не компенсировались небольшими тактическими успехами Антанты. Огромные русские силы стояли на Востоке, большие успехи в небольшие сроки, казалось германскому командованию, были здесь невозможны. Близкого конца никто не видел, между тем нарастало «несомненное сильное истощение обеих империалистских коалиций...»¹. Золотой дождь не был бесконечен, возможность извлекать колоссальные прибыли на крови народных масс не могла стать беспредельной. Это прежде всего почувствовали монополисты Уолл-стрита, «пресыщенные» (по ленинской терминологии) которых гигантскими военными прибылями базировалось на том реальном факте, что «содрать при помощи *данной* войны еще больше шкур с волов наемного труда, пожалуй, уже нельзя...»². Истощение запасов сырья, недостаток предметов продовольствия, транспортные затруднения вызывали опасения у «нейтральных» американских миллионеров и их собратьев в Европе, что золотой родник оскудевает. Здесь коренилась «одна из глубоких экономических основ наблюдаемого теперь поворота в мировой политике»³. Не случайно, что в декабре 1916 г. с разговорами о мире выступил именно глава империалистов США президент Вильсон. Рост нейтрального пацифизма, согласно ленинской оценке, происходил по весьма определенным прозаическим мотивам, а красивые фразы о «гуманности» (обнаружившейся на третьем году войны!), о беспокойстве за человеческие жизни, на лету подхваченные правыми социалистами и из буржуазных газет быстро перекочевавшие в социал-шовинистическую печать, должны были заставить

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 167.

² Там же, стр. 257.

³ Там же.

народы искренне поверить в проснувшееся «миролюбие» империалистических правительств. Настроение же народов воевавших стран доставляло все больше забот буржуазии. Недовольство масс, переходившее в возмущение, росло, в России оно вылилось в революцию. Ответом на революцию в России было укрепление классовой солидарности мировой буржуазии. «Объективные условия, вынуждающие прекращение войны, дополняются таким образом воздействием классового инстинкта и классового расчета обожравшейся военными прибылями буржуазии»¹.

Тот мир, о котором с шестнадцатого года начали так много говорить империалисты всех стран и их наемные агенты из числа социалистов, конечно, мог быть только империалистическим, грабительским, несправедливым миром. Если война была продолжением, в другой форме и другими средствами, политики господствующих классов, то мир, являющийся результатом такой войны, при сохранении у власти тех же классов не мог ничего изменить в подлинном смысле этой политики, независимо от того, сколько пацифистских фраз при этом было бы произнесено. Мир мог быть действительно демократическим только при переходе власти в руки правительства, представляющего интересы эксплуатируемого большинства, а не эксплуатирующего меньшинства.

В заключительном слове по докладу о текущем моменте 27(14) апреля на Петроградской общегородской конференции РСДРП Ленин говорил, что войну прекратить «можно переходом власти к другому классу. Мир при сохранении власти у господствующих классов ничего не может изменить»². Именно после глубокого анализа подлинного смысла начавшегося поворота империалистов от войны к миру партия большевиков и выступила в этот период решительным противником империалистического мира. Экономические сдвиги вели за собой политические, и некоторая относительная самостоятельность в деятельности кабинетов министров воевавших стран никак не могла скрыть того, что их поведение определялось в конечном счете желаниями и планами Рокфеллеров, Дюпонов, Морганов и их сообщников в европейских столицах. Погоду делали Уолл-стрит вместе с банкирами Англии и Франции, а Белый дом за океаном, Даунинг-стрит, Кэ д'Орсей в Европе обладали чуткими

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 257—258.

² В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 122.

барометрами. Тесно связано было со своими монополистами — подлинными хозяевами страны и германское правительство. Русские буржуазные дипломаты оказались не в состоянии занять в вопросе о мире самостоятельную позицию и плелись в хвосте антантовской политики.

Что же нового принес 1917 г. в политике правительств в результате новых явлений в экономике и в классовой борьбе? «Политический поворот на почве этого экономического поворота идет по двум главным линиям, — указывал В. И. Ленин, — победившая Германия *откалывает* от своего главного врага Англии, ее союзников, с одной стороны, тем, что как раз не Англии, а именно этим союзникам нанесены (и могут быть еще нанесены) самые тяжелые удары, а с другой стороны, тем, что награбивший очень и очень много германский империализм в состоянии дать союзникам Англии полууступочки»¹.

Серьезное внимание в Берлине уделяли попыткам отколоть от Антанты Россию. В январе 1917 г. болгарский посланник в Христиании сообщил дипломатическому представителю царского правительства «о желании Германии на чрезвычайно выгодных условиях заключить сепаратный с Россией мир»². До самых последних дней существования царизма переговоры не были начаты. О сепаратном мире с Россией думали и в Вене. Внутреннее положение держав центрального блока осложнялось с каждым месяцем войны, что пугало господствующие классы, стимулировало поиски ими способов добиться мира. Особенно это относилось к Австрии: в этой стране было много «беспорядков», среди населения лоскутной австрийской монархии широко были распространены антивоенные настроения. Австрийский император Карл рассчитывал заключением мира спасти Австрийскую империю от полного развала, а заодно приобрести и большую личную популярность; с сепаратным миром он также связывал надежды «положить конец германской опеке над Австрией»³. После свержения царизма Россию легче будет оторвать от англо-французского империализма, заключив с ней сепаратный мир — так решили руководители германо-австрийского блока. Начатые переговоры царского правительства с австрийским министром иностранных дел

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 258.

² АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 610, л. 175.

³ См. об этом ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 2078, лл. 26, 196.

Черниным (через «Нейтрального эмиссара») были прерваны и сорваны Февральской революцией. Официальное предложение мира центральными державами в конце 1916 г. встретило отрицательный прием у Антанты, ибо в этом предложении захватнические аппетиты Англии и Франции плохо учитывались. Немцы развернули опасную подводную войну, а США готовились к непосредственному вмешательству в ход борьбы. Революция в России усилила настроения в пользу сепаратного мира с ней в германских и австрийских правящих кругах ¹. Берлинское правительство требовало, чтобы военное командование не предпринимало серьезных операций на русском фронте. В апреле 1917 г. командующий восточным фронтом получил составленный в этом духе приказ. Политические факторы находились в тесной связи с военными соображениями: Гофман откровенно признавался, что для серьезных наступательных операций нужных сил на русском фронте в то время не было ².

Сепаратные переговоры с Россией после свержения царизма попытался осуществить лидер германской партии центра Эрцбергер, принадлежавший к числу тех деятелей, которые не верили в победу Германии, а потому и хотели скорейшего окончания войны. Встречаясь в Стокгольме с представителем Временного правительства, Эрцбергер надеялся на успех разговоров и даже просил Гофмана быть готовым к предстоящему отъезду в Стокгольм для окончательного уточнения мирных условий. В Петрограде никто из членов правительства ни при Милюкове (а разговоры начались в апреле), ни после его отставки в мае и июне не предлагал решительного шага ³. Немцы и австрийцы сделали также несколько попыток завязать переговоры о мире непосредственно на фронте. 10 мая три германских офицера были приняты генералом Драгомировым, которому они предъявили удостоверение, уполномочивающее их вести

---

¹ Чернин в докладе австрийскому императору, представленному в апреле, предлагал «внимательно следить за процессом развития революции и разложения России, по возможности использовать его и встречать будущие попытки России приступить к переговорам без чересчур заметной предупредительности, но фактически с самой серьезной готовностью». *О. Чернин, В дни мировой войны, М.—Пг. 1923, стр. 171.*

² *См. Э. Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, ГВИЗ, 1924, стр. 31; Гофман, Война упущенных возможностей, ГИЗ, М.—Л. 1925, стр. 140, 144.*

³ *См. Гофман, Указ. соч., стр. 141; М. Эрцбергер, Германия и Антанты, Госиздат, 1923, стр. 206—207.*

переговоры о мире с русским командованием и правительством. Офицеры сообщили, что они посланы по согласованию с командованием немецкой армии и что «подобные группы парламентариев должны были быть выпущены на всем протяжении фронта». Эти действия германское правительство рассматривало, как подготовительные шаги к речи Бетман-Гольвега в рейхстаге. Заявляя, что Германия не может отказаться от аннексий, офицеры заранее обрекали на неудачу даже предварительные переговоры. Такого же рода «парламентарии» посылались австрийским правительством к русским войскам, находившимся на румынском фронте.

Русская буржуазия, равно как и ее помощники из руководства мелкобуржуазных партий, не была способна совершить важный антиантантовский шаг, руки ее были связаны французским и английским капиталом и не поднимались против интересов банкирских домов Парижа и Лондона. Безуспешными в конечном счете были и мирные «акции» самих членов правительства центральных держав, пытавшихся доказать на страницах своих официозов «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*» и «*Korrespondenz Bureau*», что между декларацией Временного правительства от 9 апреля (27 марта) и позицией Берлина и Вены нет существенной разницы. Австрия и Германия согласовали между собою условия мирных предложений России (где значительную часть Румынии и Польши центральные державы оставляли себе!); Чернин говорил (и притом публично), что он готов «приступить к переговорам о почетном мире», а Бетман-Гольвег 14(1) мая предложил России сепаратный мир с трибуны рейхстага.

Все это было опять бесплодно, а более чем скромный характер германо-австрийских «полууступочек» России (даже не восстановление *status quo ante bellum*) не способствовал увеличению смелости в действиях Временного правительства. В июне 1917 г. находившийся в России Роберт Гримм передал, по просьбе германской дипломатической миссии в Швейцарии, Церетели и Скобелеву мирные условия Германии с указанием на то, что «Германия не примет никакого нарушения», пока имеется возможность соглашения с Россией. Временное правительство решило не только отклонить эти новые предложения (по существу мало чем отличавшиеся от апрельских и майских), но, выслав Гримма, по согласованию с английским и француз-

ским правительствами, предать это дело гласности¹. Временное правительство вместе с меньшевистско-эсеровскими лидерами было неспособно на сепаратный мир в силу своей слабости, зависимости от союзников и шаткости международных позиций русских империалистов. Большевистская партия была противником сепаратного мира. Она решала этот вопрос, исходя из интересов дальнейшего развития революции в России и нарастания революции в других воюющих странах. «Ни сепаратного мира с немецкими капиталистами, ни союза с англо-французскими капиталистами — вот основа внешней политики сознательного пролетариата»². В резолюции о войне, принятой апрельской конференцией и написанной В. И. Лениным, подчеркивалось, что «мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как и капиталистов русских, английских, французских и пр., а императора Вильгельма таким же коронованным разбойником, как Николая II и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих»³. Вопрос о мире, как уже указывалось, был органически связан с вопросом о власти.

Доходившие до Парижа сведения о мирных предложениях центральных держав России приводили французское правительство в состояние сильного гнева. В апреле Рибо телеграфно предложил Англии и Италии совместным энергичным демаршем перед Петроградом «оборвать как можно скорее всякую двусмысленность». Французскому премьеру казалось, что заявления Временного правительства о его внешней политике в Австрии воспринимаются как предложение немедленного мира⁴. Соннино быстро согласился, демарш не состоялся только из-за позиции Ллойд Джорджа, возлагавшего большие надежды на посланных в Россию лейбористов и не хотевшего им «мешать» уговаривать «русскую демократию»⁵. В апреле 1917 г. вопрос о мерах, которые следовало бы принять, если бы Россия заключила сепаратный мир, обсуждался на секретном совещании Англии,

---

¹ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. I, т. II, лл. 163—164; АВПР, ф. Война, д. 205, л. 154.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 68.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 241.

⁴ Journal d'Alexandre Ribot et correspondances inédites, 1914—1922, Paris 1936, p. 65.

⁵ А. Ribot, Lettres à un ami, p. 230.

США и Японии относительно положения в России¹. Кроме того, во время Савойского совещания, судя по донесениям Извольского, рассматривались «косвенные мирные предложения Австро-Венгрии по адресу России»; отношение к ним было высказано резко отрицательное².

Со своей стороны, Петен в первом же официальном разговоре с А. А. Игнатьевым после своего назначения главнокомандующим французской армией потребовал отказа от заключения сепаратного мира Россией, на что получил заверения «в полной неосновательности подобных слухов»³. В то время как парижские газеты пророчили полный провал попыток отделить Россию, а Эрве в «*Victoire*» требовал «рассматривать как предательскую одну даже мысль хотя бы о возможности заключения Россией сепаратного мира», в те же дни правители стран Антанты сами в тиши некоторых кабинетов, а частично и на лоне природы вели разговоры с теми же центральными державами на ту же тему о сепаратном мире. Содной из таких попыток договориться о мире за спиной России связана посредническая деятельность принца Сикста Бурбонского. В марте 1917 г. он встретился с австрийским императором Карлом. Однако договориться об условиях мира не удавалось⁴.

Оживленно шли весной 1917 г. закулисные переговоры на территории нейтральной Швейцарии. Бывший австрийский посол в Лондоне Менсдорф в апреле привез туда мирные предложения для Англии, а группа французских банкиров — держателей австрийских ценных бумаг имела несколько тайных «деловых свиданий» с австрийскими финансистами («нарочно прибывшими сюда из Австро-Венгрии»), — сообщал временный поверенный в делах российской миссии в Швейцарии Ону Временному правительству)

¹ АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 651, л. 130. На этом же совещании представители Англии и Америки признали за Японией право на захват территорий в Восточной Сибири.

² Там же, д. 587, л. 74.

³ Докладывая об этой беседе в военное министерство, Игнатьев предлагал, чтобы Алексеев в личном послании подтвердил Петену верность Временного правительства союзникам. ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. 2, д. 165, л. 119.

⁴ Между Австрией и Францией были споры по поводу конкретных условий сепаратного империалистического мира. Но по вопросу о судьбе Константинополя и проливов их взгляды совпадали в одном пункте: эти территории не следует отдавать Временному правительству. См. *Prince Sixst de Bourbon, L'offre de paix séparée de l'Autriche* (5 decembre 1916—12 octobre 1917), Paris 1920, pp. 85—89.

для переговоров о совместных мерах, необходимых после начала сепаратных переговоров для спасения австрийской валюты «от слишком большого падения»¹. И здесь переговоры пока не выходили за рамки «предварительной» стадии.

Между тем значение объективных факторов, вызывавших «мирные акции» в мае, июне, росло. Укреплялись позиции большевистской партии в России, возрастало влияние русского примера на революционное движение рабочих и солдат капиталистических стран.

Перед лагерем империализма встала задача — вести более энергичную борьбу против наметившегося прорыва империалистического фронта в России. Чернин в секретном докладе, поданном в апреле обоим императорам, Карлу и Вильгельму, приходил к выводу, что дальше осени Австрия воевать не сможет, да и Германия недолго может держаться, революция грозит обеим странам (Чернин ссылался на пример России) и мир нужен, необходим как можно скорее. Народы центральных держав все более настойчиво требовали прекратить кровавую бойню. На военных заводах Берлина в апреле бастовало свыше 125 тыс. чел. Росли мирные настроения также и во Франции, особенно после неудачи наступления на фронте. Массовые антивоенные выступления на фронте и в тылу уже охарактеризованы в главе II. Жертвы и лишения французов были значительно большими, чем потери Англии, которая, как тогда говорили, собиралась воевать до последнего француза. В пользу мира стали высказываться отдельные члены правительства и депутаты парламента. И боязнь революции в стране и опасения, что дальнейшие военные события приведут к ослаблению Франции (война шла на ее территории) и усилению США и Англии, заставляли Кайо, Мальви и их сторонников (методами закулисной дипломатии, а отнюдь не открыто) зондировать почву для новых сепаратных переговоров. Они считали, что Германия достаточно ослаблена, с ними вполне соглашались некоторые круги французской буржуазии, имевшие на руках бумаги австрийских, германских и турецких предприятий. Но большинство в правительстве, после официального вступления США в войну в особенности, ознакомившись к тому же с попавшим в их руки секретным докладом Чернина и решив, что цен-

¹ См. АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 610, лл. 186—187.

тральные державы скоро могут стать очень уступчивыми, не стремилось форсировать переговоры.

Сложный комплекс обстоятельств, влиявших на судьбу разговоров о сепаратном мире, приводил к тому, что переговоры эти то возобновлялись, то на некоторое время затихали. Но все время повторявшейся особенностью этих сношений воюющих сторон между собою была их антирусская направленность, увеличивавшаяся с каждым месяцем.

В феврале, марте Рибо и Ллойд Джордж считали, что можно будет на определенном этапе разговоров с Австрией поставить в известность о положении вещей русского союзника. В апреле еще упоминали об отдаче России Константинополя в качестве одного из возможных условий мира. Тогда же, в апреле, Пуанкаре и Рибо дважды принимали принца Сикста Бурбонского, игравшего роль связного между французским правительством и австрийским императором; обсуждались возможные условия сепаратного мира. Когда Рибо информировал об этих переговорах Ллойд Джорджа, то настаивал на том, чтобы такая же информация была сделана в отношении других союзных стран — Италии, Сербии, Румынии. Россия же игнорировалась совершенно и, по мысли французского премьер-министра, ничего не должна была знать ¹. В мае на совещании в Савойе Россию почти совсем не упоминали. Палеолог, как уже указывалось, перед отъездом из России выдвинул проект сепаратного мира с Турцией за спиной России. Тома, хотя и не считавший положение России «отчаянным», не возражал против поисков сепаратного мира с Турцией ². Такой мир должен был быть в руках Антанты еще одним средством борьбы против русской революции. Западные империалисты были неразборчивы в выборе этих средств. Идеологической борьбы казалось мало. Задушить революцию при помощи наступления на фронте они очень хотели, но боялись неуспеха. Все более упорно и открыто империалисты Антанты поддерживали реакционные силы в стране. И параллельно они помышляли о сепаратном мире за спиной у русского народа, чтобы развязать руки и уси-

---

¹ См. *Edouard Benes*, Les tentatives de «Paix blanche de 1917. Журнал «Le monde slave», septembre, 1927, p. 336.

² См. *A. Ribot*, Lettres à un ami, p. 234; *М. Палеолог*, Царская Россия накануне революции, стр. 460—461.

лить свои возможности борьбы против революционного движения как в России, так и в своих собственных странах. Надежда на то, что сама русская буржуазия сможет и успешно вести войну и подавить революцию, уменьшалась с каждым месяцем. Акции Временного правительства падали. Некоторый сдвиг произошел в июне. Надежды на наступление русских войск казались реальными, Антанта решила выжидать. В этот месяц тема сепаратного мира отошла во Франции на задний план, взоры были обращены на русскую армию¹.

Если тайная дипломатия весны 1917 г. была заполнена махинациями вокруг империалистического мира, то публично, громко и настойчиво дебатировался вопрос о более упорном и успешном продолжении империалистической войны. Коалиционное правительство было целиком за наступление. 3 июня министр-председатель князь Львов на частном совещании группы членов Временного правительства, происходившем дома у Терещенко, познакомил собравшихся с составленной им запиской об «Основных задачах» правительства. Обходя вопросы внешней политики, Львов вполне определенно высказывался за наступление на фронте². Никто из присутствовавших не возражал. Не возражали против того, что в интересах антантовского и русского империализма русский народ понесет новые большие жертвы, также и руководители мелкобуржуазных партий, поддержкой которых сохранялась власть Временного правительства. Все выступления и действия меньшевиков и эсеров свидетельствовали неопровержимо о том, что они защищали империалистическую внешнюю политику. Особая опасность их деятельности для пролетариата заключалась в том, что свою поддержку буржуазии, свою фактическую роль «левой фракции» империалистического лагеря они прикрывали рассчитанными на обман масс разговорами о надклассовом характере своей политики, о «третьей силе», якобы существующей в Европе, «первой цитаделью» которой будто бы является «русская демократия».

Демагогической болтовней о «справедливом мире» занимались меньшевики и эсеры также и на I Всероссийском

---

¹ Дальнейшая история борьбы за империалистический мир, оценка происшедших изменений в ходе этой борьбы относятся тематически уже к гл. VII, где этот вопрос и будет рассматриваться.

² ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 150, лл. 19—21.

съезде Советов, открывшемся 16(3) июня, где они имели большинство голосов. Фальшивые фразы о «мире без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов» попали и в резолюцию, принятую съездом, в то время как резолюции большевистской партии о войне и мире, в которых подчеркивалось, что действительно справедливый мир «своей предпосылкой имеет решительную борьбу рабочего класса каждой страны против своего империалистического правительства, класса капиталистов в каждой стране», были отвергнуты ¹. Фактическая поддержка меньшевиками и эсерами империалистической политики через Советы и личное участие их лидеров в проведении этой политики в составе правительства нисколько не противоречили их позиции в вопросе о созыве международной конференции социалистов, вызвавшем большую шумиху в летние и осенние месяцы 1917 г. Соглашением между социалшовинистами стран обоих воюющих лагерей русские меньшевики думали оказать давление на правительства Антанты с целью добиться мира, минуя тот единственно возможный путь к демократическому, а не империалистическому мирному урегулированию после войны, который мог быть следствием успешной революционной борьбы народов против империализма. Русские «социалисты» решили даже взять на себя инициативу созыва международной конференции в Стокгольме, поручив ее подготовку международному отделу исполкома Петроградского Совета ². Еще в начале мая при помощи Петроградского телеграфного агентства (ПТА) социалисты Англии, Франции, Италии были поставлены в известность относительно предложения Петроградского Совета. Большевики добились одобрения этого решения I съездом Советов, после чего во второй половине июня послали делегацию за границу для практической подготовки международного съезда предателей интересов трудящихся. Печать уже начала сообщать даты предполагаемого открытия конференции, указывая на 8 июля, потом 14 августа, затем 3 сентября. «Известия» и «Новая жизнь» из номера в номер пространно обсуждали программу работ предстоящего съезда, в то время как практическая возмож-

---

¹ «Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.», т. II, М. 1931, стр. 11—12 и 16—17.

² «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний исполкома и бюро ЦК», ГИЗ, 1925, стр. 101.

ность созыва такого собрания становилась все менее реальной. Берлин и Вена не возражали против поездок преданных империалистическим интересам социал-демократов в Стокгольм, рассчитывая приблизить с помощью верных оруженосцев капитала сепаратный мир, но в Париже и Лондоне хозяева думали иначе. Французские социал-шовинисты в первых своих заявлениях относительно идеи Стокгольма отказывались от участия в конференции, и только группа меньшинства настаивала на посылке делегатов: на национальной конференции французских социалистов меньшинства, состоявшейся 6 мая 1917 г., была единогласно принята резолюция, требующая участия в международной социалистической конференции¹. Но в июне позиция правых социалистов изменилась после ознакомления с докладами вернувшихся из России Лафона и Мутэ (в докладах говорилось о желательности созыва конференции в целях давления на «русского союзника») и особенно в результате обострения внутреннего положения во Франции, крупных забастовок рабочих и антиправительственных выступлений в армии. Продолжая решительно поддерживать свое правительство, французские социалистические лидеры (а вместе с ними и лидеры английских лейбористов) для обмана народа, чтобы приглушить революционную борьбу шумной возней вокруг идеи Стокгольма, решили согласиться с необходимостью конференции. В середине мая 1917 г. национальный совет СФИО принял решение «о посылке в Стокгольм французских социалистов»². Намечалась поездка в Петроград Реноделя и Лонге для переговоров с русскими меньшевиками и эсерами относительно условий работы стокгольмской конференции³. «Добренькие слова о мире, прикрывающие решительную поддержку политики войны и захватов...»⁴, — так охарактеризовал действия Реноделя, Гендерсона и их сторонников И. В. Сталин. Но когда решение об участии в конференции было вынесено, вмешались французское, а затем и английское правительства. Рибо и Ллойд Джордж попросту запретили выдавать своим социалистам паспорта на поездку в Стокгольм. Петен в военном комитете угрожал тем, что он будто бы не удержит больше армии в своих ру-

¹ «Journal du peuple», 7 мая 1917 г., р. 1.

² АВПР, ф. Канцелярия, «Война», д. 210, л. 14.

³ См. «La Sentinelle», 6 июня 1917 г., р. 1.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 197.

ках, если французские социалисты вступят в переговоры с немецкими¹. Рибо выступил с большой речью на закрытом заседании палаты депутатов, а затем и сената. В парламенте его поддержали, сенат единогласно, а палата депутатов большинством голосов приняли резолюцию перехода к очередным делам с формулой, отрицающей необходимость съезда социалистов («прочный мир может быть достигнут только путем победы союзных армий»)². Так же поступили и в США. Собравшимся было в Стокгольм делегатам американской социалистической партии государственный департамент отказался выдать паспорта³.

Разговоры о конференции в странах Антанты сразу не прекратились, французские социалисты делали некоторое время вид, что они протестуют против решения правительства. В начале августа они встретились в Париже с делегациями английских и русских социалистов. Меншевики были резко враждебно встречены всей буржуазной прессой. Те надежды, которые французские империалисты возлагали на Петроградский Совет, последний — к началу августа это было совершенно очевидно — не оправдал; газеты травили делегатов, называя их «четырьмя странствующими социалистами, с которыми общественному мнению Франции считаться не приходится», и весьма откровенно указывая на сильно изменившееся положение Совета в России.

В самом деле, то были дни, когда меньшевики и эсеры открыто перешли в лагерь контрреволюции, в то время как большевизация Советов лишала лидеров меньшевистской и эсеровской партий возможности претендовать на роль вождей народа. Никаких серьезных практических решений совещание социалистов трех стран не вынесло. Становилось ясным, что задуманная затея со съездом проваливается.

В беседе с Рибо, не предназначенной для печати, Альбер Тома заявил премьеру, что хотя «он хотел бы, чтобы паспорта были выданы, но понимает, что в настоящий момент это невозможно»⁴.

Какова была позиция Временного правительства во всей этой «стокгольмской» истории? В официальных заявлениях

---

¹ Journal d'Alexandre Ribot et correspondances inedites, 1914—1922, p. 138, 139.

² «Temps», 2 июня (20 мая) 1917 г.

³ «New York Times», 2 мая 1917 г.

⁴ Journal d'Alexandre Ribot..., p. 157.

Керенский и Терещенко подчеркивали, что они не вмешиваются в этот вопрос, «считая стокгольмскую конференцию делом партий, а не делом Временного правительства», и что по сему случаю если эта конференция и состоится, то решения ее для правительства будут необязательными. Неофициально, в частных разговорах, и министры из мелкобуржуазных партий и министры — открытые защитники империализма одинаково высказывались против Стокгольма, о чем тоже в «частных» беседах они сообщали аккредитованным в Петрограде дипломатам стран Антанты.

Те меньшевики и эсеры, которые заседали в Совете, критиковали правительства, не дававшие паспортов делегатам, а та часть меньшевистско-эсеровских лидеров, которая занимала министерские кресла в составе Временного правительства (Керенский, Чернов, Скобелев, Церетели, Авксентьев), сговаривалась (и притом втихомолку) против конференции социалистов. Для самих русских империалистов съезд тех групп социалистов, которые весьма последовательно и решительно защищали интересы класса буржуазии, не казался опасным. Ленин указывал, что, с точки зрения капиталистов и помещиков, «если немецкий Плеханов, т. е. Шейдеман, сойдется и согласится с русским Шейдеманом, т. е. Плехановым, если они откроют друг у друга следы социалистической совести, то, пожалуй, нам, капиталистам, следует приветствовать *такой* Интернационал *таких* социалистов, которые становятся на сторону *своих* правительств»¹.

Но в Лондоне и Париже не хотели даже «*такого* Интернационала *таких* социалистов», а занять позицию, отличную от позиций правительств Англии и Франции, русской буржуазии вместе с соглашателями было явно не под силу. Необходимость не забывать о «домашних» делах в условиях быстро обостряющейся классовой борьбы заставляла социал-соглашателей маневрировать.

Подлинный смысл переговоров о конференции был разоблачен лишь большевиками. Вопрос об отношении к Стокгольму решался партией большевиков в связи с борьбой за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, той основной стратегической линией в период от февраля к октябрю, в интересах которой и в подчинении которой определялись все тактические

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 80.

задачи. Большевицкая партия была решительным противником стокгольмской конференции, названной Лениным собеседованием «министров, состоящих в империалистских правительствах»¹. Платформа партии была сформулирована в замечательной ленинской работе «Политические партии в России и задачи пролетариата». Большевики, указывал В. И. Ленин, считают, что «народам нужен только такой Интернационал, который объединяет действительно революционных рабочих, способных положить конец ужасной и преступной бойне народов, способный избавить человечество от ига капитала»².

На апрельской партийной конференции было принято специальное решение об отказе большевиков от участия в этом собрании. Это решение было подтверждено VI съездом партии 29(16) августа 1917 г. На заседании узкого состава ЦК вновь стоял вопрос об отношении к Стокгольму. «По отношению к Стокгольмской конференции,— указывается в протоколе,— подтверждают старое решение о том, что туда идти не следует. Наше отношение продолжает оставаться отрицательным»³. Создание III Интернационала, как конкретная форма объединения «действительно революционных рабочих», было выдвинуто Лениным, как одна из программных задач в исторических Апрельских тезисах. В Циммервальдском объединении, не отвечавшем всем требованиям Интернационала подлинных революционеров, Ленин предлагал остаться только для информации, чем развязать себе руки для создания III Интернационала⁴. 30(17) августа 1917 г. Владимир Ильич писал Заграничному бюро ЦК: «Против участия в Стокгольмской конференции я был и остаюсь безусловно... Мы делаем величайшую, непростительную ошибку, оттягивая или откладывая созыв конференции левых для основания III Интернационала»⁵.

Третья (и последняя) Циммервальдская конференция, состоявшаяся в начале сентября в том же Стокгольме, показала Ленину, что выход из Циммервальда стал совершенно необходим. Ряд циммервальдовцев высказался за участие в «социалистической» конференции, что вызвало письмо

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 248.

² В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 80.

³ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП, август 1917— февраль 1918», М.—Л. 1929, стр. 32.

⁴ См. В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 66—67.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 260.

Ленина с резким протестом против этой комедии, когда Циммервальд «ждал» Стокгольма. Ленин назвал позорной такую позицию части участников Циммервальдской левой и потребовал «уйти из Циммервальда *т о т ч а с*. Оставаясь там только для информации...»¹ Попытки Л. Каменева настаивать на участии партии в стокгольмской конференции вызвали резкие протесты ЦК, постановившего опубликовать в партийной печати письмо В. И. Ленина «О выступлении Каменева в ЦИК по поводу Стокгольмской конференции» и статью И. В. Сталина «Еще о Стокгольме». Большевики решительно отмежевались от провокационного выступления Каменева. Подлинные революционеры не одобряли тогдашнюю политику партий II Интернационала. Стокгольмская конференция не могла дать народам то, что могла им принести только революционная антиимпериалистическая борьба, демократический мир.

Задача создания III Интернационала была осуществлена, как известно, после Великого Октября.

* * *

Выше рассмотрены такие существенные вопросы русско-французских отношений в мае — июне 1917 г. по военно-политическим проблемам, как поиски империалистического сепаратного мира французской буржуазией и взаимодействие между социалистами обеих стран.

Но в указанные месяцы не закулисные поиски сепаратной сделки и не шумные дискуссии относительно созыва конференции для давления на правительства, тоже в вопросе о мире, но не сепаратном, а «всеобщем» и якобы «демократическом», составляли *главное* содержание политики. Основным вопросом оставался вопрос о продолжении войны и борьбе с революцией, а более узко и конкретно — о наступлении на русском фронте, при помощи которого правящие классы России и Франции рассчитывали приблизить победу над германским конкурентом и удушить революцию в России, предотвратить выпадение ее из системы империализма.

Парижская биржа, столь чутко реагирующая на политические события, была тревогу: наступление задер-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 280.

живалось, из России приходили «неутешительные» известия. Курс рубля продолжал падать весь апрель и май. К 1 июня он котировался уже в 133 франка за 100 руб. против 162 франков в конце февраля¹.

На многочисленные предложения русских промышленных бумаг почти не находилось спроса, акции систематически падали в цене. Если 25 февраля бумаги Бакинского нефтяного общества котировались по 1775 франков, Мальцовских заводов — по 630, а Брянских (по данным на 27 февраля) — 451, то через три месяца за бакинские нефтяные акции давалось лишь 1320 франков, мальцовские — 485, брянские — 372². Новый французский посол в Петрограде Нуланс заявил представителям печати перед отъездом в Петроград, что Франция и Россия должны продолжать войну. Цель своей поездки он видит прежде всего в том, чтобы добиваться «энергичных действий» со стороны России.

В России все более отчетливо обозначались две силы. Резкое обострение классовых противоречий, борьбы сил нового против сил старого мира, обнаруживало предательскую сущность меньшевистско-эсеровской политики. Временное правительство, готовя наступление на фронте и ведя упорную борьбу против революционных выступлений рабочих и крестьян, все больше скатывалось на путь открытой контрреволюции.

Подведем итоги рассмотрению вопроса о войне и революции в русско-французских отношениях в мае — июле 1917 г. Коалиционный кабинет вел по существу ту же внешнюю политику, что и первый состав Временного правительства. При помощи продолжения кровавой бойни лагерь контрреволюции рассчитывал предотвратить развитие революции в России, помешать успешному изживанию оборонческих иллюзий в массах. Требование «активной войны» продолжало служить одной из форм помощи французского империализма Временному правительству в его борьбе против народов нашей Родины, за сохранение эксплуататорского строя в России.

Большевистская партия осуществляла широкую разъяснительную работу в массах, доказывая, что коалицион-

---

¹ См. Г. Дементьев, Государственные доходы и расходы России и положение Государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г., Пг. 1917, стр. 51.

² См. «Утро России» № 133, 31 мая 1917 г.

ное правительство ведет активную империалистическую политику и что демократический мир может последовать лишь в результате прихода к власти правительства, выражающего интересы рабочего класса и трудового крестьянства.

В то же время на грани 1916 и 1917 гг. в мировой политике начался поворот от империалистической войны к империалистическому миру. Французский империализм, оказывая давление на Временное правительство в отношении активного ведения войны, начал секретные переговоры за спиной России о сепаратном империалистическом мире *за счет России*. Но тема активной войны, при помощи которой надеялись также «покончить» с революцией, оставалась в рассматриваемые месяцы основной в отношениях между Временным правительством и Францией.

Какое же влияние оказали военные события на русском фронте на дальнейшее развитие отношений между двумя странами?

§ 2. Вопросы военных действий против Германии и ее союзников

Подчиненная роль России при планировании и осуществлении военных операций в первой мировой войне вскрылась уже в первый год военных действий. Русской армии часто приходилось помогать, выручать, спасать других — тех, кому их сильные экономические и политические позиции в Российской империи давали право приказывать и настаивать на исполнении своих приказаний. Бросив неподготовленные армии в Восточную Пруссию ради успеха сражений у Марны и Парижа в 1914 г., спасая Сербию, Италию в 1915 г., Верден — в 1916 г., принося колоссальные жертвы в интересах антантовского империализма, царизм использовался как поставщик больших людских ресурсов. Русская армия оказывала Антанте большую реальную помощь в войне против Германии и ее союзников. Царское правительство не смогло организовать военные операции своих войск так, чтобы они приближали осуществление его собственных агрессивных целей в войне.

Военные планы союзников на 1917 г. также диктовались интересами стратегических замыслов прежде всего англо-французского империализма. Планы наступления союзных

стран в 1917 г. были впервые сформулированы на конференции союзников в Шантильи 15 и 16 ноября 1916 г. Предполагалось не давать Германии инициативы в военных действиях и осуществить на широком фронте одновременное наступление армий всех союзных стран. Как указывалось выше, руководители Антанты считали возможным сделать 1917 год последним годом войны. Конференция установила жесткие сроки, потребовав приведения войск в боевую готовность¹. В Париже, на совещании в военном министерстве 12 января 1917 г., накануне отъезда Думерга и Кастельно в Петроград, решения конференции в Шантильи были признаны правильными и жизнеспособными. Французское командование учитывало возможность выхода России из войны и спешило с осуществлением крупных операций². Однако все эти планы плохо учитывали реальное положение вещей. Петроградская конференция это показала. Выяснилось, во-первых, что русские армии не могут быть готовы к наступлению ни в феврале, ни в марте, ни в апреле и разговор шел лишь о мае, к тому же русские генералы не давали полной гарантии союзным представителям и на этот месяц. Стало известно, во-вторых, что союзники, требуя быстрого наступления, не давали в нужном количестве необходимого для крупных операций вооружения, что неизбежно должно было способствовать неуспеху наступления. Еще большие изменения в антантовские военные планы внесла Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Борьба большевистской партии за выход из империалистической войны, растущие успехи большевиков среди солдатских масс наряду со стихийной тягой солдат к миру явились важнейшей причиной нежелания русской армии наступать в защиту интересов «своих» и чужих империалистов. Влияние революционных событий в России на французскую армию также вносило коррективы в планы и действия французского правительства. Однако в феврале, марте мнение народов полностью игнорировалось, с внутренним положением России мало считались.

Утверждались планы, шла некоторая подготовка к наступлению. Николай II 6 февраля 1917 г. утвердил по докладу Гурко план наступления, по которому юго-запад-

---

¹ См. стр. 40—41.

² *A. Ribot, Lettres à un ami*, pp. 175—176. *Painlevé, Comment j'ai nommé Foch et Petain*, p. 4—5.

ный фронт наносил на львовском направлении главный удар, на румынском фронте требовалось, разгромив живую силу противника, занять Добруджу, а северный и западный фронты осуществляли вспомогательные операции ¹.

Наступление на западном фронте должно было состояться, по прежним планам союзников, в феврале, а от России требовали, раз она еще не готова сама к большому наступлению, поддержать «короткими ударами» на русском фронте операции Антанты на западе.

Военные перспективы Антанты казались благоприятными. Хотя в германских руках еще находились обширные захваченные территории, истощение Германии, людское и отчасти материальное, не было тайной. Создалась угроза того, что недостаток количества перейдет в новое качество — неспособность Германии успешно продолжать войну. Резервы государств Антанты были значительно большими, особенно после открытого вступления в войну на их стороне США. Генерал Гофман признавался, что «положение центральных держав весной 1917 года... было достаточно серьезно» ². Но державы Антанты оказались не в состоянии использовать эти выгоды своего положения.

Русская империалистическая буржуазия, получив в свои руки власть, никаких новых проектов не выдвинула. Одобренный царским правительством под большим давлением Антанты стратегический план наступления в 1917 г. был принят и Временным правительством, и здесь оказавшимся наследником старого режима. А наследство досталось тяжелое, ибо зависимость практических действий правящих кругов России от Антанты увеличивалась с каждым годом войны.

По-прежнему настаивая на подготовке русскими войсками крупных наступательных операций в максимально короткий срок, союзники требовали, кроме того, от совершенно неподготовленной русской армии поддержать началом второстепенных операций наступление на западном фронте, предположенное в феврале. Тогда значительная часть жертв, неизбежных в крупных операциях, пала бы на «пушечное мясо», каким являлись русские армии в руках антантовских империалистов. Только перспектива из-за этих «коротких ударов» намного отсрочить большое наступ-

---

¹ См. А. М. Зайончковский, Кампания 1917 г., стр. 31.

² Гофман, Война упущенных возможностей, М.—Л. 1925, стр. 139.

ление русского фронта заставила англо-французское командование, по предложению главы французской военной миссии Жанена (а отнюдь не русской Ставки, «на все готовой»), отменить это требование и настаивать на развитии большого наступления в апреле, одновременно с решающими (так предполагалось) операциями на западном фронте.

Вторая половина марта и начало апреля прошли в весьма оживленной переписке между военными руководителями России и Франции по вопросу о том, будет ли Россия наступать в апреле, ибо с февраля на апрель было перенесено начало боев на западе. Сменивший Жоффра Нивелль уже через несколько дней после создания Временного правительства послал телеграмму в русскую Ставку, текст которой был сообщен Алексееву через Жанена (21(8) марта). Обещая ввести во время наступления на западном фронте «все силы французской армии» и добиваться решительных результатов, достижения которых в данный период войны «нельзя откладывать», Нивелль требовал «начать наступление русских войск около первых или средних чисел апреля (по новому стилю)». Он хотел одновременных операций на обоих фронтах и настаивал на том, чтобы русское наступление было рассчитано «на длительный период», а также и «доведено до конца». Заявление Гурко на конференции в Петрограде о невозможности начать большие операции в столь ранние сроки игнорировалось. Вопрос о том, какую помощь окажет Франция русской армии ввиду необходимости большого наступления, организованного в очень короткое время, также обходился. Вместо этого Нивелль ссылаясь на совершенно неосновательный довод, будто русские войска находятся в особо благоприятном положении для наступления, «...так как почти все наличные немецкие силы,— заявлял французский главнокомандующий,— находятся на нашем фронте, и число их растет здесь с каждым днем»¹.

Положение русской армии, как его понимали занявший после Февральской революции должность верховного главнокомандующего Алексеев и военный министр Гучков, делало требования Нивелля невыполнимыми. Солдаты русской армии не желали воевать за интересы русских и иностранных империалистов. Такова была решающая причина, которая вынуждала генералов оттягивать время на-

¹ «Красный архив», т. 5 (XXX), М. 1928, стр. 29.

чала крупных операций. Однако время работало отнюдь не на пользу империалистов. Беря на себя задачу сообщить Франции о невозможности осуществить наступление ранее июля, генерал Алексеев писал Гучкову: «...Я не могу взять на себя ответственность за те последствия, которые повлечет наше уклонение от выполнения принятых на себя обязательств. Мы находимся в столь большой зависимости от союзников в материальном и денежном отношениях, что отказ союзников от помощи поставит нас в еще более тяжелое положение, чем мы находимся ныне. Соответствующее соглашение, думаю, должно составить заботу Временного правительства»¹.

Петроградское правительство оказалось не в состоянии добиться «соответствующего соглашения». Оно даже не смогло в официальной форме предложить его. Ставка вела переговоры с французским военным командованием, не поддержанная должными дипломатическими действиями Временного правительства в пересмотре соглашений по военным вопросам. Русская буржуазия при решении вопросов о военных действиях против Германии не только демонстрировала империалистический характер своей деятельности, но и подтверждала свою зависимость от иностранного империализма.

Что касается ссылки Нивелля на «особо благоприятное положение» русского фронта, то большие неприятельские силы, не менее 159½ дивизий, стояли против России, из них 136½ пехотных и 23 кавалерийских общей численностью свыше 1,3 млн. чел. Русский фронт отвлекал на себя 38% всех германских и 47% всех австрийских пехотных дивизий и почти всю вражескую конницу². Французский генерал, таким образом, фальсифицировал действительное положение вещей.

Основываясь на полной неспособности командования русской армии послать в требуемое Францией наступление русские войска, совершенно не подготовленные к большим

---

¹ «Разложение армии в 1917 г.», Центрархив, ГИЗ, 1925, стр. 28—29.

² См. А. М. Зайончковский, Мировая война 1914—1918, М. 1931, стр. 81. Данные по состоянию на август 1917 г. Весной и в начале лета войск противника на восточном фронте было несколько меньше (на 18 июня—127½ пехотных дивизий. См. ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1462, л. 60), но и это не дает оснований считать, что русский фронт был «в особо благоприятном положении».

операциям не только морально, но и материально-технически, Алексеев ответил на письмо Нивелля, полученное через Жанена: «...Мы не можем перейти в наступление даже в начале мая старого стиля, и можно рассчитывать на широкое участие в операциях только в июне — июле». Он советовал союзникам не спешить с общей решительной атакой и рекомендовал, пока Россия еще не готова к большим боям, осуществлять на западном фронте «лишь медленное, осмотнительное движение за отходящим противником, занятие новой сильной оборонительной линии». Алексеев просил Жанена доложить французскому верховному командованию, что и он как военный атташе считает, что раньше июня — июля русские армии не смогут наступать.

С мнением Ставки во Франции не желали считаться: было заявлено, что никаких изменений в военные планы вносить уже невозможно и необходим «возможно скорый переход» русских войск в наступление¹. Нивелль продолжал требовать наступательных операций на восточном фронте². Через Жанена он послал новую записку Алексееву с почти буквальным повторением текста о необходимости наступления русских войск³. Тогда русское командование решило, вручая Жанену памятную записку, указать уже не на общую неподготовленность русских войск (с этим союзники совершенно не желали считаться), а на конкретные причины, из которых складывалась эта неподготовленность. Казалось, что здесь содержались вполне убедительные мотивы, мешавшие наступлению в ближайшие дни и недели. В записке указывалось, что «вопрос о начале весенних операций русской армии стоит в тесной зависимости от климатических условий, состояния людских пополнений, продовольствия и транспорта в стране». Далее в весьма осторожной форме говорилось, что «ранее начала мая (старого стиля), даже при общем благополучном внутреннем состоянии, чего в действительности в данное время нет (эта фраза в маловразумительной «общей» форме констатировала рост революционных и антивоенных настроений в армии. — А. И.), нельзя приступить даже к частным ударам, так как до того времени глубокая грязь, разли-

¹ Дневник Жанена «Au G. Q. G. Russe», журнал «Le monde slave», январь 1927, Paris 1927, р. 9; «Красный архив», т. 5 (XXX), стр. 30.

² См. «Красный архив», т. 5 (XXX), стр. 30—31.

³ См. там же, стр. 32—33.

шиеся реки и распустившиеся болота исключают возможность выполнения хотя бы и небольших по масштабу операций»¹. Русские генералы были далеки от истины, выдвигая климатические причины на первый план. В записке союзникам сообщалась только небольшая часть правды. В следующих телеграммах, адресованных во французскую главную квартиру, Алексеев, подтверждая, что, по его мнению, «раньше начала мая» на русском фронте нельзя приступить даже к «частным ударам», прямо писал о том, что «многое будет зависеть от успеха ликвидации пережитых дней революции», от «возобновления прерванных работ на оборону», восстановления запасных войск, разрешения транспортного и продовольственного вопросов, от «возвращения боевого значения Балтийского флота»².

Серьезные сомнения в способности Временного правительства организовать успешное наступление весной 1917 г. были и у Жанена, который лично наблюдал состояние русских войск. И, конечно, он не был уверен в том, что «русская армия будет в состоянии наступать в июне — июле»³.

На заявление Палеолога, что «война — дело конченное (*est morte*) в России», военный атташе ответил: «Может быть, еще не конченное, но я очень боюсь, что находится на пути к этому»⁴. Он не питал серьезных надежд на результаты переписки Нивелля с русским командованием и демаршей, сделанных в Могилеве⁵. Сам Палеолог, тоже очевидец событий, был настроен еще более пессимистически. «Я вижу, — сказал он Пуанкаре после возвращения из Петрограда в Париж, — катастрофу, как эти часы»⁶. Французская буржуазная печать открыто писала о своем разочаровании в надеждах, возлагавшихся на Россию, «как на неистощимый источник боевой силы и богатейшую житницу»⁷. Попытка добиться формальной отсрочки со стороны Франции даты начала наступления, предпринятая Ставкой, оказалась неудачной. Алексеев и его генералы решили попытаться выполнить приказ Антанты. 12 апреля, описы-

¹ «Красный архив», т. 5 (XXX), стр. 34—35.

² ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 12, л. 22 об.

³ «Le monde slave», январь 1927, Paris 1927, p. 9.

⁴ Там же, февраль 1927, p. 293.

⁵ «Les armées françaises dans la grande guerre», tome V, premier volume, Paris 1931, p. 550.

⁶ R. Poincaré, op. cit., p. 177.

⁷ Из донесения Севастополю от 27 мая (9 июня) 1917 г., АВГР, ф. Секретный архив министра, д. 658, л. 7.

вая военному министру Гучкову состояние армии, как «крайне тяжелое», Алексеев делает в письме вывод, что, «как ни тяжело наше положение, нам нужно начать весеннюю кампанию наступлением, что отвечает и настойчивым желанием союзников»¹. Сообразно такому решению, продиктованному заботой об интересах французских, американских и английских империалистов и их клиентуры, поставленных превыше всего, в том числе и жизнью русских солдат, Алексеев и разослал в тот же день, 12 апреля (нового стиля), директивы командующим фронтами. Сообщая, что «союзники начали 27 марта (т. е. 9 апреля.— А. И.) решительные действия против немцев на западном фронте», и напоминая об «обязательствах перед союзниками», Алексеев объявлял о решении «сохранить общую идею плана...» операций 1917 г. «...и при благоприятных условиях, по возможности в первых числах мая, произвести ряд наступательных действий»².

Такое решение поддерживала и одобряла группа русских генералов, тоже считавших выполнение требований Антанты делом первостепенной важности. В марте 1917 г. Гучков получил телеграмму, подписанную командующим юго-западного фронта Брусиловым, генералами Щербачевым, Калединым и другими, где утверждалось, будто «наступление вполне возможно», и предлагалось («настоятельно просим») не предпринимать никаких шагов перед союзниками «в смысле отказа от выполнения наших обязательств»³. К этому мнению присоединился генерал Гурко, считавший, что «все же лучше и выгоднее наступать даже без полной уверенности в успехе»⁴. Иначе, правда, оценивал положение дел генерал Рузский, главнокомандующий войск северного фронта, пришедший к выводу о необходимости «отказаться от выполнения в ближайшие месяцы наступательных операций»⁵. Но его позиция ни Алексеевым, ни Гучковым не была принята во внимание.

Решение, изложенное в виде распоряжений командующим фронтами, знаменовало собой капитуляцию русской буржуазии перед требованием Антанты.

---

¹ А. М. Зайончковский, Кампания 1917 г., стр. 131—132. Письмо опубликовано в приложении к книге.

² Там же, стр. 58.

³ ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 148, л. 44.

⁴ Там же, л. 73.

⁵ Там же, л. 69.

Пока шла переписка между генералами, а на русском фронте результаты решений Ставки, принятых без внимания к реальному положению вещей, еще никак не обозначились, на Западе действительно произошли военные события, состоялись первые крупные бои 1917 г. Как же развивались эти, по словам Алексева, «решительные действия против немцев на западном фронте»? Генерал Нивелль сообщал в Россию (через Жанена), что подготовленные им операции «не являются предварительными боями, служащими лишь методической подготовкой к позднейшим более серьезным операциям». Французское командование рассчитывало на значительно больший эффект. «Мы начинаем сражение,— писал Нивелль Жанену,— с использованием всех сил, которыми мы располагаем, и рассчитываем продолжать его с полной энергией». Именно потому Нивелль в цитированном послании, отправленном 26 марта (8 апреля), вновь ставил вопрос («представляется в высшей степени желательным») о параллельных операциях русских войск («введение в дело возможно больших средств») в самые кратчайшие сроки ¹.

Фактическое дело обстояло иначе. Соотношение сил на англо-французском фронте для Антанты было благоприятным: против их 180 дивизий, сведенных в 2251 батальон, стояло (по данным на февраль 1917 г.) 131½ дивизии немцев (1333 батальона), на 17 213 орудий союзников (в том числе 9642 тяжелых) приходилось 9900 (из них 5510 тяжелых) германских ². Однако численный и материальный перевес был плохо использован союзниками, и операции франко-английских войск совсем не оказались решительными.

Учитывая, что с наступлением нужно спешить, пока Россия воюет и пока немцы не в состоянии снять войска с русского фронта; считаясь также с тем, что в Австрии появились настроения в пользу мира, которые усилились бы в результате военных поражений, в Париже решили, что наступать необходимо именно в апреле. Но, приняв такое решение, готовились к наступлению плохо, надеясь, очевидно, что не так много нужно будет воевать самим, ибо часть «работы» возлагалась на русские дивизии. Некоторые

---

¹ ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 148, л. 72.

² А. М. Зайончковский, Кампания 1917 г., стр. 32. По сообщениям представителя Временного правительства при французской главной квартире Занкевича, к 16 апреля, к моменту французской атаки, соотношение сил несколько изменилось: 175 дивизий союзников против 155 немецких. ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 56, л. 2.

военные деятели Франции были вообще против наступления в апреле. Военный министр Пенлеве считал, что спешить не следует, ибо время работает в пользу союзников. Вступление в войну США, а потом и прибытие американских войск в Европу приведут к серьезному изменению соотношения сил в их пользу. Генерал д'Эспре и Петен соглашались с Пенлеве¹. Ллойд Джордж тоже не одобрял планов наступления, как и английский командующий в Европе Дуглас Хэг. Решение наступать в апреле было принято после больших дебатов внутри правительства и командования при отсутствии единой точки зрения во Франции, да и в Англии. Не соблюдалась и необходимая в таких случаях тайна подготовки. Пенлеве сообщает в своих мемуарах, что, когда 20 марта он получил портфель военного министра, всюду, не делая из этого никакого секрета, называли 8 апреля датой начала наступления². Германия к тому же сумела перехватить оперативные планы Антанты и тем лишить союзников преимущества неожиданности, создав хорошо укрепленную «линию Гинденбурга». За 3 дня до начала наступления в руки немцев попала сумка убитого французского сержанта, содержавшая приказ, излагавший задачи 7, 32 и 38-го корпусов французской армии при наступлении. Не рассчитывая на то, что усталые французские солдаты окажутся способными долго воевать, Нивелль и его штаб решили прекратить вообще наступление, если фронт не будет прорван за первые 48 часов боя. 8 апреля была плохая погода. Не лучше было 9, 10 и 11-го. Наступление было отложено до 16 апреля³. Согласно плану Нивелля, французские войска должны были атаковать на широком фронте, чтобы заставить врага разделить его силы. Главной атакой должно было быть наступление к северу от р. Эн, а второстепенной, но начатой первой — атака на Руан — Лассиньи. Английские силы на западном фронте должны были осуществить главное наступление в районе Арраса и второстепенную атаку на Анкр⁴. В бой были двинуты огромные силы. Только со стороны Франции в военных действиях участвовало 1,4 млн. чел. при 5 тыс. орудий (из

---

¹ *A. Ribot, Lettres a un ami*, pp. 187, 188. *P. Painlevé*, op. cit., pp. 187—188.

² *P. Painlevé*, op. cit., p. 39.

³ *A. Ribot, Lettres à un ami*, pp. 190—192.

⁴ *Ibid.*, pp. 176—177.

них половина тяжелых) и 200 танках. Для операции было подготовлено 33 млн. снарядов¹.

Первые дни наступления газеты захлебывались от восторга. Особенно усердствовали «Temps» и «Matin» в Париже, «Речь» и «Новое время» в Петрограде. Уже 18 апреля, сообщая о «40-верстном прорыве германского фронта», официоз кадетов писал о «...блестящей победе англо-французских войск на западном фронте». Если верить опубликованным правыми петроградскими газетами телеграммам, немцы «на широком фронте» отступили к франко-бельгийской границе, «уступая почти без всякого сопротивления англо-французским войскам все новые и новые пункты». Между строк, правда, сообщалось, что «дурная погода» замедляет операции. Еще через несколько дней, совершенно теряя чувство исторической перспективы, «Речь» известила читателей, что «на фронте в районе рек Эн и Сюип происходит в настоящее время величайшее сражение, какого не видела еще настоящая война»². Желаемое выдавалось за действительное. На самом деле брошенная плотной массой в атаку французская пехота вскоре была остановлена неприятелем и понесла тяжелые потери. Это было через 4 дня после начала операции. Были захвачены лишь первая и в отдельных местах вторая линии немецких укреплений и совсем не тронуты третья и четвертая.

Под влиянием неудач на фронте во Франции активно выступали противники Нивелля. После быстро захлебнувшейся французской атаки Нивелль отказался от стратегических задач наступления и попробовал ограничиться закреплением тактического успеха, переходом в руки союзных войск важных участков расположения немцев — Шмен де Дам, Краон, фортов Бримон и Моронвиллер. Операции с постоянно уменьшавшейся активностью сторон продолжались до середины мая. Несколько атак, предпринятых английской группой войск, не принесли им успеха. Это дало повод французскому правительству видеть в неудачных действиях англичан одну из существенных причин неудачи всего наступления. «Ни Британский генеральный штаб, ни правительство Лондона не были готовы в 1917 году принести свою жертву для всеобщего спасения», — писал

---

¹ См. А. М. Зайончковский, *Мировая война 1914 — 1918 гг.*, изд. 1931, стр. 307.

² «Речь» № 82, 22(9) апреля 1917 г.

позднее Рибо в «Письмах к другу», объяснявших (и оправдывавших) его деятельность во время войны¹. Англичане, не оставаясь в долгу, считали, что неудача произошла из-за «французской беззаботности», не позволившей сохранить наступление в тайне и сделать его неожиданным для противника². Но не запоздалые самооправдания и взаимные упреки мемуаристов сейчас для нас важны. Резюмируя ход событий на западном фронте, мы видим, что план операций 1917 г. провалился. Ни апрельские, ни тем более майские бои не изменили стратегического положения сторон. Союзники достигли определенного тактического успеха, созданного отчасти подвигами русских войск, сражавшихся на французском фронте, ибо в их руки перешел ряд сильных опорных позиций противника — форт Бримон, Шмен де Дам. Эти успехи были куплены ценой тяжелых потерь. Только за 5 дней апрельских боев, когда союзники пытались прорвать «линию Гинденбурга», французская армия потеряла не менее 28—29 тыс. убитыми и около 90 тыс. ранеными, из которых 5 тыс. умерли³. В одном сражении на реке Эн (главном в этом наступлении) с 15 апреля по 10 мая было убито 1015 офицеров и 23 164 солдата, пропало без вести и попало в плен 303 офицера и 25 288 солдат и было ранено 2409 офицеров и 87 417 солдат⁴.

Обострение классово-войсковой борьбы во Франции, нарастающий политический кризис в уставшей от войны стране, а также нечеткое взаимодействие между французскими и английскими войсками во многом определили неудачу этого наступления. Неспособность Временного правительства заставить русские армии воевать в апреле — мае для помощи Антанте при наличии к тому же явных ошибок французского командования и накануне и во время наступления (его военные планы не были изменены, хотя немцы их и знали) — все это не сделало апрельское наступление поворотным пунктом в дальнейшем ходе войны. Нивелль еще носился с новыми планами наступления, о которых он докладывал 25 апреля в военной комиссии палаты депутатов⁵, но к нему теперь плохо прислушивались. Его роль,

¹ *A. Ribot, Lettres à un ami, pp. 183—184.*

² Так оценивает причины неудачи наступления Ллойд Джордж. См. *Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. III, стр. 303.*

³ См. *P. Painlevé, op. cit., p. 66.*

⁴ «Мировая война в цифрах», ОГИЗ, Госвоениздат, М. 1934, стр. 24.

⁵ *P. Painlevé, op. cit., p. 69.*

как руководителя французской армии, была уже сыграна. Антиправительственные выступления в войсках заставили парижское правительство главное внимание направить на «приведение в покорность» французских войск. Во время франко-английской парижской конференции в мае речь еще шла о продолжении наступления с ограниченными целями¹. Однако для реализации этих планов мало что делалось. Сменивший Нивелля Петен и начальник генерального штаба Фош в основу своей военной политики положили принцип «не начинать большого... наступления, пока не будет достигнуто решительное превосходство над неприятелем в отношении людских сил и снаряжения»². Вместо того, чтобы осуществлять большие операции силами своих солдат, англо-французские руководители решили, с одной стороны, ожидать прибытия в Европу американских войск, а с другой — еще более решительно, чем прежде, настаивать на скорейшем переходе в наступление русской армии. Главная квартира союзников, как сообщал представитель Временного правительства генерал Занкевич в начале июня 1917 г., «...полагает новый решительный переход в наступление подходящим лишь с момента нашего наступления, могущего оттянуть часть немецких дивизий с Западного фронта»³.

Не снятое с России обязательство развернуть крупные операции не позднее чем через три недели после начала боев на Западе Временное правительство и Ставка выполнить не смогли. Объективные факторы были выше субъективных намерений. В Могилеве, месте нахождения Ставки, 1 мая 1917 г. на совещании командующих фронтами обсуждалось сложившееся положение вещей. Алексеев признал, «...что характер отношений к нам представителей союзных армий за последнее время резко изменился и союзники с нами в настоящее время перестали, по-видимому, считаться»⁴.

Командующие фронтами бряцали оружием (в помещении, где шло совещание), мнения сходились на том, что необходимо «во что бы то ни стало перейти в наступление».

---

¹ Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. III, стр. 343—344.

² *Painlevé*, *op. cit.*, pp. 206—207.

³ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 13, л. 2—2 об.

⁴ Протокол совещания. См. приложение к книге А. М. Зайончковского, Кампания 1917 г., стр. 134.

К этому склонялся и Алексеев. «Мы имеем еще месяц, — заявил он собравшимся, — чтобы всеми мерами оздоровить армию. Мы должны или произвести наступление, или мы будем поставлены в тяжелое положение в дальнейшем ходе военных действий и при заключении мира»¹. На совещании в Ставке было решено ради «моральной» подготовки наступления всем вместе поехать в Петроград, и на следующий день, 2 мая, генералы отбыли в столицу. В Петрограде на соединенном заседании командующих с Временным правительством и исполкомом Петроградского Совета генералы признались, что «армия находится накануне разложения», продолжая, однако, считать, что исполнить приказ Антанты нужно. Выполнить требование англо-французских империалистов, с их помощью приостановить развитие революции — в этом русская буржуазия и меньшевистско-эсеровские лидеры видели свою главную задачу.

Но генеральские решения наступать не приостановили процесса революционизирования старой армии. Как раз в день совещания «Правда» в заметке «Новое на фронте» характеризовала это «новое», как «массовое и постоянное братание солдат»². В выполнении одной из задач большевистской партии в борьбе за армию, выдвинутой В. И. Лениным в Апрельских тезисах, уже отмечались значительные успехи. В «Правде» за подписью ЦК РСДРП, Петроградского комитета РСДРП и редакции «Правды» в начале мая 1917 г. было опубликовано «Воззвание к солдатам всех воюющих стран», где воины воевавших государств призывались к братанию. Это воззвание заканчивалось лозунгами: «Мир хижинам, война дворцам!», «Мир рабочим всех стран!», «Да здравствует братское единство революционных рабочих всех стран!», «Да здравствует социализм!»³.

Несмотря на категорическое запрещение Временного правительства, среди солдат широко распространялись большевистские газеты. Только на западный фронт за период с 24 марта по 11 июня 1917 г. было послано 14 971 экземпляр «Правды» и 63 525 — «Солдатской правды»⁴.

В секретной переписке между собой и генералы и министры Временного правительства признавали, что войска

---

¹ См. А. М. Зайончковский, Кампания 1917 г., стр. 149, 150, 151.

² «Правда», 1 мая (18 апреля) 1917 г.

³ «Правда», 4 мая (21 апреля) 1917 г., стр. 1—2.

⁴ «Красная летопись» № 6, 1923 г., стр. 39.

неспособны к большим и успешным наступательным операциям.

Уже в середине апреля Алексеев сообщал Гучкову, как военному министру, что «положение в армии с каждым днем ухудшается, поступающие со всех сторон сведения говорят, что армия идет к постепенному разложению». Не прекращалось, а, наоборот, возрастало дезертирство.

Если с начала империалистической войны по 15 мая 1917 г. на всех фронтах дезертировали, по сведениям, поступившим в генеральный штаб, 281 896 чел., то только с 15 мая по 1 июня на северном фронте оставило позиции 83 186 солдат, на западном — 61 101, юго-западном — 3112 и румынском — 4464. За июнь со всех четырех фронтов дезертировали 23 657 чел.¹

Алексеев жаловался также на падение в армии дисциплины, а равно и «авторитета офицеров и начальников», на распространение «пацифического настроения»². О том, что Временному правительству не удалось изменить положение к лучшему (в интересах империалистов), что армия не желала наступать, признает и Брусилов, писавший главе Временного правительства 24 июня: «Во многих частях настроение крайне возбужденное, а в некоторых полках открыто заявляют, что для них, кроме Ленина, других авторитетов нет»³. Настроение в русской армии очень хорошо выявилось на съезде делегатов с фронта, заседавшем в середине мая в Петрограде. Этот съезд был созван меньшевистско-эсеровским Советом, с разрешения и поощрения Временного правительства. Министры и соглашатели были почти единственными ораторами. Тем не менее, по настоянию солдат, совещание приняло резолюцию, где заявлялось, что «война в настоящее время ведется в целях захватных, вопреки интересам широких масс», и высказывалось «настойчивое пожелание» «принять самые энергичные действительные меры к ликвидации этой кровавой бойни, на основах отказа всех воюющих стран от аннексий, контрибуций и на началах свободного самоопределения народов. Ни одной капли крови русского солдата за чуждые нам цели»⁴.

---

¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1462, л. 34.

² ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 946, л. 80.

³ Там же, л. 18.

⁴ «Правда», 19(6) мая 1917 г.

Несмотря на «оборонческий» характер ряда выражений, на доверчивость к соглашательскому Совету, большой шаг вперед был сделан: делегаты с фронтов признали захватнический характер войны. Еще более важным этапом на пути выхода армии из повиновения буржуазному правительству была конференция фронтовых и тыловых организаций РСДРП, состоявшаяся в конце июня и первых числах июля (по новому стилю). 107 делегатов от 43 фронтовых и 17 тыловых большевистских организаций, представлявших 26 тыс. членов, входивших в военные организации партии, в течение восьми дней работы заслушали доклады об организации власти Советов рабочих и солдатских организаций, обсудили положение на местах, закончив конференцию принятием решений о практических задачах работы большевиков в армии. Было отмечено, что военная организация РСДРП, «будучи одной из частей общепролетарской организации, ставит в первую голову основной и главной задачей ту же задачу, что и всякая иная организация нашей партии: именно пропаганду и распространение в солдатской среде, состоящей в массе из крестьянской бедноты и рабочих, тех же принципов и идей революционного социализма, разъяснение тактических лозунгов, программных требований революционной социал-демократии»¹. Практическим средством, при помощи которого возможно было привлечение армии на сторону дальнейшего развития революции и «изъятие ее» из рук Временного правительства, было признано осуществление демократизации армии — создание полковых комитетов (при помощи прямых выборов) и Совета выборных полков, которому подотчетны полковые комитеты². Конференция подчеркнула также успехи партии по созданию Красной гвардии — первых отрядов будущей армии нового типа. Назначение Временным правительством комиссаров при армиях, находившихся на фронте, на которых было возложено «высшее руководство деятельностью общественных и ведомственных организаций»³, не смогло серьезно затормозить рост антивоенных настроений среди солдат.

Быстро растущая популярность большевиков среди солдатских масс, а также массовые антивоенные выступления

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, стр. 365.

² См. там же, стр. 359—360.

³ ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 7, л. 411.

во Франции были ответом народных масс на контрреволюционную политику правительств, ответом, свидетельствовавшим о больших успехах в деле большевизации солдат на русских фронтах, в деле укрепления классовой солидарности трудящихся России и Франции.

Один из младших офицеров действующей армии, оценивший обстановку с точки зрения интересов буржуазии, но попытавшийся трезво посмотреть на вещи, такими словами охарактеризовал в письмах родным с фронта положение армии после Февральской революции: 25 марта: «...Положение безвыходно — руководить событиями уже нельзя, им просто надо подчиняться»; 11 мая 1917 г.: «Может быть, только удачное наступление еще способно исцелить армию. Но не верится в возможность удачного наступления. Кажется, мы окончательно проиграли войну». И 16 июня он сообщал: «К самой идее наступления я отношусь отрицательно. Я не верю, что с такой армией можно победить. Если же наступление будет неудачно, то правительство и весь командный состав полетят к черту. Они играют опасную игру. По-моему, наступление — легкомысленная авантюра, неудача которой погубит Керенского»¹.

Солдатские письма и телеграммы за 1917 г. также свидетельствуют об успешном изживании оборонческих настроений в армии. Сразу после Февраля в адрес правительства пришло большое количество резолюций из действующей армии с согласием продолжать войну, и голоса о немедленном заключении перемирия были еще немногочисленны. В архиве канцелярии Временного правительства насчитывается их около 80². В марте солдаты уже требовали раздела помещичьей земли (но после «победы над врагом»), а в апреле, тем более в мае большинство писем требовало ликвидировать и «как можно скорее» войну, которая именовалась «ужасной и бесполезной бойней». Авторы писем сходились на том, что им не нужно защищать богатства империалистов Англии и Франции.

Морально-политическая неподготовленность России к наступлению сливалась воедино с военно-стратегической, ибо, кроме старого царского плана конца 1916 г., никакими новыми оригинальными проектами Ставка при Временном правительстве не обогатилась, несмотря на то, что на рус-

¹ «Красный архив», т. L—LI (1—2), М. 1932, стр. 203, 206, 208, 209.

² ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, дд. 123, 126, 547 и др.

ском фронте были сосредоточены очень значительные людские силы. По вине союзников армия и материально-технически не была подготовлена к крупным операциям.

Французскому правительству было хорошо известно, что военная промышленность России не справлялась, да и не могла справиться с снабжением огромного русского фронта необходимым снаряжением. При Временном правительстве продуктивность труда военных заводов понизилась даже по сравнению с последним годом существования царизма. А. Маниковский (в 1917 г. — помощник военного министра) указывает, что к июню 1917 г. «...продуктивность работы по изготовлению орудий малого калибра понизилась приблизительно на 30 %, выстрелов к ним на 50 %, по изготовлению винтовок на 15 %, пулеметов — на 10 %». В целом в 1917 г. в сравнении с предыдущим годом поставка в армию снарядов и орудий упала на 60 %, число ежемесячно поставляемых на фронт самолетов-истребителей сократилось с 50 до 10, самолетов-разведчиков — с 150 до 40. Снижение продуктивности, по мнению Маниковского, произошло, во-первых, из-за нехватки топлива и металла и плохой работы транспорта и, во-вторых, по причине «...падения производительности труда и дезорганизации производства»¹. Здесь не указано одно чрезвычайно важное обстоятельство, влиявшее на работу военных заводов, — растущий протест рабочих против продолжения империалистической бойни, охвативший и часть военных предприятий. Русские предприятия дали в 1917 г. меньше вооружения, чем в предыдущие годы².

Между тем убыль вооружения на русском фронте была значительной. По данным Главного артиллерийского управления, ежемесячно выходило из строя 357 орудий, 50 тыс. винтовок, 200 пулеметов в период затишья и 648 орудий, 125 тыс. винтовок, 400 пулеметов в период боев. Винтовочных патронов убывало при затишье 60 млн. и во время операций — 800 млн. шт. в месяц³.

Все эти обстоятельства ставили снабжение фронта минимально необходимым вооружением в еще большую, чем в предыдущие годы, зависимость от иностранных поставок,

¹ ЦГАОР, ф. 3529, оп. 1, д. 4, л. 143. А. А. Маниковский, Боевое снабжение русской армии в мировую войну, изд. 2, т. II, М. 1930, стр. 257.

² Особенно мало продукции давала военная промышленность в августе, сентябре, октябре. См. А. А. Маниковский, Указ. соч., стр. 129, 157, 187.

³ См. ЦГВИА, ф. 415/с, оп. 2, д. 145, л. 3.

но их размеры в возрастающей степени отставали от потребностей и не потому, что Антанта возлагала серьезные надежды на собственные ресурсы и возможности России. Наоборот, Антанта не желала содействовать росту национального военного производства России. На петроградской конференции союзников делегаты Англии и Франции добивались прекращения поставок русскому союзнику машин, станков, промышленного сырья и при распределении тоннажа на 1917 г. союзники не выделили ни одного парохода для перевозки заводского оборудования в Россию, было остановлено даже исполнение большинства заказов на заводское оборудование, сделанных до 1917 г. ¹

Усилия союзников в деле обеспечения русского фронта всем необходимым были невелики по причинам политическим. Западные правительства считали, что русский солдат должен хорошо защищать антантовские интересы даже без достаточного количества оружия, а огромные потери русских войск будут иметь своим результатом также и физическое уничтожение «революционеров». Общая сумма военных заказов, сделанных царским правительством и еще не исполненных к апрелю 1917 г., составила 2 682 619 095 руб., обеспеченных валютой, и 65 187 126 руб., еще не обеспеченных. Временное правительство рассчитывало сделать новые заказы на сумму 5 086 673 388 руб. Для перевозки *всех* заказов, старых и новых, требовался тоннаж в размере почти 9,5 млн. *т* ² (решением петроградской конференции России на 1917 г. предоставлялось только 3,4 млн.).

Значительное количество вооружения было заказано во Франции.

Лишь за первую половину года оттуда, по условиям подписанных договоров, должно было поступить 500 автомобилей, 25 радиостанций, 777 612 3-дюймовых гранат, 143 206 308 патронов к винтовкам Гра, пушки, снаряды, самолеты и другое военное имущество ³.

По русским военным заказам во Франции, сделанным до Февральской революции, Временному правительству предстояло уплатить еще 183 937 тыс. руб. ⁴, кроме этого

¹ См. «Исторический архив» № 3, 1955 г., стр. 154. Публикация А. Е. Иоффе, Военные поставки США, Англии и Франции России в 1917 году.

² См. «Исторический архив» № 3, 1955 г., стр. 156.

³ ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 3, д. 70, лл. 14, 26, 57 об.; д. 66, л. 114.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1403, ч. I, лл. 186—187.

оплачивать собственные заказы: за 1917 г. во Франции было помещено новых заказов на сумму 710 млн. франков¹.

Как же практически осуществлялись французские военные поставки в Россию, потребовавшие столь значительных средств от заказчика, поставки, на которые, как и на английские и американские, возлагались столь большие надежды министрами Временного правительства и генералами старой армии?

Во Франции были помещены значительные заказы на самолеты и авиационные моторы. На петроградской конференции союзников было решено, что до 1 июня 1917 г. Франция доставит в Россию 906 аэропланов. Авиационных моторов в течение всего 1917 г. царское правительство рассчитывало получить от французов 1662 (из числа 2434, которые ожидались в этом году из-за границы)². Как царское, так и Временное правительство придавали очень большое значение получению этих заказов. Ставка требовала от Игнатьева «возможно скорее доставить в Россию из Франции авиационные средства», грузить их в первую очередь³. И тем не менее выполнение заказа и отправка самолетов и моторов в Россию шли плохо.

23 мая 1917 г. Управление военно-воздушного флота докладывало военному министру: «Положение дела снабжения авиационным имуществом из-за границы неудовлетворительное с самого начала войны, за последние месяцы приняло характер полной приостановки». К этому сроку от союзников было получено 2,5% заказанных самолетов и около 4% моторов⁴. Из Франции в январе 1917 г. было отправлено в Россию 45 аэропланов, в феврале — 31, в марте и апреле — ни одного. В мае отправка возобновилась, но был послан лишь 21 самолет. Моторов за время с января по 23 мая было послано всего 235⁵. Через Игнатьева Альбера Тома просили учесть «катастрофическое положение» с этими поставками и улучшить дело⁶. В это же время французское управление военно-воздушных сил предлагало прекратить исполнение русских военных заказов на 1917 г.,

¹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6239, л. 5.

² ЦГВИА, ф. 418/с, оп. 1, д. 59, лл. 50—51; ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 120, л. 83 об.

³ ЦГВИА, ф. 418/с, оп. 1, д. 8, л. 25.

⁴ ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 8, д. 66, лл. 67, 69.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 609, л. 304; АВГР, ф. Экономический департамент, I делопроизводство, 1917 г., д. 146, лл. 3—4.

⁶ ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 8, д. 66, л. 69.

ссылаясь на невозможность якобы вывезти авиационное имущество в Россию¹. Эгоистический, своекорыстный подход французских империалистов к выполнению русских военных заказов отражался не только на количественной, но и на качественной стороне.

Поставщики настаивали на праве отпускать самолеты и моторы по их выбору. Опасения работников Управления военно-воздушного флота, что Франция предложит «те моторы, которые ей самой не нужны», оправдывались; французские военные власти старались, например, чтобы в Россию из Франции и из США посылались 150-сильные моторы, в то время как у них уже употреблялись 235-сильные и противник летал на более чем 200-сильных аппаратах. Кроме того, русские авиационные заводы, в силу отсталости тогдашней России, пользовались большей частью в качестве образцов готовой продукцией французских предприятий; следовательно, в 1917 г. в самой России заводы могли бы выпускать только 150-сильные моторы². Это было важно и нужно французским монополиям, видевшим в союзниках также соперников и конкурентов.

В июле 1917 г. группа русских инженеров обратилась в Государственный совет с предложением использовать их опыт и знания для конструирования и массового производства в России собственных авиационных двигателей, резонно ссылаясь на то, что бездеятельность в этом вопросе «открывает двери иностранной промышленности» и «наводнение России авиационными двигателями во время войны влечет за собой пассивность нашей военной индустрии и тем самым отодвигает производство предметов первой необходимости в мирный период»: ведь оборудование авиационных заводов легко может быть переключено на изготовление с.-х. машин, автомобилей, тракторов³.

Однако русские буржуазные деятели не сделали ничего для реализации предложений инженеров-новаторов, а 31

¹ ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 8, д. 66, л. 70. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. II, М. 1957, стр. 489. Содержащиеся в цитируемом документе данные об отправке из Франции в Россию в мае 68 самолетов не подтверждаются другими источниками. Следует отметить, что в июне и июле отправка самолетов из Франции в Россию была более энергичной, что, видимо, было связано с наступлением на русском фронте. См. ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 609, л. 304. С августа опять наступило «затишье».

² ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 8, д. 66, лл. 51, 71; оп. 1, д. 187, л. 112.

³ ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 1, д. 187, л. 112.

июля 1917 г. на заседании междуведомственного комитета пограничному снабжению обсуждался в положительном смысле вопрос «об обратной уступке французскому правительству устарелых летательных аппаратов...»¹

Пулеметы системы Виккерса для самолетов-истребителей, заказ на которые был оформлен и оплачен царским и Временным правительствами, не поступали своевременно и в достаточном количестве; вместо них приходилось брать часть пулеметов Люиса, малопригодных для истребительной авиации².

Неудовлетворительно и в количественном и качественном отношении шло выполнение и других военных заказов, сделанных во Франции. Шнейдер, поставивший в Россию значительные партии вооружения, «забыл» доставить 50 тыс. прижимных винтиков к 3-дюймовым патронам; пришлось изготавливать винтики в самой России³.

Немало отправлялось и бракованного товара. Даже Керенский был вынужден писать с фронта Терещенко: «Укажите соответствующим послам, что тяжелая артиллерия, присланная их правительствами, состоит, видимо, в значительной части из брака, так как 35 % не выдерживает двухдневной умеренной стрельбы»⁴.

Из числа все же выполнявшихся французскими предприятими русских заказов далеко не все поступало в Россию. При решении вопросов тоннажа Франция, Англия и США плохо считались с нуждами своего русского союзника и предоставляли минимальное количество пароходов — и это, при максимальных требованиях к русскому фронту.

Уже в мае 1917 г. в Бресте⁵ скопилось огромное количество военных материалов (100 тыс. *t*), «предназначенных для России» и остро необходимых русскому фронту: перевозить их было не на чем. Положение было признано критическим, об этом сообщал Игнатъев. В мае же английское адмиралтейство обещало предоставить суда общим водоизмещением в 75 тыс. *t* для отправки Временному правительству военного имущества из Франции, но фактически не

---

¹ «Исторический архив» № 3, 1955 г., стр. 174.

² Там же, стр. 158.

³ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 205, л. 8 об.

⁴ «Сборник секретных документов из архива б. министерства иностранных дел» № 3, Пг. 1917, стр. 113.

⁵ Французский порт, через который во время империалистической войны отправлялись грузы в Россию.

дало ничего, лишь предупредив «о крайнем сокращении тоннажа и на будущее время»¹. Вместо 11 пароходов, считавшихся представителями Временного правительства минимально необходимыми для отправки в мае, из-за невыполнения английскими морскими властями данного обещания было погружено только 5. При таком положении, докладывал Игнатъев, наличные и поступающие в счет контрактов грузы «не могут быть вывезены ранее (19) 19 года», а около 40% грузов, предназначенных к перевозке в 1917 г., останутся невывезенными². Военный министр Англии Мильнер, которому указанные факты были хорошо известны, по-прежнему рассматривал посылку военных материалов в Россию как дело второстепенное. Он не представлял достаточного количества пароходов для перевезки русских грузов из Англии, где их скопилось к июню на складе около 100 тыс. *т*, для отправки из Франции предлагал на июль и август всего по 3 парохода³.

Положение с теми материалами, которые удалось все же получить во Франции в счет оплаченных контрактов, оказывалось безвыходным. Брестский порт стал выполнять функции кладбища для артиллерийских орудий, винтовок, патронов, металла-сырья. По подсчетам Игнатъева, общая стоимость тех грузов, которые к июню 1917 г. уже пребывали в Бресте, и тех, которые в течение 1917 г. должны были туда попасть, составляла 1 млрд. 465 млн. франков, вес их — 280 тыс. *т* и объем — 500 тыс. *куб. м*. Оставление этого имущества на складах порта и невывоз его в навигацию 1917 г. грозили принести убытки в сумме 375 млн. франков из-за порчи, затрат на хранение и т. д.; некоторую часть артиллерийского имущества, сообщал Игнатъев, придется вообще уничтожить «ввиду опасности дальнейшего его хранения»⁴. Условия этого хранения русских военных грузов в Бресте были плохими; далеко не все из них находилось в крытых помещениях. Уже в начале июля командированная Игнатъевым комиссия пришла к выводу, что часть грузов испорчена⁵.

¹ «Исторический архив» № 3, 1955 г., стр. 159.

² Там же, стр. 160—161.

³ Там же, стр. 167.

⁴ Там же, стр. 161.

⁵ Там же, стр. 168. Комиссия, кстати, была послана после того, как жалобы на плохое состояние военных грузов были получены от группы русских солдат, находившихся в Бресте. См. ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 681, л. 63.

Вместо того чтобы доставлять оружие по назначению, где его нехватка приносила столь пагубные последствия, приходилось нередко уступать его обратно французскому правительству. Так было, например, с 150 тыс. снарядов для 90-миллиметровых пушек, которые ввиду невозможности их отправить были возвращены¹. Временное правительство в свою очередь плохо справлялось с перевозкой на фронты тех военных грузов, которые в конечном счете прибывали в Россию.

Архангельский порт был забит до отказа. Нередко приходилось держать вооружение под открытым небом, что вызывало порчу грузов².

В результате как плохого выполнения русских заказов, так и неудовлетворительной организации отправки их в Россию и передачи из портов на место назначения на русский фронт попадала небольшая часть обещанных Францией и оплаченных военных материалов. До 1 августа 1917 г. из 50 шт. 11-миллиметровых гаубиц, за которые было уплачено 17 050 тыс. франков, было получено только 10, из 400 42-линейных пушек (уплачено 27 600 тыс. франков) — 100, 58-миллиметровых траншейных мортир к этому времени прибыло 36 из 360, 240-миллиметровых траншейных мортир — 12 из 120. Пулеметов Кольта не было доставлено ни одного (заказано 200), а патронов к ружьям-пулеметам Шоша — 16 009 716 из 107 270 тыс. (заплачено было за эти патроны 33 143 700 франков)³.

Неудовлетворительное выполнение союзниками их обязательств по военным поставкам серьезно ухудшало положение русских войск, находившихся на фронте. Это признавали и военные деятели и министры Временного правительства. Маниковский (в письме от 18 июля) просил Терещенко сообщить Франции и Англии, что неполучение «...тяжелых орудий и боевых припасов ставит русскую армию в крайне тяжелое положение, так как в России наладить изготовление этих предметов ныне совершенно невозможно»⁴. Между тем реальные возможности для добросовестного выполнения большинства русских заказов были не только в США, в Англии, но и во Франции.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 609, л. 296.

² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 5393, л. 364.

³ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 136, лл. 24—25.

⁴ АВПр, ф. Экономический департамент, I делопроизводство, 1917 г., д. 146, л. 13.

Перевод промышленности на военное производство дал во Франции хороший результат, несмотря на временную оккупацию некоторых важных в промышленном отношении департаментов. В 1917 г. военное производство во Франции продолжало увеличиваться: за первые три квартала было выпущено 22 тыс. самолетов против 13,3 тыс. за это же время в 1916 г.; гаубиц и пушек за первую половину 1917 г. было произведено 860 против 245 в 1916 г., а за вторую половину соответственно — 2005 и 345 ¹. Авиационных моторов французские заводы в 1917 г. поставили 23 тыс., русские же — 650 штук ².

3 июня 1917 г. Занкевич на основании личных наблюдений докладывал начальнику штаба верховного главнокомандующего: «...Состояние материальной части французской армии блестящее. Программа вооружения, утвержденная Парламентом зимой 1916 года, в настоящее время заканчивается...» Французские войска обладали мощной артиллерией, превосходившей артиллерию противника по качеству и количеству, и запасом снарядов, позволивших вести новые крупные наступательные операции ³.

Мощность военной промышленности Англии и Франции (не говоря уже о США) была намного выше отсталого русского производства того времени. В конце 1916 г. на 1 тыс. солдат в России изготовлялось 7 тяжелых снарядов, во Франции — 38, в Англии — 83. Мелких снарядов соответственно — 45, 137 и 170 ⁴. Не удивительно после всего сказанного, что части западного фронта были вооружены значительно лучше, чем русского. В конце 1916 г. на 1 км русского фронта приходилось: 1,1 тяжелых орудий, 3 легких орудия, 6 пулеметов; западного соответственно — 9,8, 14,1 и 26 ⁵. В апреле 1917 г. на всем русском фронте находилось 1129 тяжелых пушек, на французском — 3664; ружей-пулеметов соответственно — 10 300 и 91 796 ⁶.

Невелики были и кредиты, отпускавшиеся союзниками России для оплаты военных заказов. Франция и Англия не

---

¹ См. *Ребуль*, Указ. соч., стр. 32, 61; в цифру самолетов включены как новые, так и выпущенные из ремонта.

² *П. И. Ляценок*, История народного хозяйства СССР, т. II, изд. 4, М. 1956, стр. 621.

³ ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 148, л. 13.

⁴ *А. А. Маниковский*, Указ. соч., т. II, стр. 253—254.

⁵ Там же, стр. 265.

⁶ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 519, л. 15.

предоставили России ни одного нового займа в период пребывания у власти Временного правительства, хотя платежи предстояли крупные; только по старым займам и незаконченным оформлением заказам царского правительства Россия должна была уплатить Франции 461 637 тыс. руб.¹ Новые заказы, сделанные после свержения царизма, значительно увеличили финансовые обязательства России. Во время петроградских переговоров с Альбером Тома выяснилось, что для покрытия дефицита французских кредитов, принятых на учет Главным Управлением по заграничному снабжению, требуется 1715 млн. франков². Главный кредитор государств блока Антанты — США предназначали Временному правительству лишь 0,1 часть кредита, выделенного союзниками, хотя на долю США приходилось в 1917 г. 38% всех русских заказов, размещенных за границей. «Не слишком ли это мало, принимая во внимание лучшее снабжение союзников и лучшее состояние их промышленности», — резонно заметил председатель англо-русского комитета Э. Гермониус³.

Сокращение военных поставок и отказ от предоставления новых кредитов французское правительство склонно было объяснять причинами материально-техническими, прежде всего отсутствием тоннажа. Но наибольшую важность имели факторы политические.

Еще 1 мая 1917 г. на совещании командующих фронтами в Ставке упомянуто было о «сокращении до минимума» союзниками поставок, а на очередном совещании той же Ставки 16 июля Терещенко сообщил, что «союзники не выполнили еще 15% заказа». На предложение попросить поставщиков, «чтобы они дали, сколько могут», министр иностранных дел Временного правительства откровенно заявил, что «отпуск материальной части союзники связывают с работой фронта»⁴. Эту связь военных поставок с внутренним положением России признавали иногда и сами союзники. Английский военный атташе в России Нокс, по его собственным словам, «энергично советовал» правительствам Антанты заявить Временному правитель-

---

¹ См. стр. 263.

² По подсчетам А. Игнатьева, дефицит определялся в 1942 млн. франков. АВПР, ф. Экономический департамент, 1917 г., д. 146, лл. 31—32.

³ «Исторический архив» № 3, 1955 г., стр. 173.

⁴ А. М. Зайончковский, Кампания 1917 г., стр. 134, 183.

ству, что «до восстановления дисциплины на фронте и в тылу новых снарядов прислано не будет»¹.

Развитие революционных событий в России вызвало новые опасения — как бы посылаемое оружие не попало в руки революционного народа. Об этом 17(4) июля достаточно прямо сказал лорд Мильнер в Лондоне. Он заявил, что английское правительство «не считало возможным посылать военные грузы в Россию в то время, как не было достаточной уверенности в том, что они достигнут своего конечного назначения и не будут своевременно использованы на фронте, ввиду общей неорганизации, вполне понятной, после революции»². Внутреннее положение в России союзники использовали как повод для того, чтобы постепенно сокращать военные поставки.

Надежды, возлагавшиеся на русский фронт, падали. Опасения французского империализма за судьбу русской буржуазии в связи с развитием революции росли. Вступление в войну США и провал наступления на русском фронте были для Антанты важными рубежами на этом пути падения удельного веса России в войне. В то же время американские военные силы поступали в Европу медленно, а необходимость поддержать контрреволюцию в России для борьбы против русской революции, усилить позицию русской буржуазии в борьбе против большевистской партии, революционного народа казалась Антанте с каждым месяцем все более необходимой. Не ставя перед русским фронтом генеральных задач разгрома крупных сил противника, его все же нужно было поддержать. Поэтому вооружение шло, но в пределах не более 15% (согласно данным Терещенко) от намеченного торжественно подписанными соглашениями. В своих попытках как увеличить собственное военное производство, так и добиться выполнения союзниками их обязательств (в количественном и качественном отношении) по поставкам в Россию военных материалов русская буржуазия обнаружила полную беспомощность и потерпела неудачу.

Несмотря на плохое снабжение армии, военные расходы росли. В 1917 г. (за январь — август) суточный расход денег на военные нужды (прямые военные расходы) состав-

---

¹ Кнох, With the Russian army, 1914—1917, vol. II, London 1921, p. 611.

² «Исторический архив» № 3, 1955 г., стр. 168.

лял в среднем 58,4 млн. руб. против 41,7 млн. руб. в 1916 г. и 25,7 млн. руб. в 1915 г. Лишь часть дополнительно вкладывавшихся в военные расходы сумм шла за счет инфляции¹. И, несмотря на нежелание солдат воевать, на способность успешно вести войну со стороны командования и правительства, русская буржуазия все же погнала армию в атаки, обреченные на неудачи. Погнала, выполняя настоячивые требования Антанты. В течение мая и особенно июня продолжался непрерывный нажим, союзники настаивали перед Временным правительством на начале активных действий на фронте. Они не останавливались перед угрозами предоставить Японии свободу рук в Сибири, если Россия не начнет наступления, и отдать японцам всю Манчжурию и Уссурийский край, если они пошлют миллион солдат в Европу². Для давления на Россию были использованы также «социалистические» делегации Франции, Англии, Бельгии, члены которых пропагандировали наступление в своих речах перед русскими солдатами.

Большие надежды связывали в парижских и лондонских кругах с назначением Брусилова вместо Алексея верховным главнокомандующим армией. Из Парижа корреспонденты сообщали, что империалисты восприняли перемену командующего «с живейшим восторгом». Возлагали тщетные надежды на то, что новый человек сможет повести более энергичную военную политику. Сам Брусилов после вступления в должность поспешил заверить французское правительство в том, что Россия верна тайным договорам и русские армии выполнят «свой долг перед союзниками»³. 15 июня Пенлеве в палате депутатов публично (его речь публиковала печать всех союзных стран) обвинил русские армии в пассивности, заявив, повторяя еще раз распространявшуюся французскими правящими кругами клеветническую версию, будто «в настоящее время русский фронт служит для германских армий лишь местом для расположения резервов». Требования к России никак не находились в соответствии с помощью ей. И вместе с тем фран-

---

¹ См. Г. Дементьев, Указ. соч., стр. 32.

² См. Н. Л. Рубинштейн, Внешняя политика Временного правительства, М. 1946, стр. 32.

³ ЦГВИА, ф. 366/с, оп. 1, д. 99, л. 5.

цузское правительство и военное командование оказывали непрерывное давление на «русских союзников», требуя наступления. Именно это наступление, утверждали французские руководители, является главным средством изменить «в ближайшем будущем» обстановку в пользу союзников¹. Союзники рассчитывали на то, что удар по противнику на юго-западном фронте ускорит выход из войны Австрии, слабого звена в блоке центральных держав. Об этом Фош через Занкевича сообщал Брусилову². И этот важный успех Антанта рассчитывала завоевать ценой русской крови.

Первый секретарь французского посольства в Петрограде Шамбрен писал, что Временное правительство решило предпринять наступление, «следуя советам («*sur les conseils*») Альбера Тома»³, а Деникин сообщил в мемуарах, что «вопрос о русском наступлении чрезвычайно волновал союзное командование. Военные представители Англии (генерал Бартер) и Франции (генерал Жанен) часто бывали у Верховного Главнокомандующего и у меня, интересуясь положением вопроса».

Донесения Жанена в Париж заполнены сообщениями о его нажиме на русских генералов по вопросу о скорейшем наступлении на русском фронте⁴. Французский военноморской атташе Галло вместе со своим английским коллегой часто посещал суда Балтийского флота и вел среди матросов агитацию за продолжение войны. Керенский, как морской министр, отмечал «большую энергию» обоих атташе, которые, по его словам, «ездив многократно на флот и посещая суда и митинги... выступали с горячими речами и, несомненно, способствовали успокоению умов и установлению правильного взгляда на союзников». Керенский пред-

---

¹ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 13, л. 1 об.

² ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 12, л. 104.

³ *Charles de Chambrun, Lettres à Marie, Petersbourg-Petrograd 1914—1918, Paris 1941, p. 117.*

Признания содержатся и в некоторых книгах западных историков. Июльское наступление, сообщает, например, американец Вильямс, было предпринято «в результате длительного упорного давления со стороны Лондона, Парижа и Вашингтона». *W. A. Williams, American-Russian Relations, 1781—1947, N.-Y. — Toronto 1952, p. 93.*

⁴ «*Les armées françaises dans la grande guerre*», tome V, 2-e volume, annexes, 1-er volume, Paris, 1931, pp. 124—125, 136 et autr.

лагал наградить этих ревностных защитников интересов западного империализма орденами ¹.

Для пропаганды в пользу наступления использовались также французские офицеры, находившиеся в России. Одна их группа посетила в мае 1917 г. войска западного и юго-западного фронтов (для «разъяснения необходимости ведения войны и наступательных операций», как характеризовала это турне Ставка) ².

Другие (имея в своем составе, кроме французских представителей, еще японского полковника) вели активную агитацию за наступление среди солдат северного фронта ³. На этом фронте было широко распространено воззвание А. Тома, также призывавшее к наступлению. Жанен и Алексеев вели переговоры о посылке в русские войска с теми же целями группы французских полковников ⁴.

Выступления французских офицеров в отдельных частях русских войск с агитацией в пользу наступления были приняты с неприязнью и только озлобили солдат.

Когда из Франции в Россию была отправлена группа волонтеров для принятия их в русскую армию, то французские военные власти намеревались и это обстоятельство использовать в корыстных интересах. Цели пребывания этих волонтеров в русских войсках в Париже сформулировали таким образом: 1) борьба с идеей сепаратного мира, 2) пропаганда ведения войны до победного конца над прусским милитаризмом ⁵.

Среди волонтеров, находившихся во Франции и ждавших отправки в Россию, была создана пропагандистская коллегия. Более 20 отобранных для ведения подобной пропагандистской работы лиц было летом 1917 г. отправлено для использования в русской армии ⁶.

Наступление русских войск Антанте было необходимо

---

¹ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, д. 135, л. 114.

² ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1235, лл. 58, 68. На западном фронте в распоряжение этой группы был предоставлен специальный вагон.

³ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1181, лл. 282 об.— 283.

Объезд этого фронта ради призывов к солдатам идти в наступление совершили в мае 1917 г. делегации французских и английских социалистов. Делегаты проехали также по частям западного фронта. См. стр. 117.

⁴ «Les armées françaises dans la grande guerre», tome V, 2-e volume, annexes 1-er volume, p. 124.

⁵ ЦГАОР, ф. 6224, оп. 1, д. 15, л. 1.

⁶ См «Новая жизнь», 21 сентября 1917 г. «Пропагандисты» прибыли в Россию только в августе 1917 г.

в силу ряда внутренних и внешних причин, не только военных, но и политических, хотя после неудачного исхода наступления на западе и нельзя было ожидать от этих боев разгрома противника.

Империалисты все еще надеялись парализовать воздействие антивоенной пропаганды в России на французские войска, революционизирующее влияние Февральской революции на рабочий класс Парижа, Лиона, Бордо, да и многих других городов организацией русского наступления на фронте, призванного убедить народы, что революция в России ничего принципиально нового не внесла, страна продолжает активно воевать на стороне Антанты. Требование наступления было одновременно продолжением похода западных империалистов против русской революции, того похода, который начался вместе с началом революции и, принимая различные формы, не прекращался весь период развития России от Февраля к Октябрю. «Заигрывание с свергнутым Николаем, травля Советов, аресты русских интернационалистов», извращение действительного положения вещей в России были первыми действиями Антанты против революции.

Летом 1917 г. «этот поход перешел в прямой штурм революции, выразившийся в открытом блоке между союзными банкирами и контрреволюционными силами в России, финансировании их английским капиталом, прямом вмешательстве «союзных» властей во внутренние дела России, наконец, в требовании перехода в наступление, несмотря на абсолютную неподготовленность к нему русской армии»¹.

Выполняя требования Антанты, русская буржуазия связывала с наступлением на фронте и свои империалистические цели. Отказ от активных операций мог грозить в будущем, — казалось, недалеко — полной потерей возможности осуществить захватническую программу в Европе и на Ближнем Востоке. Посылкой солдат в наступление надеялись восстановить дисциплину в армии, парализовать влияние выборных солдатских организаций, придушить развитие антивоенных и антиправительственных настроений. Наступление рассматривалось буржуазией как наилучшее средство покончить с революцией. В вопросе

---

¹ См. Резолюцию VI съезда партии о текущем моменте и войне, «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, стр. 372—373.

о наступлении на фронте, как в фокусе, сконцентрировались решающие проблемы дальнейшего развития страны. «Перед Россией стояло два пути:

либо прекращается война, разрываются все финансовые связи с империализмом, революция движется дальше, расшатываются основы буржуазного мира, и начинается эра рабочей революции;

либо другой путь, путь продолжения войны, продолжения наступления на фронте, подчинения всем приказам союзного капитала и кадетов, — и тогда полная зависимость от союзного капитала... и торжество контрреволюции.

Третьего не дано»¹.

О двух возможных путях развития России: продолжения союза с англо-французским капиталом или захвата всей полноты власти революционной демократией еще до VI съезда партии писал на страницах «Солдатской правды» М. И. Калинин. «Нет других дорог, все средние дороги самообман»², — подчеркивал автор.

Передовой отряд трудящихся города и деревни — партия большевиков исходила в своем отношении к наступлению на фронте из ленинского стратегического плана перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, из борьбы за победу диктатуры пролетариата. На вооружении у партии имелась гениальная ленинская теория о возможности победы социализма в одной стране, открывшая величественную революционную перспективу перед рабочим классом и трудовым крестьянством.

Большевики боролись за победу первого пути. Русская буржуазия в силу своей классовой природы шла по второму.

Большевистская партия разоблачила контрреволюционные замыслы буржуазии.

Ленин в речи об отношении к Временному правительству 17(4) июня 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов Р. и С. Д. подчеркнул, что «наступление теперь есть продолжение империалистической бойни...»³ Партийные организации давали правильную оценку деятельности международного империализма. В резолюции, принятой Московским комитетом большевиков на заседании 20 июня 1917 г.,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 175—176.

² «Солдатская правда» № 53, 8 июля (25 июня) 1917 г.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 14.

подчеркивалось, что «наступление предпринято, чтобы заставить армию и революцию служить англо-французско-американской и русской буржуазии под лживым флагом защиты свободы»¹.

В результате преступной авантюры русских империалистов подлинный характер политики буржуазии и соглашателей выявился с еще большей ясностью.

Зная действительное положение в армии, большевики предсказывали неизбежность провала наступления.

1 июля (18 июня) после двухдневной артиллерийской подготовки 7 и 11-я армии юго-западного фронта двинулись в атаку. В первый день боев войска одержали небольшие тактические успехи (на фронте в 70 км), овладев окопами первой линии и заняв несколько находившихся на линии фронта деревень. Во второй день продвижение было едва заметным, на третий день остановилось вовсе. Командование обнаружило полную неспособность развить первоначальный успех, противник подбросил резервы быстрее, чем наступавшие. Далее — один из главных виновников преступной затеи с наступлением на фронте, хвастунишка Керенский, в шифрованной телеграмме правительству, отправленной 9 июля (26 июня), вынужден был признать, что «начатая операция развивается значительно менее успешно, чем можно было надеяться по силе артиллерийской подготовки и количеству сосредоточенных войск». Керенский признал и другое: в армии не было энтузиазма, не было желаний сражаться за чуждые солдатам империалистические интересы Антанты. «Вместо того, чтобы развивать первый успех,— сообщалось в цитированной телеграмме,— части, участвовавшие в боях, стали составлять резолюции с требованием немедленного увода в тыл, на отдых...»² Министр-эсер, конечно, настаивал на усилении репрессий. С ним полностью соглашался и Брусиллов, предлагавший рассматривать пропаганду большевиков как «государственную измену», а антивоенные выступления в войсках квалифицировать как «военный бунт или как подстрекательство к таковому»³.

Начатая 8-й армией вспомогательная атака развивалась более успешно, 13 июля был занят Калуш, чем и за-

---

¹ «Правда» № 89, 23 (10) июня 1917 г.

² ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, д. 135, л. 103.

³ Там же, л. 104.

кончились успехи этой армии, не поддержанной другими частями. В первые дни наступления правительственные круги Петрограда и Парижа ликовали. Едва только прибыв в Петроград, новый французский посол Нуланс выражал на пресс-конференции восторженные чувства в связи с тем, что русские армии двинулись, наконец, в бой ради защиты интересов империалистов. Восхищения «блестящим успехом» заполнили парижскую печать. «Journal du Debats» предлагал 1 июля считать отныне исторической датой, а «Temps» писала 4 июля: «Германцам приходится отступать перед русской армией, которую они считали окончательно обессиленной. Русская армия не умерла и доблестно сражается, не заботясь о потерях». Пенлеве послал приветственную телеграмму Керенскому («французская армия с восторгом приветствовала известие о блестящих успехах, достигнутых ее доблестными союзниками») ¹, а на заседании палаты депутатов внеочередным вопросом было поставлено принятие приветствия в адрес Временного правительства «в связи с наступлением на русском фронте» ². На парижской бирже немедленно на 10—12 франков поднялся курс русских промышленных бумаг. Не меньшее удовлетворение выражали и английские и американские империалисты. Английская пресса, доносил Набоков из Лондона о реакции ее на наступление, «приветствует этот подвиг и присваивает ему первостепенное значение» ³. «Вся американская печать восторженно приветствует начало русского наступления», — отмечала кадетская «Речь» ⁴. Но восторги быстро замолкли. Из Петрограда еще с 19 июля военные репортажи начали приходить все менее вразумительные, а уже через 10 дней скрыть провал наступления на русском фронте стало невозможно. 19 июля немецкие войска перешли в контрнаступление против 7 и 11-й армий. Начался отход войск на восток. Вскоре откатилась и 8-я армия. Вся отвоеванная в первые дни наступления территория была оставлена. Не помогло введение смертной казни и военно-полевых судов на фронте. И морально-политический и материальный факторы сыграли свою роль: усталые от империалистической войны

¹ «Temps», 5 июля 1917 г. См. также «Речь» № 147, 8 июля (25 июня) 1917 г.

² Текст приветствия см. ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 135, л. 150.

³ АВПР, ф. Канцелярия МИД, «Война», 1917, д. 198, л. 125.

⁴ «Речь» № 144, 5 июля (22 июня) 1917 г. См. также «New York Times», 20 июня 1917 г.

солдаты, не сочувствовавшие целям наступления, жаждавшие мира, к тому же и не имевшие достаточного количества оружия, не могли принести победу Временному правительству.

Только за первые 10 дней боев армии юго-западного фронта потеряли более 60 тыс. чел. 4 июля, после того как немцы прорвали фронт, Временное правительство в воззвании к гражданам, требуя войны до победы, делало туманные обещания о пересмотре целей войны в духе отказа от аннексий и контрибуций, сообщая, что оно «имеет в виду предложить союзникам собраться на союзную конференцию в течение августа для определения общего направления внешней политики союзников и согласования их действий для проведения принципов, провозглашенных русской революцией». В конференции этой Россия будет представлена наряду с лицами дипломатического ведомства также представителями русской демократии»¹. Но «союзники» нисколько не помышляли о конференции с Россией. Наоборот, ни на заседавший в Париже в первой половине мая межсоюзный парламент (по 25 представителей от Франции, Англии и Италии), ни на лондонскую межсоюзническую конференцию, состоявшуюся в первых числах июля, они даже не собирались приглашать русскую делегацию. Набоков, поверенный в делах в Лондоне, случайно узнал о конференции в Лондоне из телефонного разговора с одним из секретарей Бальфура за полчаса до открытия. Через 10 минут после этого ему предложили прибыть на Даунинг-стрит. Он не успел даже переодеться, а в зале заседаний, не имея своего места, занял случайно свободное кресло среди членов французской делегации.

На этой конференции не обсуждался вопрос о помощи России, вместо этого в начале заседания говорили о необходимости «обратиться от имени союзников к русскому правительству с решительным протестом против усиливающихся в России анархии и разложения». Такой текст зачитал Ллойд Джордж, сославшись на советы Бьюкенена и Нокса. Грубость выражений покорила даже Тома. После усиленных просьб Набокова, поддержанных Тома, выражения были смягчены, смысл остался. Больше «русский вопрос» не обсуждался. В это время брошенные в бой по воле Антанты русские армии отступали, неся большие потери.

---

¹ «Вестник Временного правительства», 9 июля 1917 г

Кроме «приветственных» телеграмм и многочисленных статей военных обозревателей в парижских, а также английских и американских газетах, союзники никак не откликнулись на военные события в России. Никакой серьезной практической помощи русским войскам они не оказали.

Однако наступление на русском фронте оказало несомненную прямую помощь западному фронту (началась переброска войск с французского фронта на русский) и еще большую косвенную помощь, ибо активность немецкого командования была переключена на русский фронт. Несмотря на это, французское командование не предприняло абсолютно никаких операций, которые были бы согласованы с русским командованием и оказали бы прямую или косвенную помощь русскому наступлению. Между тем эта помощь могла быть оказана. Больше того, переписка Петрограда и Могилева с Парижем, обнаруженная в архивах Занкевича и Игнатьева, свидетельствует о том, что эта помощь была обещана.

К июню 1917 г. соотношение сил на Западе, как и в предыдущие месяцы, было благоприятно для союзников. На французском фронте, по данным, полученным Занкевичем, против 107 французских дивизий находилось 98 немецких, а на английском участке на 63 британские приходилось 46 немецких (из них 15 стояло в резерве) ¹.

Брусилов обратился к Фошу с просьбой, используя благоприятные факторы, поддержать русское наступление «соответствующим давлением на французском фронте». Одновременно с генералами действовали министры: Терещенко писал французскому и английскому правительствам. Он просил союзников «самым настоятельным образом» вмешаться в развитие событий и «оказать энергичную поддержку нашему наступлению» ². Ответ французской стороны был положительным. Уже в середине июня Фош сообщил Временному правительству, что «в ближайшее же время» решено «начать наступательные операции в больших размерах на английском и частично французском фронтах» ³. Про-

---

¹ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 56, л. 15.

² ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 89, л. 298; ф. 416/с, оп. 1, д. 13, л. 39.

³ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 12, л. 105. Во время встречи с итальянским генералом Кадорна 25 июня 1917 г. Фош подтвердил обещание Франции энергично помочь русскому наступлению на фронте. См. «Les armées françaises dans la grande guerre», tome V, 2-e volume, Paris 1936, p. 305.

шел месяц, для реализации данного обещания ничего принято не было, хотя Фош, отвечая на просьбы Брусилова, писал о том, что большое наступление на англо-бельгийском фронте должно начаться в начале июля, а «крупные наступательные операции в районе второй французской армии у Вердена — в середине июля»¹.

18 июля Занкевич телеграфировал, что Фош вновь заверил его в том, что «наступление под Верденом начнется в ближайшем же будущем», хотя и без «определенного указания даты»².

Обстановка на западном фронте благодаря наступлению русских войск улучшилась. Немецкое командование стало усиливать свой восточный фронт за счет некоторого ослабления англо-французского. За летнее время с Запада на Восток были переброшены 9 дивизий³. И французское командование не отрицало фактов такой переброски⁴, но не хотело использовать это обстоятельство для оказания реальной ответной помощи русскому союзнику.

19 (6) июля начальник штаба верховного главнокомандующего Лукомский, телеграфируя в Париж, просил Фоша «наиболее энергичные действия развить между 15 и 20 июля старого стиля»⁵. На следующий день Лукомский через Занкевича вновь просил союзников во исполнение их обещания и ради «одновременности наступательных действий союзников на всех фронтах» провести операции на Западе в намеченные сроки⁶. И эти обращения не дали никаких практических результатов. Не было не только «наиболее энергичных действий», но и вообще сколько-нибудь заметного оживления: на Западе было без перемен⁷.

¹ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 12, л. 112. Не только военные, но и политические руководители Франции уверяли, что «все меры, необходимые при данных обстоятельствах в поддержку русского наступления, будут приняты». АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 71, т. 1, 1917, л. 524.

² Там же, л. 149.

³ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 56, л. 38. Все железные дороги Германии и Австрии, сообщали агенты Ставки за границей, «загромождены перевозкой войск и тяжелой артиллерии на русский фронт... Три австрийские и шесть немецких дивизий были переброшены с Запада в Галицию с значительным количеством вооружения». Там же, д. 57, л. 262.

⁴ Петен писал об этом Занкевичу. Там же, д. 56, л. 31.

⁵ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 13, л. 40 об.

⁶ Там же, л. 41 об.; «Les armées françaises dans la grande guerre», tome V, 2-e volume, annexes, 1-er volume, p. 929.

⁷ Военные операции, имевшие место на западном фронте в июне и июле 1917 г., носили локальный характер, не отвлекали на себя серьезного внимания противника и не изменили положения сторон.

На Востоке же события разворачивались стремительно и, как и предвидели большевики, неблагоприятно для Временного правительства. В Париж шли уже не просьбы, а мольбы. Лукомский 16 июля, сообщая о немецком прорыве на юго-западном фронте, который «...угрожает захватом наших хлебных губерний и выходом в тыл армиям румынского фронта», передавал «настоятельную просьбу» верховного главнокомандования о том, чтобы «решительное наступление союзников на англо-французском фронте не было отложено, а начато теперь же и велось бы с полной интенсивностью, дабы не дать немцам возможности перебрасывать войска с французского фронта для развития своего успеха на наш фронт»¹.

Французское командование ничего определенного не ответило. Фош продолжал уклоняться от назначения даты начала активных операций на Западе. Занкевич пытался воздействовать на парламентские круги Франции («в целях разъяснения им исключительной важности ускорения сроков наступления под Верденом и понуждения их к давлению на генерала Фоша»)². Очевидно, члены парламента помнили, как реагировала Россия на просьбы аналогичного характера со стороны союзников и в 1914, и в 1915, и, наконец, в 1916 гг. во время кровавой драмы, разыгравшейся у стен того же Вердена. Однако взаимность в выручке попавшего в беду союзника проявлена не была.

25 июля Занкевич был принят Петеном. В ответ на новую «настойчивую просьбу» об ускорении французского наступления французский командующий сообщил, что это наступление «разовьется в середине августа нового стиля», оговорившись при этом, что «дата этого наступления будет зависеть также от состояния погоды»³. Тяжелые потери русских войск на фронте никак не влияли на настроение и намерения Петена: он намеренно не предпринимал ничего серьезного в помощь союзнику, ожидал не только политической погоды, но и особо благоприятных климатических условий. Ничего не изменилось и в «середине августа нового стиля». 22 (9) августа Занкевич сообщал в Ставку, что «подготовка к Верденской операции продолжается», но «Главная квартира просит не настаивать на

---

¹ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 55, л. 3.

² ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 946, л. 66.

³ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 13, л. 16 об.

ускорении сроков»¹. О каких *новых* сроках могла идти речь, Занкевич не уточнял.

Все это дает право сделать вывод о том, что Антанта намеренно затягивала активизацию западного фронта и фактически не оказала реальной помощи русской армии по политическим, а отнюдь не военно-техническим причинам.

То, что это было именно так, иногда признавали, хотя и с большим запозданием, союзники. Ллойд Джордж, например, в своих мемуарах писал, что «история предъявит счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе»². И здесь Россия, выполняя свои обязательства перед Францией, много давала Антанте, не получая ничего взамен. Красноречивая история наступления на русском фронте и отношения французского империализма к этому наступлению являются убедительным свидетельством того, во что превратился русско-французский союз на последнем этапе участия России в империалистической войне. Увеличение жертв и обязанностей России сопровождалось уменьшением со стороны Антанты реальной помощи русской армии, понесшей в 1917 г. новые большие жертвы ради интересов империалистического лагеря. Русское буржуазное правительство, оставленное без необходимой поддержки в критические дни, 1 августа в обращении к союзным державам, став в позу виноватого, стало оправдывать неудачу наступления и, стараясь успокоить банкиров Парижа и Лондона, сообщало о «непреклонной решимости продолжать войну...»³ Вина за неудачи возлагалась, конечно, на большевиков, провал наступления объяснялся их «преступной пропагандой».

Политику наступления и клеветническую кампанию против большевиков поддерживала вся буржуазная и почти вся соглашательская печать. Особенно рьяно пропагандировали необходимость наступления на фронте «Русские ведомости», «День», «Русское слово» и, конечно, «Речь».

---

¹ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 56, л. 34.

² Д. Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. I—II, М. 1934, стр. 317

³ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 1, т. III, л. 104.

Меньшевистско-эсеровские в то время «Известия Петроградского Совета», заранее оправдывая еще не состоявшееся наступление, сославшись для вящего эффекта на «волю народа» (в массе своей, как известно, воевать как раз не желавшего), для обмана солдат пытались опереться на иллюзии добросовестного оборончества.

Объективным результатом неудачного для империалистического лагеря русского наступления на фронте явилось дальнейшее обострение классовых противоречий в стране.

Лагерь контрреволюции вел наступление на революцию не только на фронте, но и в тылу.

Преступная военная политика Временного правительства вызвала величайшее возмущение питерского пролетариата.

Большевики были против вооруженного восстания в данных условиях, ибо оно не было еще подготовлено ни в политическом, ни в военном отношении. А начинать восстание преждевременно значило помочь Временному правительству его разгромить. Поэтому большевистская партия добивалась *мирного* характера стихийно возникшей народной демонстрации.

17 (4) июля в Петрограде демонстрировали свое глубокое недовольство политикой русской империалистической буржуазии и ее «левого фланга» в лице социал-предателей сотни тысяч рабочих, солдат, матросов.

Народ требовал перехода государственной власти в руки Советов и осуществления активной мирной политики.

Однако Временное правительство и меньшевистско-эсеровские руководители Совета спешно собирали вооруженные силы контрреволюции. С фронта были вызваны в столицу верные правительству войска. В тот же день, 17 июля, мирная демонстрация была расстреляна. Было много убитых и раненых. Контрреволюционеры предприняли многочисленные попытки разоружить лагерь революции, разгромить его авангард — большевистскую партию. В городе шли аресты и обыски; была разгромлена редакция «Правды». Агенты международного империализма сфабриковали новую клеветническую фальшивку против вождя революции Ленина, которого они хотели арестовать и убить.

Июльские события показали, что тогдашние Советы превратились в простой придаток контрреволюционного Временного правительства, к которому перешла вся пол-

нога власти; с двоевластием было покончено. Неудачное наступление на фронте и июльские события в Петрограде оказались переломным моментом в ходе революции, тем переломом, который предсказывал Ленин еще на I Всероссийском съезде Советов¹. Попытка буржуазии и соглашателей выполнить волю Антанты и осуществить свои антинародные замыслы провалилась. Пролетариат в союзе с деревенской беднотой должен был взять власть в свои руки. Глубокий анализ сложившейся политической обстановки привел В. И. Ленина к выводу о необходимости изменить тактику, поставить в повестку дня вопрос о *вооруженном* восстании против Временного правительства. Вопросы дальнейшей деятельности партии в новых условиях должен был решить VI съезд, проходивший в отсутствие Ленина, но под его идейным руководством. К этому съезду большевики пришли с большими успехами. За три месяца партия выросла в три раза; если на Апрельской конференции было представлено 80 тыс. членов, то к VI съезду ряды партии насчитывали около 240 тыс. чел. Влияние большевиков на широкие массы в городе, в деревне, в армии быстро росло. За партией большевиков шли миллионы беспартийных, а ряды меньшевиков и эсеров ревели. Количество обманутых «социал-тюремщиками» людей быстро уменьшалось. Большевики накопили огромный опыт революционной борьбы.

На съезде, заседавшем нелегально с 8—16 августа (с 26 июля по 3 августа), были приняты важнейшие решения о дальнейшей политике партии.

Вооруженное восстание с целью свержения диктатуры империалистической буржуазии — вот что стало теперь очередным лозунгом большевиков. Мирный период революции кончился. Не по вине большевиков оказались исчерпанными возможности бескровной победы второго этапа революции. Изменение тактики партии было вызвано попытками контрреволюции перейти в вооруженное наступление на пролетариат. Лозунг «Вся власть Советам!» временно был снят, ибо тогдашние Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, как показали июльские события, перешли в лагерь контрреволюции. В повестку дня был поставлен и положительно решен вопрос о подготовке насильственного

---

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 11—12.

свержения империалистического Временного правительства.

Россия стала более слабым звеном в цепи империализма, еще более ненадежным «союзником» Антанты в ведении войны. Провал наступления на восточном фронте означал также падение последней преграды, удерживавшей союзников в их намерении пересмотреть свои обещания России и хотя бы в некоторой степени считаться с интересами русских империалистов в своей балканской политике.

Еще 19 мая, 22 мая, 6 июня Терещенко посылал в Париж и Лондон просьбы и ноты протеста против осуществлявшегося союзниками ослабления македонского фронта, с которого в течение мая были сняты одна английская пехотная дивизия и две кавалерийские бригады. Подчеркивая «крайнюю нежелательность по политическим и военным соображениям отвода войск из Македонии», Терещенко мотивировал свои просьбы готовящимся русским наступлением на юге. Об этом же, о «крайней необходимости сохранения на македонском фронте всех существующих там контингентов», сообщал Алексеев через Жанена французскому военному руководству¹.

В течение июня между союзниками шли дипломатические переговоры о созыве совещания для обсуждения вопросов македонского фронта и положения на Балканах. Временное правительство рассчитывало добиться соглашения о сохранении и даже усилении позиций блока Антанты в Македонии, ибо этот фронт прикрывал румынский и отчасти юго-западный; в случае значительного улучшения своих позиций в Македонии противник мог перебросить против русских и румынских войск новые значительные силы, а также разгромить Сербию («Это обстоятельство, — сообщал Терещенко в Париж Севастопуло, — отразилось бы самым плачевным образом на нашей балканской политике и создало бы для нас неисчислимы затруднения»²). Временное правительство настаивало на том, чтобы очередная союзная конференция ограничилась рассмотрением военных вопросов и не обсуждала проблем «общей политики» союзников на Балканах, ибо оно понимало, что в условиях

---

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1917 г., д. 71, т. 1, л. 423; ф. Ставка, д. 131, лл. 121, 123; *Pingaud*, op. cit., tome II, p. 332.

² ЦГВИА, ф. 415/с, оп. 2, д. 160, л. 14.

серьезно пошатнувшегося международного престижа этого правительства такое обсуждение ничего хорошего ему не сулит. «Принимая во внимание наше теперешнее положение на фронтах и внутри России,— инструктировал Терещенко Севастопуло в конце июня 1917 г.,— мы должны признать наиболее выгодным для нас по возможности сузить компетенцию намеченного совещания, ограничив ее преимущественно военно-стратегическими вопросами». В следующих телеграммах Терещенко опять настаивал на том, чтобы конференция ограничилась «установлением и согласованием плана военных действий текущего года» и воздержалась от принятия «каких-либо кардинальных политических решений». До окончательного выяснения обстановки на восточном фронте союзники ограничивались «принятием к сведению» мнения, высказывавшегося Петроградом ¹.

На самой военной конференции, происходившей в Париже в конце июля, представители Антанты вновь поставили вопрос о необходимости прямого вмешательства во внутренние дела России: они требовали оказать России «всю возможную помощь в борьбе против экстремистов» ².

Что касается решения волновавших русских империалистов военно-политических вопросов, то мнения и определения Терещенко игнорировались. Англия, настаивала на переброске своих войск из Македонии в Палестину со всеми вытекавшими отсюда для русских империалистов неприятными последствиями. Протесты их представителей привели лишь к тому, что совещание воздержалось от принятия окончательного решения, хотя формула резолюции давала западным странам фактическую свободу рук на Балканах, ибо в случае «экстренной надобности» разрешалось менять дислокацию войск между фронтами ³. Дальнейшие переговоры должны были быть продолжены «путем обмена мнений между французским и английским штабами», т. е. без всякого участия представителей Временного правитель-

¹ ЦГВИА, ф. 415/с, оп. 2, д. 160, л. 14; АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 652, лл. 67, 88.

² «Les armées françaises dans la grande guerre», tome V, 2-e volume, p. 306.

³ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1917 г., д. 3, т. II, л. 418. Следует отметить, что на этой союзной конференции в Париже Франция и Англия были представлены главами правительств, министрами, военными руководителями, от Временного правительства были только второстепенные лица — Севастопуло, Занкевич и Базили.

ства¹. Россию хотели отстранить от участия в решении балканских проблем. Таким образом, все заявления о том, что Антанта не будет принимать окончательных решений по территориальным вопросам без участия представителей Временного правительства, были превращены в пустую бумажку. В то же время на военный потенциал Италии надежды еще возлагались — разгрома под Капоретто пока не произошло. 18 августа итальянский посол в Лондоне Имперали посетил Бальфура, 21-го его коллега в Париже Сальваго-Раджи пришел в кабинет Рибо. Оба они передали меморандум аналогичного содержания: Италия считает Смирну своей территорией с учреждением на ней порто-франко для английской и французской торговли. Ей же будет принадлежать третья часть южного побережья Малоазиатского полуострова. Документ этот, удовлетворявший захватнические вождедения итальянского империализма, был передан в Париж и Лондон после того, как их положительная реакция на оформление сделки была уже известна в Риме. И текст последней, 9-й статьи меморандума, указывавшей, что документ «будет сообщен российскому правительству для того, чтобы оно могло высказать свою точку зрения», являлся отпиской, потерявшей всякое реальное значение. Тайный сговор за спиной Временного правительства был уже фактом. Поэтому не удивительно, что когда Карлотти по поручению Соннино должен был информировать Терещенко о меморандуме, то из Рима послу писали, что «для Италии выгоднее не получать никакого русского ответа, чем получить ответ неблагоприятный»². Так оно и получилось.

Формальное согласие Временного правительства на передачу Смирны Италии не было послано. Ни в сентябре, ни в октябре никого в Риме, Париже и Лондоне отсутствие положительного ответа Терещенко не беспокоило. Этому обстоятельству не придавали никакого значения. Правда, после Великого Октября об этом вдруг вспомнили. Англия и Франция спохватились, что 9-я статья не выполнена, и на этом основании объявили недействительным все соглашение с Италией. Это было уже после Капоретто. Итальян-

¹ ЦГВИА, ф. 415/с, оп. 2, д. 160, л. 49. МИД Временного правительства попыталось добиться права послать такого представителя (АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 614, л. 267), но неудачно.

² «Международная политика новейшего времени в договорах, нотях и декларациях», ч. II, М. 1926, стр. 85.

ский союзник не оправдал возложенных надежд. Подачку забрали обратно, а предлог для этого нашелся. Эпизод, весьма характерный для империалистической дипломатии.

Временное правительство в так называемом малоазиатском вопросе потерпело неудачу. Соглашение 1916 г. было пересмотрено в ущерб агрессивным планам русской буржуазии, а реализация оставшихся в прежнем виде статей в условиях прогрессирующего военного ослабления русского империализма была совершенно невозможна.

После провала наступления на фронте неспособность Временного правительства что-либо захватить собственными средствами только возросла. Русские империалисты оказывались не в состоянии удовлетворить свои захватнические вождедения. А Антанта все меньше собиралась давать им не только территории, но даже обещания на будущие приобретения.

* * *

Таким образом, инспирированное франко-англо-американским империализмом наступление на русском фронте привело к ослаблению русской контрреволюции и усилению влияния большевистской партии на массы, укреплению рядов политической армии революции. Две силы, еще более размежеванные, стояли друг против друга. Крах авантюры на фронте империалистической войны объективно ускорил провал стремлений международной буржуазии предотвратить выпадение России из цепи империализма. Русские империалисты при непосредственной помощи Антанты решили сделать новую отчаянную попытку победить революцию — на этот раз при помощи военной диктатуры. Самое это решение свидетельствовало о слабости, а не о силе империалистического лагеря.

Курс на подготовку вооруженного восстания, взятый большевистской партией после июльских дней, демонстрировал возросшую мощь лагеря революции, серьезное изменение в соотношении между борющимися сторонами в пользу большевистской партии.

Новое соотношение сил было убедительно продемонстрировано в те дни, когда империалисты попытались создать диктаторский режим в России.

ГЛАВА IV

ОТНОШЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ЗАГОВОРУ КОРНИЛОВА

Провал наступления на фронте, кровавые июльские события в Петрограде послужили переломным этапом в ходе революции. Дальнейшее мирное развитие ее стало невозможным. Временно восторжествовала контрреволюция. Двоевластия уже не было, оно сменилось единовластием буржуазии. Партия большевиков была вооружена историческими решениями VI съезда, нацелившего авангард революции на подготовку вооруженного восстания.

Несмотря на временную победу буржуазии после июльских дней, уверенность англо-франко-американских империалистов в способность Временного правительства вести далее войну и победить революцию быстро падала. События на восточном фронте были убедительным доказательством нежелания русской армии воевать за интересы империалистов Антанты. Правда, вслух об этом в буржуазных кругах Парижа почти не говорили. Парижские газеты приветствовали назначение верного прислужника империалистов Керенского министром-председателем, считая его способным повести «энергичную» политику. Однако казенный оптимизм не соответствовал действительным взглядам руководителей Антанты на сложившуюся в России обстановку. Неспособность буржуазии и их лакеев, лидеров меньшевиков и эсеров, править страной становилась все более очевидной для французского, английского и американского правительств. Рибо записал в своем дневнике 7 июля (еще до немецкого контрнаступления на русском фронте), что у русских положение очень тяжелое. «Новости из России,— писал

премьер, — в самом деле все более тревожны». Рибо боялся их оглашения. Он считал необходимым фальсифицировать действительное положение. «Я даю приказ уничтожать в телеграммах из России некоторые места, слишком резко составленные, и пропускать остальные», — читаем мы у руководителя французского правительства¹. Некоторая часть правды была известна в Париже. Хотя правильного освещения послеиюльской обстановки во Франции сделано не было, но развитие революционной и антивоенной борьбы в России внушало западным империалистам серьезную тревогу. Заявлениям членов Временного правительства с их неизменно оптимистическими выводами уже не верили.

На упомянутой военной конференции союзников (25—26 июля 1917 г.) много говорилось о тех серьезных последствиях, которые имели бы место, если бы Россия вышла из войны. Французские, английские и итальянские министры и генералы толковали о том, что в этом случае «огромные ресурсы России» будут использоваться центральными державами, среди союзников (особенно на Балканах) усилятся поиски сепаратного мира и главное — придется видоизменить «политические цели Антанты»². Здесь, очевидно, имелось в виду то обстоятельство, что нельзя будет уже говорить и писать о «священной борьбе демократий», о «войне за право», прибегать к тому призрачному камуфляжу подлинного характера империалистической войны, который усердно применялся после свержения царизма в России.

Изменение состава коалиционного правительства, осуществленное 5 августа, ничего не меняло в сложившейся обстановке и не вызвало никакого энтузиазма у союзников русских империалистов. Обновленный кабинет руководствовался теми же принципами, теми же лозунгами, что и предыдущие. Во внешней политике это означало продолжение попыток вести «войну до конца» и сохранить «полное единство с союзниками», во внутренней — борьбу против революции. Однако успехи большевиков в борьбе за массы, развертывание широкого антивоенного движения в тылу и в армии, крупные забастовочные выступления пролетариата, руководимого большевиками, подрывали основы

---

¹ Journal d'Alexandre Ribot et correspondances inédites, 1914—1922, Paris 1936, pp. 163—164.

² Д. Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. V, М. 1938, стр. 76.

господства русской буржуазии. В условиях нарастания революционного кризиса, уже с начала августа, все более определенно формулируется «спасительный план», при помощи которого эксплуататорские классы надеялись разгромить силы революции. Наиболее определенным из всех практических действий буржуазии было стремление установить террористическую диктатуру в стране. Подходящая фигура, которая могла бы заменить потерявшего свои акции Керенского, как будто была уже найдена. «Генерал Корнилов должен быть допущен в правительство, а несколько членов правительства должны находиться в Ставке, чтобы быть с ним в постоянном контакте»¹, — сказал Терещенко английскому послу, добавив тут же, что и Керенский придерживается такого мнения.

Ради разгрома революции русские империалисты, несколько не дорожившие национальным суверенитетом нашей Родины, готовы были воспользоваться в своей преступной борьбе против революционного народа помощью не только Антанты, но и германских милитаристов. Кандидат в «диктаторы», Корнилов готовил предательское отступление на рижском фронте, которое должно было поставить Петроград под удар войск империалистической Германии.

Созванное 25 августа для мобилизации контрреволюционных сил московское Государственное Собрание поддержало притязания Корнилова на диктаторские права. О верности союзникам говорили здесь все выступавшие от черносотенцев до лидеров соглашательских партий включительно.

Одновременно с совещанием за кулисами шли переговоры с Корниловым. Его требования чрезвычайных мер, полной милитаризации страны, введения в тылу (подобно фронту) смертной казни были приняты правительством. Архиреакционную программу ликвидации всех «Советов и комитетов» и установления принципа «армия вне политики» на совещании выдвинул Каледин. Однако на пути контрреволюции встал русский пролетариат. Напуганные забастовкой 400 тыс. трудящихся Москвы, империалисты, несмотря на фактическую поддержку мелкобуржуазных партий, не решились на немедленные действия. Вопрос о диктатуре Корнилова был поставлен в повестку дня. Практическое решение его было отложено; реакционные круги

---

¹ «Красный архив», т. 5 (XXIV), М.—Л. 1927, стр. 153—154.

на Западе надеялись, что не надолго: они рассчитывали, что вскоре после московского совещания будет создано новое правительство во главе с Корниловым. «Конференция,— доносил посол США Френсис государственному секретарю Лансингу 22 августа,— может закончиться созданием военной диктатуры, которая окажется в состоянии подавить в крови большевистский мятеж»¹.

Заговор русской буржуазии, поддержанный иностранными империалистами, был направлен против пролетариата и крестьянства России и преследовал цель разгрома революции. «Восстание Корнилова,— писал В. И. Ленин,— доказало для России то, что для всех стран доказала вся история, именно, что буржуазия предаст родину и пойдет на все преступления, лишь бы отстоять свою власть над народом и свои доходы»².

Организация успешных операций на фронте без удушения революции, по мнению империалистического лагеря, была невозможна. Полный провал наступления, организованного Керенским, достаточно убедительно это показал. Основная же задача буржуазии — удушение революции — должна быть решена тем же установлением диктатуры.

Таким образом, заговором Корнилова буржуазия пыталась одновременно и подавить классовых врагов в тылу и осуществить перелом на фронте. Именно поэтому идея переворота встретила сочувствие и поддержку у реакционных кругов Англии, Франции и США. В ответ на официальную телеграмму Петену и начальнику штаба Фошу с сообщением о своем назначении на пост главнокомандующего Корнилов получил не только поздравление, но и выражение уверенности в том, что генерал сумеет увлечь русские войска «в решительное наступление, которое явится прелюдией окончательной победы»³.

После открытия германским империалистам дороги на Петроград путем сдачи Риги — этого позорного предательства интересов страны со стороны русской буржуазии — надежды на Корнилова во Франции возросли еще больше.

Президент Пуанкаре, считавший, что новости, поступающие из русской армии, «весьма плохи», и открыто выражавший беспокойство «относительно того, что происходит в

¹ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Russia, 1918», v. I, p. 177 (в дальнейшем — «Papers... Russia»).

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 290.

³ «Temps», 13 августа 1917 г.

России», подробно расспрашивал представителей Временного правительства в Париже о Корнилове. Пуанкаре надеялся на военную диктатуру. Такое же внимание к Корнилову проявляли премьер Рибо и его помощник по министерству иностранных дел Жюль Камбон. Все трое жадно интересовались, кто из окружающих Керенского является наиболее «энергичным человеком», могущим потопить в крови русскую революцию.

Сватиков, комиссар Временного правительства, сообщая в Петроград о своих беседах с представителем правящей верхушки Франции, писал, что они «единогласно спрашивали меня, когда же, наконец, Россия перейдет от слов к делу, есть ли в России кто-либо с твердой рукой, который был бы способен начать не на словах, а на деле насаждение порядка»¹.

Один из активных участников заговора — Савинков уже тогда состоял «тайным агентом французского правительства», самое назначение его комиссаром 7-й армии состоялось «по совету представителей союзных держав»².

Резюмируя свои личные наблюдения в Париже, Лондоне и Риме, Сватиков информировал Временное правительство, «что... самое глубокое сочувствие встретила попытка генерала Корнилова». Он указывал, что во время генеральской авантюры Западная Европа была на стороне Корнилова³. Информатор знал, конечно, настроения только буржуазных кругов.

Кандидатура Корнилова была согласована с союзниками.

Когда английский представитель в Ставке генерал Нокс был вызван в Англию для доклада о положении в России, то он усиленно настаивал перед военным кабинетом на том, чтобы союзные правительства совместно обратились к Временному правительству, «советуя» ему оказать полную поддержку Корнилову «в тех мероприятиях, которые

---

¹ *Raymond Poincaré, Au service de la France, v. IX, L'année trouble, 1917, p. 271.*

«Сборник секретных документов из архива б. министерства иностранных дел» № 5, 1917 г., стр. 197—198. Сватиков был послан Временным правительством в столицы ряда государств для ревизии делопроизводства заграничных дипломатических миссий.

² *М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против Советской России, М. 1947, стр. 142.*

³ См. «Сборник секретных документов из архива б. министерства иностранных дел» № 5, 1917 г., стр. 194—195.

он хотел провести для восстановления дисциплины на фронте, на железных дорогах и в Петрограде»¹.

Самая программа «успокоения» революции была составлена в разгар июльского кризиса английским генералом Ноксом и передана Временному правительству через английского посла в Петрограде. Требования Антанты, содержавшие такие пункты, как «восстановление смертной казни по всей России для всех подведомственных военным и морским законам», «разоружение всех рабочих в Петрограде» и др., были приняты русским буржуазным правительством. Но очень скоро союзники выдвинули новые условия, считая принятые меры недостаточными. Речь шла уже о полной ликвидации революционного лагеря. 29 (16) июля на совещании командующих фронтами в Ставке под председательством Керенского такая новая программа, сформулированная примерно в одинаковых выражениях и генералом Ноксом в его письме к Бьюкенену на тему «Военное состояние России», была одобрена².

Против разгула контрреволюции, против травли большевиков протестовали прогрессивные силы Франции и Англии. В печати нейтральных стран 22 августа 1917 г. было опубликовано письмо видных французских профсоюзных и общественных деятелей, содержавшее протест против антинародных действий империалистов в России. Авторы письма выражали свои симпатии большевистской партии³.

Большую энергию в организации помощи Корнилову проявили представители Антанты в России, дипломатические работники и иностранные военные атташе, руководители военных миссий, находившиеся при Ставке.

Французский военный атташе Жанен считал, что победа Корнилова, «создание сильной власти» — это единственное средство «спасти Россию», как резерв Антанты⁴.

¹ Д. Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. V, стр. 82—83.

² См. Alfred Knox, With the Russian Army 1914—1917, London 1921, vol. II, pp. 662, 774; И. Минц, Английская интервенция и северная контрреволюция, М. 1931, стр. 12—13.

³ «Russische korrespondenz «Prawda», Herausgegeben von der ausländischen Vertretung des Zentralkomitees der Rus. Soc.-Dem. Arbeiterpartei Russlands (Bolschewiki), 22 августа 1917, № 20. Стокгольм 1917, стр. 1.

⁴ См. записи Жанена в дневнике «Au G. Q. G. Russe». Журнал «Le monde slave», октябрь 1927 г., р. 63, Paris 1927. Французский генерал придавал настолько большое значение заговору, что прервал свои почти ежедневные заметки в дневнике для того, чтобы весьма обстоятельно описать все перипетии корниловского выступления. См. стр. 66—75.

Жанен вместе с другими военными атташе и главами миссий вел переговоры со Ставкой относительно того, чтобы принудить Временное правительство передать всю фактическую власть Корнилову. При этом правительству должно было быть заявлено, что «Верховное русское командование не может принять на себя какую-либо ответственность за катастрофу, которая может случиться...». Результаты переговоров генералы решили сообщить правительствам Антанты и «просить их настаивать на поддержке Корнилова в интересах союзников и продолжения войны»¹. Дневник Жанена свидетельствует о том, что он был хорошо информирован о планах и деятельности как Ставки, так и Временного правительства. Так, «доверенное лицо» Верховного главнокомандующего сообщило Жанену, что между Корниловым и Алексеевым имеется полное взаимопонимание и что кандидат в диктаторы действует с полного согласия Алексеева. Последний, в свою очередь, просил сообщить об этом единодушии во Францию². Столь же осведомлен был французский военный атташе и о позиции Керенского, который придерживался «таких же взглядов, что и Корнилов»³.

Генералы, представлявшие западные страны, не ограничивались переговорами «информационного» характера. Они договаривались с Корниловым и по конкретным вопросам военной помощи: о передаче ему бронированных автомобилей, об участии в походе на Петроград иностранных офицеров. «Политический советник» Корнилова, его адъютант Завойко незадолго до открытого выступления мятежников, «зная громадное влияние иностранцев на наши внутренние дела и имея большие связи в посольствах и Петрограде», предлагал свои услуги для конкретных переговоров с представителями союзников относительно «помощи и содействия». Корнилов немедленно согласился. Вместе с полковником Голицыным Завойко посетил французскую и английскую военную миссии, где просьбы о помощи были встречены «весьма сочувственно» и соответствующее обещание было дано. Судя по показаниям, данным Завойко чрезвычайной следственной комиссии по расследованию заговора, кроме бронедивизиона, союзники

---

¹ «Le monde slave», октябрь 1927 г., р. 64.

² «Le monde slave», май 1927 г., р. 173.

³ «Le monde slave», октябрь 1927 г., р. 64.

предоставляли заговорщикам дальнбойную артиллерию и авиационное имущество ¹. В записи, помещенной 11 сентября (29 августа), Жанен, в свою очередь, рассказывает о собрании представителей Антанты, на котором была оглашена их нота Корнилову, предлагавшая «добрые услуги», с благодарностью принятые главой заговора ². Иностранные военные представители в Ставке выражали Корнилову пожелания успеха, в искренности которых не приходится сомневаться. Наблюдатель (а частично и участник) событий Робинс ³, рассказывая на допросе в сенатской комиссии о корниловском заговоре, признал, что «союзные представители участвовали в этой аванюре...».

На вопрос председателя комиссии Овермена «Когда вы говорите о союзных представителях, кого вы имеете в виду?» Робинс ответил: «Я имею в виду представителей в России союзных правительств: Франции, Англии, Америки и Италии». Овермен: «Вы подразумеваете посольства?» Робинс: «Посольства и официальные комиссии» ⁴.

В союзных посольствах и миссиях, резюмирует Робинс свои наблюдения, фактически любой из работников, «по своим симпатиям, политическим настроениям и действиям был с Корниловым. В действительности, каждый из них вложил свои деньги, если можно так выразиться, в Корнилова» ⁵.

Из тех же кругов распространялись вымышленные, не соответствовавшие действительности сведения о «большевистском заговоре», подхваченные русской буржуазной печатью. Так, управляющий военным министерством Савинков на допросе по делу Корнилова рассказал, что он получил от французских офицеров сведения о якобы предстоящем между 1 и 5 сентября выступлении большевиков. «Позже,— сообщил Савинков,— такие же сведения были доставлены и в генеральный штаб заграничной агентурой» ⁶.

Активную роль реакционных деятелей западных стран в подготовке и попытках осуществления переворота уже

¹ ЦГАОР, ф. 683/с, оп. 2, д. 5, лл. 11—12.

² «Le monde slave», октябрь 1927 г., р. 66.

³ Робинс находился в Петрограде в качестве заместителя главы отряда американского Красного Креста в России.

⁴ «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов», М.—Л. 1927, стр. 134—135.

⁵ *William Hurd, Raymond Robins Own story*, New York and London 1920, p. 16.

⁶ ЦГАОР, ф. 683/с, оп. 3, д. 33, л. 42.

тогда разоблачили большевики. В «Рабочем пути» была опубликована статья И. В. Сталина «Иностранцы и заговор Корнилова», в которой содержались убедительные доказательства непосредственного участия союзников в заговоре. Массовый выезд многих иностранных подданных из России ¹ демонстрировал безусловную «причастность неких иностранцев к заговору Корнилова...» Эти «некие иностранцы» повели себя в нашей стране «как европейцы в Центральной Африке», так что даже представители Временного правительства должны были сделать им «определенное предупреждение» ². «Известно,— указывал И. В. Сталин,— что прислуга броневых машин, сопровождавших в Питер «дикую дивизию», состояла из иностранцев... некие представители посольств в Ставке не только знали о заговоре Корнилова, но и помогали Корнилову подготовить его... агент «Times» и империалистической клики в Лондоне авантюрист Аладьин, приехавший из Англии прямо на Московское совещание, а потом «проследовавший» в Ставку,— был душой и первой скрипкой корниловского восстания» ³. Доллары, фунты стерлингов, франки были широко использованы для организации заговора. Агитационные листовки о Корнилове, широко распространявшиеся в Москве и Петрограде, были отпечатаны на средства английской военной миссии. Рассылались они из английского посольства, а для посылки части тиража в Москву был использован вагон генерала Нокса. Английские офицеры едва не открыли огонь из английских же танков по корниловским частям, когда те отказались наступать дальше Пскова. Оказалось, что в корниловских войсках имелись не только иностранная военная техника и артиллеристы, но и часть офицеров

---

¹ Френсис сообщает, например, что британское посольство и консульство предложили всем британским подданным покинуть Россию. Подобным же образом поступили посольства скандинавских стран. По сведениям петроградских газет, группа иностранцев, «причастных к коммерческим кругам», просила у Временного правительства предоставить им специальный поезд для выезда за границу. Им было отказано, так как, сообщили представители Временного правительства, «некоторым из выезжающих иностранных подданных придется фигурировать в качестве свидетелей в связи с ликвидацией заговора ген. Корнилова». Об отъезде подумывали также многие американцы. Ряду работников французского, американского, английского и бельгийского посольств удалось все же уехать за границу. См. *D. Francis*, *op. cit.*, p. 162; газ. «Русская воля», 2 и 9 сентября 1917 г. (ст. ст.), вечерний выпуск.

² *И. В. Сталин*, Соч., т. 3, стр. 286—287.

³ Там же, стр. 286.

этих войск были французы и англичане, переодетые в русские мундиры.

Показания «действующих лиц» — участников заговора выявляют ряд других фактов непосредственного участия Англии, Франции и США в заговоре Корнилова. Политический проходимец и авантюрист Аладьин, приехавший из Лондона 16 августа в Петроград, привез Корнилову собственноручное письмо от военного министра лорда Милнера, в котором член английского кабинета благословлял генерала на свержение «союзного» Временного правительства¹.

Накануне выезда из Лондона Аладьин говорил журналистам, что едет в Россию с миссией создать в сотрудничестве с генералом Корниловым «новую монархически-демократическую партию». Это заявление подтверждает, что в определенных кругах на Западе не считали романовскую династию окончательно сошедшей с исторической арены.

Вернувшись из Англии, Аладьин активно включился в подготовку контрреволюционного путча; в военном министерстве он сообщил, что «послан английскими политическими деятелями для осведомления их о русских делах»². Аладьин участвовал в совещаниях в Ставке 18 августа, когда было решено начать вооруженное выступление, и в кабинете у Корнилова 26 августа, когда составлялся список членов нового правительства (самому Аладьину тоже предназначался министерский портфель)³.

Большевистский «Рабочий путь» уже тогда указал трудящимся, что иностранные банкиры и капиталисты открыто поддерживают буржуазно-генеральскую авантюру в России и для этой цели послали туда Аладьина⁴.

С выступлением заговорщиков западные империалисты связывали далеко идущие контрреволюционные военно-политические замыслы. Предполагалось, что не только анг-

---

¹ См. *Claud Anet, La revolution russe, Paris 1918, p. 186*. Автор был в России в 1917 г. в качестве корреспондента парижской «Petit parisienne».

Перед отъездом в Россию Аладьин имел также встречу с главнокомандующим английскими войсками в действующей армии генералом Робертсоном. См. ЦГАОР, ф. 683/с, оп. 2, д. 3, л. 12 об.

² ЦГАОР, ф. 683/с, оп. 2, д. 5, л. 36.

³ См. Объяснительную записку Корнилова. Газета «Общее дело» № 6, 2 октября 1917 г.

⁴ См. газету «Рабочий путь» № 9, 26(13) сентября 1917 г.

лийский бронедивизион, но и ряд других воинских частей, подчиненных союзникам, окажут помощь Корнилову. На средства западноевропейских империалистов формировались такие части, как чехословацкий корпус, как польский «добровольческий корпус» под командованием реакционного генерала-монархиста Довбор-Мусницкого.

Еще летом 1916 г. руководители западных правительств установили связь с лидерами реакционной чешской буржуазии Масариком и Бенешем. В июне 1916 г. по приказу французского верховного командования тогдашние руководители чешского национального совета, находившегося в Париже¹, послали своего представителя в Россию для вербовки военнопленных чехов в военный корпус. На расходы, связанные с этим мероприятием, 8 июля 1917 г. был выделен французским военным министром кредит в размере 2100 тыс. франков. Выступавший в качестве агента Англии и США Масарик в начале июня 1917 г. выехал в Россию, чтобы содействовать проведению набора в войска среди военнопленных чехов². Чехословацким войскам военное командование союзников вопреки интересам и настояниям чешского народа, не желавшего воевать против русских трудящихся, отводило роль полицейских контрреволюционных частей. Чехословацкий корпус находился на Правобережной Украине, и под его прикрытием Корнилов и его зарубежные покровители рассчитывали вызвать войска с юго-западного и румынского фронтов.

Иностранные военные миссии в России также дали свое согласие на использование Корниловым корпуса Довбор-Мусницкого, который формировался в Белоруссии и мог отрезать последнюю от Москвы и Петрограда³. Значительная часть чешских военнопленных, а также многие польские трудящиеся, протестуя против плана реакции, участвовали в революционной борьбе большевистской партии, поддерживали русскую революцию.

---

¹ Генеральным секретарем этого совета был Э. Бенеш. Кроме того, Бенеш был связан с французской и итальянской разведками. Масарик был председателем совета.

² См. В. Краль, О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша, М. 1955, стр. 54—55. Масарик безоговорочно выступал за продолжение империалистической войны. Об этом свидетельствовали его заявления в Петрограде. См. газету «Вечернее время», 3 мая 1917 г.

³ См. В. Краль, Указ. соч., стр. 63, 67; «История гражданской войны в СССР», т. II, М. 1943, стр. 16.

Участники заговора, кроме того, просили союзников продвинуть к Петрограду сербские войска, находившиеся в Вологде, Ярославле и Архангельске и предназначенные для отправки в Месопотамию. Проведение всех намечаемых мероприятий в жизнь означало бы фактическое открытие фронта для германских армий, предательский удар по революции. На последствия заговора русских и иностранных империалистов уже тогда указала большевистская печать. «Каждому ясно, — писал «Социал-демократ», — что когда с фронта отзываются войска для завоевания Петрограда, когда центры политической и промышленной жизни отрезаются от всей страны и войска движутся не навстречу армии Вильгельма, когда Ставка и Главнокомандующий и весь генералитет поглощены планами похода на Россию, они действуют *вместе* с армией Вильгельма». Газета отмечала и роль иностранных покровителей контрреволюционного заговора на примере Англии, указывая, что «...и английские капиталисты помогли германской армии в эти дни не одними только броневиками»¹.

Помощь Корнилову со стороны союзников шла параллельно и через военные и через дипломатические каналы. По инициативе Френсиса, надеявшегося, подобно военному и морскому атташе США в Петрограде, что Корнилов «безусловно станет хозяином положения» (*will... dominate the situation*)², в самый канун мятежа в Петрограде на совещании послов стран Антанты было принято решение оказать Корнилову всемерную поддержку. Иностранные покровители заговора рассчитывали на успех.

В критические дни послы союзных держав проявляли большую активность. Сведения об их лихорадочной деятельности уже тогда проникли в русскую буржуазную печать. 10 сентября дипломаты отправили «большие шифрованные телеграммы своим правительствам с изложением хода разыгравшихся событий». «Наши союзники, — отметила по этому поводу «Русская воля», — придают совершенно исключительное значение выступлению ген. Корнилова, высказываясь, что оно будет иметь громадные последствия». В тот же день послы Англии, Франции, США и Италии беседовали с Терещенко, а вечером совещались между собой «по поводу событий, развивающихся в Петро-

¹ «Социал-демократ», 2(15) сентября. Статья Ем. Ярославского.

² См. *D. Francis*, *op. cit.*, стр. 161—162.

граде и на подступах к столице»¹. «Беседы» с министром иностранных дел Временного правительства продолжались и в следующие дни. Во время встречи 12 сентября союзные послы, согласно сообщениям прессы, не только «поделались некоторыми соображениями», но и дали «указания»².

Газеты специально отметили горячую заинтересованность в ходе борьбы представителя США. «Особый интерес к событиям в Петрограде,— писала та же «Русская воля»,— проявляет североамериканский посол г. Френсис. Целый штаб секретарей работал в течение дня (речь идет о 10 сентября.— А. И.) над отправкой пространных депеш в Вашингтон»³.

Официальные представители США в России, активно участвуя в приготовлениях русской контрреволюции, находились полностью на стороне заговорщиков.

В данном случае между западными империалистами было единодушие. Французское правительство солидаризировалось с действиями английского и американского, прикрывшись с тем, что они взяли на себя более активную роль в поддержке заговора.

Для того чтобы вновь оказать моральную помощь мятежникам, а также дезориентировать общественное мнение, представители стран Антанты попробовали прибегнуть к приемам, которые нельзя характеризовать иначе, как маскировочные.

Политическое управление военного министерства в дни мятежа сделало официальное заявление, что «Корнилов не может рассчитывать на поддержку союзных держав» и что «державы надеются на скорейшую ликвидацию мятежа». «Союзные державы» протестовали против этого заявления. Они пытались представить себя не безучастными наблюдателями, а «миротворцами». 10 сентября в английском посольстве состоялось заседание глав миссий в количестве 11 чел., на котором было решено предложить Временному правительству посредничество в конфликте. На следующий день дипломаты вручили Терещенко ноту с предложением «добрых услуг» правительству «для избежания кровопролития и гражданской войны» — того кровопролития, которое было в значительной степени инспири-

---

¹ «Русская воля», 29 августа 1917 г. (ст. ст.)

² «Русская воля», 30 августа 1917 г. (ст. ст.)

³ «Русская воля», 29 августа 1917 г. (ст. ст.)

ровано иностранными империалистами, и той гражданской войны, при помощи которой Антанта надеялась достичь победы контрреволюции в России ¹. Иностранные дипломаты сочли возможным лицемерно возмущаться тем, что им «приписывают» поддержку Корнилова, и настаивали даже на том, чтобы их предложение о «посредничестве» было опубликовано в печати ².

Когда же этот демарш был истолкован русскими газетами различных направлений как предложение «не посредничества, а сотрудничества», послы вновь протестовали, обратившись на этот раз не к Терещенко, а к Керенскому ³.

Насколько серьезная ставка была сделана Антантой на Корнилова, можно убедиться еще на основании реакции «деловых кругов» на внутренние события в России. Курс русского рубля после провала наступления падал в Лондоне и Париже почти непрерывно. Английские и французские банкиры все больше опасались за свои капиталы в России. Экономическая и финансовая разруха ставила под сомнение получение русских долгов. Московское совещание не успокоило биржу.

В первой половине сентября рубль на парижской бирже равнялся всего лишь $\frac{1}{4}$ франка, покупательная способность которого за время войны упала не менее чем в три раза ⁴. Большевицкая печать специально отметила позицию биржевиков Франции в дни заговора Корнилова: «Французская биржа не только откровенно высказывает симпатии к изменнику-генералу, но прямо приглашает Керенского идти вместе, рука об руку, с Корниловым против «революционных клубов», т. е. идти против демократии» ⁵.

Надежды на успех Корнилова несколько успокоили «деловой мир» как в Петрограде, так и у союзников. Банковские сферы были замешаны в заговоре, хотя им удалось скрыть конкретные формы своего участия. Повышение всех ценностей на биржах 10 сентября и в течение нескольких следующих дней, наличие представителей банковского

---

¹ См. *D. Francis*, op. cit., pp. 158—159; *Дж. Бьюкенен*, Указ. соч., стр. 265.

² См. «Papers... Russia, 1918», v. 1, p. 188—189.

³ См. *J. Noulens*, *Mon ambassade en Russie sovietique, 1917—1919. Tome premier*, Paris 1933, p. 72.

⁴ «Биржевые ведомости», 2(15) сентября 1917 г.

⁵ «Социал-демократ», 6(19) сентября 1917 г.

мира (Завойко¹, Троцкий-Симентович) в ходивших по рукам списках членов предполагаемого кабинета Корнилова, а также состоявшееся летом 1917 г. совещание в Швейцарии банкиров различных стран обоих воюющих лагерей (США, Англии, Франции, Германии, Японии) с единой целью объединиться для борьбы против русской революции² были доказательствами того, что в созданном вокруг корниловского предприятия заговоре международного империализма против русской революции и русского народа непосредственно участвовали русские и иностранные монополистические круги³. Об этом участии представителей финансового капитала в заговоре свидетельствует и тот факт, что когда Корнилов и его сподвижники находились уже в Быховской тюрьме, то генерал Алексеев искал денег для семей корниловцев у господ Вышнеградского, Путилова и других.

В статье «Русская революция и гражданская война» В. И. Ленин отметил, упоминая о Корнилове: «... Англо-французский капитал и империализм за кадетов и за корниловщину, это доказано длинным рядом политических выступлений и прессой... Общеизвестно, как французская и английская буржуазная пресса «помогали» Корнилову. Есть указания на помощь ему со стороны *банков*»⁴.

В то время как иностранные представители в России помогали Корнилову, неудачно маскируя эту помощь разговорами о нейтралитете, а взволнованная биржа чутко реагировала на ход борьбы, многие парижские газеты не скрывали своих симпатий. Они не верили в устойчивость Временного правительства, открыто высказывали недовольство Керенским и славословили Корнилова. «... Большая часть здешней печати, — телеграфировал Севастопуло из Парижа, — высказала доверие выставленной им программе решительных мер и отнеслась поэтому с сочувствием к его попытке установить военную диктатуру»⁵.

---

¹ Завойко был директором-распорядителем нефтепромышленных заведений «Эмба и Каспий» и совладельцем предприятий стекольной промышленности. Об этом сообщалось в справке, подготовленной для следственной комиссии по делу Корнилова. ЦГАОР, ф. 683/с, оп. 1, д. 24, л. 61. Кроме того, он входил в правление Лондонской генеральной нефтяной корпорации.

² Подробнее об этом совещании см. стр. 326—327.

³ «Социал-демократ», 2(15) сентября 1917 г.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 14—15.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, МИД, 1917, д. 71, т. II, 1917 г., л. 813.

Наиболее распространенная из газет правительственного лагеря «*Matin*», превозносившая в течение всего июня и июля Керенского, уже в начале августа объявила правительство Керенского неспособным справиться с создавшимся положением. Назначение главнокомандующим Корнилова газета безоговорочно приветствовала. Редакция всячески восхваляла этого человека, упорно занимаясь популяризацией кандидата в диктаторы среди своих читателей. «*Matin*» опубликовала биографию Корнилова, тенденциозно составленную, для восхваления заслуг генерала, никогда не существовавших в действительности. Петроградскому корреспонденту газеты биографию рассказала эсерка Брешко-Брешковская¹. 10 августа читатели этой газеты могли прочесть, что именно Корнилов «сохраняет абсолютную уверенность в конечной и окончательной победе русских»².

«*Matin*» пыталась создать уверенность, будто новый командующий способен создать перелом на русском фронте. Хвастливые генеральские заявления охотно помещались в газете³. Редакция призывала Временное правительство объединиться с Корниловым.

«*Temps*» не столь пространно, как рассчитанная на массового читателя «*Matin*», но, не скрывая своего сочувствия, тоже освещала деятельность руководителя контрреволюционного заговора. Требования Корнилова о чрезвычайных полномочиях были объявлены очень важными и нужными⁴, а речь Корнилова на московском государственном совещании была помещена почти полностью⁵. Газета угрожала России, шантажировала русский народ, объявляя, что немцы внимательно следят за положением в России и ждут момента, когда можно будет использовать в своих интересах ее ослабление, и предостерегая, что «Германия... может предоставить Франции, Англии и Бельгии значительные уступки, лишь бы обрести полную свободу действий по отношению к России»⁶. Это была угроза со стороны французской газеты объединить силы всего империалистического лагеря для борьбы против русской революции. Открытое выражение симпатий к Корнилову было

---

¹ «*Matin*», 7 августа 1917 г., р. 1.

² «*Matin*», 10 августа 1917 г., р. 3.

³ «*Matin*», 20 августа 1917 г., р. 3.

⁴ «*Temps*», 17 августа 1917 г., р. 2.

⁵ «*Temps*», 17 сентября 1917 г., р. 2.

⁶ «*Temps*», 13 сентября 1917 г., р. 1.

характерно и для «Figaro», опубликовавшей его биографию, составленную в восторженных тонах, и призывавшей французское правительство оказать полную поддержку заговору, и для «Petit Journal», «Écho de Paris», «Excelsior», рассылавшихся в комплиментах контрреволюционному генералу, и для других французских буржуазных газет.

Пыталась не отставать и печать правых социалистов. Тогдашняя «L'Humanité» в рассказе о московском совещании специально отмечала овации русских империалистов и их прислужников по адресу Корнилова, находя их весьма уместными, а в положительной оценке программы Корнилова целиком присоединилась к «Temps». Позиция «L'Humanité» отличалась от буржуазной печати лишь тем, что эта газета более упорно распространяла насквозь лживую версию, будто Корнилов действует «во имя революции»¹. На стороне заговорщиков были и газеты английских и американских империалистов.

Заговор контрреволюции готовился открыто. На сподвижника Корнилова генерала Крымова было возложено руководство походом против революционной столицы. Одновременно получил приказание двинуться на Петроград 1-й Кавказский конный корпус, находившийся в Финляндии.

В Ставку было вызвано около 3 тыс. контрреволюционных офицеров. Военные приготовления осуществлялись быстро и энергично. Казалось, успех был обеспечен. Керенский находился в курсе всех действий заговорщиков и оказывал им всяческое содействие. На стороне корниловцев было Временное правительство.

Для того чтобы облегчить задачу корниловцев, правительство Керенского организовало новые террористические действия в отношении большевистской партии; по стране распространялись провокационные слухи о предстоящем якобы 9 сентября «большевистском восстании».

7 сентября военная машина контрреволюционеров была приведена в действие. Войска под командованием Крымова двинулись на столицу.

От опасности установления контрреволюционной диктатуры в стране спасла нашу Родину большевистская партия. Под руководством Центрального Комитета был осуществлен вооруженный отпор контрреволюции, приведший к разгрому корниловщины. Борьба против корниловского

---

¹ «L'Humanité», 28, 29, 30 августа 1917 г.

выступления всколыхнула трудящихся всей России. Рабочий класс поддержал большевиков. В стране развернулась усиленная подготовка отрядов Красной Гвардии и рабочих дружин. Пролетарии Москвы и провинции поддерживали питерский пролетариат. Большевистская партия развернула большую работу среди солдат, обеспечив себе поддержку солдатской массы в борьбе против заговора контрреволюции. Революционные части питерского гарнизона были приведены в состояние боевой готовности. В полках гарнизона солдаты изгоняли эсеро-меньшевистских комиссаров и выбирали на их место большевиков. В корниловские части были посланы агитаторы. Печатались миллионными тиражами листовки. Против заговора выступили также моряки Балтийского флота.

Энергичные мероприятия большевиков, всенародный отпор контрреволюционной вылазке вызвали разложение среди войск, брошенных против столицы. Крымов, убедившись в том, что его солдаты не желают бороться против революции, застрелился. Корниловский заговор был разгромлен. Однако, организуя разгром корниловщины, партия большевиков не прекращала борьбы и с правительством Керенского, оказавшим фактически поддержку заговорщикам.

Большая помощь, оказанная корниловцам иностранными представителями, не смогла предотвратить поражение заговора.

Буржуазные иностранные газеты вынуждены были сообщить о провале заговора. При этом борьба организованного большевиками народа против контрреволюции, деятельность ЦК большевистской партии, те реальные факты, которые показали бы общественному мнению стран Антанты, как и почему генеральский заговор был разгромлен, замалчивались. Буржуазная печать и правосоциалистические газеты распространяли ложную версию событий, указывая, будто «причиной заговора было недоразумение между генералиссимусом Корниловым и правительством»¹. Сообщение об аресте Корнилова было встречено с нескры-

---

¹ «L'Humanité», 12 сентября 1917 г. После того как Керенский, дрожащий за свою жизнь и за судьбу своего правительства, попробовал на словах отмежеваться от Корнилова, на сторону Керенского стала переходить и «L'Humanité», когда же пришли сведения, что Керенский остался премьером, газета правых социалистов безоговорочно перешла на его сторону. «L'Humanité», 16 сентября 1917 г.

ваемым огорчением и представителями США, Англии, Франции в России. Огорчение было тем большим, что, по циркулировавшим слухам, союзники попытались спасти разгромленного мятежника от тюрьмы: их представители в Петрограде настаивали на том, чтобы Корнилов был выслан за границу и назначен командующим русскими войсками во Франции¹. Правящие круги на Западе считали, что этот контрреволюционный генерал сможет еще пригодиться. Американская журналистка Флоренс Гарпер сообщала, что, когда Корнилов двинулся на столицу, многие иностранцы собрались в штаб-квартире отряда английских бронемашин в «Астории» и ждали новостей. Напомним, что в этой же гостинице находилось «гнездо контрреволюционного офицерства», активно участвовавшего в заговоре². «Мы считали,— сообщает далее Гарпер,— что было бы великопечно, если бы Корнилов имел успех. Мы надеялись и молились за это». Новости же об отступлении мятежников представители западной буржуазии в Петрограде «воспринимали с ужасом». Сообщение о провале заговора Гарпер слушала «со слезами на глазах». Оценивая положение, американские журналисты в беседе между собой «употребляли не очень изящные выражения... Мы все знали, что это был последний шанс»³.

Таковыми же «обманутыми надеждами» и нескрываемым огорчением наполнены донесения Френсиса⁴.

Провал далеко идущих замыслов признавали и английские и французские представители. «Неудача корниловской попытки государственного переворота,— писал, например, Бьюкенен,— разрушила мои последние надежды на улучшение положения как на фронте, так и в тылу...»⁵

И после краха авантюры большевистская печать продолжала разоблачать связь корниловского выступления с иностранцами. Лозунги московской организации большевиков о разгроме контрреволюции, напечатанные крупным шрифтом в газете «Социал-демократ», включали требование «выслать из России агентов иностранного империализма, друзей Милюкова — Родзянко — Каледина»⁶.

¹ См. «Социал-демократ», 2(15) и 3(16) сентября 1917 г.

² См. «Рабочий», 11 сентября (29 августа) 1917 г.

³ Harper, *The runaway Russia*, New York 1918, pp. 276, 287.

⁴ «Papers... Russia, 1918», т. I, pp. 188—190.

⁵ Дж. Бьюкенен, Указ. соч., стр. 268—269.

⁶ «Социал-демократ», 29 августа (11 сентября) 1917 г.

«Социал-демократ» поместил статью Ем. Ярославского «Заговор международного капитала против революции» (перепечатанную и в «Правде»), в которой приводились убедительные факты участия иностранных империалистов в заговоре¹. В следующем номере орган московских большевиков, вновь указывая на прямую помощь Антанты Корнилову, решительно формулировал вывод: «Довольно! Господа Бьюкенен и компания должны быть изгнаны из России, а союзы и тайные договоры с ними расторгнуты»².

Чиновники Временного правительства пришли в движение. Министерство иностранных дел предложило московскому прокурорскому надзору возбудить уголовное преследование против автора этой статьи и редактора «Социал-демократа». В связи со статьями Ем. Ярославского и помещенным в «Социал-демократе» сообщением о том, что «царский палач Алексеев был назначен командующим по требованию «союзников»», о мерах, которые следовало предпринять против большевистской печати, органы министерства внутренних дел запросили по прямому проводу «самого» Керенского, находившегося в Ставке.

Другой запрос Керенскому исходил от Терещенко со ссылкой на статьи «Социал-демократа» и «Рабочего пути», в которых указывалось на роль иностранцев в заговоре. Министр иностранных дел спрашивал, какие меры нужно принять «против двух названных газет»³.

Незадолго до этого запроса, 5 августа, Временное правительство приняло новый закон о «наказуемости оскорбления представителей дружественных держав», разрешавший наказывать заключением в крепость или тюрьму до трех лет виновного «в оскорблении дружественной державы, ее верховного главы, ее правительства или дипломатического представителя действием, словом или в распространенных либо публично выставленных произведениях печати, письме или изображении...»⁴ В то же время командующий войсками Петроградского округа Полковников потребовал, чтобы была введена предварительная цензура, а министр внутренних дел настаивал на немедленном судеб-

¹ См. «Социал-демократ», 2(15) сентября 1917 г.

² «Социал-демократ», 3(16) сентября 1917 г.

³ АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия Ставки, д. 131, л. 260.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1421, 1917 г., л. 29 об. Во время войны, говорилось в законе, можно было заменять крепость исправительным домом.

ном преследовании с целью установления виновников «оскорбления дружественных держав», как были названы членами правительства разоблачения, появившиеся на страницах большевистских газет ¹.

Таким образом, реакционные деятели Франции вместе с представителями Англии, США и других западных стран оказали прямую военную и морально-политическую поддержку заговору контрреволюционных сил России против русской революции. Активное участие американских, английских, французских военных и дипломатических представителей в подготовке и попытках осуществления контрреволюционного переворота в Петрограде явилось примером грубого вмешательства с их стороны во внутренние дела другого государства, являвшегося к тому же союзником в войне.

Большевики спасли нашу Родину от кровавой террористической диктатуры, победа которой привела бы к еще большей зависимости России от Антанты. Деятели Временного правительства, сидевшие пока на своих местах, пытались нажить себе политический капитал на успехе народа в борьбе против открытой контрреволюции. Сообщая послам в странах Антанты о ликвидации заговора, Терещенко утверждал, будто «положение правительства после одержанной победы упрочилось, что дает повод рассчитывать на самую энергичную борьбу против большевизма», а союзники должны были уверовать в то, что кучка правителей, ныне еще больше, чем прежде, изолированная от масс, «пойдет твердо по пути продолжения во что бы то ни стало войны и будет вести с новой энергией работу по обновлению и оздоровлению армии»². Политическая слепота здесь соединялась с неумемным бахвальством.

---

¹ Редактор «Социал-демократа» был вызван на допрос к следователю «по особо важным делам» Шабельскому. Он не признал себя виновным в нарушении закона Временного правительства от 5 августа 1917 г. «об оскорблении дипломатических представителей иностранных дружественных держав», резонно заявив следователю, что после опубликования в печати их предложения о посредничестве каждый честный гражданин «должен был, по меньшей мере, потребовать изгнания этих господ из России». Закончив следствие, Шабельский передал «дело» прокурорскому надзору «для дальнейшего направления». См. «Социал-демократ», 24 сентября (7 октября) 1917 г. Великий Октябрь прервал «дальнейшее направление» этого «дела», характерного для Временного буржуазного правительства.

² «Сборник секретных документов из архива б. министерства иностранных дел» № 3, Пг. 1917 г., стр. 116–117.

Соответствовало действительности лишь стремление русской буржуазии разбить своих классовых противников. Это совпадало с желанием Антанты. «Если потерпело неудачу корниловское восстание, то должна восторжествовать корниловская программа», — писал «Рабочий путь» о намерениях реакционных кругов на Западе¹.

Именно необходимость для Временного правительства пойти по пути Корнилова стала в центре внимания империалистического лагеря после провала корниловского заговора, после неудачи попытки путем установления террористической диктатуры в стране одновременно и подавить русскую революцию и усилить роль России в войне. Империализм яростно боролся за сохранение своей власти над народами России. Однако эти расчеты строились без учета сил той партии, которая все больше становилась хозяином положения, ибо разгром корниловщины показал, что в лице большевиков выросла решающая сила революции, которая в состоянии разгромить контрреволюционеров. Провал заговора Корнилова укрепил позиции лагеря революции в его борьбе за завоевание власти в стране. Сторонники сохранения России в системе империализма потерпели еще одно поражение.

---

¹ «Рабочий путь», 26(13) сентября 1917 г.

ГЛАВА V

ВОССТАНИЕ РУССКИХ ВОЙСК ВО ФРАНЦИИ В 1917 г.

Посылка русских солдат на французский фронт и в Македонию явилась одним из красноречивых свидетельств военно-политической зависимости царской России от Антанты, так ярко проявившейся в годы империалистической войны. Политика Временного правительства по отношению к этим войскам дает новые подтверждения антинародного характера деятельности русских империалистов.

Они не дорожили жизнью рабочих и крестьян, брошенных на убой ради чуждых им интересов.

Для того, чтобы услужить французскому правительству, правящая клика России согласилась отправить «пушечное мясо» и на западноевропейский театр военных действий.

Требования на поставку солдат во Францию союзники выдвинули сразу же после начала империалистической войны. О предложениях послать на Запад через Архангельск три русских армейских корпуса Пуанкаре записал в дневнике еще 31 августа 1914 г. Царское правительство, ссылаясь на транспортные трудности, воздержалось тогда от утвердительного ответа¹.

Осенью 1915 г. французское правительство предложило в течение десяти месяцев (по 30 тыс. ежемесячно) послать на западный фронт 300 тыс. русских солдат и офицеров. Во Франции рассчитывали распределить эти войска во всех французских частях из расчета 10—15 чел. на роту и взамен снять с фронта нужных в тылу высококвалифицированных рабочих. Это требование озадачило даже царских

---

¹ См. *Раймонд Пуанкаре*, На службе Франции, М. 1936, стр. 121.

министров и генералов. Алексеев предлагал уменьшить количество отправляемых за границу русских солдат¹.

К декабрю 1915 г. французские требования достигли уже 40 тыс. солдат ежемесячно, в обмен предлагались ружья. Об этом заявил Думер в переговорах с Алексеевым; последний отказался от посылки русских войск во Францию в таком количестве². Фактически царское правительство послало около 45 тыс. солдат, сформированных в четыре бригады, две из которых (первая и третья) предназначались для французского фронта и две — для македонского³.

В 1916 г. войска, посланные во Францию, уже приняли активное участие в военных действиях, в ходе которых потеряли более 700 чел. убитыми и ранеными⁴. От царского правительства требовали отправки новых контингентов солдат и офицеров во Францию. Палеолог получил предписание настаивать в Петрограде на отправке на Запад «еще большего количества русских войск»⁵. Осенью 1916 г. во Францию и в Салоники царское правительство отправило значительные пополнения (более 6 тыс. чел.). Солдаты уехали из России тогда, когда там уже готовилась революция. Они были «заражены» антивоенными настроениями. Многие из них сознавали, что царь послал их в качестве «пушеч-

---

¹ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 1, л. 6; ф. 2003, оп. 1, д. 1151, л. 7; «Международные отношения в эпоху империализма», серия 3, т. IX; М.—Л. 1937, стр. 230—231.

² См. «Международные отношения в эпоху империализма», серия 3, т. IX, стр. 624—625.

Торг, учиненный французским сенатором, удивил даже некоторых царских генералов и чиновников. Тогдашний начальник дипломатической канцелярии Ставки Кудашев сообщал Сазонову, что, «излагая свою просьбу с большой убедительностью и изяществом, г. Думер имел неосторожность слишком выпукло сопоставить взаимные услуги, оказываемые друг другу союзниками: французы дают нам ружья (он обещал еще 150 тыс., кроме обещанных ранее), мы же будем давать им людей». Предложение, таким образом, заключалось в обмене «бездушных предметов на живых людей». «Красный архив», т. 28, М. 1928, стр. 18. Что касается Пуанкаре, то французский президент без всяких двусмысленностей отметил в своем дневнике: «Думер отправляется в Россию для ознакомления с вопросом об отправке солдат в обмен на наши ружья». *Раймонд Пуанкаре*, На службе Франции, кн. II, М. 1936, стр. 152.

³ Пароходы для перевозки русских войск во Францию (значительная их часть) были предоставлены царским правительством, а не французским, хотя положение с тоннажем у царской России было очень скверное. См. ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2696, л. 16.

⁴ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1151, л. 87.

⁵ АВПр, ф. Канцелярия МИД, д. 60, т. I, 1916 г., л. 268.

ного мяса». Среди русских войск во Франции к тому же имелась значительная пролетарская прослойка¹. Даже представители враждебного солдатам командования признавали, что к началу 1917 г. большинство русских солдат во Франции понимало, что все они проданы французам за снаряды. Известие о Февральской революции было встречено солдатами с большой радостью.

После получения сообщения о свержении самодержавия, быстро обошедшего все роты и взводы обеих бригад, солдаты решили устроить демонстрацию с красным флагом впереди, отслужить панихиду по погибшим во время революции и послать телеграфное приветствие на Родину. Каждодневно чувствуя на себе гнет царизма, хотя далеко не всегда отдавая себе отчет в причинах несправедливых порядков в России и тем более в способах их устранения, русские солдаты связывали с падением царя надежды на лучшее будущее. Офицеры-монархисты восприняли известие о революции враждебно². Командование хотело сохранить все по-прежнему. В «Военной газете для русских войск во Франции» был напечатан приказ о приведении солдат к присяге на верность новому императору. «Россия решила вести эту войну до победы, и мы, ее сыны, должны беспрекословно выполнять ее волю», — указывалось в этом документе³.

Под влиянием событий на Родине русские солдаты вступили в борьбу за свободу собраний и за право иметь свои выборные органы для защиты солдатских интересов. В 1-й бригаде, а затем и в 3-й уже в марте произошли выборы солдатских депутатов от подразделений в солдатский совет бригады.

---

¹ В особенности это относится к солдатам 1-й бригады, которые до армии были в подавляющем большинстве фабрично-заводскими рабочими. Среди солдат 3-й бригады преобладали крестьяне, хотя в пулеметных, саперных частях было немало людей, прошедших школу фабрично-заводской деятельности.

² И после Февральской революции офицерский состав в русских бригадах, находившихся во Франции, в подавляющем большинстве состоял из контрреволюционных, монархистски настроенных лиц; пославшиеся из Петрограда во Францию для пополнения убыли офицеры подбирались с учетом их политических настроений. Занкевич даже был вынужден просить Временное правительство из-за недовольства солдат «не присылать тех офицеров, кои исключены комитетами из полков». ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 2702, л. 1131 об.

³ «Temps», 13 апреля 1917 г., р. 2.

Этот совет бригады, именовавшийся «отрядным комитетом», в большинстве состоял из малосознательной части солдат, подчинявшихся требованиям Занкевича, во главе его был поставлен контрреволюционный офицер. Солдатские комитеты были созданы и во всех полках. Их функция вначале ограничивалась рассмотрением «всех инцидентов и недоразумений между солдатами и офицерами» и принятием мер «к устранению инцидентов».

На бурном митинге, проведенном в ночь на 7 июля в присутствии большей части дивизии, было решено распустить «отрядный комитет»: взамен него был избран временный дивизионный совет солдатских депутатов¹. Им руководили уже целиком сами солдаты.

Революционные события в России нашли отзвуки и среди русских солдат, пребывавших на македонском фронте; и здесь создавались выборные солдатские организации, раздавались требования вернуть войска на родину. Командование с тревогой сообщало в Ставку о том, что «как следствие революции» в русских бригадах «создается брожение среди солдат». И русские и французские генералы стремились ускорить отpravку этих войск на передовые позиции фронта².

Солдаты, заброшенные во Францию и на Балканы, в массе своей еще верили Временному правительству, далеко не сразу поняли антинародный характер политики последнего. У них не было еще достаточной ясности в выборе путей, средств, методов борьбы за лучшее будущее. Политическая деятельность солдатских масс пока лишь ограничивалась организацией лекций, докладов и концертов в солдатских клубах да еще тем, что в особый протокол, хранящийся в клубе, записывались «всякие недостойные поступки начальства в отношении солдат». Но даже скромные требования солдат о клубе, о прекращении рукоприкладства вызвали беспокойство монархически настроенного командования, постаравшегося поскорее отправить солдат сражаться на фронт и надеявшегося таким образом помешать дальнейшему росту революционных настроений в бригадах.

Однако солдатам удалось послать в Россию свою делегацию. Наказ, полученный делегатами Афиногеновым и

¹ ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. 4, д. 1, лл. 52—53.

² ЦГВИА, ф. 415/с, оп. 8, д. 103, лл. 23, 32; Г. М. Деренковский, Восстание русских солдат во Франции в 1917 году, «Исторические записки», т. 38, М. 1951, стр. 78.

Чашиным¹, включал лишь два важных требования солдат — переодетых рабочих и крестьян — к новой власти в России: разделить землю между крестьянами, выдавая не более 10 десятин на работавшего, и отобрать доходы у фабрикантов.

6 мая 1917 г. делегаты делали доклад о положении русских войск во Франции в исполкоме Петроградского Совета². Но меньшевики и эсеры, руководившие тогда Советом, не собирались помогать русским солдатам, оказавшимся волею уже свергнутого царского правительства на французском фронте, и в этом вопросе они защищали интересы буржуазии, а не народа, поэтому по докладу делегатов не было принято никаких решений об улучшении положения солдат.

Относительно обращения к Временному правительству с требованием вернуть солдат обратно в Россию исполком Совета даже не заикался. Между тем Временное правительство в этом вопросе, как и во многих других внешнеполитических действиях, стало на путь продолжения политики царизма. Оно выступило в роли палача по отношению к солдатам, проливающим свою кровь в интересах империалистического лагеря. Когда сведения о положении в русских войсках дошли до Временного правительства, то Керенский послал агитировать среди солдат за новую власть в России меньшевика, адвоката Е. Раппа, присвоив ему титул комиссара по делам русских войск во Франции. Это решение Временного правительства состоялось 30 мая³. Но особенно отчетливо смысл поведения буржуазного правительства по этому вопросу выявился в переговорах с Францией о посылке еще новых контингентов «пушечного мяса» за границу. Вот чем, но только не возвращением домой уже посланных при царизме на убой русских солдат было озабочено Временное правительство. Его министры считали пребывание русских войск за границей в качестве «пушечного мяса» для Антанты вполне нормальным и закономерным явлением и разрабатывали конкретные

---

¹ Вслед за первыми двумя делегатами в мае 1917 г. в Петроград отправились две большие делегации: одна в составе 11 чел. от 1-й особой пехотной бригады, вторая (9 делегатов) — от 3-й. См. Г. М. Деренковский, Указ. соч., «Исторические записки», т. 38, стр. 75.

² См. «Рабочая газета» № 53, 11 мая 1917 г.

³ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 1, т. II, л. 155.

планы посылки крупных подкреплений. Отношение русской буржуазии к посылке войск в Западную Европу служило еще одним доказательством ее продажности, ее зависимости от Антанты, ее раболепия перед французским империализмом.

Первое требование послать новые контингенты во Францию было высказано генералом Палицыным, который просил Временное правительство, после того как в апреле 1917 г. русские войска понесли огромные потери во время наступления на западном фронте, в кратчайшие сроки выслать в качестве пополнений первой очереди не менее 300 офицеров и 3 тыс. солдат¹.

3 мая (20 апреля) 1917 г. генерал-квартирмейстер Ставки телеграфировал Палицыну в Париж, излагая для сведения русских военных представителей во Франции и для передачи французскому правительству план посылки дополнительных контингентов войск. «К перевозке будет приступлено с открытием навигации в Архангельске, т. е. в начале июня. В первую очередь будет отправлен личный состав 2-й особой артиллерийской бригады, который ныне предназначается не на салоникский, а на французский фронт; затем, по мере готовности, будут отправляться личные составы для инженерных, санитарных и интендантских частей, а также для первой особой артиллерийской бригады». После этого предполагалось отправить еще 26 маршевых рот для пополнения убыли в пехотных подразделениях бригад².

Программа была весьма обширной, в случае ее осуществления еще новые десятки тысяч людей были бы посланы умирать за интересы американо-франко-английского империализма только потому, что Временное правительство еще более усердно, чем царское, старалось услужить своим хозяевам из-за границы, потому что это правительство было лишь «простым приказчиком миллиардных «фирм»: «Англия и Франция»...»³ Практическая подготовка шла. В Новом Петергофе формировалась «1-я особая» артиллерийская бригада, другая, также артиллерийская («2-я особая») бригада, под командованием генерала Беляева (брата

¹ См. статью Афиногенова (очевидца и участника событий) «Русские солдаты во Франции», опубликованную в газ. «Новая жизнь» 28(15) сентября 1917 г., стр. 2.

² См. «Военно-исторический сборник», М. 1921, вып. 4, стр. 13.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 298.

царского военного министра), готовилась в Луге. Кроме того, готовились инженерные, санитарные и интендантские части. Однако в разгар подготовки произошли внутренние и внешние события, не предусмотренные планами Временного правительства: часть солдат в Луге взбунтовалась, арестовала наиболее ненавистных командиров и отказалась ехать во Францию. Этим событиям не могла скрыть даже правая буржуазная печать.

Временное правительство оказалось вынужденным расформировать 1-ю бригаду в Новом Петергофе за участие в революционном движении. 2-ю артиллерийскую бригаду назвали после этого 1-й, решив послать ее во Францию в ближайшее же время, заменив «непокорных» солдат другими. Кроме этого, сразу же после открытия навигации в Архангельске, весной 1917 г., были посланы пополнения бригадам в виде двух маршевых батальонов, приготовленных еще до февраля. В первых числах июня бригада Беляева получила приказ отправляться. Несколько эшелонов уже ехали к Архангельску, когда Беляев получил телеграмму из Петрограда «остановить погрузку, отправленные эшелоны вернуть»¹. Последнее действие Временного правительства было результатом событий, имевших место во Франции, конечно, самым тесным образом связанных с Февральской революцией.

Французское правительство до того, как среди русских солдат во Франции стало известно о свержении самодержавия в России, и до того, как были созданы представительные органы солдат и послана делегация в Петроград, считало необходимым пополнить русские войска, сражавшиеся на французском фронте, присылкой из России новых подразделений. В этом духе был составлен в середине марта доклад члена военной комиссии палаты депутатов Патэ².

Однако сведения о борьбе русских солдат за свободу собраний и печати, о напряженных отношениях массы солдат с командованием, данные о том большом (и растущем) влиянии, которое оказала Февральская революция на настроение русских войск, сражавшихся во Франции, а также и увеличившиеся опасения относительно «благо-

---

¹ «Биржевые ведомости», 16(3) июня 1917 г., вечерний выпуск.

² См. «Биржевые ведомости», 30(17) марта 1917 г., утр. выпуск.

надежности» русских солдат, бывших в самой России, тех, из которых и могли быть посланы подкрепления, заставили французское правительство изменить свою точку зрения. Боязнь революционизирующего влияния русских солдат на французскую армию, в которой ширилось антивоенное движение, становилась весьма реальной и ощутимой. 27 мая из Парижа последовала телеграмма военному министру Временного правительства, где указывалось, что «ввиду волнений в русских войсках» Франция предпочитает отказаться от дальнейшего получения русских укомплектований, но что «этот отказ не распространяется на войска, находящиеся в Македонии, для которых укомплектования могут следовать транзитом через Францию».

Обе причины — и «разлагающее влияние» революционных событий в России на настроение как русских, так и французских солдат во Франции и положение русских войск в самой прошедшей через революцию России — вызвали решение послать войска только в Македонию. Находившийся в Петрограде А. Тома, запросив Париж, верить ли ему распространяющимся в Петрограде слухам о волнении среди русских войск во Франции, получил ответ, подтверждающий и «слухи», и решение французского правительства о необходимости «прекратить дальнейшую отправку русских войск и их укомплектований на французский фронт»¹. Таким образом, если план посылки десятков тысяч русских людей во Францию для того, чтобы заставить их умирать за интересы антантовского империализма, сорвался, то в этом меньше всего можно усмотреть «вину» Временного правительства. Революционный русский народ, свергнувший царизм и боровшийся за дальнейшее развитие революции, растущее воздействие событий в России на сознание и поведение заброшенных на французский фронт русских воинов и были теми причинами, которые вызвали испуг у Пуанкаре, Рибо, Пен-

---

¹ «Русская воля», 22(9) мая 1917 г. Правда, признавая, что «в настоящее время присылка во Францию новых частей едва ли осуществима в силу внутренних условий», Тома во время переговоров в Ставке настаивал на том, чтобы во Францию были посланы рабочие из России («возможно большее число») а также 5 тыс. металлургов и механиков из числа военнопленных. Ставка могла обещать только 300 пленных, а от ответа на требование послать рабочую силу уклонялась. См. отчет начальника дипломатической канцелярии при Ставке Трубецкого Милюкову о переговорах с Тома. АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 657, лл. 18 об.—19.

леве и их помощников и которые через некоторое время заставили их даже поднять вопрос о высылке из Франции и тех русских войск, которые там имелись. Состояние этих войск действительно все больше и серьезнее беспокоило русское командование и французские власти.

Французские империалисты спешили бросить части русских бригад в бой. Во время апрельского наступления боевая деятельность русских войск была отмечена немалыми успехами. 1-я бригада накануне наступления заняла сектор против деревень Курси и Луавр в Шампани, 3-я была сосредоточена к югу от Реймса. В первый же день наступления, 16 апреля, войска 1-й бригады атаквали подступы к хорошо укрепленной деревне Курси, преодолели 26 рядов проволочных заграждений и 3 линии немецких окопов, а затем заняли самую деревню. Неоднократные попытки французского командования занять стратегически важный форт Курси прежде стоили лишь колоссальных жертв среди посылавшихся в атаку колониальных войск, не принося никакого успеха¹. На этот раз вместо африканских солдат в трудный бой в качестве ударных батальонов была послана 1-я бригада союзных русских войск. Почти непрерывные контратаки немцев, поддержанных сильным артиллерийским огнем, в течение 17 и 18 апреля не могли заставить русских солдат уйти с завоеванных позиций. Только нераненых немцев части бригады взяли в плен 535 чел. Кровавопролитная трехдневная битва стоила больших жертв бригаде, потерявшей более 700 чел. убитыми (из них 22 офицера), 3 тыс. чел. ранеными². Выбыло из строя около половины личного состава, сохранившегося в бригаде к этому времени. В ротах оставалось по 15—25 чел.

Большие потери понесла и 3-я бригада, тоже участвовавшая в апрельском наступлении. Ее солдаты вступили в сражение 19 апреля, когда им было поручено овладеть фортом Бримон, превращенным немцами в цитадель, откуда они систематически бомбардировали Реймс.

Форт был занят русскими частями. Общие потери обеих бригад, по донесению Палицына, составляли 4472 солдата

---

¹ См. «Социал-демократ», 29 сентября (12 октября) 1917 г., стр. 4. «Письмо из Франции».

² «Октябрь за рубежом», сборник воспоминаний, предисловие М. Н. Покровского, М. 1924. Из воспоминаний П. Кидяева, стр. 33.

и 70 офицеров, а по французским источникам — 5183 убитых, раненых и пропавших без вести¹.

И Временное правительство и французские власти признали и публично отмечали боевые успехи обеих бригад. «Русские войска, действующие на нашем фронте,— заявил Альбер Тома журналистам,— изумили Францию своим героизмом». Гучков передал во Францию (через телеграф) благодарность солдатам и офицерам «за славные боевые подвиги и проявленную доблесть»².

Между тем бригады продолжали находиться на положении неравноправных колониальных частей; русским солдатам в тыловых и прифронтовых районах запрещали посещать кафе, магазины, культурные и увеселительные заведения. Командование армии и правительство Третьей республики хотели искусственно отделить французский народ от русских войск дискриминационными мерами и клеветническими выпадами против войск «союзного» государства, заставить французов подозрительно к ним относиться.

Много горьких слов возмущения своим положением колониального солдата содержится в письмах русских воинов родным и товарищам. Солдат Полетаев, перед отъездом во Францию «обучавшийся военной технике» в 10-й роте пехотного полка, прислал письмо своим прежним однополчанам «от лица всех солдат», бывших во Франции. Он сравнивает свое положение во Франции с состоянием военнопленного, сообщает о задержке жалованья и о полуголодном существовании солдат в лагерях после апрельских событий. «Я от имени всех солдат,— писал Полетаев,— прошу и умоляю вас, товарищи великой революционной России, услышьте этот мой вопль, вопль всех нас... Мы жаждем и с открытой душой протягиваем вам руки — возьмите нас туда, где вы. Федор Полетаев». После получения этого письма ротный комитет созвал общее собрание 10-й роты, где полученное из Франции послание было обсуждено. Глубоко возмущенные таким обращением с их товарищами, солдаты приняли резолюцию «требовать назначения следственной комиссии для скорейшего расследования изложенного в письме т. Полетаева дела из пред-

¹ «Военно-исторический сборник», вып. 4, стр. 14; ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 12, л. 50.

² ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 83, лл. 25—26; «Новое время», 11(24) апреля 1917 г.

ставителя Совета С. Д. и представителей нашего полка и этим ликвидировать позорное положение, в котором находятся наши товарищи во Франции»¹.

Отец солдата Лашкина передал в редакцию «Социал-демократа» письмо от сына из Франции для опубликования на страницах газеты. В этом письме сложившееся положение обрисовано кратко, но весьма убедительно: «Здесь, во Франции, наша жизнь трудная и скверная. Мы все время боремся с французской буржуазией и не можем ничего добиться: крутят нас все время и мучают. Кроме того, наша буржуазия помогает французской... Дальнейшее наше пребывание во Франции невозможно; если Россия оставит нас здесь, то мы пропадем, как черви. Написал бы вам еще, но, наверно, вы не получите и это письмо»².

В России раздавались гневные протесты рабочих против дальнейшего пребывания русских солдат на западном фронте. Решения собраний пролетарских коллективов публиковала большевистская печать. На общем собрании рабочих 1-го Российского товарищества воздухоплавания и прилегающих к нему предприятий, например, было решено обратиться с протестом против дальнейшей отправки солдат во Францию и «добиваться всеми силами возвращения всех наших войск в Россию, где они будут служить нашему общему революционному делу»³.

В госпиталях Французской республики на русских солдат, проливавших свою кровь за интересы франко-американско-английских империалистов, также смотрели, как на неполноценных людей. К началу мая 1917 г. на лечении в госпиталях находилось около 6 тыс. русских солдат. Раненые и больные воины тоже создавали выборные солдатские комитеты и заставляли командование официально признавать существование таких комитетов. Порядки, установленные французскими властями в госпиталях, где содержались русские солдаты, назывались этими солдатами «тюремным режимом»⁴. Кроме плохого питания, отвратительного медицинского ухода, над ними учинялись беспрецедентные издевательства. В госпитале Мишле перед началом лекции одного из русских эмигрантов (на тему «Программа

¹ «Социал-демократ», 14(1) октября 1917 г.

² «Социал-демократ», 24(11) октября 1917 г.

³ «Солдатская правда» № 45, 29(16) июня 1917 г.

⁴ «Исторические записки», т. 38, стр. 78.

и тактика существующих политических партий в России») начальник госпиталя, французский капитан, решивший запретить лекцию, своим увесистым кулаком принялся выгонять искалеченных людей из зала. Возмущенные солдаты добились вызова в госпиталь начальника санитарного управления военного министерства Годара (позднее министра в правительстве Эррио). Сей ответственный представитель власти «поступок капитана одобрил, а солдатам пригрозил, если они будут бунтовать, разослать их по всем госпиталям Франции, что и было им исполнено через несколько дней»¹.

В начале июня вооруженные французские солдаты оцепили госпиталь. Несмотря на протесты раненых, часть из них, около 300 чел., насильно усадили в наглухо закрытые автомобили и развезли по различным госпиталям Франции. Одного из раненых, протестовавшего против такого насилия над безрукими и безногими калеками, столкнули с костылей, и он упал на асфальтированный пол, обливаясь кровью из незажившей ампутированной ноги. В госпитале Сен-Серван взвод солдат по приказу начальника госпиталя учинил избивание русских раненых за то, что один из них пожаловался на плохую пищу и грязь в комнатах; высказавший жалобу солдат Бярягинский был в бессознательном состоянии брошен в грузовик и увезен в тюрьму². Подобные возмутительные факты имели место и в других госпиталях.

Французское правительство пыталось не предавать огласке эти случаи, скрыть свое поведение по отношению к русским солдатам. Пенлеве послал 4 июня 1917 г. военному атташе в Петроград телеграфное указание «категорически опровергнуть слухи о каких бы то ни было насильственных действиях, принятых во Франции по отношению к русским бригадам». В телеграмме содержалась программа, как осуществлять дезинформацию и обман общественного мнения³.

¹ «Октябрь за рубежом», стр. 29. Из воспоминаний И. Алешина.

² Там же, стр. 29—30.

³ Находившийся в 1917 г. во Франции писатель Илья Эренбург вспоминал: «Я обратился к представителям французской прессы всех направлений с предложением посетить русские войска и открыть обществу истинное положение вещей. Французы убедились в образцовой дисциплине, беседовали с представителями солдат и написали ряд статей в защиту русских. Но ни одна из этих статей не была пропущена французской цензурой. Также были задержаны цензурой мои телеграммы в петроградские газеты, говорившие о тревожном состоянии русских войск». *И. Эренбург, Лик войны (во Франции), София 1920, стр. 78.*

Между тем русские солдаты все чаще думали о необходимости вооруженного сопротивления. Требования солдат вращались вокруг вопроса о возвращении на родину.

Но и эти настроения солдатских масс внушали русским генералам и офицерам, находившимся во Франции, большой страх, а французскому правительству — желание отделаться от беспокойных русских войск. И еще раньше, чем этот вопрос был поставлен на обсуждение во Временном правительстве, он был выдвинут французскими империалистами. В июне генерал Кастельно, посетив русские бригады по поручению Петена, ставшего верховным главнокомандующим французскими войсками, докладывал о необходимости удалить их из Франции, а пока отправка сможет быть организована, отправить эти бригады в тыл. Петен с этим согласился и препроводил доклад Кастельно на заключение военному министру Пенлеве. Русские войска были отведены в лагерь Ла-Куртин, около Лиможа, в департаменте Креза. Мнение Кастельно — Петена не разделяло Временное правительство. Оно не хотело вернуть солдат на родину именно по той причине, по которой собирались их удалить французские империалисты: войска казались им зараженными «революционным духом». Занкевич еще в конце апреля 1917 г. в личной аудиенции просил Петена согласиться на оставление во Франции одной бригады, составленной из «лучших солдат и офицеров», т. е. наиболее отсталой в политическом отношении части войск. Занкевич взялся гарантировать «полный порядок» в этой бригаде. Но Петен категорически отказался, прямо заявив, что «ни в коем случае не может согласиться на оставление на французском фронте частей с комитетами», и сославшись на то, что во французской армии под влиянием русских войск имел место «ряд случаев тяжелого нарушения дисциплины на почве требования подобных же комитетов». Ссылка на влияние русских солдат на французскую армию постоянно использовалась как основание для удаления русских войск. Но уже из тех фактов, которые были приведены выше (в гл. II), становится совершенно очевидным, что антиправительственные выступления во французской армии были и до создания солдатских комитетов в русских войсках. Было очевидно, что связь между выступлениями в русских и французских войсках не была односторонней: здесь имело место взаимное влияние русских солдат на французских, уставших от войны, все яснее чувствовавших, что войну

нужно кончать, и революционных выступлений во французской армии, свидетельствовавших, что жить в старом положении не хотят и их французские товарищи по оружию. Однако французские империалисты в разговорах с представителями России считали едва ли не главным виновником «беспорядков» только русских солдат. Занкевичу Петен заявил: «Я могу согласиться на оставление вашей части на французском фронте лишь при полном упразднении комитетов, т. е. при возвращении к прежней дисциплине»¹. Французский командующий предлагал также, чтобы желающие из числа русских солдат и офицеров переходили на французскую службу в первый иностранный легион. Но «упразднение комитетов» было не под силу ни Занкевичу, ни Петену, ни французскому, ни русскому правительствам. Вернуть позавчерашний день было уже невозможно. Занкевич сам признал это, сообщая в той же телеграмме, что он сильно сомневается «в приемлемости условий генерала Петена». Удалить войска из Франции было более реальным выходом из положения.

Это требование в июле выдвигало уже не только французское военное командование, но и парижское правительство.

Работники французского посольства в Петрограде получили задание договориться с Временным правительством о вывозе войск. Параллельно французские власти нажимали на Занкевича, требуя скорейшего отозвания бригад и мотивируя опасением «возникновения аналогичных требований французских солдат». Рибо и в беседах с представителями Временного правительства во Франции, и в телеграфных обращениях к последнему настаивал на отправке русских войск домой².

Французское правительство настаивало, Временное не хотело вернуть солдат в Россию. Петроградская печать тем временем обманывала общественное мнение, скрывая истинное положение вещей и сообщая со ссылкой на сведения, полученные из «авторитетных источников», «что вопрос об отозвании русских войск не поднимался в Париже»³. 9 июля (26 июня) Занкевич, на которого нажимали французские власти, требовавшие решения вопроса о рус-

¹ «Красный архив», т. 1 (XLIV), М. 1931 г., стр. 156. Из телеграммы Занкевича из Парижа от 21 апреля 1917 г.

² ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 1, л. 45; д. 12, лл. 137—138.

³ «Новое время», 24 (11) июня 1917 г.

ских войсках, просил у Керенского «скорого определения» и «высокоавторитетного слова»¹. Вопрос этот через несколько дней обсуждался на совещании в Ставке. Терещенко заявил о «нежелательности» возвращения солдат в Россию и сообщил решение правительства «принять на месте все меры воздействия для приведения дивизии в порядок и направить ее затем на салоникский фронт»². Вот какую судьбу уготовило Временное правительство войскам. Начальник французского генерального штаба Фош в течение июля вел переговоры с соответствующими ведомствами о необходимости не позднее 15 августа начать отправку русских частей в Македонию. Искали транспорт. Лукомский предлагал Занкевичу «в спешном порядке» добыть у французского или английского правительства необходимый тоннаж³. Но в решение этого вопроса в июле вклинился новый фактор. Солдаты оказались субъектом, а не объектом действия. Они поднялись на вооруженную борьбу.

Восстание русских солдат помешало осуществить переброску войск. Перед империалистами встала задача приведения солдат «в покорность». Вся буржуазная печать: и французская, и русская — ложно изобразила историю восстания русских солдат. Из русских газет только большевистская пресса поместила сообщение французского посольства в Петрограде о восстании и его подавлении с таким пояснением от редакции, которое давало правильную оценку поведения «доблестных союзников», в лице тогдашнего французского правительства, ответивших на жертвы, понесенные ради защиты антантовских империалистических интересов, «запрещением собраний, изъятием солдатских газет, целым рядом других стеснений и, если этого мало, расстрелом». Здесь содержалась также оценка политики Временного правительства по отношению к русским войскам во Франции, которое «целиком за расстрелы, против заброшенных на чужбину русских солдат»⁴.

---

¹ «Красный архив», т. 2(99), М. 1940, стр. 57.

² Протокол совещания, см. приложение к кн. А. М. Зайончковского, Кампания 1917 г., стр. 182.

³ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 35, л. 8.

⁴ См. «Рабочий путь» № 27, 17(4) октября 1917 г. Кроме того, в первом номере московской большевистской газеты «Деревенская правда», вышедшей в тот же день 17(4) октября, была опубликована статья М. С. «Как живут наши солдаты во Франции», в которой рассказывалась правда о Куртинских событиях.

Какова же подлинная история событий, вырисовывающаяся на основании воспоминаний участников и критической проверки данных из лагеря противников солдат?

После решения французского правительства об отозвании русских войск с фронта и сосредоточения обеих бригад в куртинском лагере¹ среди солдат отчетливо обнаружилось две точки зрения. Большинство первой бригады решительно требовало немедленного возвращения войск в Россию. Основная часть солдат 3-й бригады, также желая вернуться на родину, не ставила этого требования ультимативно и не связывала его с политическими лозунгами отношения к Временному правительству.

Командование сделало попытку начать в бригадах регулярные учебные занятия, заставив этим солдат подчиняться всем распоряжениям командиров бригад. Но в тот же день, 22 июня, когда должно было быть введено учебное расписание, состоялся общий митинг 1-й бригады, решивший «на занятия во Франции больше не ходить и требовать немедленной отправки в Россию», где они не отказывались продолжать воевать. Мотивируя это решение, резолюция митинга указывала на «постоянный обман и издевательства», нарушающие «самые элементарные права человека (пример — госпитальный вопрос) со стороны нашего и французского начальства», на «вызывающее отношение французской буржуазии как к врагам», на «тягу на родину». В лагерь срочно прибыли Занкевич и Рапп.

На общем собрании солдат Рапп произнес речь, содержащую требование продолжать войну на французском фронте «до победы над Германией». Когда представитель Керенского предложил голосовать: «Кто подчиняется Временному правительству и по его приказу немедленно отправится на французский фронт?» — ни одна рука не поднялась. Все выступавшие решительно требовали отправки в Россию. Здесь впервые раздались голоса: «На фронт больше не пойдем и воевать не будем». Солдаты были крайне возбуждены. Это выступление Раппа только увеличило ряды противников доверия Временному правительству и его агентуре. «Среди солдатских бесед и разговоров

---

¹ В связи с отводом русских бригад в тыл ряд буржуазных газет помещал на своих страницах клеветнические измышления по адресу русских солдат, доблестно сражавшихся во Франции. Члены делегации от русских войск во Франции, приехавшие в Петроград, поместили опровержение клеветы. См. «Известия Петроградского Совета», 4 июня 1917 г.

все чаще стало упоминаться слово Ленин», — подчеркивает очевидец и участник событий¹. Хотя среди русских бригад не было еще тогда большевистской организации, влияние на солдат большевистской программы, проникавшее через газеты, беседы с эмигрантами-большевиками и другими путями, росло. В солдатских помещениях офицеры неоднократно обнаруживали большевистскую «Правду» и другие газеты «крайне левого направления».

В первой половине мая 1917 г. вышел первый номер нелегальной газеты «Голос правды», изданной эмигрантами для распространения среди русских войск, где важнейшие политические вопросы освещались с позиций большевистской партии. Проникавшие в полки агитаторы-большевики, тоже из числа эмигрантов, кроме того, выпустили ряд агитационных листов. То, что «ленинцы проникают и к солдатам в окопах со своей литературой», неоднократно признавала и правая буржуазная печать².

После совещания с генералами и офицерами бригады командование решило отделить тех солдат, на покорность которых еще можно было рассчитывать, от «мятежников». 25 июня часть войск была выведена из района Ла-Куртин, однако, большинство осталось в лагере.

В воспоминаниях Кидяева и Карева численность лакуртинского отряда определяется в 11 500—12 тыс. чел., а ушедших в Фельтен — в 4 тыс. К данным Кидяева присоединяются другие участники событий — авторы брошюры о русских солдатах во Франции, указывавшие лишь, что в Фельтене было «не более 5 тысяч человек»³.

В июле, когда настроение солдат в лагере Фельтен стало внушать большие опасения Занкевичу и Раппу, расположение их было перенесено в Курно (в окрестностях Бордо), где у командования было меньше опасений ожидать соединения начинавших выходить из повиновения солдат третьей бригады с «куртинцами». Тем временем 16 июля в лагере

---

¹ См. П. Карев, Нас не укротили, Иваново 1937 г., стр. 80; см. также А. Козлов, Проданные за снаряды, стр. 20, Л. 1931. «Вся их деятельность, — вспоминали участники событий о поведении Раппа и других посланцев Керенского, — сводилась к тому, что они гуляли с офицерами и запугивали всевозможными карами солдат». «Правда», 29 июня 1922 г.

² См. ЦГВИА, ф. 415/с, оп. 8, д. 103, л. 234; АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 71, т. II, л. 785; И. Эренбург, Лик войны, стр. 78; «Русская воля», 22(9) мая 1917 г.

³ «Октябрь за рубежом», стр. 38; «Русские солдаты во Франции», М. 1919 г., стр. 7; П. Карев, Указ. соч., стр. 87.

восставших собрался дивизионный комитет (совместно с ротными и батальонными комитетами), который решил именоваться «Советом солдатских депутатов лагеря Ла-Куртин». Настроение солдат стало резко враждебным по отношению к Временному правительству, и на часто устраивавшихся массовых митингах на площади у помещения Совета выдвигались лозунги: «Долой правительство Керенского, долой войну, да здравствуют Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов!». Занкевич с помощью «социалиста» Раппа установил блокаду лагеря, надеясь на капитуляцию в результате голода.

Для окружения лагеря были использованы французские войска¹. Продовольственное положение ла-куртинцев быстро ухудшалось, внутренние запасы подходили к концу. Нормы довольствия сокращались, табака и мыла не было совсем.

Солдаты посылали письма на родину с мольбой о помощи. Некоторые из этих писем дошли по адресу и даже попали на страницы большевистской печати. Одно из таких коллективных писем, написанных в августе, уже после Октябрьской социалистической революции было опубликовано в «Известиях»². Окруженные плотным кольцом врагов, ла-куртинцы писали на родину: «Товарищи, умоляем вас, чтобы вы спасли нас, погибаем от буржуев и своих офицеров, мроят голодом, чтобы мы сложили оружие... Ходим босые и раздетые, окружили нас французскими войсками, как пленных немцев, и хотели нас расстрелять за то, что мы просимся на родину... Мы на краю гибели. Просим вас, чтобы вы оказали нам какую-нибудь помощь». В этом же письме приводятся выдержки из приказа № 34 от 30 июля по русским войскам во Франции. Приказ этот составлен был на основании директив из Петрограда. Как же отнеслось Временное правительство к восстанию русских солдат во Франции? Занкевич военному министру, а Севастопуло в министерство иностранных дел посылали подробные донесения в Петроград. И в оба адреса шли в ответ одинаковые директивы — восстановить «... порядок самыми решительными мерами, не останавливаясь перед применением вооруженной силы и руководствуясь только что

---

¹ «Рабочий путь» № 27, 17(4) октября 1917 г.

² «Известия» № 249, 25(12) декабря 1917 г. «Русские войска во Франции».

введенным положением о военно-революционных судах, с правом применения смертной казни». Вернуть войска в Россию Временное правительство в лице как Керенского, так и Терещенко решительно отказывалось и теперь. Керенский требовал немедленно «по восстановлении порядка в первой бригаде» отправить войска на салоникский фронт¹. Телеграмму с требованием использовать оружие против восставших и ввести военные суды послал Занкевичу и Корнилов². Во исполнение этих указаний и был составлен приказ № 34, где сообщалась директива Керенского и давалось в виде ультиматума о сдаче 48 часов на выход из лагеря без оружия.

В телеграмме Терещенко, посланной 25 (12) августа 1917 г., подтверждался приказ об отправке русских бригад в Салоники и «какие-либо изменения в принятом решении по этому вопросу» объявлялись невозможными. Приказы-валось объявить 1-ю бригаду расформированной (если она откажется капитулировать) и давалась санкция на применение французских войск для «усмирения». Севастопуло уполномочивался «передать это приказание ген. Занкевичу и войти в соответственные сношения с французским правительством»³. Однако Нуланс получил распоряжение из Парижа сообщить Терещенко, что французское правительство не хочет взять на себя ответственность за расстрел русских солдат (речь шла не о том, расстреливать или нет — против этого правительство Третьей республики не возражало, — важно было лишь свалить на Керенского и Терещенко ответственность) и предлагает использовать проезжавшую через Францию в направлении на салоникский фронт 2-ю артиллерийскую бригаду. 1 сентября Нуланс сообщал в Париж о директиве, посланной Беляеву, возглавлявшему эту бригаду, «восстановить порядок в куртинском лагере силой».

В тот же день Занкевич попал на прием к президенту Пуанкаре. Он изложил просьбу о предоставлении французских вооруженных сил для подавления восстания. Запись беседы в дневнике Пуанкаре и последующие действия французского правительства вскрывают не только подлинную роль французских империалистов, обогривших свои руки

---

¹ См. «Красный архив» № 2(99), 1940, стр. 58.

² ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 135, л. 31.

³ «Красный архив» № 2(99), 1940 г., стр. 59—60.

кровью тех воинов, которые так недавно сражались за интересы этих самых империалистов, но и неискренность, лицемерие, проявленные тогдашними французскими руководителями. Текст беседы изложен в IX томе воспоминаний Пуанкаре так: Занкевич «хотел бы, чтобы французские войска их (русских солдат в ла-куртинском лагере.— А. И.) образумили. Мы отказались. В результате этого вмешательства началась бы новая кампания немцев против Франции... К счастью, русские войска, только что высадившиеся во Франции и направляющиеся в Салоники, сохраняют верность. Он вооружит 600 чел. французскими ружьями и даст обслуживающую прислугу французской батарее. Он надеется, что если лагерь будет окружен французскими войсками, то небольшой русской силы будет достаточно, чтобы уничтожить мятежников»¹. Вот как «отказался» от участия в подавлении движения русских войск Пуанкаре. Предоставление французского оружия, артиллеристов французской армии и окружение лагеря французскими войсками не считалось в его устах «участием». 10 сентября Севастопуло сообщал Терещенко, что как раз по просьбе французов начало военных действий против солдат лагеря Куртин задерживается на несколько дней. Оказалось, что французское правительство решило более тщательно подготовиться к операциям, для чего «выписать с фронта хорошие боевые войска в количестве: одного пехотного полка, одного кавалерийского и одной батареи. Войска эти должны заменить те, которыми ныне оцеплен Куртинский лагерь и которые состоят из людей, не бывших в деле, старых территориалов и 19-летних людей последнего призыва»². Из солдат 3-й бригады был выделен сводный отряд (пять батальонов и батарея), составленный из наиболее «благонадежных», таких нашли около 2500 чел. Французские части (Кидяев называет в мемуарах, кроме кавалерии и артиллерии, 19, 78, 82 и 105-й французские полки, осаждавшие Куртин)³ вместе с сводным отрядом и 2-й артиллерийской бригадой, в конце августа высадившейся во Франции, составили внушительные силы, брошенные на подавление голодного, уставшего от длительной осады

---

¹ R. Poincaré, Au service de la France, v. IX, L'année trouble, Paris 1932, p. 265.

² «Красный архив» № 2(99), 1940 г., стр. 61.

³ «Октябрь за рубежом», стр. 45. Сообщение Кидяева совпадает с указаниями авторов брошюры «Русские солдаты во Франции» (стр. 9).

лагеря русских солдат. 12 сентября Беляев получил официальное приказание от Занкевича вступить в командование всеми русскими силами, а французские части под общим командованием генерала Комби «занимают линию непосредственно за линией расположения частей русского отряда»¹. Общая численность французских войск, по данным Занкевича, 5 тыс. чел., кроме резерва в 2 полка и батареи². В составе французских войск были 32 роты пехоты, 6 эскадронов, имелось 6 тяжелых орудий³. Рибо в беседе с Севастопуло высказал полное удовлетворение использованием французских войск для подавления восстания⁴.

Занкевич и Беляев детально обсуждали план «операций» с французскими генералами⁵. План действий против куртинских «мятежников» Занкевич представил Пенлеве, по требованию последнего. Были незамедлительно удовлетворены просьбы Занкевича о подготовке помещений для 1000 солдат, которых предполагалось изъять из лагеря Ла-Куртин после подавления восстания и водворить под охрану французских войск, и о предоставлении Беляеву 4 полевых прожекторов, 10 км провода, 100 взрывных снарядов для 75-миллиметровых пушек⁶.

Севастопуло получал информацию о ходе событий в районе Ла-Куртина от Пуанкаре⁷. Русские солдаты, даже тщательно отобранные, все же внушали Занкевичу опасения. 2 батальона, сформированные из сводного отряда 3-й бригады, по признанию Занкевича, имели «несколько колеблющееся» настроение. Он боялся бросить их в атаку. Те солдаты, которые прямо говорили о нежелании стрелять в восставших, немедленно арестовывались⁸.

14 сентября куртинцы получили ультимативный приказ сложить оружие не позже 10 часов утра 16 сентября при

---

¹ «Красный архив» № 2(99), 1940, стр. 61—62.

² Там же, стр. 67.

³ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 82, л. 25.

⁴ АВВР, ф. Канцелярия МИД, д. 71, т. II, л. 791.

⁵ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 12, лл. 182—183.

⁶ Г. М. Деренковский, Указ. соч., «Исторические записки», т. 38, стр. 91.

⁷ АВВР, ф. Канцелярия МИД, д. 71, т. II, л. 810.

⁸ «Вторая бригада, — сообщал Севастопуло в Петроград, — настроена первоначально очень лояльно, ныне с течением времени и вследствие нежелания ехать в Салоники также является крайне ненадежной». АВВР, ф. Секретный архив министра, д. 659, л. 27.

угрозе артиллерийского огня в случае отказа капитулировать. На артиллерию Занкевич делал главную ставку.

Солдаты в лагере не хотели сдаваться. После получения ультиматума на виду у осаждавших состоялась демонстрация с красными знаменами. Руководители отрядного комитета в тот же день 14 сентября обратились с письмом к французскому коменданту лагеря Ла-Куртин, где обрисовали всю чудовищность сложившегося положения, когда герои боев в Шампани и под Курси оказались на положении «пленных или арестованных». Они взывали к чувствам чести французского командования, напоминали, что их «вчера по всем газетам... восхваляли за храбрость, а сегодня по всем войскам громят... как бунтовщиков». «Но что мы плохого сделали для Франции? — говорилось в письме. — Если нас хотят уморить голодом и мы умрем здесь голодной смертью, то пусть знает весь свет, что русские герои 1-й Особой пехотной бригады умерли голодной смертью во Франции по милости ген. Занкевича, так как во Франции не хватило хлеба и других продуктов для 9 тысяч русских войск»¹.

Французская главная квартира, игнорируя факты, ответила восставшим, что Франция не вмешивается в дела русских войск. Ни обращение 14 сентября, ни еще второе письмо, посланное 15-го («Это позор для страны. Неужели Ваше правительство думает, что все это пройдет тайно», — писали солдаты)², ничего не изменило. Тогдашние французские власти не откликнулись на просьбы голодных солдат, в своих поступках они руководствовались только классово-ненавистью империалистов, готовых участвовать в кровавом преступлении. Из лагеря осажденных были посланы также письма и воззвания к солдатам третьей бригады, согнанным для участия в подавлении восстания. «... Не забывайте братство, пойдемте рука об руку! — писали солдаты к своим обманутым товарищам, — забудем все прошлое и поспешим поскорее соединиться»³.

В то время как представители эксплуататорских классов Франции объединились с Временным правительством в стремлении подавить силой восстание, французский

¹ «Красный архив» № 2(99), 1940 г., стр. 64—65.

² ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 82, л. 55; «Красный архив», 1940 г., т. 2(99), стр. 66.

³ П. Карев, Указ. соч., стр. 66; ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 80, лл. 19, 23.

народ выражал свою солидарность с русскими товарищами. Лагерь Ла-Куртин посещало много французских рабочих и крестьян. Из происходивших откровенных бесед гости поняли справедливый характер выступлений русских солдат, желавших вернуться на родину. «Поняв из этих бесед,— пишет П. Карев,— истинный смысл требований дивизии, французы быстро сдружились с нами, и после этого каждое собрание, проводимое дивизией или отдельной ротой, никогда не проходило без присутствия французов. Они сочувствовали нам»¹. Ла-куртинцев посещали не только жители близлежащих деревень и городков. В лагерь приезжали издалека представители рабочих коллективов фабрик и заводов, французские пролетарии проявили дружеское внимание к попавшим в тяжелейшее положение представителям русского народа. Простые французы помогали осажденным продовольствием. Кроме того, когда французское командование начало выселять в принудительном порядке жителей из деревни Куртин и ближайших к ней селений, то жители, уходя, оставляли продукты для восставших². Сочувствие русским товарищам проявила и часть французских солдат. Когда 12 сентября Занкевич отдал приказ командиру французской артиллерийской батареи начать стрельбу, солдаты-артиллеристы не тронулись с места. На вопрос офицера о причинах невыполнения приказа французские солдаты заявили, что их обманули, посылая сюда, когда им сказали, что стрелять по русским войскам не придется. «Русские солдаты дрались с нами вместе против немцев на фронте, защищая нашу родину,— говорили представители французского народа,— поэтому мы никогда не посмеем их расстреливать, не зная, в чем они виноваты и какое они сделали преступление в нашей стране». Никакие уговоры не помогали. Занкевич приказал тогда стать за орудия русским офицерам, которые совместно с французскими офицерами открыли стрельбу³.

И в истории пребывания русских войск во Франции мы видим, таким образом, красноречивые факты дружбы между народами двух государств.

Утром 16 сентября, когда истек срок ультиматума, никто не сдавался. В это утро состоялась новая демонстрация с

---

¹ П. Карев, Указ. соч., стр. 89.

² См. П. Карев, Указ. соч., стр. 89, 103; А. Козлов, Проданные за снаряды, стр. 41, 43.

³ П. Карев, Указ. соч., стр. 101.

высоко поднятыми красными знаменами. Духовой оркестр играл похоронный марш¹. В 10 часов началась артиллерийская стрельба. Раздался стон первых раненых. Появились убитые. Несмотря на отсутствие артиллерийской батареи у осажденных, имевших лишь винтовки и пулеметы, весь день 16-го они не сдавались. 17-го утром стрельба по лагерю продолжалась. По признанию Занкевича, только за это утро было выпущено по «мятежникам» 30 снарядов. Раненые в лагере были лишены медицинской помощи: им было отказано в просьбе прислать в лагерь врача. Призывы к осаждавшим прекратить стрельбу не нашли ответа. Был закрыт водопровод, снабжавший лагерь Ла-Куртин водой. 17 и 18 сентября продолжалась борьба. Большое численное и материальное превосходство наступавших на лагерь голодных и не имевших запасов оружия солдат позволило карателям занять к вечеру 19 сентября $\frac{2}{3}$ лагеря. За этот день в лагерь послали 600 снарядов. Значительная часть солдат попала в руки наступавших, но часть солдат-храбрецов — более 2 тыс. продолжала упорно сопротивляться. Занкевич ежедневно посылал телеграммы Временному правительству о ходе подавления восстания². Только 21-го капитулировали последние отряды — пулеметчики, защищавшие лагерь. По данным сообщения французского посольства, явно преуменьшенным, восставшие потеряли 8 чел. убитых, 44 раненых, а наступавшие — 1 убитого и 5 раненых. 2 человек потеряли французские войска — 1 убитого и 1 раненого³. Один из участников восстания, солдат Дмитриев, считает, что убито было 200 чел. Авторы цитированной уже брошюры «Русские солдаты во Франции» называют 600 убитых и раненых⁴.

Последовала жестокая расправа. 90 чел. из числа руководителей восставших были отправлены в тюрьму в Бордо. 350 чел. было выслано на остров Экс в Атлантическом океане, несколько сот человек — в лагерь для осужденных в Бург-Лаотье. Остальные на некоторое время были оставлены в Ла-Куртине «для выяснения виновных и степени

---

¹ См. «Октябрь за рубежом», стр. 45, из воспоминаний Қидяева.

² ЦГАОР, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 107, лл. 1, 2; ЦГВИА, ф. 415/с, оп. 8, д. 103, л. 63 и др.

³ «Рабочий путь», 17(4) октября 1917 г.

⁴ «В лапах у «гуманных» французов», «Правда» № 120, 29 мая 1924 г. «Русские солдаты во Франции», М. 1919, стр. 9.

их ответственности». Из них 110 чел. были арестованы. Была назначена следственная комиссия¹.

После подавления восстания вновь встал вопрос о вывозе из Франции русских войск. Речь шла об отправке их уже в Россию, а не в Македонию, ибо командование русских бригад на салоницком фронте опасалось возникновения там событий, подобных куртинским. Даже Ставка поставила вопрос о возвращении этих войск домой².

Предлогом для задержки вывоза русских войск из Франции на родину выдвигался все тот же вопрос о тоннаже; это был именно предлог для Временного правительства. Три парохода должны были идти из Англии в Архангельск, за два или три рейса, по компетентному мнению представителей Временного правительства в Париже, пароходы могли перевезти всех солдат³. Но эта возможность не была использована по политическим, а не техническим причинам.

Междуведомственный комитет пограничному снабжению постановил «признать обратную перевозку из Франции русских войск при существующих условиях тоннажа неосуществимой без полного расстройтва всего заграничного снабжения» (!), а в Париже пришли к выводу, что перевозка русских войск может быть начата не ранее весны 1918 г.⁴

Занкевич решил использовать солдат, не сидевших в тюрьмах, на тыловых работах во Франции. Солдаты воспротивились этому. На экстренном заседании солдатского комитета в лагере Курно 23 (10) октября был принят энергичный протест против подобных намерений командования. Но при помощи полицейской силы солдат все же заставили подчиниться⁵. Русские войска были превращены в рабочие нестроевые батальоны, выполнявшие почти без всякого вознаграждения тяжелые тыловые работы. Многие из числа «непокорных» были сосланы на каторжную работу в Африку. Французское правительство хотело распорядиться русс-

---

¹ См. «Рабочий путь», 17(4) октября 1917 г.; «Красный архив» № 2(99), 1940, стр. 69; «Октябрь за рубежом», стр. 47.

² АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 141, л. 92.

³ Там же, д. 71, т. II, л. 788.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 31, л. 96; ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 12, л. 222.

⁵ ЦГВИА, ф. 415/с, оп. 8, д. 125, л. 3; ф. 416/с, оп. 1, д. 12, лл. 195, 216, 223 об.

кими солдатами по своему усмотрению; некоторым удалось бежать в Швейцарию.

К началу января 1918 г. во Франции и французских колониях в Африке насчитывался 19 031 русский солдат¹. Вопрос о возвращении их на родину был поставлен Советским правительством вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции; освобождение прошедших через ужасы пребывания в руках французских империалистов героических русских воинов было осуществлено с большим трудом после ряда дипломатических мероприятий Совета Народных Комиссаров.

Солдаты из России остались в 1917 г. во власти французских империалистов волею буржуазного Временного правительства, целиком продолжавшего политику Николая II в этом вопросе и еще более усилившего зависимость России от иностранного империализма своим нежеланием, да и неумением защищать национальные интересы России. Французские и русские империалисты совместными усилиями учинили кровавую расправу над солдатами, требовавшими возвращения на родину, в то время как представители французских трудящихся сочувствовали и симпатизировали заброшенным во Францию русским солдатам. Только Советская власть сумела добиться возвращения на родину всех оставшихся в живых бывших солдат русских бригад, сражавшихся во Франции в военные годы.

---

¹ Из 19 031 чел. 11 522 находились в рабочих батальонах во Франции, 4746 чел. — в Африке или на пути к ней, 252 чел. — солдаты в составе французских подразделений; 12 чел. — в тюрьме. Остальные 2499 чел. — или больные в госпиталях, или находившиеся в командах различного назначения.

ГЛАВА VI

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

§ 1. Усиление финансово-экономической зависимости России от Франции при Временном правительстве

Для понимания характера внешней политики русской буржуазии, особенностей взаимоотношений между Временным правительством и Францией большое значение имеет анализ экономических отношений между ними.

Экономическая политика Временного правительства, правительства контрреволюционной буржуазии и помещиков, хозяйничавших по-капиталистически, была политикой предательства русских национальных интересов. Русские империалисты, не заботившиеся о национальном суверенитете страны, распродавали ее богатства иностранной буржуазии, с которой были связаны общими империалистическими интересами и от которой получали растущую помощь для борьбы против революции. Ради сохранения своего господства они пошли на национальную измену. Временное правительство, указывал В. И. Ленин в 1-м «Письме из далека», «связано по рукам и ногам англо-французским империалистским капиталом. Русский капитал есть отделение всемирной «фирмы», ворочающей сотнями миллиардов рублей и носящей название: «Англия и Франция»¹. Терещенко, Коновалов, Гучков, да и большинство других министров были одновременно представителями финансового капитала, директорами, пайщиками крупных банков. Сращивание государственного аппарата с финансовой буржуазией, столь характерное для периода империализма, отчетливо видно на составе Временного правительства. В этом направлении был сделан несомненный

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 300.

шаг вперед по сравнению с царскими кабинетами. На прямую связь между банковскими деятелями и министрами, выразившуюся в «совмещениях» обеих сфер деятельности, указал В. И. Ленин¹.

Буржуазное правительство было так же связано тайными грабительскими договорами, как и царское. Революционного народа оно боялось так же, как и его предшественники. Борьба против нараставшей революции с каждым месяцем все более определенно становилась главной задачей политики Временного правительства. Эта борьба велась с активным участием иностранных империалистов. Политическая зависимость русской буржуазии от Антанты оказывала обратное влияние на экономическую самостоятельность, лишь усугубляя последнюю. Взаимосвязь экономики и политики в период разрушительной империалистической войны, в условиях, когда имелись уже все предпосылки для победы социалистической революции в России, имела своим результатом капитуляцию русской буржуазии перед иностранным империализмом. Перед страной встала реальная угроза полного лишения экономической независимости, потери национального суверенитета, превращения России в иностранную колонию.

Противником иностранного и русского империализма выступила лишь партия большевиков вместе с рабочим классом, трудовым крестьянством, передовой частью интеллигенции, шедшими за партией Ленина. Только большевики были действительными борцами за национальную независимость нашей Родины. Одна лишь победа социалистической революции могла предотвратить страшную опасность кабалы, возникшую в результате раблепия русской буржуазии перед англо-франко-американским империализмом. Меньшевики и эсеры не только поддерживали экономическую политику Временного правительства, но и сами участвовали в ее проведении. Рост русской революции, с другой стороны, в корне подрывал планы колонизации России империалистами Германии и Антанты.

Экономическое положение России ко времени победы Февральской революции было тяжелым. Царские власти были неспособны успешно организовать военное производство и наладить снабжение рабочих тыла. Привлечение пред-

---

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 96.

ставителей буржуазных организаций к решению важнейших вопросов не улучшило положения; оно продолжало ухудшаться: капиталисты наживались на военных заказах, занимались спекуляцией и саботировали робкие попытки регулирования производства и потребления со стороны многочисленных, но неработоспособных «совещаний». В стране ощущалась острая нехватка топлива и металла, резко сократилась выпечка хлеба, значительно уменьшилась товарность сельского хозяйства; около половины мужчин в деревне были мобилизованы в армию, многочисленные реквизиции привели к серьезному сокращению средств производства, некоторые важные сельскохозяйственные районы к тому же попали в зону военных действий.

Наиболее острые формы приняла разруха на транспорте. Уже в первой половине 1916 г. количество неперевазанных грузов исчислялось в 127 тыс. вагонов. Из-за плохой работы железных дорог около миллиарда пудов имевшихся в стране хлебных запасов не могло быть переброшено в потребляющие районы, в которых рабочие жили впроголодь. Паровозно-вагонный парк требовал капитального обновления. Летом 1917 г. на железных дорогах России было 6 тыс. паровозов со средним сроком эксплуатации в 23 года и 5 тыс. — в 30 и более лет¹.

Союзники нередко возмущались разрухой на транспорте, но практическую помощь оказывали плохо даже тогда, когда эта помощь была обещана ими и оплачена Временным правительством.

Оказавшись у власти, русская буржуазия вместо спасения народного хозяйства от надвигающейся катастрофы распродала, подобно своим предшественникам, национальные интересы России иностранным империалистам, что не могло не иметь своим результатом усиление экономических позиций американских, английских, французских империалистов в русском народном хозяйстве. На примере экономической политики русской буржуазии не менее убедительно, чем в ее дипломатической деятельности, раскрывается антинациональная и антипатриотическая деятельность эксплуататорских классов, свергнутых Великой Октябрьской социалистической революцией.

---

¹ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 148, л. 37 об.; в 1917 г. ежемесячно выбывало из строя в среднем до 700 паровозов. «Русское слово» № 189, 19 августа 1917 г.

В кратковременный период пребывания у власти Временного правительства приток иностранных — и французских в том числе — капиталов не увеличился, а даже несколько уменьшился. Это было характерно не только для 1917 г., но и для предшествовавших военных лет. За 1914—1917 гг. удельный вес иностранных капиталов в русских акционерных компаниях снизился с 47 до 38%¹. Однако некоторое уменьшение суммы иностранных капиталов в России было следствием ряда объективных факторов² и не определялось политикой царского и Временного правительств. Рост экономической зависимости России от Франции при Временном правительстве выражался прежде всего в росте внешней задолженности по займам.

Ростовщические доходы по займам наряду с сверхприбылями от вложений в русскую промышленность были главными формами эксплуатации русского рынка со стороны французских и других империалистов. Уже в первые дни своего существования Временное правительство поручило министру иностранных дел оповестить иностранные державы, что оно «будет ненарушимо отвечать по всем денежным и другим обязательствам, ранее заключенным от имени государства»³. В марте также выяснилось, что русское правительство решило не только платить проценты по займам, доставшимся от царских министров, и выполнять все пункты финансовых соглашений с Антантой, но, кроме того, еще больше увеличивать и без того тяжелую финансовую зависимость от союзников. Огромная армия стояла под ружьем; военные расходы продолжали расти при Временном правительстве, достигнув в августе 1917 г. суммы в 66 млн. руб. ежедневно. Перед русской буржуазией встал грозный вопрос, где изыскать средства для покрытия военных расходов и для оплаты купонов по прежним займам.

Некоторые меры были приняты для получения денег внутри страны. Большие надежды возлагались на «Заем свободы», выпущенный в апреле 1917 г. Однако вся подписка на этот заем за все время существования Временного правительства составила 3,7 млрд. руб., хотя выпущен он был на 6,1 млрд. руб.

¹ И. Ф. Гиндин, Русские коммерческие банки, стр. 227. Автор ссылается на исследование П. В. Оля.

² См. стр. 276.

³ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 1, т. I, л. 2.

Другим средством получения крупных сумм для ведения войны внутри страны была попытка резко увеличить косвенные налоги, а в отдельных случаях и прямые: в июне 1917 г. был повышен подоходный налог с доходов в 1000 руб. и выше. И здесь успехи оказались очень невелики, а итоги налоговых мероприятий крайне неутешительны для правительства.

Комитет съездов акционерных коммерческих банков пригрозил финансовым бойкотом в случае, если будет на практике осуществлено повышенное обложение крупных состояний.

Попытки правительства увеличить свои доходы за счет состоятельных классов оказались, по словам В. И. Ленина, «фикцией, мертвой буквой»¹. Иначе быть не могло, ибо реальная ценность денег непрерывно падала, а коммерческая тайна тщательно охранялась буржуазным правительством и «утайка доходов» носила повсеместный характер.

Большие надежды возлагались на косвенные налоги, тяжесть которых падала главным образом на плечи трудящихся. Несколько раз повышались железнодорожные, почтово-телеграфные тарифы. На сахар, спички, махорку, чай и кофе были введены правительственные монополии, что привело к резкому повышению цен. Это новое ограбление народа не смогло, однако, разрешить проблему финансирования войны. К тому же монополии были введены только в сентябре — октябре.

Важнейшим источником финансирования империалистической войны стали для русской буржуазии иностранные займы и кредиты.

Временное правительство рассчитывало на приток денег извне².

Финансовая поддержка русской буржуазии со стороны иностранных империалистов преследовала как экономические, так и тесно связанные с ними политические цели. Банкиры и правительства Парижа, Лондона и Вашингтона надеялись, кроме непосредственных выгод в виде процентов, при помощи займов еще более укрепить свои командные позиции в экономике России. Одновременно займы и крат-

---

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 328.

² В записке министерства финансов о финансовом положении России к весне 1917 г. содержится признание: если затянется война и союзники не дадут новых кредитов, то неизбежно полное банкротство. См. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 865, л. 224.

косрочные кредиты были одним из средств помощи международной реакции русским империалистам в борьбе против русской революции, одним из проявлений классовой солидарности мировой буржуазии, желавшей сохранить цепи рабства на трудящихся как в России, так и во всем мире, одним из способов поддержки Временного правительства в его борьбе за сохранение своей власти, против наметившегося в нашей стране прорыва фронта империализма.

Упомянув в речи на I Всероссийском съезде Советов Р. и С. Д. о займах Англии и Франции, В. И. Ленин указал на то, что «поддержка эта «поддерживает», как веревка поддерживает повешенного»¹.

Вместе с тем в своих финансовых взаимоотношениях с Временным правительством французские империалисты учитывали непрочность власти русской буржуазии. Они не предоставили ей ни одного нового займа, ограничиваясь выдачей краткосрочных кредитов. «Заграничные займы,—откровенно разъяснил журналистам Шингарев в мае 1917 г.,—затруднены неопределенностью положения на русском фронте и в армии. Естественно, что союзники не дают скорого и удовлетворительного ответа, так как и мы не дали ответа, как скоро и как мы будем воевать»².

Обязательства перед Францией по старым займам и краткосрочным кредитам были велики.

В справке о намеченных на 1917 г. платежах по иностранным займам, составленной к петроградской конференции союзников, Франции намечено было уплатить 277,7 млн. руб.³

Из этой суммы 204,4 млн. руб. падало на оплату купонов и тиражных облигаций государственных займов, 34,5 млн. руб. — на платежи по краткосрочным обязательствам государственного казначейства, 29,6 млн. руб. предназначалось на оплату купонов и тиражных облигаций частных займов, 9,2 млн. руб. — городских⁴.

Кроме того, 183 937 тыс. руб. было намечено заплатить в 1917 г. Франции в счет военных поставок. Следовательно, общая сумма платежей Франции по имевшимся обязательствам составляла 461 637 тыс. руб.⁵ И в 1917 г. деньги,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 26.

² «Финансовое обозрение» № 17—18, 1917 г., стр. 7.

³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1403, ч. I, л. 103.

⁴ Там же, лл. 102—103.

⁵ Там же, лл. 186—187.

получаемые от иностранных империалистов в виде займов, шли преимущественно на взносы за военное снаряжение и оплату купонов.

Платежи по французским долгам Временное правительство старалось делать исправно.

По 1 и 2-му французским военным займам, выданным царскому правительству, к 3 апреля 1917 г. было принято обязательств на 3 144 220 382,98 франка, уплачено по ним 2 163 101 098,25 франка и предстояло уплатить 981 119 284,73 франка. К середине октября 1917 г. сумма принятых по двум французским военным займам обязательств выросла до 3 997 281 637,49 франка, а уплачено было уже 3 200 623 182,86 франка и оставалось заплатить 796 658 454,63 франка ¹.

Временное правительство, стремясь сохранить хорошие отношения с парижскими банкирами, следило за исправным ходом платежей. «Temps» в мае 1917 г. с удовлетворением отмечала, что «благодаря финансовой поддержке Англии и Франции оплата купонов ни разу не прекращалась» ².

Когда русские железнодорожные компании летом 1917 г. запоздали с внесением очередной суммы, 29 июня было принято специальное постановление о разрешении министерству финансов «производить уплату процентов, погашения и заграничных налогов по выпущенным за границей займам Российских железнодорожных обществ, независимо от предварительного внесения надлежащими обществами потребных для сего сумм» ³.

Бремя финансовых обязательств и царского и Временного правительств перед Антантой было очень тяжелым, но действительные поступления по иностранным займам покрывали лишь некоторую часть военных расходов. Из 38,6 млрд. руб. прямых расходов на военные потребности (с начала войны до 1 сентября 1917 г.) только 8,1 млрд. (в круглых цифрах) приходилось на займы, полученные от союзников ⁴.

Французский империализм своей финансовой политикой по отношению к Временному правительству, полити-

---

¹ Вычислено из расчета 1 франк=40 копеек. ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 7, лл. 208—209, 231, 235.

² «Temps», 16 мая 1917 г., р. 3.

³ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 581, л. 213.

⁴ Г. Дементьев, Указ. соч., стр. 38.

кой беспощадного выколачивания огромных процентов по займам дал новое доказательство точности ленинской оценки империализма Франции, как ростовщического¹.

Характеризуя еще предвоенные русско-французские финансовые взаимоотношения, В. И. Ленин писал: «В надежде на главный выигрыш в политической лотерее, Франция поставила миллиарды на *одну только* русскую карту»².

Несмотря на выплаты крупных сумм, долги России Франции при Временном правительстве продолжали возрастать. Объяснялось это и начислением больших процентов по прежним займам, довоенным и военным, и крупными военными заказами, сделанными в 1917 г., и принятием больших обязательств по краткосрочным французским кредитам, превышавшим самые суммы этих кредитов. С октября 1915 г. по 1 июня 1917 г. французское правительство предоставило валюты в виде краткосрочных кредитов 1 млрд. руб.; на учет же к июню 1917 г. было принято обязательств в счет французского кредита уже 1457 млн. Сумму в 457 млн руб. составлял дефицит — это были обязательства уже в счет будущих кредитов; всего Франция предоставила их во время войны на сумму 1 546 875 тыс. руб., но получено было фактически около 1360 млн. руб.³ Временное правительство пыталось добиться увеличения французских кредитов, но безуспешно («ввиду политических условий», как признало русское министерство финансов)⁴.

В то время как шла исправная оплата купонов по займам и одновременно тянулась неуклонно вверх сумма иностранного долга России, золотой запас в России — реальное обеспечение находившихся в обращении денег — таял, опять в силу финансовой зависимости от Антанты. Здесь хозяйничали англичане. В подвалы английского банка прибывало золото из России на основе соглашения Барка с лондонским правительством. Наличность золота в русском Государственном банке уменьшилась с 1614 млн. руб. в начале 1916 г. до 1470,6 млн. руб.⁵ в начале 1917 г. и 1295 млн. руб. к 1 октября того же года. Наличность же русского золота за границей — в Англии и Франции — к началу

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 231.

² В. И. Ленин, Тетради по империализму, М. 1939, стр. 35.

³ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 7, л. 101; «Вестник финансов» № 5—6, 1926, стр. 137:

⁴ См. АВПр, ф. Посольство в Париже, 1917 г., д. 4022, л. 51.

⁵ По данным П. И. Лященко, 1474 млн. руб.

1917 г. исчислялась в 2 140 895 316 руб., а к середине июля 1917 г. возросла до 2 308 млн. руб.¹ Реальный золотой фонд покрывал бумажные деньги, находившиеся в обращении накануне войны в 1914 г., на 98,1 %, в июле 1917 г. — лишь на 9,5 %, а в октябре 1917 г. — менее чем на 6 %. Не удивительно, что курс русского рубля на парижских биржах катастрофически падал, причем при Временном правительстве интенсивнее, чем при царском. За все время войны до Февральской революции курс рубля понизился в Париже на 25 %. За 7 месяцев пребывания у власти русской буржуазии (март—сентябрь 1917 г.) он упал во Франции на 43 %². 28 февраля 1917 г. за 100 руб. в Париже давали 162 франка, 19 сентября — 86 франков³. В тщетных попытках найти новые деньги для ведения войны министры Временного правительства нажимали на печатный станок. Инфляция приняла чудовищные размеры, что наряду с уменьшением золотого запаса, платежами в пользу Антанты, падением стоимости русской валюты на иностранных биржах довело Россию до финансовой катастрофы. «Керенки», казначейские знаки в виде клочков бумаги, не имевшие ни номера, ни даты, наводнили страну. К 1 марта 1917 г. в обращении находилось бумажных денег на сумму 9950 млн. руб., а к 1 ноября — уже 22,5 млрд. руб.⁴ Государственный долг России вырос с 33,5 млрд. руб. (в начале 1917 г.) до 41,6 млрд. (к ноябрю 1917 г.). Из этой суммы общий долг России иностранным государствам составил накануне Октябрьской революции огромную сумму в 14,8 млрд. руб., из которых 13,2 млрд. приходилось на займы⁵.

Тяжелая зависимость от Антанты, тщательно сохраняв-

---

¹ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 305, лл. 8, 53. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, изд. 4, стр. 645. В приведенные цифры включено и русское золото, находившееся за границей до войны в качестве остатков средств по не использованным еще заграничным займам, и то золото, которое вывозилось в военное время.

² Г. Деметьев, Указ. соч., стр. 53.

³ Г. Деметьев, Указ. соч., стр. 51—52.

⁴ «Финансы СССР за XXX лет», Госфиниздат, 1947, стр. 6—7. А. П. Погребинский, Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.), М 1954, стр. 262. Данные о наличности бумажных денег, приводимые в книге «Финансы СССР за XXX лет» на 1 ноября 1917 г., неточны.

⁵ См. «Стенографический отчет заседаний экономического совета», Пгр. 1917, заседание от 31 августа 1917 г., стр. 5. См. также И. Ф. Гиндин, О величине и характере русского государственного долга в конце 1917 г., «История СССР» № 5, 1957 г., стр. 169—171.

шаяся и укреплявшаяся в месяцы существования Временного правительства, и неспособность осуществить финансовые реформы внутри страны привели к дефициту государственного бюджета, осенью 1917 г. достигшего суммы около 15 млрд. руб. Дефицит составлял в 1917 г. 81,7% общего объема бюджета (против 39,1% в 1914 г.)¹. Только после победы Октябрьской революции, в результате энергичных мероприятий Советской власти, была ликвидирована финансовая зависимость от Антанты. 3 февраля 1918 г. ВЦИК принял решение о том, что «безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы»².

Советское правительство аннулировало также французские капиталовложения в народное хозяйство России.

И в вопросе инвестиции своих капиталов в России, как и в выдаче займов, международный империализм пытался сочетать экономические и политические выгоды: получая столь желанные сверхприбыли, одновременно укрепить позиции господствующих «верхов» России в борьбе против народных масс. Со стороны Временного правительства банкиры и промышленники встречали неизменно благожелательное отношение.

Многообразные формы экономической зависимости от Антанты несколько не смущали русскую буржуазию. Ее идеологи, «общественные деятели» из буржуазного лагеря, не только считали несамостоятельность русского народного хозяйства чем-то само собой разумеющимся явлением, но неоднократно — и притом публично — выступали за дальнейшее внедрение иностранных монополий в русскую экономику³. На протяжении восьми месяцев существования Временного правительства имели место частые призывы

¹ «Финансы СССР за XXX лет», стр. 6.

² «Собрание Указаний и Распоряжений Рабоче-крестьянского правительства» № 27, 1918 г., стр. 353.

³ На многолюдном собрании руководящих деятелей торговли и промышленности под председательством А. И. Путилова, состоявшемся 7 июля 1917 г., был поставлен на обсуждение вопрос «об отношении торгово-промышленного класса к войне и к своим союзникам по оружию». В зале присутствовал представитель французского посольства. Выступавшие клялись в верности союзникам, призывали их еще более активно вмешиваться во внутренние русские дела. «Торгово-промышленный класс Петрограда, — записали в резолюции, — а с ним, он уверен, и весь торгово-промышленный класс твердо и во всеуслышание заявляет, что как бы темен и страшен ни был его завтрашний день, но нет той силы в мире, которая заставила бы его принять участие в измене союзникам». «Русская воля», 8 июня (26 мая) 1917 г.

к правительству привлекать в Россию еще новый иностранный капитал, нисколько не ущемляя уже помещенный. Это была эгоистическая классовая политика эксплуататоров, совершенно игнорировавших национальные интересы нашей Родины. Эта предательская политика была неизбежным результатом стремлений русской буржуазии опереться на помощь иностранных империалистов в своей борьбе против русской революции.

Французские империалисты, хозяйничавшие в Донбассе, занимали непримиримую позицию в отношении экономических требований рабочих, не желая поступиться даже малой частью своих прибылей. В мае 1917 г. в Харькове состоялась конференция директоров французских предприятий, расположенных на Украине; в адрес конференции было получено уведомление о требованиях пролетариев. Промышленники решили отвергнуть их и даже обратиться с жалобой на рабочих к Альберу Тома, находившемуся в то время в России ¹.

Временное правительство в свою очередь старалось выполнять требования и претензии французских капиталистов. Так, 12 сентября 1917 г. екатеринославский губернский комиссар получил телеграфное сообщение из министерства внутренних дел о том, что туда «поступила жалоба [на] аресты французских подданных [на] Щербиновском руднике» и на то, что «агент правительства Франции встречен Вами несоответственно». Предлагая представить объяснения, МВД «указывает на необходимость с полным вниманием относиться [к] представителям дружественных держав» ².

Эти представители в Донбассе предьявляли Временному правительству все новые и новые требования. Французские капиталисты основали здесь в 1917 г. новое акционерное общество для производства тиглей, приобрели завод алебастровых и огнеупорно-кирпичных изделий на станции Краматорская ³. Под предлогом защиты интересов французских промышленников дипломатические представители Франции вмешивались во внутренние дела России, старались подтолкнуть министров к еще более беспощадной борьбе с революционным движением. Требования здесь чередова-

---

¹ АВПР, ф. Экономический департамент, III д-во, 1917 г., д. 11, л. 1.

² ЦГАОР, ф. 398, оп. 1, д. 37, л. 73.

³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 659, л. 4.

лись с угрозами. В ноте, врученной французским посольством Терещенко 13 сентября, «общее положение дел» в Донбассе характеризовалось, как «очень опасное — во всей губернии (Екатеринославской. — А. И.) и в частности в Макеевке. Рабочие вооружены и открыто угрожают начальникам заводских предприятий, в которых затронуты интересы французов... Многие рабочие заявляют, что выступление неизбежно». Угрожая локаутом и понижением заработной платы на французских предприятиях, посольство требовало немедленно послать «категорические инструкции комиссарам на места», чтобы те приняли «необходимые меры к предотвращению беспорядков и для обеспечения защиты личности и имущества французских граждан при всяком положении вещей». После получения столь грозной ноты ведомство Терещенко просило главное управление по делам милиции «не отказать в срочных распоряжениях по охране интересов французских граждан»¹.

Донесение екатеринославского губернского комиссара, направленное в министерство внутренних дел Временного правительства, дополняет еще новыми штрихами характеристику поведения представителей французского империализма в России. Оказывается, на просьбу комиссара представить в письменном виде данные об аресте французских граждан, после чего было бы послано распоряжение бахмутскому уездному комиссару («о расследовании дела и принятии мер к освобождению, если эти лица арестованы незаконно»), консул «повышенным тоном» заявил, что он никакого уездного комиссара не знает и «ввиду того, что я отказываюсь сделать распоряжение об освобождении арестованных непосредственно, помимо уездного комиссара, он (т. е. консул. — А. И.) немедленно телеграфирует об этом в Петроград»².

Ни возмущение, ни огорчения екатеринославского комиссара не были приняты во внимание. Этот комиссар, заявивший консулу, что «требовательный тон по отношению к представителю Временного правительства» он считает «неуместным», что консул «не вправе вмешиваться» в его распоряжения³, видимо, не чувствовал, сколь мало значили

¹ ЦГАОР, ф. 406, оп. 2, д. 20, лл. 131—132; «Подготовка Великой социалистической революции на Украине (Сборник документов и материалов)», Киев 1955, стр. 537.

² ЦГАОР, ф. 398, оп. 1, д. 37, л. 77.

³ Там же.

для представителя французского империализма огорчения и возмущения чиновника того правительства, которое находилось в тяжелой зависимости от Антанты. Не могли, конечно, иметь каких-либо последствий и просьбы обиженного екатеринославского комиссара переместить французского консула «в другое место»¹. Судя по донесениям с мест, самые жалобы французской стороны на репрессии были лишь надуманным предлогом для того, чтобы требовать от Временного правительства еще более свирепой расправы с революционным рабочим движением в Донбассе. Бахмутский уездный комиссар телеграфировал, что «никто из иностранцев в рудниках в Щербиновке, Горловке и Никитовке арестован не был, и слухи об избиении иностранцев также неосновательны»².

Тем не менее жалоба от консула в посольство действительно была послана: из французского посольства немедленно же последовала новая грозная нота с решительным требованием «принять самые срочные и энергичные меры и против комиссара и против ареста французских подданных»³.

Министерство внутренних дел поспешило принять такие меры. Екатеринославский комиссар получил выговор за «несоответственную» встречу агента французского правительства. Бахмутского уездного комиссара было предложено снять с работы⁴. В помощь донбасским промышленникам посылались подкрепления из числа верных еще правительству войсковых частей.

В другом случае правление русско-французского акционерного общества электротехнических заводов в ответ на предложение заводского комитета Харьковского завода компании увеличить зарплату, ввести скользящую шкалу оплаты и признать избранную заводом контрольную комиссию угрожало полным прекращением выдачи зарплат и закрытием завода. Поведение правления было настолько вызывающим, что руководителям завкома пришлось в сентябре 1917 г. арестовать двух директоров и 7 членов директората и таким образом предотвратить исполнение угрозы⁵.

¹ ЦГАОР, ф. 398, оп. 1, д. 37, л. 90.

² Там же, л. 160.

³ Там же, л. 89.

⁴ Там же, л. 161; «Речь», 21 сентября 1917 г.

⁵ ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 1, д. 463, лл. 1—2; оп. 9, д. 106, лл. 2—3.

Правление общества франко-русских заводов бывших Берда тоже не желало удовлетворить насущные справедливые нужды рабочего коллектива. Вместо этого через французское посольство в Петрограде руководство заводами жаловалось Временному правительству на все более возрастающие требования рабочего персонала, «грозящие остановкой работ». Посольство требовало принятия «необходимых мер к охране французских интересов», а Нератов предлагал министру труда Скобелеву «обратить внимание» и «оказать содействие»¹. Правление в сентябре 1917 г. вообще прекратило выплату рабочим зарплаты и угрожало закрыть завод, не давая рабочим никаких гарантий на уплату заработка. Рабочие вынуждены были объявить забастовку. Дирекция завода (это было уже во второй половине октября) обратилась за помощью в Париж к руководителям компании².

Министерство иностранных дел Временного правительства безоговорочно, не считая необходимым даже разобраться в существе дела, поддержало претензии русско-французского бумагопрядильного общества в Павловском Посаде на том только основании, будто требование рабочих о повышении зарплаты грозит «нарушением личной и имущественной неприкосновенности французских граждан, стоящих во главе общества и поместивших в нем свои капиталы». Этот вывод был сделан в результате жалобы французского посольства в Петрограде. Нератов требовал от министра торговли и промышленности немедленно вмешаться в конфликт, конечно, для защиты интересов не русских рабочих, а французских владельцев предприятия. Между тем даже самое беглое ознакомление с положением дел на заводе, сделанное комиссаром Московского промышленного района, показало, что в конфликте целиком виновата администрация, не выполнявшая постановления третейского суда и намеренно снижавшая производительность завода. После безрезультатной попытки заставить рабочих отказаться от их справедливых требований дирекция закрыла предприятие, сваливая вину, конечно, на тех же рабочих³.

---

¹ АВПР, ф. Экономический департамент, III д-во, 1917 г., д. 9, лл. 4—2.

² См. ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 395, лл. 1—5.

³ См. АВПР, ф. Экономический департамент, III д-во, 1917 г., д. 29, лл. 2—7.

Известны факты поощрения русскими капиталистами и других притязаний французских капиталистов. Между французскими пайщиками и правлениями некоторых русских торгово-промышленных обществ заключались соглашения в 1917 г. об условиях подписки на новые дополнительные паи и акции в Париже. Так, группа французских банкиров скупила около 50% всех акций Московского частного банка, выпущенных в 1917 г. ¹

Некоторые французские компании приобретали новые возможности для эксплуатации русского рынка при Временном правительстве. 11 июля 1917 г. Временное правительство утвердило решение об открытии «ответственного агентства» французского анонимного общества маслособойных заводов ².

Французское «электрохимическое анонимное общество» просило у министра торговли и промышленности разрешения открыть предприятие в России по производству хлорноватокислого натрия и других химических продуктов и по торговле продуктами этих предприятий. Из основного капитала этого общества его руководители хотели 1,5 млн. руб. выделить для операций в России. Согласие министерства торговли и промышленности было получено. Из означенного министерства поступило предложение в адрес Временного правительства на будущее время разрешить самому министру, без всякого участия правительства, его личной властью допускать к деятельности в России иностранные торгово-промышленные компании и изменять условия их работы ³. Малый совет министров поддержал просьбу электрохимического общества, а 27 июля Временное правительство постановило «разрешить французскому электрохимическому анонимному обществу производить операции в России», а также в будущем «предоставлять министру торговли и промышленности допускать иностранные торгово-промышленные акционерные компании к деятельности в России» ⁴. Русско-французская торговая палата просила МИД Временного правительства содействовать допущению к операциям в России еще двух французских акционерных компаний ⁵.

¹ Газета «Коммерсант», 2 мая (19 апреля) 1917 г.

² ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 39, л. 128.

³ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 44, л. 160.

⁴ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. II, М. 1957, стр. 468.

⁵ См. АВГПР, ф. Экономический департамент, III д-во, 1917 г., д. 25, л. 1.

Известны были случаи приобретения французскими акционерами особых прав на морях, омывающих Россию. Доверенный французского торгового общества «Луи Дрейфус и К^о», указывая, что его товарищество «является крупным поставщиком казны по поставке хлеба и других продуктов для нужд обороны», просил 3 мая 1917 г. разрешить предоставить этой компании право «приобрести и арендовать торговые суда для каботажного плавания по Азовскому морю и для перевозки грузов по реке Дону и Азовскому морю». Министр торговли и промышленности решить этот вопрос не мог. Обменявшись мнениями с командующим Черноморским флотом и министрами морским, иностранных дел и путей сообщения, он предложил Временному правительству «приобрести суда для плавания под французским флагом в Азовском море не разрешить, а разрешить заарендовать нужное количество судов»¹. Поправка не изменяла существа дела. 12 сентября правительство приняло предложенное ему решение².

Ходатайствовали о получении прав на деятельность в России еще два французских общества: «анонимное общество Междокеанская торговая компания», выделявшее для работы в России 500 тыс. руб. из своего основного капитала, и «анонимное о-во международной торговли и промышленности Флоранс», собиравшееся целиком переключить на организацию операций в России весь свой основной капитал в 200 тыс. франков. Оба ходатайства были удовлетворены³. Действовавшее в России французское анонимное о-во побочной промышленности решило увеличить свой основной капитал в два раза (с 500 тыс. франков до 1 млн.)⁴.

Насколько далеко зашло преклонение русской буржуазии перед иностранным, французским в данном случае, капиталом, убедительно показал случай с французской фирмой Шнейдер-Крезо. Еще в феврале 1916 г. царские власти наложили секвестр на Путиловский завод, обслуживавший военные нужды, вследствие чего были расторгнуты договоры, заключенные дирекцией. Среди расторгнутых соглашений были четыре договора с фирмой Шнейдер-Крезо. Уже тогда французские империалисты, считая, что их интересы задеты, уполномочили Палеолога потребовать

¹ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 51, лл. 191—192.

² Там же, ед. хр. 7, ч. 11, л. 18.

³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 26, д. 82, л. 2.

⁴ Там же, оп. 25, д. 293, л. 6.

полного восстановления всех договоров. Посыпались угрозы со стороны разгневанного посла.

Министерство иностранных дел царского правительства поддержало настойчивые протесты Франции, игнорируя деловые интересы русской военной промышленности и руководствуясь лишь «политической точкой зрения».

Подвергаясь большому давлению, военное министерство согласилось восстановить действие трех из четырех аннулированных контрактов, но продолжало противиться восстановлению четвертого. Речь шла о «техническом сотрудничестве» фирмы Шнейдер и К^о и Путиловского завода в области морского судостроения.

И военный министр, и морской министр удостоверили, что данное «соглашение» было лишь «чисто финансовой сделкой», ибо фактически *никакого* технического содействия со стороны французской фирмы не было, хотя денежные авансы были получены. Тем не менее МИД царского правительства, ссылаясь на «повторные по сему предмету представления французского правительства», настаивал на возобновлении и четвертого соглашения. Обсуждение вопроса на заседании 16 ноября 1916 г. оказалось безрезультатным, так как совет министров не мог «прийти к единогласному заключению».

Нажим на царское правительство продолжался («Французское правительство с крайней настойчивостью домогается возобновления вышеупомянутого контракта», — говорилось в особом журнале совета министров), и на новом обсуждении 13 января 1917 г., констатируя, что нет оснований к отмене постановления о расторжении соглашения, уступая лишь давлению союзника, совет министров решил восстановить прежний договор о фактически не существовавшем техническом сотрудничестве. Это было сделано в ущерб русским государственным интересам.

До Февральской революции постановление не было реализовано, делами фирмы должно было заняться Временное правительство. Оно ничего не сделало для защиты законных интересов России, продемонстрировав лишь еще раз свою преданность союзникам. Милюков просил Львова подтвердить решение от 13 января 1917 г., указывая вопреки истине, будто неправомочные требования французских монополистов являются «правильными» и «справедливыми». Удовлетворенные такой позицией лидера кадетов, деятели фирмы решили отказаться также от тех небольших уступок, которые они раньше соглашались сделать.

Главное артиллерийское управление, пытавшееся хоть немного уменьшить права иностранцев на важном военном заводе, вызвало своим поведением гнев Временного правительства. 8 августа 1917 г. Терещенко жаловался Керенскому, что военное ведомство причиняет «чрезвычайный вред» отношениям с союзниками. Министр иностранных дел просил, чтобы вопрос о восстановлении договоров «получил разрешение в самом ближайшем будущем, так как «настоящее положение этого дела неблагоприятно отражается на наших переговорах с французским правительством, когда нам придется прибегать к его помощи для обеспечения наших интересов».

Керенский быстро согласился. Речь шла не о возобновлении договоров, а именно о восстановлении их в прежнем виде. В сентябре фирма Шнейдер-Крезо могла торжествовать победу над русским буржуазным правительством¹. Правда, радость длилась недолго, ибо после Октябрьской социалистической революции эта концессия была ликвидирована.

Боязнь иностранных собственников за свои капиталы, помещенные на русском рынке, вследствие прогрессирующей экономической разрухи и крайнего обострения классово-борьбы в стране вызвала к жизни наглое требование посылки иностранных войск для «защиты интересов» антантовских капиталистов. Поводом для разговоров на эту тему явилось сообщение о том, будто «министерство торговли и промышленности признало себя бессильным дать иностранцам гарантию личной и имущественной безопасности». Среди иностранных дипломатов в России ходили слухи, что французские войска уже вскоре ожидаются. В августе забеспокоился и Френсис; ссылаясь на то, что в России «имеются крупные американские компании», он сообщил Временному правительству о намерении «принять своими силами необходимые меры для охраны американских интересов»². США рассчитывали таким способом еще более потеснить своих конкурентов на русском рынке.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 13, д. 51, лл. 31—34. З. Лозинский, Экономическая политика Временного правительства, М. 1929, стр. 93—95.

² З. Лозинский, Указ. соч., стр. 97. Кроме того, французское правительство уже в начале ноября (н. ст.) потребовало, чтобы французским собственникам в России были предоставлены все права, вытекавшие из закона об охране прав собственников русских процентных бумаг на предъявителя в случае их утраты. См. АВПР, ф. Посольство в Париже, д. 4022, л. 2.

Если количество фактов поощрения ввоза французских капиталов со стороны русской буржуазии не очень велико, то в этом трудно было бы обвинить Временное правительство. Дело, очевидно, было не в его нежелании. Народное хозяйство страны оказалось настолько дезорганизованным, инфляция зашла так далеко и экономическая политика правительства столь успешно содействовала приближению экономической катастрофы, что вложения в русские предприятия не без основания могли казаться небезопасными. Капиталы и собственность могли оказаться в чужих руках. Возможность использовать капиталы для расширения производства оказалась крайне ограниченной. К тому же в условиях продолжающейся войны маневрирование свободными капиталами Франции, воевавшей на своей земле, было затруднено. Значительное количество этих капиталов использовалось для расширения собственной французской военной промышленности, а финансово-экономические связи с зарубежными странами вследствие войны усложнились. Следует вместе с тем иметь в виду, что некоторое уменьшение доли иностранного капитала в акционерных обществах России за военные годы шло за счет немецких монополистов. Экономические позиции французских, английских, американских капиталистов в России усиливались, а не ослабевали.

Именно в силу этих обстоятельств Временному правительству не удалось сделать большего в позорном деле распродажи русских национальных богатств¹. Тенденция его проантантовской политики не вызывает никаких сомнений. Буржуазия тем охотнее распродавала русские национальные богатства Антанте, чем большая опасность ее дальнейшему господству исходила от революционного пролетариата. У империалистов Франции, Англии, США рябушинские, путиловы, гучковы искали помощи в борьбе против народа. И эту помощь они получали. Не забудем также, что прежние позиции иностранных империалистов, занимавшиеся ими до февраля 1917 г., были сохранены.

---

¹ Учитывая «неопределенность» внутреннего положения России, а начиная с весенних месяцев 1917 г. испытывая быстро возрастающую тревогу за свои капиталы, отдельные французские фирмы искали желающих приобрести («за соответствующее вознаграждение») принадлежавшие им предприятия в России. См. об этом ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 120, лл. 18, 111; д. 178, лл. 7, 13.

Сохранялся и прежний характер торговли между Россией и Францией, также свидетельствовавший о том, до какой страшной опасности превращения страны в аграрно-сырьевой придаток иностранных государств довели Россию ее прежние правители. Имеющиеся данные за январь — июль 1917 г. свидетельствуют, что через европейскую (северную) и кавказско-черноморскую границы из России было вывезено: продуктов питания, главным образом хлеба, на сумму в 21,6 млн. руб., сырья — 73 млн. руб., готовой продукции — всего на 16,6 млн. руб. За те же месяцы в Россию было ввезено: продуктов питания на 42,1 млн. руб., сырья — на 200,9 млн. руб. и готовых изделий — на 345,8 млн. руб. ¹ За эти же месяцы небольшое количество товаров прошло через азиатскую границу (Владивосток) — на сумму в 7981 тыс. руб. было вывезено и на 13 673 было ввезено ². Экономическая зависимость России вырисовывается достаточно рельефно при более внимательном взгляде на статьи ввоза в страну из-за границы. За 6 мес. 1917 г. в Россию прибыло 1622 тыс. пудов каменного угля, 1512 тыс. пудов стали и 453 тыс. пудов чугуна³. Из Франции через европейскую границу было привезено в первую половину 1917 г. 34 тыс. пудов чугуна, 360 тыс. пудов свинца ⁴. Использованию благоприятных объективных условий для расширения промышленного производства внутри страны царские министры, а вслед за ними ничего не изменившее в положении вещей Временное правительство предпочитали усиленный ввоз из стран Антанты, а отчасти нейтральных государств.

Франция получала из России пшеницу, лес и лен, а также такое ценное промышленное сырье, как платина и платиновая руда, марганцевая руда, асбест ⁵. Через Архан-

---

¹ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 313, л. 4.

² Там же, л. 7.

³ Там же, л. 8.

⁴ «Статистический сборник ЦСУ за 1913—1917 гг.», М. 1922, стр. 14—15.

⁵ Поставкам во Францию Временное правительство придавало первостепенное значение. Так, на заседании петроградского межсоюзнического комитета снабжения 31 августа 1917 г. при рассмотрении вопроса «о вывозе в союзные государства льна и марганца» начальник главзаграна сообщил комитету «о принятии им зависящих мер к обеспечению возможно скорейшего вывоза из России потребных для снабжения союзных государств марганца и льна». ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 32, л. 78. О вывозе хлеба см. след. параграф.

гельск в Англию и во Францию в 1917 г. было вывезено 82 860 стандартов пиленого леса, 93 755 *t* льна и пеньки, 1497 *t* марганцевой руды и другое ценное сырье¹.

В русском экспорте Франция в 1917 г. занимала третье место после Англии (22 913 тыс. руб. за первые 6 мес.) и Швеции (5938) и получила из России товаров на сумму 5885 тыс. руб.²

На третьем же месте стояла Франция по импорту в Россию. Англичане и здесь занимали первое место (797,9 млн. руб.). На втором находились США. За 1917 г. они доставили в Россию товаров на сумму 705,8 млн. руб. Экспорт капитала в эти цифры не включен. Из Франции привезли товаров на 143 млн. руб. за первые полгода и на 86,9 млн. руб. за июль — октябрь 1917 г.³

Тенденция внешней торговли не претерпела в последние месяцы существования Временного правительства каких-либо существенных изменений. Произошло некоторое уменьшение сумм вывоза в результате прогрессирующей экономической разрухи, но не менялась качественная сторона торговых сношений с Антантой. Отметим, что в отношениях с Францией сказывались преимущественно политические последствия подчиненной роли России во внешней торговле: использование французским империализмом нехватки у русской буржуазии промышленных изделий в качестве одного из средств давления на политику Временного правительства. Политика превращения России в аграрно-сырьевой придаток Антанты осуществлялась главным образом США и Англией, ибо «самый характер французской экономики исключал превращение Франции, в значительной мере экспортировавшей предметы роскоши, в главную страну русского импорта»⁴.

---

¹ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 987, лл. 10 об.—11. Из указанного количества льна и пеньки 31 *t* была отправлена в США. В мае 1917 г. Временное правительство даже учредило специальный комитет по снабжению лесом союзных стран.

² ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 313, л. 7.

³ Там же, л. 10. См. также «Статистический сборник ЦСУ за 1913—1917 гг.», М. 1922, стр. 2; П. А. Хромов, Экономическое развитие России в XIX—XX веках, М. 1950, стр. 493. По французским статистическим данным, импорт из России во Францию составил в 1917 г. 153,4 млн. франков, а экспорт из Франции в Россию — 413 млн. франков. *Statistique generale de la France. Annuaire Statistique. Trente-cinquieme volume, 1916, 1917, 1918, p. 97, Paris 1919.*

⁴ И. Ф. Гиндин, Русские коммерческие банки, стр. 375.

При Временном правительстве принимались некоторые новые меры в направлении облегчения проникновения французских товаров на русский рынок.

Русско-французская торговая палата открыла в мае 1917 г. в Париже свое собственное бюро, получившее полномочия самостоятельно вести дела с французскими правительственными учреждениями, промышленными и торговыми организациями по вопросам русско-французской торговли¹. Изданное русским буржуазным правительством постановление о запрещении вывоза из России драгоценностей специальным пунктом оговаривало, что министр финансов может позволить продолжать вывоз ценностей, имеющих значение для укрепления русской валюты, «в пользу союзных и дружественных России государств»².

Таким образом, взаимоотношения Временного правительства и Франции по финансовым, экономическим, торговым вопросам складывались неблагоприятно для национальных интересов России и даже для классово-эгоистических интересов русских империалистов. Об этом же свидетельствует красноречивая история вывоза хлеба во Францию в 1917 г.

§ 2. Хлебные поставки во Францию

Большая степень и унижительные формы экономической зависимости России от иностранных империалистов нашли свое убедительное подтверждение в истории хлебных поставок во Францию в 1917 г. Архив министерства продовольствия Временного правительства содержит переписку с торговыми представителями Антанты в Петрограде, агентами министерств земледелия и продовольствия в отдельных областях страны и руководителями армии и другие документы по вопросу об отправке хлеба из России в страны Антанты в 1916 и 1917 гг. Материалы об этом имеются и в ряде других архивов Временного правительства.

В работах, освещающих продовольственное положение России в эти годы, не упоминается о посылке хлеба союзникам. Авторы исходили из того опровергаемого нами тезиса, что в связи с войной хлебные поставки из России были пре-

---

¹ «Торгово-промышленная газета», 10 июня (28 мая) 1917 г.

² ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 581, л. 5.

кращены¹. Не говорится об отправке пшеницы во Францию в «Истории гражданской войны» (тт. I и II). Обратимся к действительному положению вещей.

Уже в 1916 г., еще больше в 1917, продовольственный кризис в самой России стал реальным фактом. К лету 1916 г. в 34 губерниях Российской империи была введена карточная система, в 11 губерниях ее собирались ввести и только в 8 шла свободная торговля². Страдали от строгого лимитирования продовольствия, конечно, трудящиеся классы. Несмотря на введение карточек, промышленные города, и Петроград прежде всего, не получали нужного количества хлеба. Плохо снабжалась и армия.

В феврале 1917 г. на фронты было отгружено 42,3% намеченного и необходимого количества хлеба и фуража, для гражданского населения — 29,6%. На северном фронте в начале февраля остался лишь двухдневный запас продовольствия, на западном фронте вместо хлеба ели сухари и консервы, на юго-западном фронте были дни, когда солдаты получали только по одной селедке³.

В Петрограде толпы людей собирались у продовольственных магазинов, простаивая ночами в очереди и далеко не всегда получая даже голодный паек. Катастрофическое положение с продовольствием признавали и лидеры буржуазии. Незадолго до Февральской революции Родзянко в записке, поданной Николаю II, указывал, что «дело продовольствия страны находится в катастрофическом состоянии»⁴. Такие же «признания» делались и на заседаниях комиссии «по расследованию причин кризиса и путей выхода из него», созданной Думой. Однако ни записка Родзянки, ни ораторские упражнения в комиссии не вскрыли действительных причин продовольственной катастрофы и тем более не указывали выхода из сложившегося положения.

Хлеб в стране был. Урожай 1915 г. оказался в тогдаш-

---

¹ См., напр., *З. Лозинский*, Экономическая политика Временного правительства; *Р. Клаус*, Война и народное хозяйство России (1914—1917 гг.). М.—Л. 1926; *Н. М. Добротвор*, Продовольственная политика самодержавия и Временного правительства (1915—1917 гг.) в книге «Исторический сборник», г. Горький 1939 г.

² *Н. М. Добротвор*, Продовольственная политика самодержавия и Временного правительства (1915—1917 гг.) в книге «Исторический сборник», г. Горький 1939 г., стр. 65—66.

³ *А. М. Зайончковский*, Мировая война, изд. 1931, стр. 297. *З. Лозинский*, Указ. соч., стр. 8—9.

⁴ ЦГАОР, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 23, л. 133.

ней обстановке неплохим. В производящих губерниях, особенно восточной и юго-восточной части страны, не затронутый военными действиями, скопились значительные хлебные запасы, оценивавшиеся к 1917 г. в 600 млн. пудов¹. Однако помещики, кулаки, спекулянты неохотно продавали хлеб, ожидая повышения цен. Никаких мер по принудительному извлечению запасов с оплатой хлеба по твердым ценам царское правительство не приняло. Транспортная разруха мешала своевременной доставке на места даже того хлеба, который попадал в руки правительственных органов. Деревня и город к тому же экономически плохо были связаны друг с другом. Не находя в городе нужных им товаров, крестьяне мало вывозили продовольствия. Правительство Николая II не приняло ни одной радикальной меры к улучшению продовольственного положения. Оно оказалось и здесь полным банкротом.

Однако, несмотря на полную неспособность обеспечить хлебом фронт и тыл, царские власти взяли на себя обязательства послать зерно Антанте. Они заботились о том, как выколотить из российских губерний мешки с зерном для отправки их во Францию и Англию. Так же поступало и Временное правительство. Начало империалистической войны не затормозило вывоза хлеба во Францию. Французское правительство, не считаясь с внутренними нуждами самой России, требовало отправки десятков миллионов пудов зерна, и царское правительство эти требования выполняло и в 1914 и 1915 гг., ибо считало посылку хлеба союзникам делом «чрезвычайно важным как с военной, так и с политической точки зрения»².

В марте 1916 г. царские министры решили доставить во Францию еще 30 млн. пудов пшеницы. Игнорируя насущные нужды народов своей страны, они собирались отправлять зерно союзникам. Из 30 млн. пудов 11 решили отправить в том же 1916 г. Французскому правительству и этого показалось мало. Его торговые представители в России за-

---

¹ П. И. Лященко, История народного хозяйства, т. II, изд. 4, стр. 677. Вместе с тем оккупация противником ряда важных районов России, трудности с рабочей силой не могли не сказаться на положении с зерном. 15 февраля 1917 г. на заседании особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства говорилось о том, что урожай 1916 г. был на 400 млн. пудов меньше среднего урожая предыдущих лет. ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 1, д. 180, л. 246 об.

² Из письма Сазонова премьер-министру Горемыкину от 21 января 1915 г. ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2519, лл. 4—5.

просили на 1916 г. 15 млн. пудов. Царское правительство согласилось на 13. Поставки должны были осуществляться через Архангельск¹. Все лето в направлении к архангельскому порту шли эшелоны с зерном для Франции. Часть транспорта, и без того недостаточного для обеспечения внутренних перевозок, была использована для «союзных» целей. К 30 сентября 1916 г. в Архангельск прибыло уже 12 467 411 пудов, из которых 11 534 725 пудов сданы на пароходы².

Французское правительство неохотно платило за русский хлеб; оно старалось уменьшить выплаты наличными, не учитывая при этом серьезные финансовые трудности своего союзника. Министр торговли предложил царскому правительству (в сентябре 1916 г.) зачесть половину могущих причитаться России платежей за вывозимую во Францию пшеницу в погашение задолженности России по открытым ей французским правительством кредитам. Кроме того, последнее хотело покупать русскую пшеницу по ценам, более низким, чем среднемировые³.

Правительство Николая II было близко к выполнению своих обязательств на 1916 г. Для этой цели нашлись и люди, и средства, и возможности. В целом за весь 1916 г. вывоз хлеба из России увеличился по сравнению с 1915 г., несмотря на быстро возрастающую нехватку продовольствия внутри страны. В 1915 г. из страны было экспортировано 11 100 тыс. пудов пшеницы, а в 1916 г. — 14 381 тыс. пудов. Пшеничной муки соответственно — 5058 тыс. и 7813 тыс., а ржи 5802 тыс. и 6206 тыс.⁴

Но лидерам Антанты всего этого было мало. В следующем году англо-французские империалисты хотели добиться значительного увеличения поставок, совершенно пренебрегая внутренними нуждами и реальными экспортными возможностями России. Министерство земледелия считало, что в 1917 г. союзникам можно будет отправить *максимум* 10 млн. *t* зерна⁵. В конце декабря 1916 г. Палеолог и

---

¹ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 57, л. 96; ед. хр. 58, л. 86.

² Там же, ед. хр. 58, л. 90.

³ Аналогичное предложение сделал французский министр финансов Барку, к чему последний, по его словам, отнесся отрицательно. АВПР, ф. Экономический департамент, II д-во, 1916—1917 г., д. 454, л. 110. ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 794, л. 67.

⁴ «Известия по внешней торговле» № 21, 1917 г., стр. 583.

⁵ См. докладную записку м-ва земледелия МИДУ царского прави-

Бьюкенен обратились с нотами в русское министерство иностранных дел с просьбой, выраженной в форме требования, поставить союзникам в навигацию 1917 г. через Архангельск не более не менее как 50 млн. пудов пшеницы. Лишь «в крайнем случае» союзники соглашались получить 15 млн. из 50 рожью вместо пшеницы.

Уже в первых числах января 1917 г. царский совет министров поспешил согласиться с требованием Антанты, о чем немедленно довел до сведения Лондона и Парижа через дипломатические каналы. Тогда же был выработан предварительный план удовлетворения франко-английских притязаний. Совет министров решил, «что указанные настойчивые требования могут быть удовлетворены следующим образом: 10 млн. пудов пшеницы будут доставлены из Сибири через Котлас, 10 млн.—из Юго-западного края, 5 млн.—из Самарской губернии, 5 млн.—с Кавказа и 5 млн.—из Таврической губернии, недостающие 15 млн. пудов предполагалось заменить рожью из Уфимской и Самарской губерний. Союзникам было обещано доставить 15 млн. пудов к 1 июля 1917 г.»¹

На петроградской конференции союзников делегаты царского правительства подтвердили обязательство поставить в 1917 г. в Англию и во Францию 50 млн. пудов хлеба. Они только предлагали отказаться от французских предложений о порядке оплаты хлеба и платить наличными валютой государства, получающего зерно².

Англо-французских делегатов устраивала такая позиция партнера. По их настоянию в приложении к протоколу заключительного заседания царскому правительству напоминалось о его обязательствах и мерах, необходимых для выполнения оных («... в 1917 г. в Архангельске возникнет новое затруднение ввиду необходимости вывезти, по крайней мере, 500 тыс. *t* хлеба. Таким образом, оказывается в высокой степени важным энергично и без промедления подготовить эту последнюю операцию, приступив теперь же к сооружению набережных, складов и т. д.»)³.

тельства от 5 декабря 1916 г. АВПР, ф. Экономический департамент, II д-во, д. 455, лл. 18—19.

¹ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 3, ед. хр. 57, лл. 7—8.

² ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1403, ч. I, лл. 190—191.

³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 191, л. 79 об. Было решено отвести в Архангельске склады для хранения пшеницы «особого назначения» общей емкостью в 7½—9½ млн. пудов; см. ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, д. 58, л. 4.

У правительства Николая II оказался важный стимул для принятия быстрых решений в угодном Антанте духе. Союзники сопроводили свои требования угрозами. Английский посол, выступая в данном случае от имени Антанты, передал памятную записку Н. Н. Покровскому, где все было сказано достаточно ясно: если русское правительство не будет удовлетворять союзные требования в пшенице и лесе, если суда, предоставленные Англией для перевозки угля и вооружения, не будут возвращаться обратно, полные хлебом и лесом, то «английское правительство не сможет доставить необходимое количество тоннажа для перевозки угля и военного снаряжения в Россию»¹. Посол царского правительства в Лондоне Бенкендорф сообщал также, что от исхода переговоров относительно поставки хлеба зависят и переговоры об английском займе России². Вот почему так беспокоились царские министры. Вот почему, когда 19 января совет министров вновь обсуждал вопрос о поставках хлеба за границу, заслушав доклад министра земледелия (где отмечался недостаток пшеницы в России), то в своем решении «не мог не отметить, что благоприятное разрешение настоящего вопроса приобретает ныне совершенно исключительное для нас значение, так как союзные державы изъявили согласие направить в наши северные порты обусловленное число судов с военными грузами перво-степенного значения, лишь при условии обеспечения обратных рейсов пароходов хлебными грузами»³.

3 января 1917 г. под председательством министра земледелия было образовано особое междуведомственное совещание по вопросу о поставке хлеба союзным государствам в навигацию 1917 г. В это совещание были переданы заявки союзников. Англия требовала 30 млн. пудов, Франция 20. Сверх этого, 7 млн. пудов запросило итальянское правительство. Совещание (в нем заседали представители почти всех министерств) заслушало информацию о положении с пшеницей. Потребности самой России в хлебе на 1917 г. были определены в 660 млн. пудов. Имевшийся к концу 1916 г. хлеб оценивался в 626 млн. пудов, из которых 52 млн. находились на правом берегу Днепра, откуда, в силу запрещения военных властей, перевозить пшеницу в потребительские центры было невозможно. «Таким образом,

¹ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 57, л. 30 об.

² ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 1, д. 303, л. 75.

³ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 51, л. 57.

для удовлетворения даже обычной потребности населения в пшенице не хватало 86 млн. пудов», — гласил вывод совещания. И, несмотря на это, царские чиновники сочли возможным согласиться на поставку союзникам 25 млн. пудов пшеницы и 25 млн. пудов ржи. Единственной уступкой, на которую они претендовали, была замена еще 10 млн. пудов пшеницы рожью. 10 млн. пудов пшеницы намечали вывезти в Архангельск из Сибири, 10 млн. — с правого берега Днепра и 5 млн. — из Самаро-Оренбургского района¹. Совет министров одобрил это решение, к тому же с поправкой в пользу Антанты. Было постановлено «теперь же» заявить союзникам «о согласии императорского правительства, невзирая на испытываемый у нас недостаток, обеспечить поставку 25 млн. пудов пшеницы и всемерно озаботиться доведением упомянутого количества до 35 млн. пудов, если по условиям хлебного рынка и транспорта такая заготовка окажется возможной»². Планы доставки хлеба в Архангельск были разработаны (на бумаге) со всеми подробностями. Будущее зерно было уже распределено по складочным помещениям. Тщательно зафиксировали, сколько, откуда и когда нужно будет грузить в вагоны для отправки к архангельскому порту.

Транспортная комиссия особого совещания по продовольственному делу «компетентно» решила, что переправить союзникам 35—40 млн. пудов через Архангельск будет вполне возможно. После обстоятельного «домашнего анализа» всех планов и выводов министерство земледелия докладывало 31 января 1917 г. совету министров, что 25 (и 35 «при возможности») млн. пудов пшеницы союзникам поставить, безусловно, можно. Возражали лишь против вывоза в Италию («все, что можно, вывозится в Англию и Францию») запрошенных 7 млн. пудов. Для более слабого партнера хлеба не нашлось. Все предложения и конкретные планы, представленные министерством земледелия, были одобрены советом министров³. 25 (12) февраля 1917 г. заместитель министра земледелия Грудистов в письме Н. Н. Покровскому подтвердил, что к 1 июля 1917 г. в Архангельск может быть доставлено для погрузки на пароходы 15 млн. пудов пшеницы. Все исчисления и наметки, давшие основание к этому выводу, были сообщены коммер-

¹ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 51, л. 10.

² Там же, лл. 20, 57, 71.

³ Там же.

ческому атташе французского правительства в России, который выразил свое полное согласие с намеченным планом¹. По требованию французского торгового атташе, министерство земледелия согласилось до 1 июля 1917 г. поставлять исключительно пшеницу, воздерживаясь пока от отправки ржи. Русские чиновники договорились также с представителем Антанты, что погрузка пароходов в Архангельске должна начаться 1 июня (после открытия навигации) и ежедневно должно грузиться не менее 5 тыс. *т*². Все было подписано и согласовано. Осталось лишь осуществить самые поставки. В таком состоянии дело об отправке хлеба во Францию и в Англию перешло в руки Временного правительства.

«Новая власть получила в наследство от старого правительства много неудовлетворенных потребностей, но очень мало хлеба», — так начинался первый распорядительный акт взявших на себя снабжение страны продовольствием исполнительного комитета Государственной думы и Петроградского Совета³.

Несоответствие спроса и предложения как будто не особенно смущало «новую власть». Наиболее важными из «неудовлетворенных потребностей» были сочтены поставки хлеба союзникам. 20 (7) марта 1917 г., обсуждая вопрос о «возможных затруднениях» в выполнении обязательств по поставке хлеба Антанте, правительство решило «принять все меры к возможному выполнению обязательства»⁴. Нужно было отправлять в Архангельск пшеницу. Союзники явно не желали получать из России зерно для черного хлеба, упорно предпочитая ему хлеб белый. В марте английское и французское правительства подтвердили, что на поставки ржи они согласятся только после получения в навигации 1917 г. 30 млн. *т* пшеницы⁵. Свое мнение, что требования нужно совмещать с недипломатическими угрозами при переговорах с русским правительством, Антанта не изменила и после февраля 1917 г. Уже 24(11) марта Бьюкенен получил от Бальфура из Лондона соответствующую директиву на сей предмет: «Выясните и сообщите, можно ли предполагать, что нынешнее русское правительство не будет придерживаться

¹ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 57, л. 34.

² Там же, ед. хр. 51, л. 3.

³ «Русская воля», 21(8) марта 1917 г.

⁴ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 138, л. 14.

⁵ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 57, л. 67

политики своих предшественников в отношении вывоза пшеницы из России в Великобританию и Францию? Может быть, было бы хорошо указать, что всякое изменение этой политики, неблагоприятное для союзников, неминуемо отразилось бы на экспорте военного снаряжения в Россию. Крайне необходимо, чтобы правительство его величества и правительство Франции немедленно узнали, возможны ли какие-либо изменения»¹. Можно предположить, что Палеолог получил аналогичное указание (хотя документа в нашем распоряжении не имеется), ибо на следующий день отправился к Милюкову объясняться относительно задержки, «которую испытывает перевозка хлеба для надобности союзников во исполнение последовавшего между ними и Россией соглашения». Русский министр иностранных дел со своим верноподданническим отношением к союзникам, конечно, стал на сторону Антанты. Милюков немедленно обратился с письмом к новому министру земледелия Шингареву, указывая ему на «первостепенную, с точки зрения государственной обороны, важность точного выполнения последовавшего с союзниками соглашения о поставке хлеба»².

Получив достаточно грозное для него письмо, Шингарев поспешил ответить 28 (15) марта. Министр земледелия вынужден был поведать министру иностранных дел некоторые печальные истины. Шингарев признал, «что задержка в отправке хлебных грузов вызывается главным образом недостаточной обеспеченностью продовольствием в настоящий момент наших армий на некоторых участках фронта», а отчасти еще и распутицей. Однако Шингарев не считал эти причины достаточно объективными и важными. В конце письма министр земледелия заверял, что им «будут приняты все меры к обеспечению интересов союзников в области снабжения их зерновыми продуктами»³.

В том же марте «меры» начали приниматься с особым усердием. Шингарев начал изыскивать денежные средства, необходимые для транспортировки хлеба в Архангельск. У министра финансов Терещенко он просил 10 млн. руб. аванса «на расходы по заготовке пшеницы для союзников», обещая точную сумму расходов сообщить дополнительно. Шингарев предлагал открыть на эти нужды специальный кредит, для маскировки действительной цели расходов.

¹ «Красный архив», т. 5 (XXIV), 1927, стр. 117.

² ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 57, л. 61.

³ Там же, лл. 62—63.

отпущенный по смете переселенческого управления(!) ¹. В министерстве у Терещенко не спешили с ответом. 16 мая туда пришло еще одно прошение — срочно ассигновать 10 млн. руб. ² Только 26 мая из министерства финансов был получен ответ. Там предложили несколько иной путь изыскания денежных средств, сочтя, что «финансирование операций по поставке союзникам пшеницы могло бы производиться на тех же основаниях, как и отпуск уполномоченным министерства земледелия для закупки хлеба, для снабжения населения продовольствием, для какой цели в Государственном банке открыт текущий счет Особоуполномоченному по закупке хлеба» ³. В министерстве финансов, иными словами, хотели отправлять хлеб союзникам за счет тех денег, которые отпускались для организации снабжения населения России продовольствием.

Другой заботой министерства земледелия было обеспечение перевозимого хлеба транспортом. Внутри страны оно не находило даже нужного количества транспорта для подвоза хлеба к железнодорожным станциям. Специально посланный из Парижа наблюдатель за перевозкой во Францию закупленного в России хлеба, коммерческий агент ⁴ предложил приобрести во Франции 100 грузовых автомобилей. 1 апреля, обсудив на очередном заседании это предложение, Временное правительство предложило военному министерству купить эти автомобили, уступив их временно министерству земледелия «для выполнения подвоза к станциям железных дорог и пристаням закупленного для Франции хлеба» ⁵.

Принимались некоторые меры к улучшению работы архангельского порта только в той части, которая касалась хлебных поставок за границу. Было приобретено 8 плавучих элеваторов («для перегрузки отправляемой французскому и английскому правительствам через Архангельск пшеницы»), шесть из которых действительно прибыли в Архангельск (два застряли в Петрограде) ⁶. Отдел торго-

¹ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 49, л. 3.

² Там же.

³ Там же, л. 6.

⁴ В начале мая на смену наблюдателю в Архангельск отправилась целая миссия французского правительства, которой поручалось «ведать вопросами, связанными с снабжением союзных стран зерном». См. ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 11, д. 172, л. 71.

⁵ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 1, т. I, л. 160.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 11, д. 172, л. 110.

вых портов министерства торговли и промышленности, сообщая 5 мая 1917 г. в Главзагран о том, что «весьма значительное количество пшеницы», отправляемой союзникам, можно погрузить на пароходы «лишь при условии применения достаточного количества механических погрузочных средств», просил ассигновать 1030 тыс. франков и выделить 100 т тоннажа для приобретения этих средств в Марселе и перевозки их к архангельскому порту¹.

Подвижной состав железных дорог Временное правительство намеревалось пополнить привозом из США, но потерпело здесь неудачу. Безрезультатными оказывались и попытки наладить успешную транспортировку хлеба до прибытия американской помощи².

У Временного правительства не нашлось не только своих паровозов, вагонов, а также автомобилей в достаточном количестве, но встал еще вопрос о мешках. Не в чем было затаривать зерно. Тару закупили во Франции. За 545 979 шт. новых джутовых мешков было заплачено (вместе с транспортными расходами) 589 312 руб. 72 коп. Платило Временное правительство, хотя хлеб шел во Францию³.

Итак, русская буржуазия, целиком приняв на себя обязательства царского правительства, всерьез собралась выколачивать хлеб из разоренной страны для отправки его во Францию. Мы сможем оценить весь антинародный, предательский смысл этой политики лишь в том случае, если ненадолго прервем дальнейший рассказ о поставках хлеба Антанте и обратим внимание на продовольственное положение самой России при Временном правительстве. Оно из плохого быстро превращалось в отчаянное. Плохо снабжалась прежде всего армия. Урегулирование этого вопроса мыслилось министрам из буржуазных и соглашательских партий только путем уменьшения норм, а отнюдь не увеличением подвоза: уже 22(9) марта Временное правительство решило «поручить министерству земледелия войти в ближайшее со-

¹ ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 11, д. 172, л. 73.

² Еще 9 апреля из министерства земледелия пошло письмо министру путей сообщения Некрасову относительно железнодорожной линии Петровск — Ставрополь. Эта линия, указывалось в письме, «является единственным средством вывоза больших запасов хлеба». Некрасову напомнили о «государственной важности дела снабжения союзников хлебом» и просили его «принять исключительно срочные меры к обеспечению Петровской ветки подвижным составом». Практически ничего сделано не было. ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 55, л. 16.

³ ЦГАОР, ф. 351, оп. 2, ед. хр. 266, л. 1.

глашение с военным министром относительно возможного сокращения норм душевого потребления хлеба в армии»¹. В тот же день в Петрограде было получено письмо генерала Алексеева из Ставки с сообщением о начинающемся недоедании на фронте. На 31 марта было назначено совещание в Ставке по продовольственному вопросу². На этом секретном собрании после докладов интендантов генералы и министры должны были признать, что ежесуточной потребностью ни один из фронтов не обеспечен. Но никто не говорил о необходимости принятия срочных мер по усилению подвоза продовольствия в армию. Думали или уменьшить «число ртов и число лошадей», или сократить нормы потребления³. Склонялись больше к первому способу (во время совещания), но осуществили (на практике) прежде всего второй. Уже через 2 дня командующим фронтами была послана телеграмма за подписью Алексеева с извещением о сокращении хлебных норм в армии до двух фунтов частям, находящимся на фронте, и 600 граммов — расположенным в тылу⁴. Но и эти нормы не соблюдались. Они не были обеспечены реальным наличием продовольствия и лишь прокламировались на бумаге. С кавказского фронта телеграфировали, что если в марте фронт получал $\frac{1}{5}$ необходимой муки, то с начала апреля стал получать лишь $\frac{1}{10}$ потребного количества. Положение оценивалось как «безвыходное... близкое к катастрофе», с фронта требовали «немедленного принятия чрезвычайных мер»⁵. Командующий западным фронтом Валуев указывал (одновременно в три адреса — Ставке, военному министру и министру земледелия), что фронт перешел на один фунт хлеба и $\frac{7}{8}$ фунта сухарей в день, но в апреле и эта норма не может быть обеспечена. «С фронта идут тревожные вести на почве недовольства уменьшением выдачи хлеба», — сообщал командующий⁶. Ничего не менялось к лучшему в следующие месяцы. Армия продолжала получать, в лучшем случае, четверть необходимого количества хлеба для удовлетворения солдат даже по сниженным нормам. «На юго-западном фронте, — телеграфировал в Петроград Лукомский 18 августа 1917 г., — муч-

¹ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 1, л. 20.

² Там же, ед. хр. 135, лл. 6, 13.

³ «Разложение армии в 1917 г.», «Центроархив», ГИЗ, 1925, стр. 10.

⁴ Там же, стр. 11.

⁵ Там же, стр. 14.

⁶ Там же, стр. 16.

ной голод; тыловые войска вопреки уставным требованиям уже расходуют сухари, небольшие запасы которых сохранялись для обеспечения операций; мельницы остановились; подвоза нет»¹. Военный министр Верховский признал 20 октября с трибуны предпарламента, что «на северном фронте положение было настолько критическим, что потребовался подвоз провианта пассажирскими поездами», но и это не смогло предотвратить голод. Он сообщил также, что тыловой Московский округ «живет со дня на день, прибегая нередко к силе оружия для добывания припасов»².

Еще хуже Временное правительство обеспечило хлебом промышленные центры. Подвоз продовольствия в Петроград, Москву, тем более в другие города резко сократился. Так, в августе 1917 г. в столицу прибыло 389 вагонов с пшеницей и рожью против 1212 за август 1916 г.³ Даже «законный» паек уменьшен до 300 г на человека (постановлением от 25 марта 1917 г.), но и его получить удавалось далеко не всем и не всегда. В Москве летом хлебный паек был сокращен до 1/2 фунта в день. В Московском уезде выдавалось не более двух фунтов в неделю. «Положение обостряется с каждым часом,— сообщал «Социал-демократ», — уже начинаются голодные волнения»⁴.

Донецкие шахтеры жили впроголодь. «Положение в Донецком бассейне чрезвычайно грозное, — телеграфировал в столицу буржуазный временный донецкий комитет, — продовольствие местами совершенно отсутствует... необходимы экстренные мероприятия»⁵. Чиновники Временного правительства признали⁶, что продовольственные комитеты получают лишь 25% и без того голодной нормы и что «на этой почве возможны волнения, а также и массовый уход шахтеров с работы, что поставит всю каменноугольную промышленность в безвыходное положение». Голод грозил и рабочим важнейшего центра нефтяной промышленности г. Баку⁷.

¹ АВПР, ф. Экономический департамент, 1 д-во, д. 165, л. 494.

² «Былое» № XII, 1918, стр. 30.

³ «Рабочий путь» № 21, 12 октября (29 сентября) 1917 г., стр. 2, статья И. Ветрова «Продовольствие Петрограда».

⁴ «Социал-демократ» № 142, 26 августа 1917 г.

⁵ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, д. 391, л. 4.

⁶ Об этом говорилось 27 августа 1917 г. на заседании особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. См. ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 1, д. 381, л. 142.

⁷ Об этом было сообщено на том же заседании. Там же, л. 143.

Телеграммы и письма о катастрофическом положении с хлебом поступали в Петроград из многих других городов страны. Голодала бедняцкая часть деревни, особенно центральных губерний. Лидеры соглашательских партий, заседавшие в исполкоме Петроградского Совета, иногда разговаривали на продовольственные темы. Но дальше многословных речей их «забота» о народе не пошла. Единственным их «практическим» шагом оказалась помощь Шингареву в составлении провалившегося на практике закона о хлебной монополии.

На московском государственном совещании министры Временного правительства признали провал государственной политики, объявив, что положение страны в продовольственном отношении является очень тяжелым, и сообщив, что в ряде областей центральной России и Белоруссии население «крайне возбуждено» из-за недостатка хлеба. В то же время правительство в конце августа, жертвуя интересами трудящихся ради удовлетворения требований спекулянтов, помещиков и кулаков, повысило вдвое твердые цены на хлеб. Как эта мера, так и вся продовольственная политика Временного правительства свидетельствовала о его полной неспособности наладить снабжение фронта и тыла хлебом. Больше того, нормы уменьшились и быстро сокращалось получавшееся армией и городами наличное количество хлеба.

Организация голода была одним из средств борьбы против революционного народа. Классовый союз русских и французских империалистов выражался здесь в совместных усилиях, направленных на то, чтобы отнять у рабочих и солдат России даже тот небольшой кусок хлеба, который удавалось еще получить. Продовольственная политика Временного правительства вытекала из классового содержания его деятельности.

Радикальное улучшение положения с хлебом, как и ликвидация разрухи вообще, были возможны только в результате перехода власти в руки большевистской партии. В. И. Ленин в классической работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» в сентябре 1917 г. писал: «Контроль, надзор, учет — вот первое слово в борьбе с катастрофой и с голодом. Вот что бесспорно и общепризнано. И вот чего как раз *не делают* из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли, прибыли, которые наживаются на

дороговизне, на военных поставках (а на войну «работают» теперь, прямо или косвенно, чуть не все), прибыли, которые все знают, все наблюдают, по поводу которых все ахают и охают.

И ровно ничего для сколько-нибудь серьезного контроля, учета, надзора со стороны государства не делается»¹.

Помещики и кулаки продолжали припрятывать хлеб, ожидая повышения цен, создания правительства «твердой руки», которое добилось бы «обуздания» революции и полной ликвидации твердых цен, что дало бы помещикам возможность еще больше округлить свои капиталы на народной нужде. Чиновники, сидевшие в государственных продовольственных учреждениях, занимались взяточничеством сами и поощряли взяточничество своих подчиненных. Неизбежные большие трудности, вызывавшиеся продолжающейся войной, увеличивались полной неспособностью и нежеланием буржуазии и помогавших ей грабить народ меньшевиков и эсеров сколько-нибудь успешно использовать для внутренних нужд имеющийся в стране хлеб. Полуголодные нормы выдачи продуктов, все чаще вызывавшие настоящий голод, были дополнительной причиной роста гнева и возмущения народных масс на фронте и в тылу против предательской политики эксплуататорских классов. Продовольственная разруха оказалась одним из тех объективных факторов, которые ускорили гибель эксплуататорского режима.

И при отмеченных серьезнейших продовольственных трудностях внутри страны Временное правительство весьма упорно старалось выполнить обязательства по снабжению хлебом Антанты. Туда посылали не только не «лишнее» (как это было в большинстве случаев с отправкой в Россию военного снаряжения), но кровно необходимое голодавшим рабочим, крестьянам и солдатам России зерно.

Во Франции, куда направлялся русский хлеб, в 1917 г. действительно имелись некоторые продовольственные затруднения. Все же продовольственное положение во Франции было гораздо лучше, чем в России и в большинстве других воевавших стран. До 1917 г. никаких ограничений в продаже предметов продовольствия не было. Французский министр земледелия заявил в палате депутатов, что в течение зимы 1916/1917 г. «ему удалось образовать до-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 300.

статочные запасы пшеницы, которые были закуплены за границей по ценам, значительно ниже существующих в настоящее время»¹. Лишь летом 1917 г. начали вводить хлебные карточки. На 1917 г. Франции не хватало только 30 млн. ц хлеба, которые надеялись ввезти из-за границы. Одну шестую часть этого количества хотели ввезти из России. В то время как в России сложилось тяжелое продовольственное положение и она не могла выполнять прежних функций экспортера хлеба, в ряде стран, не затронутых непосредственно военными действиями, имелись значительные хлебные излишки. Это признавали сами французы. Их профессора-экономисты оценивали наличные запасы хлеба на земном шаре в 1917 г. в 131 млн. квинталов, в том числе 40 — в Австралии, 30 — в США, 28 — в Канаде, 20 — в Индии и 13 — в Аргентине². Реальная возможность получить недостающее продовольствие, минуя Россию, у французского правительства была. Но там, в торговых отношениях с другими странами, за хлеб нужно было платить, а при оформлении торговых соглашений разговаривать, как равный с равным, а с США — как бедному племяннику с богатым дядюшкой. Здесь, в зависимой от Антанты России, доведенной ее правящими кругами до состояния, приближавшегося к полукOLONIALьному, можно было приказывать, засчитывая к тому же хлебные поставки в счет посылаемого «русскому союзнику» второсортного (иногда и просто никуда не годного) военного снаряжения. Вот почему французские империалисты хотели получить одну шестую часть нужного хлеба именно из России, совершенно не считаясь с ее внутренними потребностями и реальным положением в стране. Требование, предъявленное «русскому союзнику» относительно вывоза пшеницы в 1917 г., объективно свидетельствовало о потере русской буржуазией самостоятельности в своих действиях. В лице Временного правительства буржуазная, империалистическая Франция нашла послушного исполнителя своей воли.

Практические мероприятия по выполнению обязательств на 1917 г. начали осуществлять еще царские министры.

---

¹ Из доклада агента м-ва торговли и промышленности во Франции «О состоянии продовольственного дела во Франции к половине января 1917 г.», ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 1, д. 438, л. 21.

² Статья корреспондента «Биржевых ведомостей» Н. Тасина, при-
сланная из Парижа. «Биржевые ведомости», 20(7) апреля 1917 г.

6 февраля Грудистов в телеграмме уполномоченному министерства земледелия Шашковскому, находившемуся в Тифлисе, предлагал заготовить 5 млн. пудов на территории Кубанской области, а затем отправить их в Архангельск¹. Отвечая Петрограду, Шашковский высказался против этого вывоза ввиду недостатка продовольствия на месте. После Февральской революции Временное правительство, игнорируя возражения Шашковского, продолжало требовать отправки с Кубани 5 млн. пудов пшеницы до нового урожая. Новый министр земледелия, кадет Шингарев, писал в Тифлис: «Подтверждая необходимость исполнения этого задания, прошу немедленно приступить к заготовке пшеницы»². Такого же содержания телеграмму Шингарев отправил уполномоченным министерства земледелия в Сибири. Временное правительство требовало «принять все меры к интенсивной заготовке и отправке союзникам пшеницы в обусловленные соглашением с ними сроки»³. Получил телеграмму с приказом не задерживать хлеб, предназначенный для союзников, также командующий Кавказской армией Юденич. Однако уже в марте стало ясно, что чиновники, распорядившиеся зерном из своих петроградских кабинетов, плохо знали действительное положение с хлебом в стране. Руководители армии, никогда и никем не подозреваемые в плохом отношении к Антанте, вынуждены были не выполнять решения Временного правительства об отправке за границу пшеницы. В составленной в апреле 1917 г. «Записке о боеспособности русской армии»⁴ в последнем абзаце указывалось: «Необходимо немедленно прекратить отправку союзникам пшеницы, которая нужна нам самим»⁵. Одним из тех, кто воспротивился этой отправке, был генерал Алексеев. Он наложил запрет на вывоз пшеницы из юго-западного края, а собранные для транспортировки в Архангельск 1900 вагонов конфисковал для нужд армии. Слишком опасен был для существовавшего строя голодный солдат, считал командующий, хорошо знавший, сколь плохо снабжалась армия продовольствием, и боявшийся восстания солдатской массы на почве систематического недоедания. Вслед за Алексеевым запретил

¹ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 55, л. 2.

² Там же, л.л. 5—6, 9.

³ Там же, ед. хр. 57, л.л. 62—63.

⁴ Записка анонимна.

⁵ «Красный архив», т. 5 (XXX), М — Л 1928, стр. 45

заготавливать и отправлять союзникам пшеницу наместник Кавказа вопреки постановлению Временного правительства посылать хлеб, минуя наместника. Точно так же поступил уполномоченный министерства земледелия по Тобольской губернии, столкнувшийся с большой нехваткой хлеба для местного населения ¹. Началась весьма оживленная переписка правительства с руководителями армии и местными представителями министерства земледелия по вопросу об отправке в Архангельск пшеницы «особого назначения». Из Петрограда шли требования, нередко сопровождавшиеся угрозами, отправлять, не считаясь с местными обстоятельствами. С мест посылались оправдательные тексты с указанием на безусловно объективные причины, мешавшие выполнению поставок как по сроку, так и по количеству.

С Кубани ввиду настойчивых повторных телеграмм о невозможности получить 5 млн. пудов Шингарев в апреле согласился послать хотя бы один миллион пудов, отложив отправку остальных четырех миллионов впредь до выяснения положения вещей ².

С Кавказа не удалось получить ничего. После всех письменных переговоров 9 июля 1917 г. правительство получило сообщение, что «отправить пшеницу в Архангельск не представляется возможным ввиду испытываемой крайней нужды Кав(казской) армией» ³. Еще раньше Петроград получил телеграмму из Киева аналогичного содержания («пшеница особого назначения Архангельск не отправлялась ввиду недостатка выполнения нарядов муку армии») ⁴.

Тобольский продовольственный комитет докладывал, что в связи с распутицей, малым запасом пшеницы вблизи железнодорожных линий и пристаней и крайней нуждой в зерне у местных мукомолов заготовить в губернии можно не более 2 млн. пудов, да и то лишь при всеобщей реквизиции, разрешение на которую испрашивалось ⁵. Здесь правительство не добилось ничего. Не вся пшеница, все же отправленная в Архангельск, дошла по назначению и была погружена на пароходы. Зерно переправлялось через территории, переживавшие тяжелый продовольственный кризис. Местные власти в ряде случаев пытались задержать

---

¹ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 57, лл. 8, 58.

² Там же, ед. хр. 55, л. 19.

³ Там же, л. 30.

⁴ Там же, ед. хр. 52, л. 45.

⁵ Там же, ед. хр. 46, л. 35.

часть хлеба для удовлетворения голодающего населения. Председатель продовольственного комитета уезда Великий Устюг, Вологодской губернии, Голубев, ссылаясь на полное отсутствие в уезде мяса и рыбы и «большой недостаток» хлебных продуктов, указывая на эпидемию сыпного тифа, которая «на почве недоедания может принять угрожающие размеры», просил разрешения взять со станции Котлас 100 тыс. пудов «экспортной пшеницы». Министерство земледелия категорически отказалось удовлетворить его просьбу¹.

Ярославский Совет рабочих и солдатских депутатов послал две телеграммы Временному правительству и Петроградскому Совету. Первая выражала протест против отправки хлеба и требовала опубликовать и пересмотреть те тайные договоры, которые вынуждали Россию осуществлять эти поставки. Во второй телеграмме Ярославский Совет сообщал, что им задержана в городе пшеница впредь до выяснения вопроса о поставках за границу². В Ярославле наивно предполагали, что буржуазное правительство или соглашательский в большинстве своем исполком Петроградского Совета смогут что-либо самостоятельно предпринять в отношении обязательств перед Антантой. Наоборот, союзники с поразительной быстротой получили сведения о том, что крупная партия зерна, следовавшая в Архангельск, «реквизирована по пути». Они требовали, чтобы реквизированные партии были заменены без промедления другими, чтобы сдача обусловленного соглашениями количества зерна шла без задержки³.

Плохо обстояло дело с хлебом и в самой Архангельской губернии. Еще в феврале 1917 г. военно-морские власти в Архангельске предупреждали штаб военно-морского флота, что отсутствие продовольствия может вызвать беспорядки в городе⁴. В то время как на городских складах близ порта скапливались значительные запасы пшеницы, население города и губернии, как и большинства районов России при Временном правительстве, вело полуголодное существование. Главнначальствующий г. Архангельска, окруженный полуголодным населением, наложил запрет на отправку нескольких пароходов с зерном за границу, надеясь полу-

¹ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 57, лл. 90—91.

² Там же, лл. 94—95.

³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 1, д. 434, л. 21.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 5, д. 740, л. 1.

чить разрешение у правительства использовать пшеницу для нужд губернии. «В настоящее время на складах порта имеется всего около четырех сот тысяч пудов», — телеграфировал он 4 июля сразу в четыре адреса ¹, предупреждая, что в случае «дальнейшего вывоза хлеба за границу без достаточного обеспечения местных нужд возможны эксцессы» ². В справке «Организация продовольственного дела за время революции 1917 года», составленной в июне 1917 г. по заданию бюро по созыву всероссийского продовольственного съезда, про Архангельскую губернию говорилось следующее: «Выяснилось, что хлеба почти нет. В некоторых местах начинается голод» ³.

Организацией голода в этой губернии энергично занимались меньшевики и эсеры, имевшие тогда большинство в Архангельском Совете. В ответ на телеграмму из Петрограда от министра Временного правительства Пошехонова, запрашивавшего о возможности отправки пшеницы за границу, Архангельский Совет сообщал: «Услышав, что пшеница, находящаяся в Архангельске, идет за границу по распоряжению Временного правительства... исполнительный комитет постановил: препятствий к отправке не чинить». Даже после того, как архангельский продовольственный комитет в июле 1917 г. сообщил Совету, что продовольствия в городе мало, решено было «нагруженные хлебом суда отправить за границу» ⁴. И само Временное правительство считало задачу удовлетворения обязательств перед Антантой гораздо более важной, чем борьбу против голода и эпидемий в своей собственной стране. Когда задержкой судов в Архангельске заинтересовался Терещенко, как министр иностранных дел, и потребовал у министра продовольствия принятия немедленных мер, Пошехонов поспешил приказать главноначальствующему Архангельска «немедленно снять запрет на отправку погруженной на пароходы пшеницы и в будущем не предпринимать никаких мер в отношении заготовленной в Архангельске для отправки союзникам пшеницы без предварительной санкции министерства продовольствия». Архангельский начальник по-

¹ Министру земледелия, министру продовольствия, морскому и иностранных дел.

² АВПР, ф. Экономический департамент, II д-во, д. 455, л. 124.

³ АВПР, ф. II Департамент, 1—5, р. 3, 1917 г., д. 52, л. 42.

⁴ Г. Мырлин, А. Потылицын, Г. Кузнецов, В борьбе за Советский Север, Архангельск 1950, стр. 19.

слушно исполнил приказ из Петрограда ¹. Так в течение марта — июня 1917 г. Временное правительство, подталкиваемое французским союзником ², изымало хлеб для поставок союзникам с исключительной энергией.

Что удалось ему сделать в этом позорном деле?

22(9) июня 1917 г. французский коммерческий атташе предложил представить ему сводку движения грузов «с пшеницей особого назначения». Через 4 дня представителю Антанты доложили, что из юго-западного края отправлено в Архангельск 532 тыс. пудов, из Акмолинской губернии — 298 тыс., из Самарского района — 1005 тыс. пудов, всего — 1835 тыс. пудов. Из всего отправленного прибыло в Архангельск 888 817 пудов (остальные находились в пути), из которых 375 522 пуда были уже погружены на пароходы ³. Это был итог четырехмесячных хлопот буржуазного правительства по отправке хлеба за границу, итог, мало устраивавший Антанту. Французское и английское правительства обратились с грозной нотой. Они снова требовали более эффективных поставок. В начале июля 1917 г. количество отправляемой в Архангельск пшеницы было доведено до 2 млн. пудов. Прибыло к порту из них 1100 тыс. пудов. В конце июня и начале июля шла форсированная погрузка накопившихся в Архангельске запасов на пароходы, в результате чего 710 тыс. пудов было отправлено. 200 тыс. пудов все же было предоставлено в распоряжение архангельских властей «для обеспечения мукой чрезвычайно нуждающегося населения Архангельской губернии» ⁴. В министерстве земледелия, наконец, поняли, какой опасный для правящей клики размах грозили принять народные волнения на почве голода в губернии, где под тщательной военизированной охраной скапливались значительные запасы пшеницы.

В момент, когда Временное правительство старалось увеличить свои поставки Антанте, 8 июля (25 июня) газеты неожиданно для многих опубликовали сообщение об от-

---

¹ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 46, л. 96; ед. хр. 58, л. 95.

² Во время переговоров Альбера Тома в Ставке, в бытность его в России, французский министр выразил недовольство ходом хлебных поставок, указав на то, что запоздание выражается в цифре 100 тыс. *т* пшеницы. АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 657, л. 19 об.

³ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 58, л. 39.

⁴ Там же, ед. хр. 57, л. 97.

казе Англии и Франции от русского хлеба. Было обнародовано ко всеобщему сведению соглашение относительно снабжения пшеницей союзников, оформленное в январе 1917 г. Дальнейший текст официальной информации гласил: «В настоящее время, узнав о возникших затруднениях в области продовольственного дела, союзники признали возможным освободить Россию от выполнения полностью принятых ею на себя обязательств по поставке хлеба во Францию и Англию, оставив в силе свои обязательства по военному снабжению России».

Газеты опубликовали ноты союзников, где Антанта, обещая поставить военные материалы, соглашалась «ограничиться получением с благодарностью того количества пшеницы, которое русское правительство сочтет возможным поставить... в течение текущей кампании»¹. В чем было дело? Откуда появилось такое «великодушие», к тому же широко рекламируемое публично? Союзники, не отказываясь от хлеба, а соглашаясь удовлетвориться «возможным количеством», могли к этому времени уже убедиться в нереальности плана отправки 25 млн. пудов пшеницы (тем более 35 млн.), в неспособности Временного правительства вывезти такое количество. Это, безусловно, повлияло на их решение заявить о снятии с России обязательств, но не это было главное. «Затруднения», как вежливо, но не точно была названа прогрессирующая продовольственная разруха в стране, существовали и в феврале, и в марте, и все следующие месяцы. «Великодушие» империалистов Антанты обнаружилось в июле. Именно в начале июля ждали, наконец, наступления на русском фронте. Они понимали, что голодный солдат будет сражаться много хуже накормленного. Ради успеха русского наступления они готовы были кое-чем (на словах, во всяком случае) пожертвовать. Если в предыдущие месяцы они никак не возражали против намерения русских империалистов бороться организацией голода с революционным движением и объективно помогли ухудшению продовольственного положения страны, требуя часть хлеба себе, то в июле Антанта пошла на новый тактический маневр, возложив надежды на русское наступление, как на средство ударить одновременно и по русской революции, и по германскому противнику. Подлинный смысл «велико-

---

¹ «Речь» № 147, 8 июля (25 июня) 1917 г. Последний текст — из ноты французского посольства.

душия» был вскрыт уже в августе 1917 г., когда полный провал наступления на русском фронте никто скрыть не мог. В течение июля и первой половины августа находившийся по дороге в Архангельск хлеб частично прибыл к месту назначения. Из посланных 2 млн. пудов в Архангельск было доставлено 1,5 млн., из которых 938 928 пудов (по данным на 20 августа) было погружено на пароходы. Для нужд населения Архангельской губернии было задержано еще 136 тыс. пудов (сверх 200 тыс. уже упомянутых).

Из указанных 2 млн. пудов 1 млн. 067 тыс. ушло из Самарского района, 634 тыс. пудов из юго-западного края и 300 тыс. из Омска (Акмолинской губернии). Из Тобольской, Таврической губерний, Кавказа Временное правительство так и не смогло выжать ничего ¹. Таково было положение вещей, когда Антанта вернулась, после провала наступления, к прежней линии — не считаясь с голодом в России, требовать вывоза хлеба: «великодушные» жесты были быстро позабыты. Петроградское министерство иностранных дел получило соответствующие указания из Парижа и Лондона. Франция, как и раньше, получала хлеб по очень дешевой цене: 60 коп. за пуд, тогда как в самой России он продавался по 20—30 руб. за пуд. 21 августа было созвано специальное правительственное совещание по вопросу о дальнейшей судьбе хлебных поставок за границу, с участием представителей французского МИД. Совещание решило более энергично использовать для вывоза за границу урожай Сибири, отправляя оттуда ежедневно по 20 вагонов в Архангельск ².

В августе, сентябре, октябре продолжалась прежняя линия на выколачивание хлеба для отправки за границу. Представители союзных миссий требовали «скорейшего вывоза» сельскохозяйственных продуктов в союзные страны ³. Буржуазным министрам подражали отдельные капиталисты. В октябре 1917 г. русские зернопромышленники с согласия Временного правительства завезли в Архангельск 5 млн. пудов муки, намереваясь отправить ее за границу, но не успели. Благодаря вмешательству уже Советского правительства эта мука была оставлена в России ⁴. Всего при Времен-

---

¹ ЦГАОР, ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 57, л. 103—104.

² Там же, лл. 105—106.

³ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 31, лл. 81—82.

⁴ См. газету «Беднота», 5 октября 1918 г.

ном правительстве из России во Францию было вывезено 1311 тыс. пудов хлеба¹.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции прекратилась эта преступная операция. Высший совет народного хозяйства постановил «воспрепятствовать вывоз из России продовольствия, в том числе уже находящегося в Архангельске...»² В обращении II съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам указывалось, что Советская власть «озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревни»³.

Такова эта убедительная история еще одного предательства, совершенного русской буржуазией при поддержке меньшевистско-эсеровских лидеров.

* * *

Уже завоеванные на русском рынке права казались французским империалистам недостаточными. Они рассчитывали после войны захватить новые важные источники прибыли в России.

Еще в конце 1916 г. французское правительство сообщило царским министрам свою программу «экономического сотрудничества России и Франции в период времени, последующий после заключения мира». Выполнение этой программы должно было увековечить выжимание огромных прибылей французской буржуазией путем эксплуатации русского рынка. Французское правительство требовало, чтобы было установлено количество русского сырья, могущего быть вывезенным во Францию «как в настоящее время, так и в ближайшие годы после войны». Предполагалось, что Франция станет основным покупателем русского хлеба: она купит 195 млн. пудов в первый послевоенный год и в среднем по 122 млн. пудов в следующие годы (до империалистической войны Франция получала из России в среднем 23 млн. пудов пшеницы в год). Кроме того, предполагалось вывозить из России во Францию ежегодно по 30 млн. пудов овса.

Исполнительность русских империалистов там, где шла речь об интересах Антанты, импонировала французским монополиям.

¹ «Статистический сборник ЦСУ», 1913—1917 гг., вып. II, стр. 25.

² «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», М. 1918, вып. II, стр. 238.

³ «Декреты Октябрьской революции», М. 1933, стр. 1—2.

К тому же Россия была должницей: чем ждать денежной компенсации долга, реальнее и выгоднее казалось получать хлеб и другие годные к употреблению товары в счет и довоенных и военных долгов.

Кроме правительственной программы «экономического сотрудничества», французский министр торговли написал несколько посланий царскому правительству, содержавших подробный план организации русского хлебного экспорта во Францию в послевоенные годы. Россия должна была лишиться права самой решать свои экспортные проблемы и обязаться снабжать Францию зерном на продиктованных ею условиях. А их невыгодный, неравноправный для России характер разглядел даже Прилежаев.

В своих комментариях к французским предложениям он прямо оценивает условия поставок, как предусматривающие «преимущественно интересы покупателя». Царский министр возражал против согласия на продажу хлеба Франции по ценам ниже мировых и против зачета части платежей за хлеб в счет уплаты процентов по государственным займам.

Французский проект предусматривал также вывоз из России значительного количества леса и образование французских предприятий по эксплуатации лесных богатств России. Франция, кроме того, предлагала значительно расширить эксплуатацию русских горных богатств привлечением к этому делу «французских кругов», что было показательно для экспансионистских устремлений авторов документа.

Ввоз из Франции в Россию, по мнению французского правительства, должен был состоять из вагонов, паровозов, рельсов, сельскохозяйственных машин, т. е. готовой промышленной продукции.

Здесь, в этих предложениях и проектах французского правительства, налицо стремление сделать Россию неспособной обходиться без вмешательства западных держав в ее экономику, ослабить ее национальные производительные силы. Подобные планы французской буржуазии нельзя характеризовать иначе, как колонизаторские. Французские капиталисты стремились овладеть в русской внешней торговле позициями, занимавшимися прежде Германией, получать из России во все возрастающих размерах сырьевые материалы, будучи уверенными в возможности «извлечь из этого ввоза огромную выгоду, так как этим путем будет

облегчено проникновение внутрь России французских товаров». К этому сводились, как сообщал российский консул в Бордо, «все помыслы французских торговцев»¹.

Весной и в начале лета 1917 г. во Франции состоялись конференции торгово-промышленных деятелей, смысл которых, по сообщениям того же консула, «сводится к тому, что французские негодья должны после войны занять в России положение Германии довоенного времени, должны завоевать все рынки России, вывозя из России сырье, зерно и минералы и снабжая Россию мануфактурой французского производства...»²

С этими планами были связаны и намерения организовать соответствующий «обмен кадрами» — отправлять в Россию французских инженеров для того, чтобы они организовывали—в интересах французского капитала—эксплуатацию естественных богатств, образовывать французские компании, которые могли бы «захватить весь горный промысел России в свои руки»³, а во Франции использовать труд русских сельскохозяйственных рабочих⁴.

Незадолго до Февральской революции в Харьков приехала французская торгово-промышленная делегация. На собрании горнопромышленников члены делегации заявили о желании Франции установить на послевоенное время широкую программу ввоза сырьевых ресурсов из России в обмен на экспорт промышленных изделий и сельскохозяйственных машин. Переговоры с французскими промышленниками вели совет съезда горнопромышленников, представители каменноугольной и горнозаводской биржи, купеческого общества⁵.

Временное правительство отнеслось с большим вниманием к этим проектам. Министерство торговли и промышленности образовало в конце февраля 1917 г. особое совещание для рассмотрения французского предложения.

¹ АВПР, ф. II Департамент, 1—5, р. 3, 1917 г., д. 51, л. 19.

² Там же, л. 39.

³ Там же.

⁴ Представитель министерства земледелия Временного правительства во Франции летом вел в Париже переговоры по этому вопросу. Начать было решено с превращения в батраков русских солдат во Франции, негодных к строевой службе. См. АВПР, ф. II Департамент, 1—5, р. 3, 1917 г., д. 56, лл. 1, 3, 9—10.

⁵ «Правительственный вестник» № 41, 21 февраля (6 марта) 1917 г. Делегация совершила поездку по городам Украины, проявив особый интерес к Донбассу. См. «Правительственный вестник» № 44, 24 февраля (9 марта) 1917 г.

Не только промышленники, но и дипломаты проявили к нему интерес.

В июне 1917 г. министерство иностранных дел Временного правительства сообщило в министерство торговли и промышленности, что Франция настаивает на безотлагательном «принципиальном согласии» с ее планом¹.

Русская буржуазия не только не сумела поставить вопрос об освобождении России от иностранной зависимости в экономической области, но и сознательно не желала этого. Никаких сколько-нибудь эффективных мер по развитию отечественной промышленности средствами самой России Временное правительство не приняло. Оно занималось не созиданием, а распродажей и разрушением национального достояния нашей Родины. За первые 8 месяцев 1917 г. министерству торговли и промышленности было ассигновано (в круглых цифрах) 38,1 млрд. руб., а синоду — 41,8 млрд. руб.² Со стороны предпринимателей имел место сознательный саботаж производства; в массовом локауте, в закрытии предприятий, в результате чего тысячи людей выбрасывались на улицы, в наступлении на социальные завоевания рабочего класса, достигнутые после свержения самодержавия, империалисты видели сильное средство борьбы против быстро растущего и усиливавшегося лагеря революции. Организацией голода и массовой безработицы они собирались не только погубить многие тысячи людей, но и лишить Россию экономической независимости, лишь бы уцелеть в качестве эксплуататорского класса, сохранить свою власть в стране.

Выплавка чугуна, стали, добыча каменного угля уменьшились в 1917 г. даже по сравнению с 1916 г. Упала также и добыча нефти³. Топлива из Донбасса за это же время

¹ См. ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 553, л. 1. АВПР, ф. II Делартамент, 1—5, р. 3, д. 51, 1917, лл. 2—7.

² З. Лозинский, Указ. соч., стр. 19—20.

³ Так, в 1917 г. чугуна было выплавлено 190,5 млн. пудов против 231,9 млн. в 1916 и 283 млн. пудов 1913 г.; каменного угля соответственно — 1746,9 млн. пудов, 1954,7 млн. и 2200,1 млн. пудов. См. П. А. Хромов, Экономическое развитие России в XIX—XX вв., М. 1950, стр. 454—455. Нефти в 1917 г. было добыто на 25% меньше, чем в 1913 г. На основных бакинских промыслах за первое полугодие 1917 г. добыча нефти сократилась по сравнению с тем же периодом 1916 г. на 32 млн. пудов и 1913 г. на 63 млн. пудов. См. «Горнозаводское дело» № 36—37, 1917 г., стр. 16363. Производство железа и выплавка стали сократились на 37% в 1917 г. по сравнению с 1913 г. См. «Вестник статистики» № 4—6, кн. XIV, М. 1923, стр. 151.

было отгружено на 17 % меньше 1916 г.¹ С марта по ноябрь 1917 г. было закрыто более 800 предприятий с 170 тыс. рабочих. В 1917 г. были потушены 44 доменные печи². Уменьшалось и производство сельскохозяйственных орудий (до 29 %; в 1917 г. оно составило 53,8 % от уровня 1913 г., взятого за 100)³. Общая стоимость промышленной продукции (на территории СССР в границах 1924 г.) упала с 6831,4 млн. руб. в 1916 г. до 4344,1 млн. руб. в 1917 г.⁴ Баланс внешней торговли России стал резко пассивен⁵.

Сознательная подготовка экономического краха в стране означала стремление контрреволюции осуществить корниловщину в сфере экономики. «России грозит неминуемая катастрофа,— писал В. И. Ленин.— Железнодорожный транспорт расстроен невероятно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков»⁶.

Экономическая политика Временного правительства, таким образом, служила одним из средств борьбы против дальнейшего развития революции, которую хотели задуть, опираясь на помощь империалистов США, Франции и Англии. Экономическая платформа большевиков исходила из реальной возможности победы социализма в одной стране, она выражала интересы рабочего класса и трудового крестьянства. Развертывавшаяся в стране революция ставила на очередь вопросы коренных социальных преобразований. И в крупной промышленности, и в сельском хозяйстве имелись объективные предпосылки для обобществления средств

¹ ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 18, л. 192 об.

² И. А. Гладков, *Очерки советской экономики 1917—1920 гг.* М. 1956, стр. 14.

³ «Труды ЦСУ», т. XXVI, *Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.*, М. 1926, стр. 42.

⁴ «Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг.», М. 1924, стр. 169.

⁵ Сальдо, составлявшее в 1913 г. +146,1 млн. руб., в 1917 г. было уже 1937,2 млн. руб. «Внешняя торговля и внешняя торговая политика России», М. 1947, стр. 392.

⁶ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 25, стр. 299.

производства. Этим определялась экономическая платформа большевистской партии, принятая на VI съезде. Съезд разработал программу решительных революционных мероприятий, которые должна была осуществить новая государственная власть. В эту программу входили вмешательство в область производства и распределения, национализация и централизация банкового дела, национализация ряда синдицированных предприятий (например, нефтяных, каменноугольных, сахарных, металлургических, а также транспорта), организация правильного обмена между городом и деревней, установление действительного рабочего контроля и правильное распределение рабочих сил, действительные меры борьбы с финансовым крахом и ряд других неотложных мероприятий¹.

Партия выступила как подлинно патриотическая сила, борющаяся за сильную и независимую от иностранных империалистов Россию. Только большевики выражали интересы народа — рабочего класса и трудового крестьянства. Реальную возможность осуществления коренных экономических преобразований приближали политические успехи большевистской партии, политическая борьба рабочего класса и трудовой части деревни. «Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя не и д я* к социализму, не делая *ш а г о в* к нему...»², — писал В. И. Ленин в сентябре 1917 г.

Только на основе победы социализма в России и могли произойти коренные экономические преобразования, наша Родина могла сохранить свой национальный суверенитет и избежать реальной угрозы порабощения иностранной буржуазией.

Неудачи Временного правительства в дипломатических взаимоотношениях с союзниками определялись в конечном счете экономической зависимостью России от Антанты, только возросшей в марте — октябре 1917 г. С другой стороны, серьезное ослабление международных позиций русской буржуазии, резкое падение ее престижа в глазах Антанты не могли не повлиять в свою очередь на дальнейшее углубление зависимости русского народного хозяйства от иностранных государств. Разрубить этот узел могла только социалистическая революция.

¹ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, стр. 377—378.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 333.

ГЛАВА VII

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ФРАНЦИЕЙ В ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

(сентябрь — октябрь 1917 г.)

Последние месяцы своего существования Временное правительство продолжало следовать прежнему проантантовскому и капитулянтскому курсу внешней политики. Прогрессирующее уменьшение реальной базы господства русской буржуазии в стране — экономической и политической — не могло не повлечь за собой нового ослабления международных позиций эксплуататорских классов России.

Создание директории во главе с тем же Керенским не меняло характера власти. Разговоры о разрыве с кадетами велись для обмана масс, ибо открытый союз с ними мог лишь ускорить отход от меньшевиков и эсеров последних групп трудящихся. Лица, желавшие осуществления корниловской программы, по-прежнему сохраняли власть в своих руках. Борьба за осуществление целей Корнилова, но без самого Корнилова составляла содержание их политики. Керенский, по словам Ленина, «случайно»¹ поссорившийся с Корниловым, вел кадетскую политику, находясь в «интимнейшем союзе»² с теми корниловцами (а их было большинство), которые никаким репрессиям не подвергались. Служение союзникам в деле продолжения войны, сохранение тайных договоров и тайной дипломатии, подготовка нового удара против революции при помощи иностранных империалистов, борьба против большевиков, как основная цель, — в этом заключался классово-политический смысл деятельности Временного правительства.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 26.

² Там же.

Спасти Россию, ее независимость могла только власть народа. 13 сентября Петроградский Совет, в котором большинство принадлежало уже большевикам, принял предложенную большевистской фракцией резолюцию с требованием создания такой власти, в основу деятельности которой было бы положено: «1) Немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира.

2) Немедленная отмена частной собственности на помещичью землю без выкупа и передача ее в заведование крестьянских комитетов.

3) Организация рабочего контроля над производством и распределением.

4) Беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военных прибылей». К этой программе присоединился и Московский Совет ¹. Это была программа, рассчитанная на победу революции. Временное правительство ни одного из ее пунктов осуществить не могло. В кругах французских империалистов эта программа вызвала гневные отклики.

После взятия Риги немецкими войсками положение в районе Петрограда стало крайне тяжелым.

Это обстоятельство, сообщали военные представители Временного правительства во Францию в Ставку, порождает в Париже «не только чрезвычайное волнение, но и служит поводом к весьма резкой критике нашего военного состояния со стороны значительной части печати» ². Поставить столицу под удар иностранных войск, угрожать революции капитуляцией перед германским империализмом и использованием его армии для борьбы против народа — к этому и стремились руководители контрреволюционного лагеря. Ради сохранения власти эксплуататоров в нашей стране Временное правительство пошло на национальную измену.

Между тем уже не отдельные воинские подразделения отказывались подчиняться Временному правительству, отказ воевать за интересы своей и чужой буржуазии принял массовый характер. Август, сентябрь и особенно октябрь характеризовались быстрым ростом авторитета на фронте и в тылу большевистской партии и разочарованием солдат в политике не только Временного правительства, но и меньшевиков. Успехи большевиков в борьбе за отвоевание

---

¹ «Рабочий путь» № 6, 22(9) сентября 1917 г.

² АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия при Ставке, д. 65, л. 48.

масс у буржуазии и соглашателей не оставались, конечно, незамеченными в странах Антанты. Французская печать, доносил Севастопуло из Парижа в октябре, вновь высказывает сильное беспокойство по поводу роста большевистского движения ¹.

По мере того как становилась все более очевидной неспособность русской буржуазии справиться с революцией, а одновременно и с ослаблением России как военного союзника в империалистической войне, усиливался, принимая все более грубые формы, нажим Антанты на Временное правительство, росло и вмешательство иностранных империалистов во внутренние дела России, имевшее своей целью оказать еще новую поддержку контрреволюционным силам.

Некоторые перемены в составе французского правительства: переход в сентябре поста премьер-министра к Пенлеве, а затем отставка Рибо с должности министра иностранных дел в пользу Луи Барту — не изменили направления политики. Прежнего премьера обвиняли в том, что он не смог достаточно успешно вести войну. От нового главы правительства требовали энергично продолжать ее «до победного конца». Палата депутатов 378 голосами против одного, «доверяя намерениям правительства со всей энергией осуществить его военную программу», одобрила смену министров. Социалисты не вошли в состав кабинета, ибо, боясь лишиться влияния в массах в условиях обострившейся классовой борьбы, они сочли за благо перейти «в оппозицию», но обещали поддержку новому кабинету. Передовая «L'Humanité» в связи с созданием нового правительства, написанная Альбером Тома и носившая красноречивое название «Программа войны», настаивала на упорном и непрерывном («до победы») ведении империалистической войны и при новом кабинете министров ². Это правительство организовало ряд мероприятий, связанных с давлением на русскую буржуазию, продолжением политики экономической экспансии, помощью империалистам в борьбе против революции, нередко сопровождаемая свои требования угрозами. Меньше всего притом делалось для оказания реальной помощи союзнику в ведении войны.

Военные поставки из Франции поступали все хуже и хуже, беспокойство правительств стран Антанты за судьбу посылавшегося вооружения росло. Еще летом ими была

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 71, т. II, 1917 г., л. 843.

² «L'Humanité», 17 сентября 1917 г., р. 1.

сделана попытка взять в свои руки распределение прибывавших в Россию военных материалов: союзные представители в Петрограде предложили образовать «постоянное совещание послов союзных держав для обсуждения связанных с войной вопросов». Даже представители Временного правительства в комитете по заграничному снабжению, где обсуждался этот вопрос, высказывались против ¹.

Потерпев здесь неудачу, союзники все чаще вмешивались в деятельность учреждений Временного правительства через междусоюзнический комитет снабжения. Материалы, поступавшие в этот комитет, свидетельствовали о том, что помощь союзников, недостаточная и прежде, сокращалась еще больше.

Мотивируя необходимостью сократить русские военные заказы во Франции, Альбер Тома распорядился прекратить отправку в Россию снарядов к траншейным мортирам и даже предложил вернуть уже приобретенные и ждавшие в Бресте отправки по назначению; затем была удержана часть мортир, переданных для поставок в Россию, согласно контрактам ². В конце августа 1917 г. французское правительство решило вообще прекратить отправку в Россию траншейных мортир, посылавшихся согласно решениям петроградской конференции ³.

Неблагополучно, как, впрочем, и в предыдущие месяцы, обстояло дело с получением самолетов и авиационных моторов из Франции. «Нужда в аэропланах и моторах огромная. Неполучение обещанных до закрытия навигации поставит нашу авиацию в критическое положение», — телеграфировали из Петрограда 15(2) октября ⁴. Отклика из Парижа не последовало, обещанные самолеты и моторы не прибыли. За октябрь во Франции не было получено ни одного парохода для отправки военных материалов в Россию ⁵. Неудовлетворительно обстояло дело и с получением

---

¹ Комитетом было решено «признать образование такового совещания, по необходимости имеющего обратиться в новую инстанцию по делам нашего заграничного снабжения, нежелательным». ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 31, л. 122 об.

² «Исторический архив» № 3, 1955 г., стр. 173, 175.

³ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6239, л. 25.

⁴ ЦГВИА, ф. 418/с, оп. 1, д. 8, л. 33.

⁵ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6239, л. 239. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. II, стр. 528. За сентябрь 1917 г. из Франции в Россию было отправлено 5 пароходов. См. ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 120, л. 191.

из Франции танков, а также грузовых и легковых автомобилей: заказы, намеченные Временным правительством (4800 грузовиков, 2 тыс. легковых машин, 468 танков, 6 автобусов и т. д.), не были приняты, большинство уже принятых машин по заказам 1916 г. застряло в Бресте. Игнатъев предлагал... вернуть их французскому правительству, «дабы не оставлять их зимовать вторую зиму в ящиках»¹.

Сокращалась по сравнению с обещанным по контрактам и поставка гранатных и шрапнельных патронов². Минимальные усилия прилагали союзники также для обеспечения России промышленным сырьем. На союзной конференции по металлам (состоявшейся в августе 1917 г. в Париже) представители Временного правительства просили предоставить в его распоряжение добычу свинца в Испании, но их просьба не была удовлетворена: вместо 170 тыс. *t* в год (как была оценена годовая добыча свинца в Испании) России на 1917 г. было предоставлено всего 18 939 *t*³. Союзники почти полностью прекратили также, как открыто писала газета «Новая жизнь», «по причинам политического характера»⁴ отправку сукна для русской армии, хотя оно имелось у них в изобилии.

Французское правительство предлагало пересмотреть все прежние соглашения, с тем чтобы «удержать у себя запасы военных материалов, предназначенные для России», используя их для нужд французской армии. На принятии такого решения настаивал представитель французской военной миссии на заседании межсоюзнического комитета снабжения 28 сентября. Начальник главзаграны вынужден был ответить, что «действительная по-

---

¹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6239, л. 4. Между тем положение с автотранспортом в России было тогда скверное. К началу войны русская армия имела всего 418 грузовых и 259 легковых автомобилей.

Попытки царского правительства и буржуазных организаций расширить автомобилестроение путем постройки пяти частных автомобильных заводов оказались неудачными: строительство началось, но до конца войны так и не было закончено. См. *Г. И. Шигалин*, Военная экономика в первую мировую войну, М. 1946, стр. 180—181.

² 19 сентября Игнатъев сообщал военному министерству, что вместо 11126 тыс. полных гранатных патронов французское правительство собирается отправить 9840 тыс., трехдюймовых патронов — 2750 тыс. вместо 3700 тыс., шрапнельных — 2125 тыс., а не 3200 тыс. ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6239, л. 101.

³ Там же, д. 6238, л. 121.

⁴ «Новая жизнь», 21 сентября 1917 г.

требность намного превышает поступление, а потому рассчитывать на возможность сколько-нибудь существенных сокращений в наших заказах едва ли представляется достаточно оснований»¹.

Вдобавок ко всему учреждения, ведавшие военным снабжением, работали далеко не слаженно. Так, в сентябре 1917 г. из Франции перевозилось большое количество 3-дюймовых снарядов, которых в русской армии было вполне достаточно, однако перевозка действительно срочно необходимых грузов откладывалась, так как снаряды занимали значительную часть емкости немногих имевшихся для перевозки пароходов².

Многочисленные склады брестского порта были заполнены невывезенным имуществом, принадлежавшим России: по данным на 15 октября 1917 г., такого имущества там находилось 72 581 *т* — паровозы и автомобили, аэропланы и моторы, ферровольфрам и сурьма, бомбы, патроны и снаряды. Для русского военного ведомства началось строительство новых деревянных складов в 40 км от порта; стоимость строительства составляла около 3 млн. франков³. Похоже было на то, что создавалось новое большое кладбище для оплаченного за счет народов России вооружения.

Так и остались невывезенными из Франции 28 42-линейных пушек, 5 106 676 патронов к ружьям-пулеметам, 245 автомашин, 75 аэропланов, 743 авиационных мотора и др.⁴

И попадавшие в Россию материалы далеко не полностью доходили до действующей армии по причине транспортной разрухи: только во Владивостоке в августе 1917 г. скопилось 42 млн. пудов залежей военных грузов⁵.

Всего за границей было задержано оплаченных царским и Временным правительствами грузов приблизительно на 600 млн. руб. весом в 600 тыс. *т*, из них около 60 тыс. *т* приходилось на Францию. Кроме того, на значительные суммы (по всем странам, поставлявшим военные материалы, 2400 млн. руб.) оплаченные русские военные заказы не были

---

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 248, л. 123; «Исторический архив», 1955 г., № 3, стр. 177.

² ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 31, л. 89.

³ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6239, лл. 96, 434. Эта сумма была отпущена по решению междуведомственного комитета пограничному снабжению, ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 270, л. 20.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 136, лл. 25—26.

⁵ Там же, ф. 23, оп. 1, д. 600, л. 142.

доставлены даже на склады¹. А возможность выполнить заказы была во второй половине 1917 г. еще более благоприятной, чем в первой. Французская промышленность, вместо оккупированных противником департаментов, небезуспешно развивалась в новых районах юга и центра. 1916 г. был самым тяжелым для французской металлургии, в 1917 г. положение несколько улучшилось². Военное производство возросло.

Пушек и гаубиц за 1917 г. было произведено 2865 против 590 в 1916 г., 155-миллиметровых снарядов за август 1917 г. было выпущено 1050 тыс. против 740 тыс. за тот же месяц 1916 г., а производство 75-миллиметровых снарядов в мае 1917 г. достигло рекордной цифры в 7010 тыс. шт.³

Весьма интенсивно развивались сравнительно новые для Франции автомобильная и авиационная промышленность.

На вооружении в 1917 г. находилось уже 14 450 самолетов против 7550 в предыдущий год, а авиационных моторов — 29 650 в первой половине 1917 г. и 41 тыс. во второй.

Всего во время войны в России было построено 3490 самолетов, 1408 моторов, а во Франции соответственно 52 146 и 92 386⁴.

Своекорыстная позиция союзных западных держав, имевшая определенную политическую подоплеку, привела к тому, что удельный вес заграничных военных поставок оказался небольшим. Империалисты Антанты считали, что русский солдат должен хорошо защищать их интересы и без достаточного количества вооружения. За всю войну 1914—1917 гг. из-за границы было получено 5625 орудий (23,9 % всех поступивших на фронт), а в самой России изготовлено 17 869 (76,1 %). Франция поставила 1675 орудий, Англия — 2706, Япония — 1135, США — 109. Ру-

---

¹ «Исторический архив» № 3, 1955 г., стр. 151, 179. Данные об ущербе, нанесенном России недобросовестным выполнением странами Антанты своих обязательств по выполнению военных заказов, были приведены, в числе контрпретензий к странам Антанты, советской делегацией на международной экономической конференции в Генуе в 1922 г.

² Выплавка чугуна в 1917 г. поднялась до 1408 тыс. т против 1311 тыс. в 1916 г., а производство железа и стали — до 2187 тыс. вместо 2001 тыс. в 1916 г. «Statistique générale de la France. Annuaire Statistique, 1919—1920», Paris 1921, p. 58.

³ Ребуль, Указ. соч., стр. 18, 32, 35.

⁴ Ребуль, Указ. соч., стр. 57, 64—65. Г. И. Шигалин, Указ. соч., стр. 179,

жейных и пулеметных патронов за время войны от русских заводов было получено 4055 млн. шт., из-за границы прибыло 983 млн.¹ Винтовок на иностранном рынке было закуплено 5 млн. и реально получено около 2,5 млн. (в круглых цифрах) из общего количества 17,7 млн., находившегося на вооружении русской армии².

Когда «Биржевые ведомости» робко указали по адресу Антанты, «не могли ли бы союзники путем военных операций несколько облегчить положения России», то возмущенный «Temps», категорически отвергая эту мысль, объявил, будто «русские публицисты с трудом постигают громадность действий, ежедневно выполняемых французской и английской армиями»³. Поиски разведчиков, стычки патрулей, плюс еще бои местного значения с ограниченными целями — то, что представлял собой западный фронт летом и осенью 1917 г., — не давали серьезных оснований для вывода, предложенного французской газетой. В действительности, как сообщил Занкевич, «французское правительство не предусматривает крупных операций на западном фронте до весны 1918 года». Рибо в своем выступлении в парламенте 9 сентября сказал об этом достаточно ясно⁴.

Парижская буржуазная печать нередко шантажировала Россию угрозами территориальных потерь в будущем мире, если во внутреннем положении страны не наступит угодный империалистическому лагерю перелом. «Чем больше вы урежете вашу революцию, тем меньше мы урежем вашу территорию», — так в оценке ЦО большевистской партии выглядели угрозы по адресу «русского союзника»⁵. «Temps» призывала союзников к решительной борьбе с большевистской программой мира⁶. Французские буржуазные газеты помещали статьи и заметки, содержавшие грубые выпады и клеветнические измышления в отношении большевиков.

---

¹ См. А. А. Маниковский, Указ. соч., т. 1, стр. 268, 298.

² См. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. II, стр. 517; И. В. Маевский, Об особенностях перестройки промышленности России в годы первой мировой войны. В кн. «Вопросы истории народного хозяйства СССР», М. 1957 г., стр. 330.

³ «Биржевые ведомости», 27(14) сентября 1917 г.

⁴ АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия при Ставке, д. 43, л. 46.

⁵ «Рабочий путь», 25(12) сентября 1917 г., редакц. заметка «Урежьте вашу революцию».

⁶ См. «Temps», 5 сентября 1917 г.

Биржа во французской столице проявляла растущую уверенность в будущем России ¹.

Западные правительства попробовали усилить позиции эксплуататорской верхушки в России, поставив над Временным правительством «особоуполномоченного комиссара союзных держав». Этот проект был выдвинут еще в августе. Речь шла вновь о прямом вмешательстве во внутренние дела России с целью навязать ее народам угодную империалистам власть — власть, представлявшую уже не русских, а англо-французских империалистов и долженствовавшую защищать их колонизаторские экспансионистские замыслы.

Была подобрана и кандидатура: таким «особоуполномоченным комиссаром» должен был стать знакомый уже читателю французский социалист Альбер Тома. Даже Временное правительство пыталось оказать противодействие. Князь Трубецкой, директор дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем, предупреждал Терещенко, что Тома, если получит это назначение, «будет заниматься не столько содействием, сколько воздействием на наши правительственные органы» ². Терещенко, также понимавший, к каким последствиям для русских буржуазных министров может привести водворение А. Тома в Петрограде, «дал понять» французскому правительству, что русские отрицательно относятся к этой затее ³. После того как о посылке Тома договориться не удалось, парижское правительство вместе с Англией и Италией решило сделать Керенскому «коллективное представление по поводу как военного, так и внутреннего положения» России, рассчитывая новым вмешательством во внутренние дела подтолкнуть Временное правительство на более эффективное осуществление корниловской программы. 9 октября французский, английский и итальянский послы явились к министру-председателю. Бьюкенен от имени всех трех прочел коллективную ноту, где выражалось «опасение в силе сопротивления России и в возможности для нее продолжать войну», а раз так, то Антанта считала себя вправе потребовать (так и было сказано в ноте!) «отчета за материальную помощь, оказанную ими России». Спасти свой упавший престиж Временное прави-

---

¹ В начале октября за 100 руб. давали только 92—93 франка.

² АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 653, л. 8.

³ Там же, ф. Канцелярия МИД, «Война», д. 198, л. 183.

тельство может только решительным переломом на фронте и в тылу ¹. Даже такой, казалось бы, ко всему привыкший защитник интересов русских империалистов, как Керенский, был шокирован столь циничным вмешательством «союзников», а не менее задетый Терещенко признавал, что это выступление «произвело на нас тягостное впечатление как по существу, так и по той форме, в которую это было облечено» ². Керенский пытался убедить послов, будто Россия будет продолжать войну, и выражал надежды на восстановление боеспособности русского фронта. Затем он, по свидетельству очевидца, быстро поднялся, пожал послам руки, «бормоча с недовольным видом: «Россия все же является еще великой державой», и порывисто вышел из кабинета». Керенский и не подозревал, сколь нелепо выглядело в его устах это «все же», сказанное в конце адвокатской речи, и сколь расходилась эта оценка с действительным положением правящей (пока еще) клики в России. Русское правительство хотело скрыть этот «союзный» демарш от общественного мнения. В секретной телеграмме послам во Франции, Англии и Италии Терещенко, выражая недоумение, «какие мотивы могли побудить наших союзников к означенному выступлению и какие реальные результаты от него ожидают», высказал «настоятельную просьбу не оглашать шага союзников иначе, как по предварительному уговору с нами, дабы избежать опасного раздражения нашего общественного мнения». От народов тогда удалось эти документы скрыть. Их опубликовало Советское правительство (еще в том же 1917 г.) ³. Рибо в беседе с Севастопуло ограничился изъяснением «сожаления» не о том, что обращение произошло, а о том, что «оно состоялось в очень неудобную минуту», достаточно определенно заявив в передаче Севастопуло, что «выступление трех послов имело в виду побудить наше правительство к более энергичной внутренней политике» ⁴, т. е. к борьбе с революцией.

Временному правительству нельзя отказать в стремлении продолжать проантантовскую политику.

---

¹ «Сборник секретных документов из архива бывш. министерства иностранных дел», вып. 3, стр. 108. См. также *Дж. Бьюкенен, Мемуары дипломата*, стр. 258—259.

² «Сборник секретных документов из архива бывш. министерства иностранных дел», вып. 3, стр. 116.

³ Там же, стр. 110.

⁴ Там же, стр. 111—112.

По сообщению нового французского посла в России Нуланса, Терещенко ежедневно, каждое утро, советовался с послами Англии, США и Франции. На совещании с ними он сообщал дипломатам новости, «как те, которые он получал с русского фронта, так и внутренние», и по всем вопросам «обменивался взглядами» с представителями западных стран¹.

В то же время недовольные неспособностью русских империалистов приостановить развитие революции и рост антивоенных настроений в России дипломатические представители Франции и других союзных правительств «увеличивали число демаршей», посылавшихся Временному правительству². Не удовлетворяясь дипломатическим нажимом, союзники продолжали ущемлять национальный суверенитет России, явно стремились ликвидировать остатки самостоятельности, еще сохранившиеся в руках русской буржуазии и помогавших ей меньшевистско-эсеровских руководителей. Именно с этой целью Франция, США и Англия заключили между собой сделку о разделении сфер их влияния в России. Соглашение об этом состоялось еще в конце июля на союзной конференции. И здесь действительные агрессивные цели назывались для маскировки «поддержкой». Соединенные Штаты брали на себя «реорганизацию» железных дорог, Англии предоставлялось прибрать к своим рукам военный флот, а Франции — армию³.

Согласно условиям соглашения, французское правительство должно было увеличить число своих военных представителей в России до такого количества, чтобы можно было иметь французских офицеров во всех основных фронтовых частях русских войск.

Этим офицерам поручалось добиться восстановления боеспособности русских войск, а также быть «советниками в технических вопросах». Руководство обновленной и расширенной французской военной миссии в России должно было

---

¹ *J. Noulens, Mon Ambassade en Russie soviétique, 1917—1919, Tome 1, pp. 48—49.*

² *Ibid.*, p. 76.

³ АВПР, ф. Экономический департамент, I д-во, д. 159, л. 37; *Давид Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. V, М. 1938, стр. 75—76.* Это соглашение было вскоре несколько видоизменено: «помощь» Мурманской дороге изымалась из ведения США в пользу Англии, а западным и юго-западным дорогам переходила к Франции. Внесенные по настоянию английских и французских империалистов поправки к сделке отражали борьбу Англии и Франции против угрожавшей их интересам американской экспансии в Россию.

быть помещено в Петрограде, в непосредственной близости от военного министра, откуда глава миссии «мог бы эффективно вести дела в направлении энергичного решительного продолжения борьбы до конечной победы»¹. Терещенко узнал приблизительное содержание соглашения из бесед с послами («в особенности с наиболее откровенным из них американским послом»); официально Временное правительство о нем даже не было извещено².

Министр иностранных дел считал необходимым написать в Париж и Лондон о том, что вопрос о дальнейшей материальной помощи союзников имеет «громадный интерес», а посему он, Терещенко, человек, принадлежавший к миру монополистов, выражал готовность (не ожидая, пока его мнение будет спрошено) «пойти навстречу союзникам, взяв на себя почин предложения им более активного, чем до сих пор, участия в организации нашей промышленности и транспорта»³. Буржуазные политики, еще не лишившиеся министерских портфелей, готовы были распродать все, что можно. С целью начать реализацию соглашения о разделе сфер влияния в Петроград прибыла в сентябре французская военная миссия во главе с генералом Ниселлем, состоявшая из 30 офицеров, с заданием «реорганизовать русскую армию, если это возможно»⁴.

Ниселлю было поручено «сотрудничать с генеральным штабом» русских войск. Перед отъездом в Петроград он посетил Лондон, где «нашел единую точку зрения с британским военным руководством и в особенности с генералом Робертсоном по вопросу о немедленных мерах, необходимых для того, чтобы способствовать восстановлению русских сил»⁵. Миссия, как и предполагалось, водворившаяся в Петрограде, должна была помочь русской буржуазии сохранить власть. Члены миссии прикомандировывались

---

¹ «Les armées françaises dans la grande guerre», T. V, 2-e volume, Annexes, 2-e Volume, Paris 1937, p. 229.

² Только 30 сентября (ст. ст.) Севастопуло смог сообщить Терещенко, со слов политического директора французского МИДа, о существовании такого соглашения.

³ «Известия», 23(10) ноября 1917 г.

⁴ *Noulens*, op. cit., p. 82. Как сообщал из Парижа 23(10) апреля Извольский, уже тогда франц. пр-во намеряло послать специальную военную миссию в Россию; одним из кандидатов на пост главы этой миссии называли Фоша. АВГР, ф. Канцелярия, д. 71, т. I, 1917 г., л. 283.

⁵ «Les armées françaises dans la grande guerre», T. V, 2-e volume, Paris 1936, pp. 1115—1116.

к штабам армий, как это было например, на северном фронте¹.

В то же время прибыла английская миссия для реорганизации флота. Французские империалисты собирались посылать в Россию целые военные подразделения, фактической задачей которых была бы помощь русской буржуазии в борьбе против революции. Такие же намерения были у США.

Однако французские представители в России не верили в «спасительную» роль этих миссий. Жанен записал в своем дневнике, что даже очень многочисленная военная миссия, направленная в русские армии, по его мнению, не может быть «средством предотвращения нынешнего беспорядка» и не в состоянии ликвидировать опасность революции². Столь же пессимистически был настроен Нуланс. Французский посол считал, что союзники должны прекратить посылку вооружения в Россию³.

На протяжении августа, сентября 1917 г. французская буржуазная печать уверяла читателя, что Антанта в дальнейших этапах империалистической войны должна обойтись без России. В первых числах октября посол Франции и США в беседе с государственным секретарем Лансингом, выражая «крайнее беспокойство французского правительства обстановкой, сложившейся в России», предложил созвать в Париже конференцию союзников для обсуждения вопроса о новом совместном вмешательстве во внутренние русские дела⁴. Правительство США отнеслось положительно к этому предложению, назначив полковника Хауза главой американской делегации.

В то же время французские буржуазные газеты требовали отправки японских войск в Россию, не скрывая того, что войска эти нужны не только для помощи западному фронту, но и для «преодоления русского кризиса», т. е. борьбы с революционными силами⁵.

¹ ЦГВИА, ф. 2155, оп. 1, д. 7, л. 14.

² См. *General M. Janin*, Au G. Q. G. Russe, журнал «Le monde slave», mai 1927, Paris 1927, pp. 168—169.

³ См. *Noulens*, op. cit., p. 80.

⁴ «Papers relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers», v. II, Washington 1940, pp. 48—49.

⁵ Об этом прямо заявила японская газета «Осака Майници». См. *Е. И. Попова*, Сговор американского империализма с японским в 1917 году. «Вопросы истории» № 9, 1952 г., стр. 69. В русской буржуазной печати тоже раздавались голоса в пользу ввода японских войск. См., напр., «Живое слово», 1 октября 1917 г.

Дипломатическая активность союзников не ограничивалась переговорами о новых актах вмешательства в «русские дела» и сделками о предполагаемом разделе России. После провала наступления на фронте и краха корниловской авантюры были сделаны серьезные попытки договориться с противником за счет России, заключить сепаратный мир за ее спиной. Правда, слухи о таких переговорах французские правящие круги пробовали опровергать. Указывая на германский план мира на основе больших уступок Англии за счет России, «Temps» лицемерно писала: «Достаточно напомнить об этом плане, чтобы все французы, без различия партий, были охвачены общим чувством негодования»¹. Тем не менее сепаратные переговоры шли. Империалисты обеих враждующих стран все более упорно стремились к сближению между собой для совместного удушения русской революции и грабежа национальных богатств нашей Родины. Представители Временного правительства в свою очередь убеждали взволнованное слухами о переговорах за спиной России население страны в том, будто, получив германские предложения мира за счет дележа русской территории, «доблестные союзники наши в эту трудную пору войны ответили на эти подлые предложения категорическим отказом»; «слухи» же отражали реальные факты, скрываемые правительством.

Еще летом 1917 г. тогдашние руководители Франции склонялись к мысли об измене русским империалистам и мире с противником за счет России. «Не на что больше надеяться. Надо постараться договариваться с Австрией и Турцией», — записал 27 июня Пуанкаре². В июле к этому же выводу пришел Пенлеве, видевший единственный выход из положения в заключении сепаратного мира с Австрией³. Сепаратные переговоры о мире за спиной «русского союзника» и за счет интересов России в августе, сентябре, октябре 1917 г. были важной составной частью заговора международного империализма против народов России.

Генерал Петен откровенно говорил (правда, «в частном разговоре»), что «завладение немцами всем Прибалтийским

---

¹ «Temps», 19 сентября 1917 г., р. 1. Такие же «опровержения» делал в Петрограде Нуланс. См. «Русскую волю», 27(14) сентября 1917 г.

² R. Poincaré, Au service de la France, v. IX, L'année trouble, Paris 1932, р. 177.

³ P. Painlevé, Comment j'ai nommé Foch et Petain, Paris 1924, р. 212.

краем может настолько удовлетворить их, что они могут предложить Франции и Англии настолько выгодный мир, что правительства этих стран... могут быть вынуждены на принятие немецких предложений»¹.

Начиная с августа, новые посредники — офицер второго бюро генерального штаба граф Арманд со стороны Франции и граф Ревертер от Австрии, — встречаясь все в той же Швейцарии, передавали друг другу ноты и письма руководителей обоих государств. Французское правительство не скрывало, что оно опасается скорого выхода России из войны и германских маневров в направлении сепаратного мира с Россией. Союзные дипломаты договаривались о том, что если Временное правительство посмеет согласиться на такой мир, то они немедленно объявят войну России. Распространялись слухи, что в переговорах по этому вопросу принимает участие Япония². В условиях же мира, предложенных Францией противнику, захватнические планы русской буржуазии обходились совершенно. Проводы предлагалось сделать открытыми для всех. Передача Триеста Италии была признана французской стороной обязательным условием сделки. Эльзас-Лотарингия, по французскому проекту, целиком отдавалась Франции. Австрия, однако, не хотела принимать французские условия. Наиболее решительно возражала она против уступки Триеста Италии. Неоднократный обмен нотами не привел к преодолению противоречий между империалистическими правительствами³. Публичное предложение мира Черниным 2 октября (в беседе с председателем венгерского совета министров Вакарле, состоявшейся в Будапеште) не изменило положения. Выступая 12 октября в палате депутатов, Рибо во всеуслышание объявил об отказе Франции вести переговоры без удовлетворения интересов Италии (до Капоретто оставалось еще 12 дней)⁴.

Кроме австро-французских переговоров, имели место и германо-французские. Немцам казалось, что обстановка для «мирной стратегии» более благоприятна, чем когда-либо в предыдущие, а возможно, и последующие месяцы.

¹ ЦГВИА, ф. 2000/с, о. п. 1, д. 946, л. 37. Цитированное мнение Петена было высказано им в беседе с русским генералом Лохвицким.

² *Painlevé*, op. cit., p. 212; АВПР, Секретный архив министра, д. 593, л. 93.

³ *Painlevé*, op. cit., *Prince Sixte de Bourbon*, L'offre de paix séparée de l'Autriche (5 Decembre 1916—12 October 1917), Paris 1920, pp. 284—286, 289.

⁴ *Prince Sixte de Bourbon*, op. cit., pp. 303—306.

Внутреннее положение Германии вследствие антиправительственных выступлений во флоте (август 1917 г.) и роста забастовочного движения серьезно ухудшилось с точки зрения немецких империалистов. Внешнее положение также начало ухудшаться, обещая неблагоприятные перспективы. Несмотря на это, и летом и осенью 1917 г. германская буржуазия продолжала настаивать на обширной захватнической программе. В июле рейхстаг голосами центра свободомыслящих и социал-демократов (214 против 116 при 17 воздержавшихся) принял резолюцию с предложением мира без аннексий, рассчитанную на успокоение народных масс¹. В августе Михаэлис, продолжая идти по пути поисков сепаратной сделки, согласовал с верховным командованием позицию германского империализма в переговорах с Антантой. Требования аннексии Прибалтики и Польши, вассальной зависимости от Германии Украины, захвата Бельгии, Люксембурга и французских железорудных бассейнов Лонгви и Бриэ были признаны необходимыми составными частями германской программы империалистического мира. О тексте резолюции рейхстага уже забыли. Захваты русской территории, выдвинутые на первый план, сочетались с агрессивными планами в отношении Франции.

Объединяемые ненавистью к русскому революционному народу, движимые стремлением задуть русскую революцию, империалисты в то же время не смогли преодолеть внутренние противоречия. Это не могло не сказаться на ходе сепаратных переговоров. Это повлияло и на их неудачный исход, фактически облегчив тем самым победу социалистической революции в нашей стране. Один из этапов германо-французских переговоров связан с посреднической деятельностью барона фон Ланкена. Этот человек, бывший в 1907—1911 гг. советником германского посольства в Париже, во время войны назначенный немецким гражданским комиссаром в Бельгии, еще в апреле получил санкцию Бетман-Гольвега на предварительный зондаж во Франции. В июне он послал в Париж графиню де Мароде к Бриану, которого Ланкен хорошо знал лично, с предложением «почетного мира». Фон Ланкену было дано разрешение вести переговоры на условиях освобождения Бельгии, полного восстановления французской власти над Эльзас-Лотарингией и возмещения военных убытков. Интересы России ни в Берлине ни в Пари-

---

¹ Бюлов Б., Воспоминания, М. — Л. 1935, Соцэкгиз, стр. 505.

же не учитывались. Французское правительство встретило эти предложения недоверчиво. Пенлеве, Рибо, Барту сходились на том, что Вильгельм II уготовил им ловушку, чтобы, получив согласие на соблазнительные предложения, затем скомпрометировать французское правительство публичным оглашением его ответа ¹.

В сентябре фон Ланкен предпринял еще одну попытку договориться о мире с Францией. Внутреннее положение Германии в соединении с ненавистью к русской революции и боязнью ее успехов стимулировало новые попытки. Захватнические аппетиты Антанты, козырявшей участием США в войне на ее стороне, возросли. Новые германские предложения, полученные Брианом, 18 сентября обсуждал совет министров в Париже. Председательствовал новый премьер Пенлеве. Рибо предложил узнать мнение союзников, но лишь Англии и Италии. Россия и здесь совершенно обходилась. Франция хотела сепаратного мира только от Временного правительства, хотя Россия оказала огромную помощь Французской республике в борьбе с ее опаснейшим врагом — германским империализмом. В дополнение к прежним требованиям Франции решено было настаивать на полном отказе Германии от левого берега Рейна. Без удовлетворения также английских и итальянских притязаний французское правительство не соглашалось продолжать переговоры. Петроград держался в неведении, в ответ на выступления газет по поводу слухов о происходивших переговорах Нуланс гневно протестовал, посылая Терещенко «опровержения».

Удовлетворяющего Германию ответа Ланкен не получил, «полууступочки» со стороны германского империализма все еще не удовлетворяли Антанту. В Германии, не соглашаясь на дополнительные уступки, винили в неудаче переговоров Рибо ². Ввиду того что разговоров в парламентских кругах, среди газетчиков, на бирже о каких-то таинственных переговорах было очень много, французское правительство выступило с официальной версией переговоров, объявив в палате депутатов, что полученные предложения представ-

---

¹ Journal de A. Ribot et correspondences inédites, Paris 1936, pp. 204—205.

² A. Ribot, op. cit., pp. 209—218; A. Pingaud, Histoire diplomatique de la France pendant la Grande Guerre, v. III, pp. 190—193; Bethman Hollweg, Betrachtungen zum Weltkriege, Zweite Teil, Berlin 1921, S. 206.

ляли собой германскую ловушку и не носили серьезного характера. Этим должен был быть оправдан отказ правительства продолжать переговоры на основе этих предложений ¹.

Пришлось как-то откликнуться на разговоры о мире и министру иностранных дел Временного правительства. Терещенко, выступая 12 октября на заседании комиссии по иностранным делам предпарламента, выдвинул то объяснение, которое никак не соответствовало действительности, но казалось наиболее приемлемым для терявшего окончательно свой международный престиж Временного правительства. Оказывается, неудача переговоров была неизбежна потому, что Франция (устаи Бриана) будто бы решительно ответила немецкому представителю, «что все сношения должны вестись с общего согласия союзников» ². Так продолжало думать только само Временное правительство. Терещенко не переставал упорно твердить о необходимости «войны до конца». Когда немцы параллельно с миссией Ланкена сделали мирный зондаж в Лондоне через Испанию и Бальфур предложил Германии передать ее мирные предложения для того, чтобы Англия обсудила их «со своими союзниками», то Терещенко, едва только услышав от русского представителя в Испании о посредничестве испанского правительства в момент, когда Англия официально никому из союзников еще ничего не сообщала, послал секретную телеграмму послу в Мадрид с инструкциями: «На случай, если бы австро-германцы действительно попытались обратиться к мирному посредничеству Испании и этот вопрос был затронут с Вами королем или правительством, прошу Вас указать, что решимость России продолжать войну остается непоколебимой и еще раз была ярко подчеркнута на московском государственном совещании» ³. Переговоры через Испанию фактически не состоялись, дело ограничивалось прощупыванием почвы, но преданность Терещенко Антанте успела приобрести лишнее доказательство. В то же время Россию продолжали игнорировать при всех попытках мирных переговоров. Обращение мюнхенского нунция Ватикана Пачелли 30 августа к Михаэлису с предложением, уточнив позицию Германии, форсировать мирные переговоры было сделано по инициативе Англии, одобренной Францией, в полной тайне

¹ См. «Рабочий путь» № 36, 27(14) октября 1917 г.

² «Былое» № XII, 1918 г., стр. 10.

³ «Известия», 16 ноября 1917 г.; АВГР, ф. Канцелярия МИД, д. 3, т. II, 1917 г., л. 541.

от России. Отрицательный ответ канцлера (сделанный под нажимом Людендорфа и Гинденбурга) превратил посредничество Пачелли в мимолетный эпизод, характерный, однако, как новый пример решительного игнорирования Временного правительства¹.

По мере успехов большевистской партии в России и после новых провалов Временного правительства на фронте и в тылу германские империалисты становились уступчивее; в октябре 1917 г. в дипломатических кругах нейтральной Швейцарии стало известно о готовности Германии заключить мир на условиях «присоединения всей Эльзас-Лотарингии к Франции в обмен на известные территориальные компенсации за счет России и, в частности, всей Курляндии»².

Еще более определенно, чем в разговорах дипломатов (во фраках, в мундирах и в рясах), идея объединения сил международного империализма против русской революции была сформулирована во время переговоров о мире за счет России тех людей, которые держали в своих руках решающие экономические позиции воевавших стран и оказывали огромное влияние на политику правительства. В сентябре финансовые воротилы обоих лагерей совещались в Швейцарии; среди присутствующих находились Жак Штерн (Парижский нидерландский банк), Тукман (парижское отделение Ллойд-банка), Фюрстенберг (директор германского Дисконт — Гезельшафт), представители Дейтче-банк и Австрийского банка. Из Лондона в Швейцарию приехал директор Ллойд-банка Бэль. Поверенный в делах России в Берне сообщал в секретной телеграмме Терещенко о работе этого собрания крупных деятелей финансового капитала: «По слухам, в качестве базы соглашения обсуждались: возвращение Эльзас-Лотарингии французам и удовлетворение Италии. Ничего определенного не установлено относительно России, высказаны лишь предположения, что центральные державы могли бы получить некоторые компенсации на Востоке. Германские участники переговоров особенно настаивали на уступке Германии Прибалтийского края и на независимости Финляндии»³.

¹ См. «Вестник НКВД» № 2, 1919 г., стр. 55—56, 67.

² См. донесения поверенного в делах России в Швейцарии Ону из Берна от 26(13) октября 1917 г. АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 593, л. 101.

³ «Известия», 10 ноября 1917 г.

Монополисты, собравшиеся на эту тайную конференцию, видимо, рассчитывали на скорый сепаратный мир *за счет России* и на ликвидацию наметившегося в этом государстве прорыва фронта империализма, они обсуждали вопрос и о будущем России. Германские делегаты настаивали на том, чтобы она была разбита на малые государства, ибо, с их точки зрения, «сохранение единства России равносильно оставлению в экономической сфере держав согласия, что было бы прежде всего выгодно для Америки». Английскую буржуазию «устраивала» германо-американская конкурентная борьба за русский рынок больше, чем «преобладание там одной из двух», лондонские монополисты с интересом встретили предложение немцев. «Можно допустить, — доносил Ону, — что с англо-французской и германской ветвями международной финансовой клики заключено также политическое соглашение в этом смысле»¹. Стремление при помощи мира за счет России облегчить удушение революции в нашей стране, сохранить оковы капитализма во всех странах не вызывает никаких сомнений. Но все планы контрреволюционных сил были иллюзорны: авторы их игнорировали волю народов России, их решимость и способность под руководством большевистской партии завоевать свободу и независимость, получить право самим решать свою судьбу. На пути к выполнению преступных замыслов международных империалистов встала великая социалистическая революция.

Кроме переговоров о мире, проходивших в глубокой тайне, один из эпизодов «мирной стратегии» уже в те месяцы был предан гласности. Он был связан с «миротворчеством» римского папы, обеспокоенного успехами русской революции и искавшего сильное «противоядие». Французская печать объявила предложения папы в действительности пред-

---

¹ АВПр, ф. Секретный архив министра, д. 618, л. 15. Буржуазная печать пыталась, фальсифицируя факты, дезориентировать общественное мнение, указывая, будто сообщения, приписывающие международной конференции финансовых деятелей в Швейцарии «политическое значение», «совершенно не соответствуют действительности» (см. «Русскую волю», 13 августа 1917 г.). Правильная оценка этого совещания была дана только большевистской прессой. Этот съезд, указал «Социал-демократ», «совещался о том, как благополучно для международного капитала закончить войну, как помирить Вильгельма с Георгом английским и с Милюковым—Родзянко, как всего лучше поделить мир и общими силами путем общей провокации и предательства задушить революцию» («Социал-демократ», 3(16) сентября 1917 г.).

ложениями «австро-германскими», которые Бенедикт XV передал государствам Антанты¹. Предложения, содержащиеся в послании римского папы воюющим державам, заключить мир без аннексий и контрибуций на основе сохранения status quo не устраивали Антанту, так как намеченный уход Германии из Бельгии и Франции не разрешал вопроса об Эльзас-Лотарингии². Занятые немцами русские территории возвращать России не собирались. Отрицательный ответ Вильсона на папское предложение выражал также мнение Парижа и Лондона. Президент США настаивал на более серьезном ослаблении германского конкурента. Подобные стремления были и у французского и английского правительств. Даже Терещенко признавал, указывая послам за границей относительно послания папы, что «острие мирного предложения явным образом направлено против России»³.

Еще более ярко выраженный антирусский характер носило предложение мира Антанте, сделанное с трибуны рейхстага вновь назначенным министром иностранных дел фон Кюльманом. Он считал, что территориальные приращения германский империализм должен приобретать исключительно на Востоке. Его взгляды наиболее полно были сформулированы позже, во время брест-литовских переговоров.

Тогда, в сентябре — октябре 1917 г., попытка Кюльмана окончилась неудачей. «Полууступочки» Францию не устраивали и здесь. Вопрос о левом берегу Рейна и о «компенсации за убытки» вновь обходился. К тому же 9 октября в рейхстаге на вопрос, может ли Германия сделать какую-либо уступку Франции в отношении Эльзас-Лотарингии, Кюльман ответил решительно: «Нет, никогда!»⁴ Противоречия между империалистическими кликами опять не были преодолены.

Ради все тех же целей стабилизации русского фронта и предотвращения выхода России из системы империализма правительства Франции, Англии и США вновь пробовали использовать японскую армию. В октябре 1917 г. французское посольство в Вашингтоне передало в государственный департамент заявление о том, что «Британское и французское правительства готовятся совместно обратиться к японскому правительству с просьбой, чтобы Япония послала войска на

¹ «Matin», 17 августа 1917 г., р. 1.

² Там же, р. 3.

³ См. Н. Л. Рубинштейн, Внешняя политика Временного правительства, стр. 44.

⁴ Painlevé, op. cit., р. 252.

восточный фронт». В ноте указывалось на желательность получения согласия США на обращение к японским империалистам. В Петрограде вопросом посылки японских солдат в Россию занялся (по его словам, «на следующий день после падения Риги») Нуланс. Не замедливший с ответом Вильсон предложил, что само американское правительство договорится с Японией. Через дипломатические каналы шли соответствующие переговоры. 1 ноября 1917 г. посол Англии в США Ридинг сообщил государственному секретарю Лансингу о положительном отношении Британского правительства к подобной японской экспедиции. В самой Японии готовились дивизии для оккупации Сибири¹. Ради совместного удара по русской революции западные империалисты пытались отодвинуть на второй план конкурентную борьбу с японским партнером.

Уже тогда в поведении некоторых министров русского правительства обнаружилось настроения (не сопровождавшиеся серьезными практическими действиями) в пользу сепаратного мира с немцами ради более успешной борьбы с революцией. На закрытом заседании правительства 24 октября 1917 г. Терещенко выдвинул тот новый лозунг, который открывал возможность выхода из войны. «Вместо войны до победного конца», заявил министр иностранных дел, Россия может воевать «до боеспособности армии»². А то, что он и его коллеги боялись заключить сепаратный мир, мы знаем с его же собственных слов: в 1918 г., когда, скрываясь под фамилией Титова и под маской дипкурьера, бывший министр бывшего правительства пробирался северным путем через Архангельск к Колчаку, Терещенко, встретившись с Френсисом, рассказал ему, что «примерно 1 августа 1917 г. он получил выгодное предложение мира от Германии». Сообщив о нем только Керенскому, Терещенко согласился с ним в необходимости отвергнуть это предложение³. На заседании предпарламента 16 октября тот же Терещенко опять выступил против сепаратного мира⁴. Один из членов правительства высказался за немедленный отказ России от дальнейшего участия в войне. Это был военный министр Верховский, лучше других знавший положение армии и убежденный

¹ «Papers... Russia», v. II, pp. 1—2; *Noulens*, op. cit., p. 65; «Вопросы истории» № 9, 1952 г., стр. 69, 73.

² «Известия», 25(12) октября 1917 г.

³ *David R. Francis*, op. cit., pp. 291—292.

⁴ ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, д. 550, л. 348.

в том, что при продолжении войны катастрофа для правящих классов (именно их судьба его и волновала) неминуема. На совместном заседании комиссий по обороне и по иностранным делам предпарламента 2 ноября (20 октября) 1917 г. Верховский нарисовал собравшимся картину полного развала армии. Из 10 млн. 200 тыс. личного состава министр продовольствия брался прокормить только 7 млн. Ежедневные военные расходы, по словам военного министра, достигали 65—67 млн. руб. Офицеры потеряли всякую власть над солдатами. «Воевать мы не можем», — резюмировал Верховский¹. Он предлагал самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира, считая, что самая «весть о скором мире не замедлит внести в армию оздоровляющие начала, что даст возможность, опираясь на наиболее целые части, силой подавить анархию на фронте и в тылу»². Верховский не предлагал при этом сепаратного мира, он считал необходимым, сказав союзникам горькую правду о положении в России, наметнув на беспособность страны платить долги, убедить их в том, что дальнейшее продолжение войны приведет неизбежно к краху существовавших в России отношений³. Через корреспондента «Matin» он призывал Францию «не терять доверия к России», заявляя, что Россия больше, чем когда-либо, чувствует себя связанной с союзниками»⁴. Его голос не был поддержан. Министр, оказавшийся немного дальновиднее своих коллег, получил отставку. Публике объявили, что он едет в отпуск. Развал фронта продолжался. Дни старой армии были сочтены, как и дни эксплуататорского режима. Спасти себя сепаратным миром с немцами члены Временного правительства не успели и не сумели. Одновременно с усиленной военной подготовкой против надвигавшейся революции, переброской надежных частей в важные пункты, созданием запаса вооружения русские

---

¹ О полной беспомощности Временного правительства, его неспособности организовать даже небольшие военные операции свидетельствует такой факт: на октябрь была намечена высадка войск на Анатольском побережье с целью занятия Синопа и демонстрации в тылу турецкой армии. Но Ставка не нашла таких воинских частей, на которые можно было бы положиться и использовать их для высадки. Операция была отменена. См. АВПР, ф. Секретный архив министра, д. 657, л. 57; ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 3, д. 127, л. 15.

² «Былое», 1918 г., № XII, стр. 29—33.

³ Там же, стр. 38.

⁴ «Matin», 3 ноября 1917 г., р. 3.

империалисты готовились к новому военному перевороту, названному Лениным «вторым корниловским заговором»¹.

Так зрел заговор против революционной России, приближавшейся к великим событиям.

Тогда, осенью семнадцатого года, лишь небольшая часть той закулисной игры, которую затеяла Антанта вместе с германо-австрийскими империалистами вокруг сепаратного мира за спиной России, выплывала наружу из глубоко засекреченной кухни буржуазной дипломатии. И сейчас еще нам известны, очевидно, далеко не все факты. Тем не менее великая сила предвидения, какой обладал Ленин, зоркость и прозорливость большевистской партии позволили разглядеть ту опасность, которая грозила русской революции от преступного заговора империалистов. Центральный орган партии неоднократно предупреждал трудящихся всего мира о том, что «слишком стремительно растет враждебное отношение империалистической буржуазии к русской революции, чтобы не поддаться соблазну заключения мира за счет революционной России»². В письме питерской городской партийной конференции, написанном 20(7) октября, В. И. Ленин предлагал в резолюции конференции указать, что «...глухие, но упорные слухи о сепаратном мире Англии с Германией «за счет России» не могли возникнуть беспричинно»³. Разоблачением контрреволюционных замыслов международной буржуазии не ограничивался ответ большевиков на готовившийся заговор. Сговор реакции представлял непосредственную опасность успеху революции. Международное положение страны было одним из важных факторов, определявших тактику партии накануне социалистической революции. Ленин предвидел также возможность заговора Керенского с англо-французскими империалистами «об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции *таким путем...*»⁴

Над Балтийским флотом, Прибалтийскими губерниями, над Петроградом нависла серьезнейшая опасность в результате занятия противником острова Эзель и активных действий германского флота. Временное правительство по существу ничего не предпринимало для организации сопротивления.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 203.

² «Рабочий путь», 23(10) сентября 1917 г.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 121.

⁴ Там же, стр. 119.

Бездействовали и союзники: английское адмиралтейство отказалось проявить какую-либо активность в деле ликвидации чрезвычайно опасного положения на Балтике, вблизи русской столицы, ссылаясь на наличие минных полей сколо германских берегов, а также на «плохую погоду»¹. Перевод правительства в Москву готовился весьма усердно, хотя Керенский публично это отрицал. Для служащих канцелярии Временного правительства были найдены уже дома в Москве. Нескучный дворец было решено предоставить дипломатическому корпусу². 30 октября комиссия по обороне предпарламента обсуждала детали плана эвакуации правительственных учреждений из Петрограда.

В письме к большевикам — участникам областного съезда Советов Северной области, посланном 21 октября 1917 г., В. И. Ленин указал, что «мы все прекрасно знаем быстрое нарастание сговора и заговора международных империалистов против русской революции. Задушить ее во что бы то ни стало, задушить ее и военными мерами и миром за счет России — вот к чему подходит международный империализм все ближе»³. Отсюда вождь партии делал вывод — нельзя медлить с восстанием. Это решение Ленина поддержали Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. И. Калинин и другие руководящие деятели партии. Против него выступили предатели Каменев и Зиновьев. Разбитые в Центральном Комитете, они пошли на преступление, разгласив секретное решение ЦК на страницах меньшевистской газеты «Новая жизнь». В Париже «союзная» печать наиболее резко устами «Figaro» объявила, что «высадка германцев для России будет иметь характер счастливого поражения»⁴. На тайном совещании руководителей союзных военных миссий в России, состоявшемся в кабинете главы американского Красного Креста в России полковника Томпсона, раздавались требования ускорить введение диктатуры в России⁵.

Не препятствуя немцам двигаться на Петроград, поддерживая идею нового военного заговора, союзные империалисты угрожали революции еще и отмеченными уже пере-

---

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 119. См. также ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 2, д. 129, лл. 171—172.

² ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 106, лл. 237, 288—290.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 155.

⁴ См. «Новая жизнь», 26(13) октября 1917 г., стр. 2.

⁵ См. М. Сайерс и А. Кан, Тайная война против Советской России, М. 1947, стр. 12—13.

говорами о мире за спиной России, чтобы развязать себе руки для более эффективной борьбы против русского народа, объединившись в этой борьбе с вчерашними противниками, не менее лютыми врагами революции. Но русские коммунисты не медлили.

Уже в конце сентября партия большевиков начала практическую подготовку вооруженного восстания. В. И. Ленин в письме «Большевики должны взять власть», обсуждавшемся 28(15) сентября 1917 г. на заседании ЦК партии, указывал: «Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро. ...Международное положение *именно* теперь, *накануне* сепаратного мира англичан с немцами, *за нас*. Именно теперь предложить мир народам — значит *победить*»¹. Необходимость не медлить с вооруженным восстанием диктовалась всем комплексом факторов внутренней и внешней обстановки, включавших в себя и политику империализма Антанты по отношению к России в последние месяцы пребывания у власти русской буржуазии. Международная реакция готовилась к разгрому революции. Но Коммунистическая партия опередила контрреволюционеров.

На историческом заседании ЦК партии 23(10) октября Ленин предложил приступить непосредственно к технической подготовке восстания.

Резолюция, предложенная Лениным и принятая руководящим органом партии, давала исчерпывающее объяснение сложившегося накануне вооруженного восстания в Петрограде соотношения сил. Решение о вооруженном восстании, как ближайшей практической задаче, было принято после тщательного анализа всех объективных и субъективных особенностей момента. «ЦК признает,— говорилось в резолюции,— что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России),— так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К^о сдать Питер немцам),— так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах,— все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец явное под-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 2—3.

готовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.),— все это ставит на очередь дня вооруженное восстание»¹. Практическая подготовка к нему шла под непосредственным руководством В. И. Ленина.

К октябрю 1917 г. партия превратилась в огромную силу: в ее рядах насчитывалось не менее 400 тыс. чел. Большевики вели за собой миллионную массу трудящихся, авангардом которой был русский рабочий класс. На стороне партии выступало беднейшее крестьянство, вместе с которым за победу революции боролись середняки. Вооруженные солдаты и матросы были готовы к решительной революционной борьбе за свержение эксплуататоров. Шла энергичная подготовка к свержению буржуазии в воинских частях, на фабриках и заводах, на судах боевого флота.

В те исторические дни, когда готовилась победа социалистической революции в нашей стране, а одновременно и осуществлялись тщетные попытки подавить революцию со стороны империалистического лагеря, Временное правительство не думало покидать Мариинский дворец. Его публично прокламируемое решение продолжать воевать на стороне Антанты выливалось в форму внешне весьма активной и шумной деятельности. Правда, активность свелась почти исключительно к заседаниям и словопрениям. Готовились к назначенной на ноябрь союзной конференции, собиравшейся обсудить способы дальнейшего эффективного продолжения войны, а отнюдь не ее окончания.

В то же время меньшевистско-эсеровские руководители, активно участвуя в подготовке к конференции, решили одновременно заработать здесь себе столь не хватавший им политический капитал, думая заставить массы связать с союзным совещанием какие-то надежды на скорый мир. Их газеты начали писать о «новой эре» в международных отношениях, ибо на парижской конференции «союзные демократы» якобы должны будут показать «первый пример подлинного демократизма во внешней политике». Мелкобуржуазные газеты вновь, как по команде, заявили о необходимости пересмотра старых договоров, конечно, «в духе провозглашенных русской революцией принципов». Вспомнили опять о стокгольмской конференции. Хотели попросить в Париже разрешения все же созвать ее. Козыряли участием «представителя демо-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 162.

кратии» в русской делегации на намеченную конференцию. Но и эти явно демагогические планы прислужников буржуазии показались империалистам — и русским и «союзным» — чрезмерными и неуместными. Французское правительство объявило, что не может принять Скобелева (намеченного делегатом от «демократии») в качестве представителя России, что вообще оно возражает против специального представителя совета, ибо «вопросы, подлежащие обсуждению конференции, касаются не условий мира, а выбора наилучших средств для доведения войны до победы».

Вся возня вокруг парижской конференции, вся шумная дискуссия по поводу наказа Скобелеву, содержавшего несколько демагогических фраз о мире без аннексий и контрибуций, были рассчитаны прежде всего на отвлечение масс от революционной борьбы. Реальная власть все больше уходила из рук предателей интересов России. Предпарламент тем временем продолжал свои шумные и длинные заседания.

3 ноября 1917 г. «Times» опубликовала беседу Керенского с американским журналистом, которого глава Временного правительства уверял в том, что Россия не выйдет из войны. В этом же номере газеты было помещено заявление Лансинга, утверждавшего, что «Временное правительство направляет все силы, чтобы добиться победоносно го завершения войны»¹.

В особняках же на набережной Невы, занятых иностранными миссиями, начался переполох. Ночью 3 ноября собрались на экстренное совещание военные представители Франции, Англии и США в Петрограде. Робинс, признавая, что большевики «очень сильны», предложил использовать «последний шанс» для спасения Временного правительства — принудить последнее объявить о передаче земли крестьянам... Кроме того, Нуланс 4 ноября предупредил Керенского о «серьезной опасности» со стороны большевиков и настаивал на подавлении «движения мятежников» верными правительству войсками. Керенский хвастался, будто «несколько дивизий приближается к Петрограду»; однако «по его словам и широким жестам я понял, что ничего еще не организовано», — замечает французский посол². Представители США беспокоились еще больше. «Требуется немедленная

---

¹ «Times», 3 ноября 1917 г.

² *Noulens*, op. cit., p. 116.

поддержка, иначе будет поздно», — телеграфировал в Вашингтон Томпсон ¹. «Настроения в пользу большевиков растут по всей стране», — сообщал Лансингу Френсис. 6 ноября Френсис высказал свои опасения Терещенко, на что получил хвастливые заверения министра иностранных дел, говорившего от имени всего правительства: «Я думаю, что мы можем подавить большевиков этой ночью». Собеседник Терещенко, нисколько не скрывая своих стремлений, заявил: «Если вы в состоянии подавить, то я хотел бы, чтобы это произошло». В тот же день Френсис послал телеграмму американскому правительству, требуя послать войска в Россию ². В то время как агенты западных держав пытались организовать новые контрреволюционные мероприятия, в Петрограде происходили события всемирно-исторического значения.

В 11 часов утра 24 октября в столице начал распространяться свежий номер большевистского «Рабочего пути», призывавшего революционный народ взять власть в свои руки и свергнуть Временное правительство. Смольный был превращен в штаб вооруженного восстания: туда переехал В. И. Ленин. В течение 25 октября отряды Красной Гвардии и революционные части войск занимали важнейшие здания в столице. Трудящиеся массы проявили сплоченность, организацию, дисциплину, полное единодушие в этом «на редкость бескровном и на редкость успешном восстании» ³. Крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции.

На II съезде Советов, открывшемся вечером 25 октября, было образовано Советское правительство во главе с В. И. Лениным.

Французские империалисты не ожидали такой быстрой победы революции. Парижская печать на протяжении сентября—октября тщательно скрывала действительное положение большевистской партии и продолжала упорно дезориентировать читателей. Буржуазные газеты уверяли, будто массы продолжают следовать за Керенским, а в большевистской партии должен произойти раскол и вообще большевики «до-

---

¹ См. *М. Сайерс и А. Кан*, Тайная война против Советской России, стр. 12.

² «Foreign Relations, 1918, Russia», v. 1, p. 221.

³ *В. И. Ленин*, Соч., т. 26, стр. 210.

живают последние дни». Выступления кучки меньшевистско-эсеровских лидеров выдавались за «мнение демократии».

Исключение составляла левая оппозиция в социалистической партии. К осени 1917 г. и члены комитета по восстановлению международных связей, и левые элементы в профсоюзах высказывались все более определенно в поддержку большевиков, их борьбы против международного империализма.

Ряд синдикалистских организаций во Франции принял резолюции протеста против попыток Временного правительства задушить революционное движение, против гнусной кампании по этому поводу буржуазной печати союзных стран.

Буржуазная пресса продолжала фальсифицировать действительность. И если в газетах выражалась в конце октября тревога за положение в России, то лишь в связи с военными неудачами, а не деятельностью большевистской партии. Еще 30 октября «Temps» подчеркивала, освещая обстановку в Петрограде, что после длительных «волнений» в России «наступает успокоение». О таком же «успокоении» писала «Matin». Только 1 ноября «Temps» впервые признала «успехи максималистов», выражая надежду, что предпарламент укрепит положение Временного правительства¹. Не отставала и «L'Humanité». Как раз накануне Октябрьской революции газета поместила серию статей о событиях в России, в которых положение описывалось с позиций Керенского и главное внимание уделялось деятельности предпарламента.

В тот день, когда в Петрограде произошла Великая социалистическая революция, парижская печать была занята приездом добравшегося, наконец, до Франции «посла Российской республики» Маклакова. Портреты «посла» и статьи в честь его прибытия заполняли газеты и 8 ноября. О революции ничего не было сказано, упоминалось лишь про борьбу Керенского с «максималистами». Даже 12 ноября Пуанкаре еще принимал у себя Маклакова, правда, «в частном порядке», а не официально («из-за событий в России»), и разделял надежду русского кадета, что «большевики потерпят поражение»². «Верхи» в Париже глубоко ошибочно оценили положение в нашей стране. На состоявшейся — уже без России — конференции союзников Маклакову,

¹ «Temps», 1 ноября 1917 г.

² См. R. Poincaré, Au service de la France, v. IX, L'année trouble, p. 363.

которого пресса упорно именовала «послом Российской республики», разрешили присутствовать и даже высказать свое мнение. «Французское правительство,— сообщил Маклаков Набокову в Лондон 14(1) ноября,— исходит из предположения о невозможности прочной победы большевиков»¹.

А в Советской России наступили дни триумфального шествия Советской власти. На конференции стран Антанты обсуждались способы эффективного продолжения войны и совершенно фантастические планы установления «действительного контроля над развитием русской внешней политики»², в то время как социалистическое государство уже повело активную борьбу за демократический мир: русская буржуазия перестала быть правящей силой 25 октября 1917 г. Так потерпели полный крах многочисленные попытки французских империалистов, действовавших вместе с империалистами Англии, США и других стран, поддерживать обреченные историей контрреволюционные силы в России.

Исторический II съезд Советов принял написанный В. И. Лениным Декрет о мире, в котором Советская власть выступила с предложением немедленного перемирия с последующими переговорами о мире. Рабоче-крестьянское правительство обращалось не только к правительствам, но и к народам.

Специально обращаясь к сознательным рабочим Англии, Франции, Германии, Советское правительство выражало надежду, «что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации»³.

Решительные мероприятия победившей диктатуры пролетариата: установление рабочего контроля, а затем национализация крупной промышленности, в том числе и принадлежавшей иностранцам; отказ от договоров, заключенных царским и Временным правительствами, а также от долгов, оставшихся от эксплуататорских классов; аннулирование иностранных займов; введение монополии внешней торгов-

---

¹ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 620, л. 434.

² «Известия» № 232, 22 ноября 1917 г., Статья от редакции «Парижская конференция и Россия».

³ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 220.

ли и другие революционные акты молодой Советской республики спасли национальный суверенитет России.

Победа Великого Октября открыла новую эпоху в мировой истории человечества—эпоху социализма и пролетарских революций. «Октябрьская социалистическая революция спасла нашу страну от нависшей над нею экономической и национальной катастрофы, от угрозы расчленения и порабощения ее империалистическими хищниками. Она решила вопрос, который В. И. Ленин называл «вопросом жизни и смерти десятков миллионов людей», провозгласив мир и указав всем народам выход из кровавой империалистической бойни»¹.

* * *

Борьба за выход из первой мировой войны положила начало миролюбивой внешней политике диктатуры пролетариата. Великий ленинский принцип мирного сосуществования с капиталистическими государствами лег в основу внешнеполитической деятельности Советского государства как ее генеральная линия и неуклонно проводился в жизнь. Этот принцип, в частности, лежит в основе политики Советского Союза по отношению к Франции. В интересах обеих сторон развивать деловое сотрудничество в самых различных его формах и выступать единым фронтом против агрессивных сил в Европе и во всем мире.

Исторический опыт новейшего времени, опыт первой и второй мировых войн, свидетельствует о том, что союз с Россией жизненно необходим для французского государства, является важнейшим залогом сохранения французского суверенитета, в особенности в борьбе с германским империализмом, многократно покушавшимся и покушающимся на целостность и независимость Франции. При этом опыт истории свидетельствует еще о том, что дружественные отношения между двумя странами должны базироваться на безусловном невмешательстве во внутренние дела друг друга. Советский Союз, со своей стороны, заинтересован в существовании сильной, независимой Франции, проводящей последовательную миролюбивую политику в отношении всех, без

---

¹ Из постановления ЦК КПСС о подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, «Правда», 17 марта 1957 г.

исключения, европейских государств, являющуюся важным фактором мира в Европе и во всем мире.

Народы двух стран связывают многолетняя традиционная дружба и взаимные симпатии. Прогрессивные силы Франции ни в 1917 г., ни в другое время не поддерживали контрреволюционных антирусских действий международного империализма. Наоборот,— об этом убедительно свидетельствуют многочисленные факты — передовая часть французской общественности выступала против вмешательства извне во внутренние русские дела, высказывалась в поддержку русской революции. «Народы Советского Союза и Франции объединяют традиционные узы дружбы, скрепленные совместной борьбой в двух мировых войнах против общего врага»¹.

---

¹ Из ответа Н. С. Хрущева корреспонденту газеты «L'Humanité», «Правда», 1 января 1957 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда Временное правительство стало у власти, Россия стремительно приближалась к состоянию, напоминавшему полукOLONиальное. Антинародная, антинациональная политика русской буржуазии привела к еще большему подчинению страны империалистам Антанты, создала реальную угрозу полной потери Россией ее государственной независимости. Продолжение войны с каждым днем все более упорно толкало Россию в кабалу Франции, США, Англии. Только большевистская партия выступила с программой ликвидации всякой зависимости страны от иностранного империализма, для чего власть должна была быть вырвана из рук буржуазии и соглашателей. Одна лишь победа социалистической революции в нашей стране могла спасти независимость и национальный суверенитет России.

Временное правительство продолжало вести ненавистную народу войну в угоду империалистам Антанты, оно бросило в бессмысленное наступление солдат, вызвав этим новые тысячи жертв, и оказалось палачом по отношению к русским войскам, не желавшим воевать за чуждые им интересы. Поведение правительства в связи с восстанием русских солдат во Франции являлось также подтверждением этого. В экономической области русская буржуазия увеличила права иностранных империалистов в русском народном хозяйстве, она зазывала к себе иностранный капитал, а к союзникам посылала хлеб, необходимый полуголодным рабочим и солдатам России. В дипломатической области Временное правительство сохранило за собой все обязанности,

возложенные на Россию тайными договорами, заключенными еще правительством Николая II, но потеряло фактически реальные права, записанные в этих же договорах.

История взаимоотношений России с Францией в феврале — октябре 1917 г. свидетельствует о многократных попытках французского правительства вмешаться во внутренние дела своего союзника, которого Антанта считала неравноправным партнером. Французские империалисты требовали наступления на русском фронте, срывая, однако, поставки вооружения. Вместе с англо-американскими империалистами они приняли активное участие в борьбе против большевиков, против революции, поддерживая контрреволюционные силы в России.

«На грязных тайных договорах кровавого царя клялись «союзные» банкиры в верности общему делу захватов и удушения русской революции... Российская буржуазия оказалась связанной с капиталистами Европы и Америки и общими целями и тяжелой золотой цепью, концы которой сходятся в банкирских домах Лондона и Нью-Йорка. Так организовался капиталистический блок против революции»¹.

Французская буржуазия вела борьбу и против своего собственного народа, горячо приветствовавшего — в лице наиболее активной своей части — русский революционный народ, и против трудящихся России. Об этом свидетельствуют факты отношения французского правительства к Февральской революции и отзывам ее во Франции, позиция его в вопросе о военных операциях русских войск, поддержка заговора Корнилова и других контрреволюционных действий русских империалистов. Когда же союзник в лице Временного правительства оказался совсем ненадежным, французские империалисты вместе со своими английскими и американскими коллегами готовились к заключению сепаратного мира за спиной России. Этим путем можно было бы освободить себе руки для борьбы с русской революцией, становившейся все более грозной и опасной, и привлечь к этой борьбе еще и германский империализм. Таким путем можно было бы заодно избавиться от всех обязательств и клятвенных обещаний, не давая русским империалистам после войны ни проливов, ни Константинополя, ни каких-либо других территорий. Правда, для подоб-

---

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, стр. 390.

ного сепаратного мира нужно было преодолеть те противоречия, которые разделили тогдашний империалистический мир на два блока, что западным империалистам сделать не удалось.

Помощь со стороны русской армии всегда имела огромное значение для исторических судеб французского государства. В годы первой мировой войны эта помощь спасла Францию от разгрома со стороны Германии. Однако Россия в русско-французском союзе играла накануне и в особенности во время войны подчиненную роль. Перед войной союз использовался французской буржуазией для извлечения огромных прибылей при помощи финансово-экономической эксплуатации русского народного хозяйства, в ходе самой войны — как средство использования огромных ресурсов России в борьбе с конкурентами, мобилизации русского «пушечного мяса» в интересах прежде всего англо-французского империализма. Французское правительство в 1917 г. очень много получало от союза с царским, а затем и Временным правительством и крайне мало давало своему «русскому союзнику». Миллионы русских солдат, в том числе некоторые из них непосредственно на французском фронте (на наиболее опасных его участках), защищали интересы Антанты.

В России к лету 1917 г. было мобилизовано около 18 млн. чел. Все государства блока Антанты, кроме России, к этому времени поставили под ружье 21 млн. (в том числе 7,4 млн. приходилось на Францию). Следовательно, более 45 % войск было выставлено одной Россией. Общие потери России в первой мировой войне убитыми, ранеными и пленными составили 11 250 тыс. чел., что составляло 61 % к общему числу призванных в армию; Франция потеряла 4 670 535 чел. (56 % призванных), Англия — 2 725 211 (38%), а США — 148 тыс. чел. Русские потери были и абсолютно и относительно больше, чем у других стран блока Антанты: 86 чел. на 1000 жителей против 59 во Франции, 6 в Англии ¹.

Французские империалисты получали вдобавок большие доходы от финансово-экономической эксплуатации русского рынка, а в счет единственной формы помощи России — поставок военных материалов — добивались еще посылки хлеба, вырванного из рук голодавших народов российской

---

¹ «Правда», 27 июля 1924 г. Данные о потерях, приводимые М. В. Фрунзе; журнал «Вестник финансов» № 5—6, 1926 г., стр. 132.

империи. Помощь русских войск сыграла очень большую роль в победе Антанты, политика же французского империализма по отношению к России была наполнена стремлением предотвратить выпадение нашей страны из системы империализма. При этом за руководство в организации борьбы против русской революции шла борьба между Францией, Англией и США, в ходе которой усиливались позиции разбогатевшего на войне американского империализма. Лагерь контрреволюции потерпел, однако, поражение и не смог предотвратить разделение мира на две системы.

Правые лидеры французских социалистов в 1917 г. поддерживали политику своего правительства в «русском вопросе». В то же время приветствия Февральской революции, революционизирующее влияние событий в России на рабочих и солдат Франции, сочувственное отношение к русским войскам на западном фронте со стороны французского народа свидетельствовали об укреплении дружеских связей между народами обеих стран. 1917 год является одной из важнейших вех в истории этой дружбы.

Факты русско-французских взаимоотношений при Временном правительстве служат еще одним дополнительным доказательством великой правоты большевистской партии, мудрой прозорливости ее вождя В. И. Ленина, вовремя разглядевшего ту страшную опасность, которая грозила успеху русской социалистической революции, независимости страны со стороны международного империализма.

История этих взаимоотношений свидетельствует о полной несостоятельности, обреченности попыток иностранных империалистических правительств вмешиваться во внутренние дела России, навязывать ее народам неуютное им правительство. Такого рода вмешательство неизменно кончалось крахом для империалистов. Их многократные попытки помешать победе социалистической революции в нашей стране оказались совершенно безуспешными.

В результате Великого Октября наша Родина, Союз Советских Социалистических Республик, стала могущественным социалистическим государством. Победоносная социалистическая революция раз и навсегда покончила со всеми формами зависимости Советской страны от иностранных государств и стала великим образцом и великим примером для всех народов земного шара.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Ленин В. И.* О задачах оппозиции во Франции.— Соч., т. 22.
- Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма.— Соч., т. 22.
- Ленин В. И.* О сепаратном мире.— Соч., т. 23.
- Ленин В. И.* Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический.— Соч., т. 23.
- Ленин В. И.* Поворот в мировой политике.— Соч., т. 23.
- Ленин В. И.* набросок тезисов 4(17) марта 1917 года.— Соч., т. 23.
- Ленин В. И.* Письма из далека.— Соч., т. 23.
- Ленин В. И.* Революция в России и задачи рабочих всех стран.— Соч., т. 23.
- Ленин В. И.* О задачах РСДРП в русской революции.— Соч., т. 23.
- Ленин В. И.* Прощальное письмо к швейцарским рабочим.— Соч., т. 23.
- Ленин В. И.* О задачах пролетариата в данной революции.— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Как мы доехали.— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* О двоевластии.— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Задачи пролетариата в нашей революции.— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Политические партии в России и задачи пролетариата.— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Война и Временное правительство.— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Банки и министры.— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Петроградская общегородская конференция РСДРП(б).— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Резолюция ЦК РСДРП(б) 20 апреля (3 мая) 1917 года о кризисе в связи с нотой Временного правительства от 18 апреля (1 мая) 1917 г.— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* С иконами против пушек, с фразами против капитала.— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Добросовестное оборончество показывает себя.— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Резолюция Центрального Комитета РСДРП(б), принятая утром 22 апреля (5 мая) 1917 г.— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б).— Соч., т. 24.
- Ленин В. И.* Над кем смеетесь? Над собой смеетесь! — Соч., т. 24.

- Ленин В. И.* I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.—Соч., т. 25.
- Ленин В. И.* Внешняя политика русской революции.— Соч., т. 25.
- Ленин В. И.* О Стокгольмской конференции.— Соч., т. 25.
- Ленин В. И.* По вопросу о Циммервальде.— Соч., т. 25.
- Ленин В. И.* Проект резолюции о современном политическом моменте.— Соч., т. 25.
- Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться.— Соч., т. 25.
- Ленин В. И.* Большевики должны взять власть.— Соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Русская революция и гражданская война.— Соч., т. 26.
- Ленин В. И.* О героях подлога и об ошибках большевиков.— Соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Письмо питерской городской конференции.— Соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области.— Соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Заседание Центрального Комитета РСДРП 10(23) октября 1917 г.— Соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Письмо членам ЦК.— Соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г.— Соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.— Соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Речь на митинге в Политехническом музее 23 августа 1918 г.— Соч., т. 28.
- Ленин В. И.* VII Всероссийский съезд Советов.— Соч., т. 30.
- Ленин В. И.* Группе «Clarte». — Соч., т. 33.
- Ленин В. И.* А. М. Коллонтай. Письмо от 16.III 1917.— Соч., т. 35.
- Ленин В. И.* Я. Ганецкому. Письмо от 30.III 1917.— Соч., т. 35.
- Ленин В. И.* Заграничному Бюро Центрального Комитета. Письмо от 17(30) августа 1917.— Соч., т. 35.
- Ленин В. И.* В. А. Карпинскому. Письмо от 13 сентября 1915 г. — Соч., т. 36.
- Ленин В. И.* Телеграмма Анри Гильбо 6 апреля 1917 г.— Соч., т. 36.
- Ленин В. И.* Тетради по империализму.— М. 1939.
- «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7.—Госполитиздат, М. 1954.
- Постановление ЦК КПСС. О подготовке и проведении 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.— «Правда», 17 марта 1957 г.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- ЦГАОРСС, ф. 3, оп. 1, дд. 7, 18, 315; оп. 2, дд. 23, 107; ф. 6, оп. 2, дд. 123, 126, 135, 391, 547, 550; д. 1, тт. I—III, д. 7, ч. II; дд. 39, 44, 51, 106, 138, 150, 305, 313, 581.
- Ф. 351, оп. 2, ед. хр. 266.
- Ф. 398, оп. 1, д. 37.
- Ф. 406, оп. 2, д. 20.
- Ф. 683/с, оп. 1, д. 24; оп. 2, д. 35; оп. 3, д. 33.
- Ф. 3529, оп. 1, д. 4.
- Ф. 6224, оп. 1, д. 15.
- Ф. 6831, оп. 1, ед. хр. 46, 49, 51, 52, 55, 57, 58.
- ЦГВИА, ф. 369/с, оп. 1, дд. 86, 99, 180, 187, 303, 381, 422, 463, 579; оп. 3, дд. 66, 70; оп. 8, дд. 55, 66; оп. 9, д. 106; оп. 20, д. 9.

- Ф. 415/с, оп. 2, дд. 145, 160; оп. 8, дд. 103, 125.
 Ф. 416/с, оп. 1, дд. 1, 12, 13, 35, 55, 56, 57, 80, 82, 83, 89.
 Ф. 418/с, оп. 1, дд. 8, 59.
 Ф. 2000, оп. 1, дд. 2078, 5393, 6098, 6238, 6239.
 Ф. 2000/с, оп. 1, дд. 148, 946.
 Ф. 2003, оп. 1, дд. 519, 1151, 1165, 1429, 1462; оп. 2, д. 135.
 Ф. 2003/с, оп. 2, д. 165; оп. 4, дд. 1, 2702.
 Ф. 2031, оп. 1, д. 1181.
 Ф. 2048, оп. 1, д. 1235.
 Ф. 2155, оп. 1, д. 7.
- ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 1, дд. 434, 438, 600; оп. 8, дд. 190, 191; оп. 11, дд. 553, 659; оп. 13, дд. 7, 13; оп. 25, д. 293; оп. 26, д. 82;
 оп. 27, дд. 248, 270, 395, 584, 794.
 Ф. 32, оп. 1, дд. 148, 572, 573.
 Ф. 95, оп. 11, д. 172.
 Ф. 560, оп. 26, дд. 865, 1250, 1305, 1356, 1403, 1421, 1917 г.
 Ф. 1276, оп. 13, дд. 51, 258.
 Ф. 1524, оп. 1, дд. 7, 60, 120, 178.
 Ф. 1525, оп. 1, дд. 31, 32, 120, 136, 197, 199, 205, 609, 681, 987.
- ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, дд. 819, 2519, 2696; оп. 3, дд. 123, 126, 127;
 оп. 5, д. 740.
 Ф. 716, оп. 1, дд. 87, 129, 466, 475.
- ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 157.
- АВПР, ф. Канцелярия Министерства иностранных дел, 1916 г., д. 60, тт. I—III; д. 143; 1917 г., д. 3, тт. I—II; дд. 36, 71, т. I—II; д. 141.
 Ф. Канцелярия МИД, «Война», 1917, дд. 198, 205, 210.
 Ф. II Департамент, 1—5, «Война», 1916 г., д. 1606; 1917 г., р. 3, дд. 51, 52, 56; р. 4, д. 1; р. 6, дд. 192, 193, 555.
 Ф. Отдел печати, д. 24.
 Ф. Посольство в Лондоне, дд. 614, 617, 620.
 Ф. Посольство в Париже, дд. 3045, 4022.
 Ф. Экономический департамент, I делопроизводство, 1917 г., дд. 146, 159, 165; II делопроизводство, 1916—1917 гг., дд. 454, 455; III делопроизводство, 1917 г., дд. 9, 11, 25, 29.
 Ф. Дипломатическая канцелярия при Ставке, дд. 43, 46, 65.
 Ф. Ставка, д. 131.
 Ф. Секретный архив министра, дд. 492, 493, 529, 587, 593, 610, 613, 618, 647, 651, 652, 653, 657, 658, 659, 664, 675, 679.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Акты государственного переворота.— «Известия Министерства иностранных дел», 1917, кн. 1—2.
 Буржуазия накануне Февральской революции. — М.—Л., 1927.
 Военные поставки США, Англии и Франции России в 1917 году при Временном правительстве (март — октябрь 1917 г.). — «Исторический архив», 1955, № 3.
 Восстание русских солдат во Франции в 1917 г.— «Красный архив», 1940, т. 2(99).
 Всеподданнейшая записка Н. Покровского Николаю II.— «Вестник НКВД», 1919, № 1.

- Декреты Октябрьской революции. (Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как председателем Совнаркома.) Ч. 1. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания.— М., 1933.
- Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны по секретным материалам б. Министерства иностранных дел. Под ред. и с вступ. статьей Е. А. Адамова.— М., 1922.
- Европейские державы и Турция во время мировой войны. Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова. Т. I—II.— М., 1925—1926.
- Журнал соединенного заседания комиссий по обороне и по иностранным делам.— «Былое», 1918, т. XII.
- Игнатьев А. А.* 50 лет в строю. Кн. 4.— М., 1944.
- Из офицерских писем с фронта в 1917 г.— «Красный архив», 1932, т. 1—2 (50—51).
- Иностранные дипломаты о революции 1917 г.— «Красный архив», 1927, т. 5(24).
- Карев П.* Нас не укротили.— Иваново, 1937.
- Козлов А.* Проданные за снаряды.— Л., 1931.
- Комиссия по иностранным делам. Журнал № 1 заседания 12 октября 1917 г.— «Былое», 1918, т. XII.
- Конференция союзников в Петрограде в 1917 году.— «Красный архив», 1927, т. 1(20).
- Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. II.— М., 1926.
- Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 3. Т. VIII.— М.—Л., 1935. Т. IX, М.—Л., 1937.
- Милюков П. Н.* и *Терещенко М. И.* Переписка с послами Временного правительства.— «Борьба классов», 1931, № 5.
- Мировое хозяйство. Сборник статистических материалов за 1913—1927 гг.— М., 1928. (ЦСУ.)
- Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В. П. Семенникова.— М.—Л., 1927.
- Наступление юго-западного фронта в мае—июне 1916 года. Сборник документов.— М., 1940.
- Октябрь за рубежом. (Сборник воспоминаний.) Предисл. М. Н. Покровского.— М., 1924.
- Павлов М. А.* Воспоминания металлурга. Изд. 2.— М., 1945.
- Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. Т. 2. Стенографический отчет.— М., 1931.
- Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. Стенографический отчет и резолюции.— М., 1918.
- Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро ЦК.— М.—Л., 1925. (Центроархив.)
- Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. Сборник документов и материалов.— Киев, 1955.
- Попов А. Л.* Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией.— «Красный архив», 1927, т. 1(20).
- Продуголь. (К вопросу о финансовом капитале в России.)— «Красный архив», 1926, т. 5(18).
- Протоколы Центрального Комитета РСДРП, август 1917— февраль 1918. Под общ. ред. М. А. Савельева.— М.—Л., 1929.

- Раздел Азиатской Турции по секретным документам б. Министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова.— М., 1924.
- Разложение армии в 1917 г.— М., 1925. (Центроархив. 1917 год в документах и материалах.)
- Русские солдаты во Франции.— М., 1919.
- Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну.— «Красный архив», 1931, т. 1 (XLIV).
- Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству.— М., 1918. (РСФСР, Высший совет народного хозяйства.)
- Сборник секретных документов из архива б. Министерства иностранных дел. Изд. 2, № 3.— М., 1917.
- Сборник секретных документов из архива б. Министерства иностранных дел. Изд. 2, № 5.— М., 1918.
- Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг. За пять лет работы ЦСУ.— М., 1924. (Труды ЦСУ, т. 18).
- Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства № 27, 1918, ст. 353.— Ярославль, 1918. (РСФСР. Законы.)
- Ставка и Министерство иностранных дел.— «Красный архив», 1928, т. 3(28), т. 5(30).
- Стенографический отчет заседаний Экономического совета при Временном правительстве 21, 22, 24, 26, 31 июля; 3, 9, 10 августа 1917 г. № 1—8.—Пг., 1917.
- Февральская революция 1917 года.— «Красный архив», 1927, т. 3(22). Экономические перспективы франко-русского союза после мировой войны.— «Красный архив», 1926, т. 3(16).
- Альдрованди Марескотти*. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914—1919).— М., 1944.
- Архив полковника Хауза. Пер. с англ. Т. III.—М., 1939.
- Берти*. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919.— М.—Л., 1927.
- Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Пер. с англ. Изд. 2.— М., 1925.
- Бюлов Б.* Воспоминания. Пер. с нем.— М.—Л., 1935.
- Гофман*. Война упущенных возможностей.— М.—Л., 1925.
- Кутюрье В.* 17-ый год на французском фронте.— «Красная Нива», 1927, № 49.
- Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Пер. с англ. Т. I—III.—М., 1934—1935. Т. V.— М., 1938.
- Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Т. 1—2. Пер. с 5-го нем. изд.— М.—Л., 1923—1924.
- Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Официальный отчет «Овермэнской комиссии» Сената. Пер. с англ.— М.—Л., 1927.
- Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. Пер. с франц.— М.—Пг., 1923.
- Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. Пер. с франц.— М.—Пг., 1923.
- Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания, 1914—1918. Т. 1—2.— М., 1936.
- Революционное движение во французской армии. Пер. с франц.— М.—Л., 1934.
- Роллан Р.* Из дневников военных лет.— «Октябрь», 1935, кн. 1—4.
- Фош Ф.* Воспоминания. (Война 1914—1918 гг.) Пер. с франц.— М., 1939.
- Чернин О.В.* Дни мировой войны. Мемуары. Пер. с нем.— М.—Пг., 1923.

- Эрцбергер М.* Германия и Антанта. Мемуары. Пер. с нем.— М.—Пг., 1923.
- Anet C.* La révolution russe; A Petrograd et aux armées (mars—mai 1917). Paris, 1917.
- Bethman-Hollweg Th.* Betrachtungen zum Weltkrieg. Tl. 2.—Berlin, 1921. Bote der russischen Revolution. Organ der ausländischen Vertretung des Zentralkom. der Sozial-Dem. Arbeiterpartei Russlands (Bolschewiki), 1917. — Stockholm, 1917.
- Chambrun Ch. de.* Lettres à Marie, Petersbourg — Petrograd 1914—1918.— Paris, 1947.
- Confédération générale du travail. XX-e Congrès national corporatif, tenu à Lyon du 15 à 21 sept. 1919. Compte rendu des travaux, Pt. 2.— Villeneuve— Saint Georges, 1919.
- Congrès national du parti socialiste français, tenu a Strasbourg (févr., 1920).— Paris, 1920.
- Le Congrès socialiste de Bordeaux.— «Demain», Genève, № 18.
- Francis D. R.* Russia from the American Embassy. Apr. 1916—Nov. 1918.— New York 1921.
- Harper F. M.—L.* The runaway Russia.— New York, 1918.
- Janin M.* Au G. Q. G. russe. — «Le monde slave», Paris, 1927, janv.— oct., № 1—10.
- Journal d'Alexandre Ribot et correspondances inédites 1914—1922.— Paris, 1936.
- Knox A. W. F.* With the Russian army, 1914—1917, vol. 2.— London, 1921.
- Malvy L.-J.* Mon crime.— Paris, 1921.
- Mémoires du maréchal Joffre (1910—1917), vol. II.— Paris, 1932.
- Noulens J.* Mon ambassade en Russie soviétique, 1917—1919, v.I.— Paris, 1933.
- Painlevé P.* Comment j'ai nommé Foch et Pétain. — Paris, 1924.
- Papers relating to the foreign relations of the United States. The Lansing Papers. 1914—1920. Vol. II.— Washington, 1940.
- Papers relating to the foreign relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 1—3.— Washington, 1931.
- Poincaré R.* Au service de la France. Neuf années de souvenirs. Vol. IX. L'année trouble, 1917.—Paris, 1932.
- Ribot A.* Lettres à un ami. Souvenirs de ma vie politique.— Paris 1924.
- Rolland R.* Salut à la révolution russe, 1917.— Genève, 1917.
- Russische Korrespondenz «Prawda», Hrsg. von der ausländischen Vertretung des Zentralkomitees der Russischen Sozial-Dem. Arbeiterpartei (Bolschewiki).— Stockholm, 1917.
- Sixte de Bourbon*, prince. L'offre de paix séparée de l'Autriche (5 déc. 1916—12 oct. 1917).— Paris, 1920.
- Statistique des grèves survenues pendant les années 1915—1916—1917—1918.—Paris, 1921 (France. Ministère du travail et de la prévoyence sociale).
- Statistique générale de la France. Annuaire statistique. Vol. 35. 1916 1917. 1918.— Paris 1919. Vol. 49. 1933.— Paris, 1934.

ЛИТЕРАТУРА

- Бакулев Г. Д.* Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна.— М., 1955.
- Бантке С.* Борьба за создание Коммунистической партии Франции. Ч. 1. Циммервальдское движение во Франции в годы мировой войны 1914—1918 гг.— М., 1936.
- Бовыкин В. И.* Русско-французские отношения накануне первой мировой войны (1912—1914). (Рукопись кандидатской диссертации.)— М., 1952. (МГУ.)
- Болдырев Г.* Внешняя торговля России за 1916 г.— «Известия по внешней торговле», 1917, № 21.
- Валентинов Н.* Русские войска во Франции и Салониках. (По документам Ставки Верховного главнокомандующего.) — «Военно-исторический сборник», 1921, вып. 4.
- Воробьев Н. А.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции.— «Вестник статистики», 1923, кн. XIV, № 4—6.
- Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. Под ред. С. Г. Струмилина.— М., 1948.
- Гладков И. А.* Очерки советской экономики 1917—1920 гг.— М., 1956.
- Гусаков А. Д.* Очерки по денежному обращению России накануне и в период Октябрьской революции.— М., 1946.
- Дементьев Г.* Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г.— Пг., 1917.
- Ден В. Э.* Положение России в мировом хозяйстве. Анализ русского экспорта до войны. Статистический очерк.— Пг., 1922.
- Деренковский Г. М.* Восстание русских солдат во Франции в 1917 году.— «Исторические записки», М., 1951, т. 38.
- Дипломатия в годы первой мировой войны.— В кн.: История дипломатии. Т. II.— М., 1945.
- Добротвор Н. М.* Продовольственная политика самодержавия и Временного правительства (1901—1917 гг.).— «Исторический сборник», Горький, 1939. (Труды Горьковского гос. пед. ин-та.)
- Емец В. А.* Русско-французские отношения по военным вопросам в период первой мировой войны (1914 — февраль 1917). (Рукопись кандидатской диссертации.) — М., 1954. (МГУ.)
- Займы воюющих держав.— «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 6.
- Зайончковский А. М.* Кампания 1917 года.— М., 1923. (Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. VII.)
- Зайончковский А. М.* Мировая война 1914—1918. Изд. 2, перераб. и доп.— М., 1931.
- Зив В. С.* Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности.— Пг., 1917.
- «Известия Центрального военно-промышленного комитета», 1917 г., № 223.
- История гражданской войны в СССР, тт. 1—2, М., 1943.
- Калинин М. И.* О войне.— «Солдатская правда», 11 мая (28 апреля) 1917 г.
- Лозинский З.* Экономическая политика Временного правительства.— Л., 1929.

- Ломакин А.* Внешняя торговля России за 1916 год.— «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 10.
- Любимов Н. Н.* Баланс взаимных требований Союза ССР и держав Согласия.— М.—Л., 1924.
- Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. II. Капитализм. Изд. 4.— М., 1956.
- Маевский И. В.* Об особенностях перестройки промышленности России в годы первой мировой войны.— В кн.: Вопросы народного хозяйства СССР. М., 1957.
- Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 2, т. II.— М., 1930.
- Миц И. И.* Английская интервенция и северная контрреволюция.— М., 1931.
- Мировая война в цифрах.— М.—Л., 1934.
- Мымрин Г., Потылицын А. и Кузнецов Г.* В борьбе за Советский Север. Разгром англо-американских и французских интервентов и белогвардейцев в 1918—1920 гг.— Архангельск, 1950.
- На фронте в предоктябрьские дни.— «Красная летопись», 1923, № 6.
- Обзор финансовой и экономической жизни. Общее положение фабрично-заводской промышленности.— «Горнозаводское дело», 1917, № 36—37.
- Оль П. В.* Иностранные капиталы в России.— Пг., 1922.
- Очерки истории СССР. 1907 — март 1917. Под ред. А. Л. Сидорова.— М., 1954.
- Погребинский А. П.* Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.).— М., 1954.
- Покровский С. А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России.— М., 1947.
- Попова Е. И.* Сговор американского империализма с японским в 1917 году.— «Вопросы истории», 1952, № 9.
- Роше Ж.* На боевом посту.— «Коммунистический интернационал», 1936, № 3.
- Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Временного правительства.— М., 1946.
- Сандомирский Г. и Паскаль П.* Французская социалистическая партия.— М.—Л., 1928.
- Сидоров А. Л.* Значение Великой Октябрьской социалистической революции в экономических судьбах нашей родины.— «Исторические записки», 1948, т. 25.
- Сидоров А. Л.* Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914—1917 гг.— «Исторические записки», 1945, т. 15.
- Сталин И. В.* Вчера и сегодня. (Кризис революции.) — Соч., т. 3.
- Сталин И. В.* Выступления на VI съезде РСДРП (большевиков).— Соч., т. 3.
- Сталин И. В.* Еще о Стокгольме.— Соч., т. 3.
- Сталин И. В.* Союз желтых.— Соч., т. 3.
- Сталин И. В.* Иностранцы и заговор Корнилова.— Соч., т. 3.
- Статистический сборник ЦСУ за 1913—1917 гг. Вып. 2.— М. 1922. (Труды ЦСУ, т. 7.)
- Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.— «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. 1 и 2, М., 1926.
- Финансы СССР за XXX лет. 1917—1947.— М., 1947.

- Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX—XX веках. 1800—1917.— М., 1950.
- Чубаков И. И.* Внутренние и заграничные кредитные операции России в период империалистической войны.— «Вестник финансов», 1926, № 5—6.
- Швецов А. П.* Аннулирование Советской властью займов царского и Временного правительств России.— «Ученые записки Саратовской областной партийной школы», Саратов, 1948, вып. 1.
- Шигалин Г. И.* Военная экономика в первую мировую войну (1914—1918 гг.).— М., 1956.
- Шнейерсон А. И.* Финансовый капитал во Франции.— М., 1937.
- Эвентов Л. Я.* Иностранные капиталы в русской промышленности.— М.—Л., 1931.
- Эренбурге И.* Лик войны. (Во Франции.)— София, 1920.
- Яковлев А. Ф.* Экономические кризисы в России.— М., 1955.
- Барбюс А.* Огонь.— М., 1956.
- Барбюс А.* Речи борца. Изд. 2.— М., 1925.
- Жеррам Г.* Революционная ассоциация бывших участников и жертв войны Франции (АРАК). Предисл. Вайан-Кутюрье.— М.—Л., 1932.
- Клаус Р.* Война и народное хозяйство России (1914—1917 гг.). Пер. с нем.— М.—Л., 1926.
- Краль В.* О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. Пер. с чешск.— М., 1955.
- Кучинский Ю.* История условий труда во Франции с 1700 по 1948 г. Пер. с нем.— М., 1950.
- Ребуль.* Военные производства во Франции в 1914—1918 гг. Пер. с франц.— М.—Л., 1926.
- Роллан Р.* На защиту нового мира. Сборник боевых статей. Пер. с франц.— Л., 1932.
- Роллан Р.* Над схваткой предтечи. Пер. с франц.— Собр. соч., т. XVIII, Л., 1935.
- Сейерс М. и Кан А.* Тайная война против Советской России. Пер. с англ.— М., 1947.
- Фревилль Ж.* Рождение Французской коммунистической партии. Съезд в Туре. Пер. с франц.— М., 1951.
- Allard P.* Les dessous de la guerre. Révélés par les comités secrets.— Paris, 1932.
- Les armées françaises dans la grande guerre.* Т. V, vol. I, annexes, vol. I.— Paris, 1932; t. V, vol. 2.— Paris, 1936; t. V, vol. 2, annexes, vol. 1 et vol. 2.— Paris, 1937.
- Beneš E.,* Les tentatives de «Paix blanche» de 1917.— «Le monde slave» 1927, № 9.
- Berger M. et Allard P.* Les secrets de la censure pendant la guerre.— Paris, 1932.
- Duclos J. et Fréville J.* Henri Barbusse.— Paris, 1946.
- Hard W.* Raymond Robins' own story.— New York — London, 1920.
- Michon G.* L'alliance franco-russe 1891—1917.— Paris, 1927.
- Pingaud A.* Histoire diplomatique de la France pendant la grande guerre, t. II—III.— Paris, 1938.
- Schuman F. L.* American policy toward Russia since 1917.— New York, 1928.
- Tardieu A.* La France et les Alliances. La lutte pour l'équilibre.— Paris, 1909.

Ungern-Sternberg. Grundzüge der französischen Volkswirtschaft, 1913—1927.—Frankenstein in Schlesien, 1927.
Williams W. A. American-Russian Relations 1781—1947.— N. Y.— Toronto, 1952.

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРЕССА ЗА 1917 год

«Правда»,	«Рабочая газета»,
«Беднота»,	«Речь»,
«Биржевые ведомости»,	«Русская воля»,
«Вестник Временного правитель- ства» (март — октябрь),	«Русское слово»,
«Вечернее время»,	«Свободная жизнь»,
«Власть народа»,	«Солдатская правда»,
«Голос солдата»,	«Социал-демократ»,
«Деревенская правда»,	«Торгово-промышленная газета»,
«Живое слово»,	«Утро России»,
«Известия»,	«La bataille»,
«Новая жизнь»,	«Humanité»,
«Новая эпоха» (Париж),	«Journal du peuple»,
«Новое время»,	«Matin»,
«Коммерсант»,	«New York Times»,
«Общее дело»,	«La Sentinelle»,
«Правительственный вестник» (январь — февраль),	«Temps»,
	«Times».

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (до февраля 1917 г.)	14
ГЛАВА II. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ФРАНЦИЯ	
§ 1. Контрреволюционная позиция французского правительства по отношению к русскому народу в дни Февральской революции	56
§ 2. Русско-французские отношения по вопросу о войне в марте — апреле 1917 г.	65
§ 3. Поддержка французским империализмом антиреволюционных мероприятий Временного правительства	80
§ 4. Влияние Февральской революции на революционную борьбу французского народа	85
§ 5. Отношение французских социалистов к русской революции	108
ГЛАВА III. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ФРАНЦИИ В МАЕ — ИЮЛЕ 1917 г.	
§ 1. Проблемы войны и революции	125
§ 2. Вопросы военных действий против Германии и ее союзников	165
ГЛАВА IV. ОТНОШЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ЗАГОВОРУ КОРНИЛОВА	210
ГЛАВА V. ВОССТАНИЕ РУССКИХ ВОЙСК ВО ФРАНЦИИ В 1917 г.	232
ГЛАВА VI. РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ	
§ 1. Усиление финансово-экономической зависимости России от Франции при Временном правительстве	258
§ 2. Хлебные поставки во Францию	279
ГЛАВА VII. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ФРАНЦИЕЙ В ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (сентябрь — октябрь 1917 г.)	308
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	341
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	345

Иоффе Александр Евсеевич
РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1917 г.
(февраль — октябрь)

Редактор *И. Динерштейн*

Художник *Н. Пешков*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *Н. Троянская*

Ответственные корректоры *А. Левина и Л. Маслова*

Сдано в набор 4 сентября 1957 г. Подписано в печать 3 марта 1958 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 11¹/₈. Условн. печ. л. 18,2.
Учетно-изд. л. 19,69. Тираж 5 тыс. экз. А01241. Заказ № 0009.
Цена 9 руб.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Отпечатано с готового набора в типографии Госэнергоиздата.
Москва, Шлюзовая наб., д. 10. Зак. 1179.